ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

«Черный орден»

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

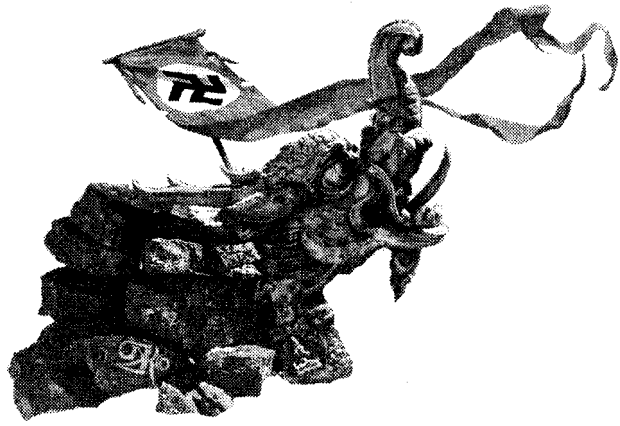
Черный орден

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

Черный орден



«ДОМИНО»
Санкт-Петербург
ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)
Р 67

James Rollins
BLACK ORDER
Copyright © 2006 by Jim Czaikowski

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Сергея Шикина*

Оригинал-макет подготовлен Издательским домом «Домино»

Роллинс Дж.
Р 67 Черный орден / Джеймс Роллинс ; [пер. с англ. И. Чаромской]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2013. — 480 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-27395-9

От скованных льдом вершин Гималаев до узких улиц Копенгагена, от подземных лабораторий минувшего века до великолепных залов Смитсоновского института — повсюду разбросаны подсказки к разгадке великой тайны — тайны происхождения жизни, зашифрованной в древних рунах. А начинается все в затерянном в Тибете буддийском монастыре, где люди начинают гибнуть от непонятной болезни. В монастырь вылетает вертолет с врачами, и одновременно туда движется некий загадочный человек, которому отдан *приказ уничтожить всех!*

Новый супербестселлер, новые захватывающие приключения от автора «Пирамиды», «Амазонии» и «Песчаного дьявола».

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)

ISBN 978-5-699-27395-9

© Перевод с английского. И. Чаромская, 2008
© Оформление. ООО «ИД «Домино», 2008
© Издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Дэвиду, с благодарностью
за все наши приключения

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В последние месяцы войны и сразу после падения Германии между странами антифашистской коалиции развязалась новая война, на этот раз за научные открытия и технологии нацистских ученых. В безудержной гонке между британцами, американцами, французами и русскими были захвачены патенты на вакуумные трубки, новые химикаты, пластические массы и даже на способ пастеризации молока с помощью ультрафиолетового излучения. И все же многие наиболее ценные открытия и разработки — такие как, например, «Фау-2» — бесследно исчезли в недрах засекреченных проектов, для работы над которыми в Соединенные Штаты Америки были тайно переправлены сотни специалистов по ракетной технике.

Однако и гитлеровцы не собирались так просто расставаться со своими технологиями. В надежде на возрождение рейха они делали все, чтобы сохранить их в тайне: уничтожали специалистов, взрывали лаборатории, а чертежи прятали в пещерах, топили в озерах и замуровывали в тайниках, лишь бы не отдавать победителям.

На территории Германии, Австрии, Чехословакии и Польши находились сотни секретных нацистских исследовательских лабораторий, зачастую подземных, по созданию нового оружия. Один из самых таинственных научных центров находился в переоборудованном горном руднике неподалеку от небольшого города Бреслау. Здесь велись работы под кодовым названием «Die Glocke» — «Колокол». От жителей близлежа-

щих деревень поступали зловещие сообщения о странных огнях, таинственных болезнях и необъяснимых смертях.

Русские войска взяли Бреслау, первыми достигли рудника и обнаружили, что нацистские лаборатории пусты, а шестьдесят два человека, работавших над проектом, убиты. Что касается самого загадочного устройства, то оно исчезло без следа.

Наверняка известно только одно: Колокол существовал в действительности.

НАУЧНАЯ СПРАВКА

Жизнь богаче и удивительнее любого вымысла. Все дискуссии о квантовой механике, разумном творении и эволюции, приведенные в книге, основаны на фактах.

Общеизвестно, что эволюция является становым хребтом биологии. Таким образом, биология занимает особое положение как наука, опирающаяся на недоказанную теорию. Так что же она тогда — наука или верование?

Чарлз Дарвин

Наука без религии убога, религия без науки слепа.

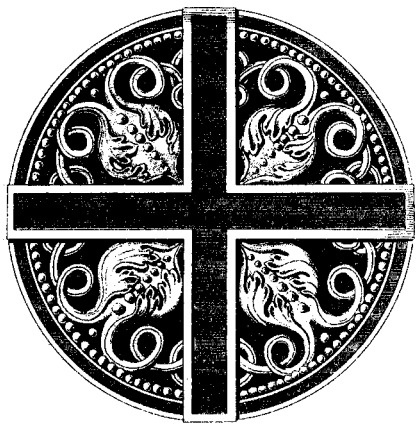
Альберт Эйнштейн

Кто сказал, что я не облечен особым Господним покровительством?

Адольф Гитлер

ПРОЛОГ

1945



4 мая 1945 года, 6 часов 22 минуты
Город-крепость Бреслау, Польша

По промозглому канализационному коллектору в потоке сточных вод плыл труп. На распухшем и обглоданном крысами теле не осталось ни ботинок, ни брюк, ни рубашки — в осажденном городе ничего не пропадало зря.

Обергруппенфюрер СС Якоб Спорренберг оттолкнул мертвеца, и по зловонной жиже пошли круги. Падаль и экскременты. Кровь и желчь. От смрада не спасал даже влажный шарф, повязанный вокруг носа и рта. Вот чем закончилась великая война: вчерашние хозяева жизни вынуждены спасаться бегством по смердящей городской клоаке!.. Но приказ есть приказ.

Сверху раскатисто грохотало: русская артиллерия подвергала город усиленному обстрелу. Каждый взрыв оглушал, как удар под дых. Русские прорвали линию обороны, разбомбили аэропорт и теперь дробили уличную брусчатку гусеницами танков, а на Кайзерштрассе приземлялись тяжелые транспортные самолеты. Главная водная артерия города стала местом высадки десанта. Ряды бочек с горящей соляркой коптили и без того дымное предрассветное небо и затмевали зани-

мавшуюся зарю. Улицы превратились в огневые рубежи, в домах — от чердака до подвала — кипел бой.

«Каждый дом — крепость».

Таков был последний приказ гауляйтера Ханке населению города. Бреслау должен стоять до конца. От него зависит будущее Третьего рейха... От Бреслау и от Якоба Спорренберга.

— Mach schnell!* — отрывисто поторопил Якоб вереницу людей.

Солдаты из Sicherheitsdienst, специального десантно-диверсионного отряда, отвечавшего за эвакуацию, по колено в зловонной воде шлепали за командиром. Четырнадцать вооруженных до зубов молодчиков в черной форме, с тяжелыми тюками за спиной. В середине шеренги четверо самых дюжих мужчин, бывшие докеры с Nordsee**, несли на плечах громоздкие ящики, закрепленные на шестах.

Русские не случайно нанесли массированный удар по городу в глубине Судетских гор, между Германией и Польшей. Фортификационные сооружения Бреслау преграждали доступ к высокогорному району. Здесь за последние два года подневольные рабочие из концентрационного лагеря Гросс-Розен проложили сотни километров туннелей. Их дробили взрывчаткой и рыли руками, а все для того, чтобы скрыть от государств — членов антифашистской коалиции один-единственный строго засекреченный проект.

«Die Riese» — «Гигант».

Между тем по округе поползли зловещие слухи. Быть может, один из жителей деревни у Венцеласского рудника проговорился соседям о внезапной загадочной хвори, поразившей даже тех, кто жил вдали от секретного объекта.

Вот если бы ученым хватило времени на то, чтобы закончить эксперимент...

---

* Прибавить шагу! *(нем.)*

** Северное море *(нем.)*.

У Якоба Спорренберга не лежала душа к порученной миссии. Пусть ему не известны все детали секретного проекта под кодовым названием «Хронос», но он видел трупы подопытных людей и слышал душераздирающие крики. Леденящие кровь воспоминания вызывали отвращение. Одним словом, мерзость.

Якоб без колебаний казнил ученых. Каждого из шестидесяти двух мужчин и женщин вывели из шахты и методично прикончили двумя выстрелами в голову. Никто не должен узнать о том, что творилось в глубинах Венцеласского рудника и какие открытия там совершали. Лишь одному исследователю была дарована жизнь.

Доктору Толе Хиршфельд.

Эту женщину, со связанными за спиной руками, почти силой тащил один из солдат. Очень высокая, лет тридцати, с небольшой грудью, гибкой талией и стройными ногами. Прямые черные волосы подчеркивали молочный цвет кожи, побледневшей из-за долгих месяцев пребывания в подземелье. Если бы не отец, Толу расстреляли бы вместе со всеми. Нечистая кровь Oberarbeitsleiter, руководителя проекта Гуго Хиршфельда, в конце концов дала о себе знать. Недаром он был наполовину еврей.

Гуго хотел уничтожить папки с лабораторными записями, но был ранен одним из охранников. А отчаянная попытка подорвать бункер зажигательной бомбой закончилась для Хиршфельда смертью. На счастье Толы, для продолжения исследований нужен был человек, посвященный в детали проекта «Die Glocke».

Тола не только унаследовала талант отца, но и полностью владела информацией по секретному эксперименту. Правда, без уговоров не обошлось.

Всякий раз, когда Якоб смотрел на Толу, та в ответ обжигала его взглядом, полным ненависти, словно жаром из откры-

той печи. И все же ей, как и отцу, придется сотрудничать с нацистами. Якоб умел обращаться с Juden*, особенно с полукровками. Mischlinge, полукровки, хуже всех. В войсках рейха насчитывалось несколько сотен тысяч солдат-евреев. Иногда нацистский закон разрешал людям со смешанной кровью в обмен на жизнь служить в армии. Для этого требовалось специальное дозволение. Mischlinge так стремились доказать, что преданность рейху превыше родовых корней, что зачастую становились самыми безжалостными солдатами.

А Якоб им все-таки не верил. Отец Толы лишний раз подтвердил справедливость его подозрений. Попытка саботажа, совершенная Гуго Хиршфельдом, не удивила Якоба: Juden нельзя доверять — их нужно истреблять.

Однако охранные документы Гуго Хиршфельда подписал сам Гитлер, даровав привилегии не только отцу с дочерью, но и престарелым родителям ученого, которые жили в германской глубинке. Пусть Якоб презирал Mischlinge, зато он всем сердцем был предан фюреру. Полученный Спорренбергом секретный приказ предписывал эвакуировать из шахты необходимые для продолжения работ ресурсы, а все остальное уничтожить.

Значит, он обязан сохранить жизнь Толы Хиршфельд.

И ребенка.

Новорожденного еврейского мальчика запеленали и увязали в тюк. Младенцу дали легкое успокоительное, чтобы молчал во время отступления.

Именно в присутствии этого ребенка таился источник отвращения обергруппенфюрера. Все надежды Третьего рейха в одночасье оказались в крошечных ручонках еврейского младенца. При одной мысли об этом Якоба душила желчь. Поднять бы мальца на штык, и дело с концом. Однако приказ есть приказ.

---

* Евреи *(нем.)*.

Якоб видел, как смотрела на дитя Тола. В ее взгляде горячая любовь мешалась со скорбью. Женщина согласилась сотрудничать с нацистами только ради спасения малыша. Лишь угроза его жизни заставила ее смириться с условиями Якоба.

Мощный залп минометного огня, заглушив остальные звуки мира, швырнул беглецов на колени. Бетонный свод над головой треснул, в зловонную воду посыпалась пыль.

Чертыхнувшись, Якоб поднялся. К нему подошел его заместитель, Оскар Хенрикс, и указал на боковое ответвление коллектора.

— Свернем в тот туннель, обергруппенфюрер? Это часть ливневой канализации. Судя по карте, главный дождевой водосток выходит в реку неподалеку от Соборного острова.

Якоб удовлетворенно кивнул: две замаскированные канонерские лодки, укомплектованные экипажами из диверсионного отряда, ждали их в укрытии рядом с островом.

Процессия двигалась под аккомпанемент нарастающей канонады русских орудий. Артподготовка возобновилась с удвоенной силой, предвещающей близкий штурм. Падение города-крепости неотвратимо приближалось.

Дойдя до бокового туннеля, Якоб выбрался из отвратительной жижи на бетонный бортик перепускного канала. Ботинки чавкали при каждом шаге, смрад илистого осадка стал еще омерзительнее, словно клоака решила доконать людей.

Якоб посветил фонариком в ответвление водостока и, воспрянув духом, шагнул за лучом. Спасение близко, миссия почти выполнена. Не успеют русские добраться до крысиных лабиринтов Венцеласского рудника, как отряд будет уже на полпути к Силезии. Обергруппенфюрер подготовил врагам теплый прием: установил в лабораторных коридорах мины-ловушки. Русские и их союзники не найдут в горах ничего, кроме смерти.

Теша себя этой злорадной мыслью, Якоб поспешил навстречу дуновению свежего воздуха. Цель близка.

Словно почувствовав напряженность момента, ребенок жалобно заплакал. Действие снотворного закончилось. Якоб предупредил медика, чтобы тот не перестарался с лекарством: не хватило духу подвергать риску жизнь ребенка. Может быть, и зря...

Малыш заплакал громче. На севере прогремел сильный взрыв, и детский плач перешел в крик. Громкое эхо разносилось по каменной глотке туннеля.

— Уйми ребенка! — приказал Якоб солдату, тащившему малыша.

Мертвенно-бледный, тощий как палка солдат неловко сдернул с плеча сверток, уронив при этом черный берет, и попробовал ослабить пеленки. Однако крики стали еще громче.

— Позвольте мне! — взмолилась Тола, вырываясь из рук солдата, державшего ее за локоть.— Ребенку нужна я.

Солдат с младенцем глянул на Якоба. Мир наверху погрузился в тишину, а в туннеле не смолкал пронзительный детский плач. Обергруппенфюрер досадливо кивнул.

Веревки на запястьях Толы разрезали. Размяв затекшие пальцы, чтобы восстановить кровообращение, она протянула руки к ребенку, и солдат с облегчением избавился от ноши. Тола приняла дитя на согнутую руку, поддерживая его головку и любовно покачивая. Извечные баюкающие звуки без слов, полные любви и покоя, сплелись с детским голоском. Казалось, женщина с ребенком стали единым целым, и плач мало-помалу превратился в еле слышный писк.

Якоб удовлетворенно кивнул охраннику. Тот ткнул стволом «люгера» в спину Толы, и в наступившей тишине отряд продолжил путь по подземному лабиринту Бреслау.

Вскоре запах дыма взял верх над смрадом канализации. Луч электрического фонаря осветил дымовую завесу у выхода из ливневого коллектора. Артиллерийские орудия умолкли, но непрерывные автоматные очереди не затихали, в особенности на востоке. Где-то совсем близко плескались волны реки.

Якоб знаком велел солдатам подождать в туннеле, а радиста поманил к выходу:

— Подай сигнал катерам.

Деловито кивнув, тот бегом скрылся в дымной мгле. Очень скоро вспышки света унесли шифрованное сообщение на соседний остров. Катерам нужно всего несколько минут, чтобы пересечь канал и подойти к берегу.

Якоб обернулся к Толе. Женщина мирно баюкала ребенка. Малыш успокоился и закрыл глазки.

Тола смело встретила взгляд Якоба.

— Вы знаете, что отец был прав. Я вижу это по вашему лицу,— со спокойной уверенностью произнесла она и посмотрела на тяжелые ящики.— Наши исследования... зашли слишком далеко.

— Решения принимаем не мы,— ответил Якоб.

— Если не мы, то кто же?

Обергруппенфюрер покачал головой. Рейхсфюрер Генрих Гиммлер лично отдавал приказ Якобу. Подчиненные не задают вопросов высокому начальству.

— Мы преступили законы Бога и природы,— прошептала женщина.

Подоспевший связист избавил Якоба от необходимости отвечать.

— Катера на подходе,— доложил солдат.

Якоб отрывисто отдал последние команды, построил отряд и повел его к выходу из туннеля на крутой берег Одры. На востоке забрезжил рассвет, но густая, непроницаемая пелена черного дыма по-прежнему висела низко над водой, резко очертив контур реки. Дым послужит беглецам хорошим прикрытием.

Надолго ли его хватит?

Вырвавшись из смрада канализации, Якоб сорвал с лица влажный шарф и, глубоко вдохнув живительный воздух, окинул взглядом свинцовую воду. Два двадцатифутовых катера,

мерно урча моторами, разрезали речную гладь. У каждого из них на носу, едва прикрытые зелеными полотнищами просмоленной парусины, торчали пулеметы MG-42.

Позади катеров смутно угадывалась темная масса Соборного острова. На самом деле он давно перестал быть островом. Еще в девятнадцатом веке многолетние наслоения речного ила соединили одну его оконечность с городом. К другому берегу протянулся изумрудно-зеленый чугунный мост, такой же старинный.

Взгляд Якоба привлекло сияние шпилей одного из полудюжины храмов. Узкий луч солнца осветил высокие парные башни кафедрального собора, давшего название бывшему острову.

В ушах эхом звучали слова Толы Хиршфельд: «Мы преступили законы Бога и природы». Утренний холодок заполз под промокшую одежду, и продрогший обергруппенфюрер поежился. Скорей бы убраться отсюда подальше, забыть все ужасы последних дней!

Первый катер достиг берега. Якоб, довольный, что его отвлекли от мрачных мыслей, а еще больше тем, что нужно действовать, приказал солдатам грузиться на борт.

Тола с ребенком на руках стояла в стороне, рядом дежурил охранник. Взгляд женщины тоже приковали к себе сияющие шпили в закопченных небесах. Беспрерывная канонада и рев подползающих танков становились все ближе. Общий шум то тут, то там разрезали плач и крики.

Где тот Бог, чьи законы она боится преступить? Здесь его уж точно нет.

Когда команда поднялась на борт, Якоб обратился к Толе:

— Пройдите на катер.

Он хотел, чтобы приказ прозвучал жестко, но лицо женщины отчего-то смягчилось. Тола покорно зашагала к реке, не сводя глаз с собора, а мыслями уносясь еще выше, в небеса.

Якоб вдруг разглядел, какая она, оказывается, красивая, эта полукровка. Внезапно женщина задела носком туфли трап, покачнулась, но, оберегая ребенка, сумела сохранить равно-

весие. Тола вернулась к действительности, к свинцовым водам и черной пелене дыма, и ее лицо посуровело, застыло, даже глаза потускнели.

Она опустилась на скамейку у правого борта. Охранник не отходил от женщины ни на шаг. Якоб сел напротив и дал знак рулевому отчаливать.

Опаздывать нельзя.

Катера взяли курс на запад, прочь от восточного фронта, прочь от восходящего солнца.

Якоб посмотрел на часы: на секретном аэродроме в десяти километрах от города их должен ждать транспортный Ю-52. Чтобы избежать нападения противника, самолет замаскировали под санитарный — на фюзеляже нарисовали красный крест.

Катера вышли на фарватер, моторы застучали веселее. Теперь русским не догнать отряд. Операция закончена.

В этот миг внимание обергруппенфюрера привлекло движение у правого борта.

Тола наклонилась к ребенку, нежно поцеловала легкие светлые волосики на макушке и встретилась взглядом с Якобом. Он не прочел в глазах женщины ни вызова, ни гнева, только решимость.

И, мгновенно догадавшись, что сейчас произойдет, крикнул:

— Нет!

Слишком поздно.

Резко встав, Тола перегнулась через низкий борт и, прижав ребенка к груди, упала спиной в холодную реку.

Оторопевший от неожиданности охранник дернулся и наобум выстрелил в воду. Якоб бросился к нему и резко ударил снизу по руке:

— Не попади в ребенка!

Солдаты вскочили на ноги, накренив катер, но так и не высмотрели в свинцовой мути ничего, кроме собственного отражения. Якоб лихорадочно искал в воде предательские воздуш-

ные пузыри, однако тяжело нагруженная лодка вспенила речную гладь. Обергруппенфюрер в ярости стукнул кулаком по бортовому ограждению.

Каков отец, такова и дочь...

Только Mischlinge способны на такие дикие поступки. Обергруппенфюрер и прежде не раз видел, как еврейские матери душили собственных детей, чтобы избавить их от бóльших мучений.

Катер кружил на месте, пока Якоб не понял, что поиски напрасны. Солдаты обшарили оба берега, но Тола как сквозь землю провалилась. Свист снарядов над головой отбил желание продолжать поиски.

Якоб приказал солдатам подняться на борт и махнул рукой на запад, в сторону ожидающего самолета. В конце концов, ящики с оборудованием и все лабораторные записи спасены. Как ни досадна допущенная оплошность, ее можно исправить. Где есть один ребенок, там будет и другой.

— Вперед!

Два катера взяли курс на запад и через несколько минут исчезли в дыму пылающего Бреслау.

Тола слышала, что шум моторов стих вдали.

Она вынырнула позади одного из массивных каменных пилонов, что поддерживали древний чугунный мост Соборного острова. Одной рукой женщина все еще зажимала рот ребенку, лишив малыша воздуха, и молилась, чтобы он смог дышать носом. Мальчик сильно ослаб.

Пуля попала Толе в шею. Кровь текла обильно, окрашивая воду в темно-красный цвет. В глазах темнело, но женщина упорно держала ребенка над водой.

Несколько минут назад Тола бросилась в реку, твердо решив умереть вместе с малюткой. Однако когда тело охватил пронизывающий холод, а шею опалило огнем, решимость внезапно исчезла. Перед мысленным взором вновь возникли свер-

кающие шпили собора. Величие храма, с которым женщину не связывало ни происхождение, ни родовые традиции, напомнило ей о предвечном свете, что сияет за пределами любой тьмы. Там брат не восстает против брата. А матери не топят младенцев!

Тола нырнула глубже, отдавшись воле течения, которое несло ее к мосту. Под водой женщина поддерживала жизнь ребенка, зажав пальцами крохотный носик и вдувая воздух в рот. Минуту назад она хотела умереть, а сейчас пробудившаяся жажда жизни, подобно пожару, все сильнее разгоралась в груди.

У мальчика даже не было имени. Никто не должен умирать безымянным.

Тола ритмично вдувала воздух в рот ребенку — вдох-выдох, вдох-выдох, вслепую сражаясь с течением. Лишь по счастливой случайности ее вынесло к одной из каменных опор моста.

Рана продолжала кровоточить. Тола понимала, что до сих пор жива лишь благодаря спасительному холоду, а вот у хрупкого малыша он отнимал последние силы.

Едва катера скрылись, Тола поплыла к берегу вялыми толчками, борясь со слабостью и нараставшим окоченением. Внезапно она ушла под воду, увлекая за собой ребенка.

Нет! Женщина отчаянно пыталась вынырнуть на поверхность...

Неожиданно носки ее туфель коснулись скользких камней дна. Прижимая к груди дитя, Тола на четвереньках выползла из воды и упала ничком на каменистую землю, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Кровь из раны струйкой текла на ребенка. Превозмогая слабость, мать снова всмотрелась в малыша.

Ребенок не двигался, не дышал.

Она закрыла глаза и молилась до тех пор, пока тьма вечности не поглотила ее: «Плачь, ради бога, плачь...»

Первым услышал мяуканье отец Варик.

Старик вместе с монахами прятался в винном погребе под собором Святых Петра и Павла. Они прибежали сюда прошлой ночью, когда Бреслау начали бомбить, и коленопреклоненно молили Бога о том, чтобы Тумский остров остался невредим. Церковь, построенная в пятнадцатом столетии, пережила длинную череду хозяев города. Сегодня монахи, как встарь, просили о даровании им божественного покрова и спасения.

Посреди благоговейной тишины братья явственно услышали плач.

Отец Варик поднялся с колен, что потребовало от него немалых усилий.

— Куда вы? — спросил Франц.

— Я слышу, что мое стадо призывает меня,— ответил священник.

Последние двадцать лет он подкармливал объедками бродячих кошек и дворняг, прибившихся к церкви.

— Не во благовременье ты покидаешь храм,— голосом, полным страха, предостерег его другой брат.

Однако отец Варик прожил слишком долгую жизнь, чтобы бояться смерти с юношеским трепетом. Старик пересек подвал и, пригнув голову, шагнул в низкий коридорчик, что выходил на берег реки. В прежние годы по этому коридору возили на тележках уголь и складывали там, где сейчас покоились в пыли узкие зеленые бутылки.

Отец Варик подошел к угольной двери, убрал засов, отодвинул щеколду и, нажав плечом, отворил скрипучую створку.

Сначала в нос старику ударил едкий дым, потом его взгляд упал вниз, туда, откуда долетало мяуканье.

— Mein Gott im Himmel!*

В нескольких шагах от двери, у контрфорса, неподвижно лежала женщина. Старик торопливо подошел к ней и снова упал на колени с молитвой на устах.

---

* Отец наш небесный *(нем.)*.

Он протянул руку, пытаясь нащупать на шее женщины биение жизни, но нашел только кровь и смерть. Несчастная промокла насквозь и была холодна, как камень.

Мертва.

И снова, совсем рядом, кто-то заплакал.

Склонившись, старик обнаружил под телом женщины окровавленного младенца.

Посиневший от холода и сырости, малютка еще дышал. Старик высвободил его из-под трупа матери, и пеленки сползли с младенца под тяжестью пропитавшей их воды.

Мальчик.

Старик быстро ощупал крохотное тельце и убедился, что ребенок не ранен. Малыша обагрила кровь погибшей матери.

Отец Варик с грустью смотрел на женщину. Как много нынче гибнет людей! Затем он взглянул на противоположный берег: город пылал, в предрассветном небе клубился столб черного дыма, орудия стреляли без перерыва. Неужели несчастная переплыла канал ради спасения ребенка?

— Покойся с миром, ты его заслужила,— прошептал монах и повернул к двери угольного подвала.

Старик обтер с тела ребенка кровь и воду. Ишь, какие мягкие волосики на макушке, белые как снег. Бедняжке, наверное, не больше месяца.

Младенец заплакал громче. Личико сморщилось от напряжения.

— Не плачь, дитя.

Услышав голос, мальчик открыл припухшие глазенки, и отца Варика поразила их сияющая, неземная голубизна. Отец Варик знал, что почти все новорожденные голубоглазы, но что-то подсказывало ему, что глаза найденыша навсегда сохранят цвет небесной лазури.

Старик прижал ребенка к груди, и его внимание привлекло цветное пятнышко. Was ist das?* Он приподнял ножку ребенка и увидел на маленькой пятке символ.

---

* Что это? *(нем.)*

Старик потер пятно пальцем и понял, что это не рисуно́к. Татуировка красными чернилами.

Он внимательно рассмотрел ее. Она была похожа на отпечаток вороньей лапы.

В юности отец Варик долго жил в Финляндии, поэтому узнал одну из древнескандинавских рун, вот только не вспомнил, как она называется и что означает. Кто сделал такую глупость?

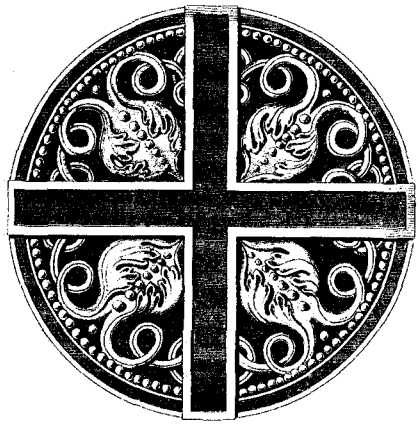
Священник хмуро поглядел на мать и укоризненно покачал головой. Неважно, сын не отвечает за грехи родителей.

Старик отер с темени мальчика кровь и укрыл малыша краем своей теплой рясы.

— Бедный Junge*, как неприветливо встретил тебя мир...

* Мальчик *(нем.)*.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



1

КРЫША МИРА

Наши дни
16 мая, 6 часов 34 минуты
Гималаи, базовый лагерь на Эвересте, 17 600 футов над уровнем моря

На таких ветрах прилетает сама Смерть.

Таски, главный проводник-шерп, вынес вердикт с непоколебимой твердостью, присущей его профессии. Этот коренастый мужчина даже в потертой ковбойской шляпе не дотягивал до пяти футов, а держался, словно самый рослый человек в горах. Глаза, прятавшиеся под прищуренными веками, настойчиво рассматривали хлопающие на ветру молитвенные флаги.

Доктор Лиза Каммингс поймала шерпа в объектив «Никона» и сделала снимок. Таски не только работал проводником, но и согласился стать объектом ее психометрических тестов. Превосходный кандидат для исследований!

Лиза приехала в Непал, получив грант на исследование влияния бескислородных восхождений на физиологию человека. До 1978 года ни один человек не достигал вершины Эвереста без помощи кислородных аппаратов — на больших высотах слишком разреженный воздух. Даже опытные альпинисты, экипированные баллонами с кислородом, жаловались, что их преследует крайнее утомление, двоится в глазах, наруша-

ется координация, а порой доходит до галлюцинаций. Считалось, что подняться на вершину восьмитысячника без запаса кислорода невозможно.

Однако в 1978 году два тирольских альпиниста совершили, казалось бы, немыслимое: взошли на высочайшую вершину мира, полагаясь только на силу собственных легких. В течение нескольких лет, миновавших после этого выдающегося достижения, примерно шестьдесят мужчин и женщин повторили подвиг, указав новую цель для элиты покорителей вершин.

Лиза не могла и мечтать о лучшем стрессовом тесте в условиях низкого атмосферного давления.

Перед самым приездом в Гималаи доктор Лиза Каммингс закончила пятилетнюю работу по влиянию систем высокого давления на физиологические процессы человека. Она обследовала глубоководных ныряльщиков на борту научного судна. Потом обстоятельства — и личные, и профессиональные — сложились так, что ей пришлось переехать. На этот раз она получила новый грант — на проведение прямо противоположного исследования: ей предстояло изучить влияние низких давлений на организм человека.

Так Лиза оказалась на «Крыше мира».

Девушка отошла, чтобы сфотографировать шерпа с другого ракурса. Как и многие соотечественники, Таски взял вместо фамилии название родного племени. Шерп отошел от веревки с молитвенными флагами, утвердительно кивнул головой и указал сигаретой, зажатой между пальцами, на сверкавший в небе пик.

— Плохой сегодня день. На таких ветрах прилетает сама Смерть,— повторил он, сунул сигарету в рот и ушел.

Решение принято и обжалованию не подлежит.

Другие члены группы так не считали, и над партией альпинистов разнеслись возгласы разочарования. Люди поднимали недоумевающие лица к безоблачному небу. Группа из десяти покорителей вершин уже девять дней ожидала благоприятной погоды. Пока никто не возражал против задержки,

потому что всю последнюю неделю бушевала буря: погоду испортил циклон, пришедший с Бенгальского залива. На палаточный лагерь обрушились свирепые ветры, чья скорость достигала более сотни миль в час. Они сбивали людей с ног, швыряли в лицо снежные заряды, словно наждаком обдирая неприкрытые участки кожи. Одну из кухонных палаток вообще сдуло.

Наконец настало погожее утро. Яркие солнечные лучи отражались от ледника Кхумбу и замерзшей гривы водопада. Заснеженный Эверест, в окружении безмятежных дочерних вершин, парил в вышине, напоминая свадебную процессию в белых одеждах.

Лиза сделала сотни снимков, пытаясь запечатлеть изменчивое сияние во всей его чарующей красе. Лишь теперь ей стали понятны местные названия Эвереста: Джомолунгма, или, по-китайски, «Божественная мать мира», и Сагарматха, что на непальском диалекте означает «Богиня неба».

Гора действительно царила среди пиков и облаков подобно богине изо льда и камня. И люди приходили сюда, дабы поклониться ей и доказать себе, что достойны ее небесного поцелуя. Правда, путешествие стоило недешево: шестьдесят пять тысяч долларов на каждого. В солидную сумму входила стоимость лагерного снаряжения, услуги носильщиков-шерпов и, конечно же, столько яков, сколько понадобится. Красные и желтые крыши палаток придавали лагерю нарядный вид. Пять групп альпинистов заняли скалистый склон, томясь в ожидании: когда же боги непогоды сменят гнев на милость.

И все же главный шерп объявил, что сегодня восхождение не состоится.

— Что за чушь! — вспылил менеджер компании по производству спортивных товаров из Бостона. Скрестив руки, он картинно выпятил грудь в новомодном стеганом комбинезоне.— Больше шести тысяч долларов в день за то, чтобы просиживать штаны. Нас надувают! На треклятом небе ни облачка!

Щеголь ворчал себе под нос, словно хотел поднять восстание, но при этом не желал возглавить его лично.

Лиза хорошо его знала. Личность типа А, от слова «ана́льный». Теперь, по прошествии времени, она понимала, что спать с ним не стоило. Воспоминание о свидании с менеджером заставило ее поежиться. Все произошло еще в Сиэтле, после организационного собрания группы в отеле «Хайат» и нескольких коктейлей, один из которых был явно лишним. Бостон Боб стал для нее еще одним случайным пристанищем в полосе жизненных бурь, далеко не первым и, возможно, не последним. Одно она решила твердо: сей порт не стоит того, чтобы вновь бросать в нем якорь. Должно быть, именно по этой причине состояние войны между ними затянулось.

Мысленно пожелав младшему брату удачи в подавлении мятежа, Лиза пошла прочь. Джош имел десятилетний опыт восхождений и примерно дважды в год сколачивал группы альпинистов в самых разных уголках мира. Он и помог попасть Лизе в одну из альпинистских партий, которую собирался возглавить при подъеме на Эверест.

Джош Каммингс поднял руку, требуя внимания. Такой же светловолосый и стройный, как сестра, он носил черные джинсы, заправленные в надежные спортивные ботинки, и легкую серую штормовку из термоткани.

— Таски поднимался на Эверест двенадцать раз и хорошо изучил гору и ее норов. Раз он считает, что погода не подходит для восхождения, значит, мы потратим еще один день на акклиматизацию и отработку альпинистских навыков. Желающим могу дать пару проводников для однодневной экскурсии в рододендровый лес в нижней долине Кхумбу.

Кто-то поднял руку.

— А как насчет поездки в отель? Мы торчим в этих треклятых палатках уже шесть дней. Недурно бы принять горячую ванну.

Предложение было поддержано ропотом одобрения.

— Не самая удачная мысль,— возразил Джош.— До отеля целый день пути, а в комнаты там подается воздух, обогащенный кислородом, чтобы снять высотную болезнь. Кислород

ослабит вашу акклиматизацию, и восхождение снова придется отложить.

— Как будто мы не откладываем его уже несколько дней! — не унимался Бостон Боб.

Джош оставил его слова без внимания. Лиза знала, что ничто не заставит брата совершить такую глупость, как рискованное восхождение в плохую погоду. Несмотря на сияющие небеса, погода могла измениться в считанные минуты. Лиза с Джошем выросли на острове Каталина, у побережья Южной Калифорнии, и с детства умели читать в безоблачном небе признаки приближающегося ненастья. Возможно, Джош не обладал острым глазом шерпа, чтобы уловить перемену погоды на горных высотах, зато уж точно уважал мнение знатока.

Лиза рассматривала шлейф снега над вершиной Эвереста, поднятый струйным течением. Известно, что порывы высокогорного ветра порой достигают более двухсот миль в час. Несмотря на то что внизу успокоилось, перепад давления попрежнему сеял разрушение на большой высоте. Струйное течение в любой момент могло вновь поднять над лагерем буран.

— Давайте, по крайней мере, доберемся до лагеря номер один,— настаивал Бостон Боб.— Разобьем палатки и будем ждать хорошей погоды.

Менеджер спортивного магазина раскипятился, покраснел, и в его голосе зазвучали визгливые нотки.

Лиза решительно не могла взять в толк, как он мог вызвать у нее симпатию.

Прежде чем брат успел ответить капризному Бобу, в воздухе раздался мерный шум, напоминающий барабанную дробь. Все взоры обратились на восток. Прямо из сияющей ауры восходящего солнца возник «Сквиррел А-стар Экуриэль» — похожий на шершня спасательный вертолет, сконструированный специально для работы на больших высотах.

Люди умолкли. Неделю назад, перед самым началом снежной бури, по непальскому склону к вершине Эвереста отправилась экспедиция. Последний раз она выходила на связь в лагере номер два, расположенном на двадцать одну тысячу футов

выше базового. Лиза глядела на вертолет, козырьком приставив к глазам ладонь. Случилось недоброе?

Ей довелось побывать в клинике Гималайской спасательной ассоциации в Ферише. Там оказывали первую помощь всем, кто пострадал в горах: лечили сломанные ноги, отеки мозга и легких, обморожения, сердечные приступы, дизентерию, снежную слепоту и все виды инфекций, в том числе передающихся половым путем. Кажется, даже хламидиоз и гонорея вознамерились покорить Эверест.

Что стряслось на этот раз? Бригады спасателей работают и в будни, и в праздники. Из-за сильно разреженного воздуха вертолет мог подняться ненамного выше базового лагеря, а это означало, что людям для спасения по воздуху зачастую приходилось самостоятельно спускаться с недоступных высот. Выше двадцати пяти тысяч футов над уровнем моря тела погибших просто оставались там, где их застала смерть. Верхние склоны Эвереста превратились в ледяное кладбище брошенного снаряжения, пустых кислородных контейнеров и мумифицированных морозом трупов.

Высота звука работающих моторов изменилась.

— *Летят сюда,— сообщил Джош и знаком велел людям* отойти к всесезонным штормовым палаткам, чтобы освободить плоский пятачок, служивший лагерю взлетно-посадочной площадкой.

Черный вертолет снижался, его лопасти взметнули в воздух вихри песка и камешков. Перед самым Лизиным носом пролетела обертка от «Сникерса». Молитвенные флаги трепетали и плясали на ветру, яки бросились врассыпную. После долгих дней тишины здесь, в горах, шум винтов показался оглушительным.

С грацией, неожиданной при столь внушительных размерах, вертолет опустился на полозья. Из него вышли двое. Солдат Королевской непальской армии в зеленой камуфляжной форме нес на плече автоматическую винтовку. За ним следовал мужчина с обритой головой, в красной рясе и плаще — буддийский монах.

Гости подошли к шерпам и быстро заговорили на непальском диалекте. После недолгого обмена жестами шерп указал рукой на Лизу.

Монах с кожей цвета кофе с молоком приблизился к ней. Судя по морщинкам в углах светло-карих глаз, ему перевалило за сорок. Молодой солдат топал следом. Он отличался более темной кожей и близко посаженными глазами, неотрывно глядевшими на точку чуть пониже Лизиной шеи. Девушка не застегнула штормовку, и спортивный лифчик, который она носила под флисовым жилетом, приковал к себе внимание солдата.

Буддийский монах, напротив, смотрел на нее с уважением, даже учтиво поклонился, и заговорил на прекрасном английском языке с легким британским акцентом:

— Прошу прощения, доктор Каммингс, но дело не терпит отлагательств. В клинике Гималайской спасательной ассоциации мне сказали, что вы врач.

— Верно,— ответила Лиза, нахмурив брови.

— В ближайшем монастыре вспыхнула таинственная болезнь. Житель соседней деревни три дня добирался пешком до госпиталя в Кхунде, чтобы сообщить о несчастье. Мы хотели сразу же переправить в монастырь одного из врачей клиники, но из-за схода лавины там сейчас не хватает рук. Вот доктор Соренсон и сообщила нам, что в базовом лагере тоже есть врач.

Лиза вспомнила невысокую канадскую докторшу, с которой однажды вечером пила пиво «Карлсберг» и сладкий чай с молоком.

— Чем могу помочь?

— Не согласитесь ли вы слетать с нами в монастырь?

— Как долго?..

Не договорив, Лиза оглянулась на подоспевшего Джоша.

Монах виновато качнул головой, немного смущенный собственной настойчивостью.

— До монастыря почти три часа лёта, и я не знаю, с чем мы там столкнемся.

Он снова озабоченно покачал головой.

— Как будто специально наше восхождение откладывается на целый день...— Джош взял сестру за локоть и придвинулся ближе.— Я полечу с тобой.

Лиза воспротивилась его предложению. Она сама о себе позаботится. Правда, в подробном инструктаже альпинистам много говорили о напряженной политической обстановке в Непале, сложившейся еще до 1996 года. Маоистские мятежники вели в горах партизанскую войну, намереваясь свергнуть конституционную монархию и провозгласить социалистическую республику. Сообщалось, что своим жертвам они одну за другой отсекали конечности крестьянскими серпами. Несмотря на временное перемирие, в Непале по-прежнему отмечали случаи подобного зверства.

Лиза покосилась на хорошо смазанную автоматическую винтовку непальца. Если даже святой человек нуждается в сопровождении военного, возможно, ей все-таки стоит задуматься над предложением брата.

— Я... У меня нет с собой ничего, кроме набора для оказания первой помощи,— запнувшись, предупредила она монаха.— Я не готова к серьезным заболеваниям, а уж тем более к многочисленным жертвам.

Монах с облегчением кивнул, махнув рукой в сторону вертолета, вхолостую вращавшего винтами.

— Доктор Соренсон снабдила нас всем необходимым на первое время. Мы не собираемся злоупотреблять вашей помощью дольше, чем один день. У пилота есть прибор спутниковой связи, чтобы сообщить властям результаты осмотра обитателей монастыря. Может быть, проблема уже разрешилась, и к середине дня мы вернемся в лагерь.

При последних словах по лицу монаха пробежала тень: он сам не верил в то, что говорил. В его голосе сквозила неподдельная тревога, возможно, даже страх.

Лиза глубоко вдохнула разреженный воздух, почти не насыщавший легкие кислородом. Она давала клятву Гиппокра-

та, да и фотоснимков сделано предостаточно. Хотелось заняться настоящей работой.

Монах, видимо, прочел ответ в ее глазах.

— Значит, летите?

— Да.

— Лиза...— начал было Джош.

— Со мной ничего не случится.— Она пожала брату руку.— А ты не позволяй группе бунтовать.

Джош покосился на Бостона Боба и вздохнул.

— Постарайся не сдавать крепость до моего возвращения.

Он снова посмотрел на нее, не переубеждая и не возражая, однако в его взгляде сквозила тревога.

— Будь осторожна.

— Меня охраняет лучший представитель Королевской армии Непала.

Джош взглянул на солдата с винтовкой.

— Это меня и пугает!

Он фыркнул, стараясь иронией смягчить свои слова.

Лиза быстро обняла брата, взяла из палатки свой медицинский рюкзак, поднырнула под лопасти и забралась на заднее сиденье спасательного вертолета.

Пилот даже не взглянул на нее. Солдат уселся на сиденье рядом с летчиком, а монах, назвавшийся именем Анг Гелу, устроился сзади рядом с девушкой.

Вертолет подрагивал на полозьях, пытаясь подняться в разреженный воздух. Лизе вручили пару наушников, и все-таки они не помогли: двигатели оглушительно ревели. Наконец вертолет оторвался от каменистой взлетной площадки.

Пилот заложил вираж, проносясь над ближайшим ущельем, и Лиза почувствовала, как екнуло у нее в животе. Она, не отрываясь, смотрела в боковое окно на палатки и яков, оставшихся внизу. Лиза заметила брата: Джош поднял руку в прощальном жесте. А может, просто прикрыл глаза от солнца? Рядом стоял шерп Таски, легко узнаваемый в неизменной ковбойской шляпе.

Во время полета в голове у Лизы то и дело звучало последнее предупреждение Таски:

«На таких ветрах прилетает сама Смерть».

Не самая утешительная мысль в данных обстоятельствах.

Рядом Анг Гелу истово шевелил губами в беззвучной молитве. Монаха не покидало тревожное напряжение — то ли он не привык летать на вертолете, то ли испытывал страх перед тем, что предстояло увидеть в монастыре.

Лиза откинулась назад и постаралась расслабиться. Однако в ушах все еще эхом звучали слова шерпа.

Верно сказал Таски: плохой сегодня выдался день.

9 часов 13 минут
Высота 22 230 футов

По дну ущелья упругой походкой шел человек. Стальные «кошки» на подошвах глубоко вгрызались в лед. С обеих сторон высились голые скалистые стены, испещренные бурыми лишайниками.

Комбинезон на гагачьем пуху покрывал камуфляжный рисунок из черных и белых пятен. На голове красовался подшлемник из полар-флиса, глаза скрывали защитные очки. Альпинистский рюкзак весил двадцать один килограмм — вместе с ледорубом и мотком троса из полиэфирного волокна. Вооружение состояло из суперсовременной винтовки «Хеклер», запасного магазина на двадцать патронов и подсумка с девятью гранатами. Даже на столь значительной высоте мужчина не нуждался в кислородном аппарате.

За сорок четыре года горы стали ему родным домом. Он чувствовал себя здесь так же привольно, как шерпы. Разница была лишь в том, что мужчина не говорил на местном наречии. Глаза (один льдисто-голубой, второй — совершенно белый) выдавали нездешнее происхождение. Именно эта примета выделяла его среди других людей столь же явно, как и татуировка на плече. Даже среди Sonnekönige — рыцарей Короля-солнца.

В ухе мужчины запищала рация.

— Ты уже в монастыре?

Мужчина коснулся горла.

— Дойду через пятнадцать минут.

— О несчастном случае не должен узнать ни один человек.

— Будет исполнено.

Мужчина говорил ровным голосом, дыша через нос. Он редко бывал в Granitschloss, Гранитном замке, предпочитая жить в отдалении. Его призывали лишь тогда, когда возникала крайняя нужда в том исключительном мастерстве, которым он виртуозно владел.

В наушнике щелкнуло.

— Скоро они будут в монастыре.

Мужчина не потрудился ответить. Он и сам слышал отдаленный шум винтов вертолета и прикинул в уме расстояние. В спешке нет необходимости. Горы научили его терпению.

Он выровнял дыхание и зашагал к группке каменных строений под красными черепичными крышами. Монастырь Темпо-Ок примостился на краю отвесной скалы. Снизу к нему вела всего одна тропинка — внешний мир мало интересовался монахами и послушниками. Впрочем, так же, как и они им.

Однако три дня назад все изменилось: произошел несчастный случай, и мужчине, что сейчас подходил к монастырю, поручили произвести зачистку.

Ритмичный гул приближающегося снизу вертолета постепенно нарастал. Мужчина размеренным шагом продолжил путь: времени предостаточно. Пусть прилетевшие первыми войдут в монастырь.

Будет проще убить всех сразу.

9 часов 35 минут

Из иллюминатора мир внизу казался фотографическим негативом, эскизом, построенным на контрасте: черное и белое, снег и камни, окутанные туманом вершины и погруженные в тень ущелья. Утренний свет отражался от заснеженных хребтов и ледяных глыб, резал глаза. Лизе пришлось зажмуриться.

Как можно жить так далеко от привычного мира, в столь суровых природных условиях? Почему люди стремятся к одиночеству, которое даруют затерянные места, когда доступно другое, намного более легкое и приятное существование?

Этот вопрос Лизе частенько задавала ее мать. Пять лет в море на исследовательском судне, потом целый год тренировок, связанных с подготовкой к полной лишений жизни в горах. Теперь здесь, в Непале, Лиза собирается покорить Эверест. Чего ради так рисковать, если можно спокойно жить, даже не думая об опасностях?

Лиза всегда отвечала просто и кратко: чтобы испытать собственные силы. Не правда ли, похоже на ответ Джорджа Мэллори, легенды альпинистского мира? На вопрос, зачем он покорил Эверест, раздосадованный Мэллори ответил: «А зачем вообще горы?»

Что можно объяснить человеку, который не хочет ничего понимать? Может, и ответ Лизы на расспросы матери — не более чем реакция на раздражение?

Что ты здесь делаешь, Лиза? Жизнь и без того подбрасывает людям немало проблем: как заработать денег, накопить на старость, найти любимого, пережить потери, вырастить детей...

Почувствовав болезненный укол страха, Лиза отогнала от себя тягостные мысли, хотя и догадывалась, что под ними кроется: «Не ищу ли я острых ощущений, чтобы убежать от реальности? Может быть, причина в том, что слишком многие мужчины прошли через мою жизнь, так и не задержавшись в ней?»

К тридцати трем годам она подвела невеселый итог: одиночество вместо семейного счастья, никаких перспектив, кроме исследовательской работы, и одноместный спальный мешок взамен постели. Не лучше ли обрить голову да и уйти в один из горных монастырей?

Вертолет завибрировал и накренился. О черт... Лиза задержала дыхание, когда вертолет, едва не задев полозьями ледяной карниз, нырнул в ближайшее ущелье. Она с трудом

заставила себя разжать пальцы, обнаружив, что судорожно вцепилась в подлокотники кресла. Неожиданно домик с тремя спальнями и выводок детишек показались ей не такой уж скучной перспективой.

Анг Гелу всем телом подался вперед и указал пилоту вниз. Рев двигателей заглушил его слова.

Лиза прижалась щекой к иллюминатору, и вогнутая поверхность плексигласа наградила ледяным поцелуем. Внизу появилось цветовое пятно: несколько крыш из красной черепицы. Маленькую коллекцию из восьми сгрудившихся на плато каменных домиков, выглядящих игрушечными, с трех сторон окружали горы высотой в двадцать тысяч футов. С четвертой — скала отвесно уходила вниз.

Монастырь Темп-Ок.

Вертолет стремительно снижался. Лиза заметила склон с картофельными делянками, несколько сараев и загонов для скота. И никакого движения. Никто не вышел поприветствовать шумных гостей.

Еще более зловещее впечатление производили группки коз и голубых горных овец в запертых загонах. Они тоже не двигались. Животные распластались по земле в неестественных позах.

Мертвые!

Анг Гелу тоже заметил безжизненных животных, с вывихнутыми ногами и свернутыми шеями, и вжался в кресло. Что здесь произошло?

На передних сиденьях, между солдатом и пилотом завязался спор: летчику явно не хотелось приземляться, но охранник многозначительно положил ладонь на приклад винтовки. Пилот помрачнел и надел на лицо кислородную маску, плотно закрывающую рот и нос. Не потому, что нуждался в кислороде, а, как поняла Лиза, из-за боязни инфекции.

Поля располагались амфитеатром, ряды низеньких зеленых ростков отмечали его ярусы. В начале девятнадцатого столетия британцы положили начало выращиванию в условиях высокогорья картофеля, который теперь стал неотъемле-

мой частью местного натурального хозяйства. Вертолет заскрежетал полозьями по каменистой почве и проехал по грядке с растениями. Оставшиеся нетронутыми ближние кустики испуганно затрепетали в вихре, поднятом винтами.

Никто не вышел из монастыря и на этот раз. Некому было поприветствовать нежданных гостей. Лиза вспомнила мертвый скот. Что погубило животных? Остался ли здесь хоть кто-нибудь, кого еще можно спасти? Она мысленно перебирала названия различных инфекций и возможные пути их проникновения в монастырь: с пищей, по воздуху, при прямом контакте. Заразна ли болезнь? Срочно нужно все разузнать.

— Пожалуй, вам лучше остаться в кабине,— сказал Анг Гелу, отстегивая ремень безопасности.— А мы для начала осмотрим монастырь.

Лиза подняла с пола медицинскую сумку.

— Я не боюсь заразиться. К тому же могут возникнуть вопросы, на которые сумеет ответить только врач.

Анг Гелу кивнул, быстро переговорил с солдатом и открыл задний люк. Выйдя из вертолета, монах обернулся и учтиво подал Лизе руку.

Вместе с шумом лопастей вертолета в кабину ворвался студеный ветер. Натянув на голову капюшон парки, Лиза вздохнула и обнаружила, что ледяной сквозняк как будто вытянул из воздуха последние остатки кислорода. Может быть, всему виной ее страх? На словах Лиза храбрилась, однако в глубине души не могла избавиться от дурных предчувствий.

Она оперлась на руку монаха и даже сквозь шерстяные перчатки почувствовала исходящие от него силу и тепло. Анг Гелу ничем не прикрыл свою бритую голову, словно не замечая пронизывающего холода.

Девушка ступила на землю и остановилась, пригнувшись, под вращающимися лопастями. Последним вылез солдат. Пилот остался в кабине. Он посадил вертолет там, где ему приказали, но и не думал выходить.

Анг Гелу захлопнул люк, и все трое поспешили через картофельное поле к каменным строениям.

Вблизи домики с крышами, покрытыми красной черепицей, оказались более высокими, чем выглядели с вертолета. В центральном строении, с кровлей в форме пагоды, было целых три этажа. Все здания поражали искусной отделкой. Каменные наличники украшала разноцветная красочная роспись, переплеты окон и дверей были выложены листовым золотом, а с крыш по углам свешивались каменные драконы и мифические птицы. Здания соединяли между собой крытые галереи, образовавшие небольшие дворики. Повсюду в монастыре красовались ряды деревянных молитвенных мельниц, покрытых причудливой резьбой с сакральными письменами. Многоцветные молитвенные флаги свисали с кровель, хлопая от порывов горного ветра. Монастырь казался воплощением сказки, мифической заоблачной Шангри-Ла, и зачарованная Лиза невольно замедлила шаг.

Однако движения по-прежнему не было заметно. Ставни закрывали бóльшую часть окон. Монастырь хранил тягостное, зловещее молчание.

Вдруг вместе с потоком холодного чистого воздуха до Лизы долетел запах разложения. Хотя она вела в основном исследовательскую работу, во время медицинской практики ей все же доводилось встречаться со смертью. Миазмы тления не удалось уничтожить даже горному ветру. Девушка взмолилась про себя о том, чтобы смрад исходил только из загона для скота.

Увы, люди так и не вышли к прибывшему вертолету, и надежда на благополучный исход событий быстро таяла.

Анг Гелу шел впереди, солдат следом. Лиза прибавила шагу, чтобы не отстать. Они миновали два здания и направились к высокому строению, стоявшему посередине двора.

На земле в беспорядке валялись сельскохозяйственные орудия, словно их побросали в спешке. Повозка, запряженная яком, опрокинулась набок. Тут же лежало и мертвое животное с раздутым брюхом. Белесые остекленевшие глаза не мигая смотрели на пришедших, из черного провала рта вывалился распухший язык.

Лиза отметила про себя отсутствие вездесущих мух и падальщиков. Да и залетают ли мухи на такую высоту? Она окинула взглядом небеса: ни одной птицы. Даже не слышно ничего, кроме шороха стихшего ветра.

— Идите сюда,— позвал Анг Гелу.

Монах направился к высоким дверям центрального здания, очевидно, главного храма монастыря. Анг Гелу проверил щеколду — не заперто. Он потянул за ручку, и дверь со скрипом отворилась.

С обеих сторон от входа ярко горели светильники величиной с бочку: масляные лампы, заправленные ячьим жиром. Внутри храма запах разложения — предвестник смерти — стал сильнее.

Солдат, не спеша перешагнуть через порог, перекинул автоматическую винтовку с одного плеча на другое, собираясь с духом. Не выдержав, монах отстранил его, вошел в храм первым и громко произнес приветствие. Ответом было только эхо.

Лиза вошла следом за Анг Гелу. Солдат занял пост у входа.

Вдоль стен тянулись ряды молитвенных мельниц, у ног восьмифутовой статуи Будды из тикового дерева горели свечи и дымили ароматические палочки. За плечами изваяния Просветленного теснились многочисленные фигуры божеств тибетского пантеона. С высокого потолка свисали лампы, темные и холодные.

Когда глаза привыкли к полумраку, стали видны бесчисленные настенные росписи и деревянные резные мандалы* с изображениями мифологических сцен. В мерцающем свете свечей Лизе они показались чуть ли не демоническими.

Анг Гелу снова окликнул обитателей монастыря.

Высоко над головами что-то скрипнуло.

Неожиданный шум приковал пришельцев к месту. Солдат зажег карманный фонарик и посветил вверх. По стенам метнулись тени, но в храме по-прежнему было пусто.

---

* Мандала — мистический символ Вселенной, круг с вписанным в него квадратом с изображениями божеств.

И вновь раздался скрип деревянных балок: на верхнем ярусе кто-то ходил. Посторонние звуки могли означать лишь одно: в храме есть кто-то живой. Однако по спине Лизы от страха побежали мурашки.

Анг Гелу заговорил:

— Над храмом находится уединенная молитвенная комната, туда ведет лестница. Я все проверю, а вы оставайтесь здесь.

Лиза и не думала ослушаться монаха, но внезапно почувствовала всю тяжесть ответственности. Она все-таки врач. Домашние животные пали не от руки человека, в этом Лиза не сомневалась. Если в монастыре кто-то выжил, возможно, он способен рассказать о том, что здесь произошло. Тогда помощь Лизы будет просто необходима.

Она поправила на плече сумку.

— Я иду с вами.

Несмотря на показную твердость в голосе, девушка испытывала страх перед неизвестностью, поэтому пропустила Анг Гелу вперед.

За статуей Будды обнаружился арочный проход. Монах отодвинул тяжелую завесу из расшитой золотом парчи. В глубину здания вел небольшой коридор. Дымный полумрак наискось разрезали узкие лучи света, пробивавшиеся через щели между ставнями. Ярко-красное пятно на одной из стен не вызывало сомнений: здесь пролилась кровь.

Из дверного проема в конце коридора, посреди расплывшейся черной лужи, виднелась пара безжизненных нагих человеческих ног. Анг Гелу жестом велел Лизе вернуться в храм. Девушка покачала головой и шагнула вперед. Она не надеялась спасти того, кто там лежал. Ей с первого взгляда стало ясно, что человек мертв. Лиза инстинктивно сделала несколько шагов вперед, приблизившись к трупу.

Девушке хватило считанных секунд, чтобы оценить представшую пред ее взором жуткую картину.

От человека не осталось ничего, кроме пары ног, отрубленных на уровне середины бедер. Лиза еще раз опасливо загля-

нула в глубь комнаты, послужившей, по всей видимости, ареной для кровавой бойни.

Посередине, словно куча хвороста для костра, были сложены человеческие руки и ноги. У одной из стен, образуя ровную линию, лежали отсеченные человеческие головы. Раскосые, расширенные от ужаса, но уже мертвые глаза взирали на картину зверской расправы.

При виде окровавленных расчлененных тел Анг Гелу окаменел и тихо забормотал слова то ли молитвы, то ли проклятия.

Будто услышав его, в дальнем углу комнаты кто-то зашевелился. Из-под груды отрубленных конечностей возник человек, видимо, один из монахов: голый, с обритой головой, омытый кровью, словно новорожденный младенец.

Человек издал нечленораздельный гортанный звук и заковылял в комнату, волоча за собой огромный серп. Тусклый свет упал на его лицо и отразился в почти волчьих зрачках, горящих кровавыми точками.

Лиза торопливо отошла на несколько шагов назад, в коридор. Просительно вытянув вперед раскрытые ладони, Анг Гелу ласково заговорил с окровавленным существом, стараясь его успокоить.

— Релу-На,— повторял он.— Релу-На...

Лиза догадалась, что Анг Гелу узнал несчастного. Наверное, они познакомились во время прежних визитов монаха в монастырь.

Простое обращение по имени лишь на мгновение вернуло незнакомцу человеческие черты. Резко вскрикнув, безумец кинулся на монаха, размахивая серпом. Анг Гелу легко уклонился от удара, обхватил Релу-На руками и прижал его к дверному косяку.

Лиза торопливо бросила сумку на пол, расстегнула молнию, достала металлическую коробочку и открыла крышку. Внутри находился набор пластиковых шприцев, заполненных лекарственными препаратами для экстренной помощи: мор-

фин — для снятия боли, эпинефрин — против анафилактического шока, лазикс — от отека легких. На шприцах имелись этикетки, но Лиза и так помнила, что где находится. В критических ситуациях на счету каждая секунда. Не раздумывая, Лиза схватила последний шприц.

Мидазолам — седативный препарат для парентерального введения. На больших высотах у людей нередко возникали галлюцинации.

Лиза зубами стащила с иглы колпачок и шагнула вперед.

Безумец неистово извивался, пытаясь вырваться. У Анг Гелу кровоточила рассеченная губа, а сбоку на шее алели глубокие царапины.

— Держите крепче! — крикнула Лиза.

Анг Гелу старался изо всех сил, однако именно в эту минуту, возможно почуяв намерения девушки, безумец вцепился зубами в его щеку, прокусив ее до кости. Монах вскрикнул от боли и все же продолжал удерживать Релу-На.

Подоспевшая Лиза воткнула шприц в шею безумца и вдавила поршень до упора.

— Отпускайте!

Монах с силой оттолкнул Релу-На, да так, что тот ударился головой о косяк двери. Лиза и Анг Гелу выбежали в коридор.

— Успокоительное подействует меньше чем через минуту.

Лиза предпочла бы ввести лекарство внутривенно, но это, учитывая обстоятельства, было невозможно. Ничего, довольно и внутримышечной инъекции. Возможно, когда несчастный успокоится, Лиза сумеет продолжить лечение и даже получить ответы на некоторые вопросы, которые сейчас роем носились у нее в голове.

Голый монах со стонами потер шею — лекарство сильно жгло — и, пошатываясь, вновь сделал несколько шагов в их сторону, захватив брошенный серп.

Лиза потянула Анг Гелу назад.

— Нужно подождать...

В этот миг в узком коридоре грянул оглушительный выстрел. Голова безумца буквально разлетелась на части, забрызгав все вокруг кровью. Тело с глухим стуком упало на пол.

Потрясенные Лиза и Анг Гелу в ужасе уставились на стрелявшего.

Непальский солдат медленно опустил винтовку. Анг Гелу принялся громко бранить его на родном языке, но оружия не отобрал.

Лиза подошла к безумцу и, не надеясь ни на что, попыталась нащупать пульс. Разумеется, сердце не билось. Она смотрела на мертвеца, мечтая найти ответы на вертевшиеся в голове вопросы. По рассказам гонца, пришедшего из деревни, загадочная болезнь поразила не одного человека. Другие жертвы могли пострадать не меньше застреленного бедняги.

Откуда в горах неизвестный недуг? Что оказалось носителем неизвестной болезни? Отравленная вода, просочившийся из-под земли ядовитый газ или токсичная плесень, поразившая зерно? Возможно, сюда проник вирус вроде лихорадки Эбола? А если это новая форма коровьего бешенства? Подвержены ли яки этому вирусу? Лиза в очередной раз вспомнила раздутые трупы животных на заднем дворе.

К ней подошел Анг Гелу и с состраданием посмотрел на неподвижное тело.

— Его звали Релу-На Хаварши...

— Вы знали беднягу?

Он кивнул.

— Парень доводился двоюродным братом мужу моей сестры. Релу-На родом из маленькой деревни. Случилось так, что он попал под влияние маоистских мятежников, но его натура восстала против их зверской жестокости. Релу-На бежал. Для мятежников предательство — смертный приговор. Я подыскал Релу-На работу в монастыре, где бывшие товарищи никогда бы его не нашли. Здесь он обрел тихий приют, о котором мечтал... По крайней мере, я молился об этом. Теперь ему предстоит отыскать свой путь к вечному покою.

— Мне очень жаль.

Лизе вспомнилась груда расчлененных тел в соседней комнате. Не безумие ли побудило несчастного совершить преступление?

Наверху снова послышался скрип, и все трое подняли головы.

Лиза почти позабыла, что привело их сюда. Анг Гелу указал девушке на неприметные узкие крутые ступеньки рядом с задрапированным входом в храм.

— Я поднимусь туда,— сказал монах.

— Пойдем вместе,— возразила Лиза. Она извлекла из сумки еще один шприц с успокоительным и кинула быстрый взгляд на солдата.— Главное, чтобы наш торопливый друг не нажал на спусковой крючок раньше времени.

Первым начал подниматься по лестнице солдат. Оказавшись наверху, он осмотрелся и поманил спутников за собой. Лиза увидела пустое помещение с одной-единственной закрытой дверью. В углу стопкой лежали тонкие подушки, пахло смолой и курительными свечками из нижнего храма.

Солдат навел винтовку на деревянную дверь в стене: снизу сквозь щель пробивалось слабое сияние. Прежде чем Лиза успела двинуться с места, узкую полоску света перекрыла тень: за дверью кто-то ходил.

Анг Гелу прошел вперед и постучал. Скрип тут же прекратился.

Монах что-то сказал на неизвестном Лизе языке. Зато тот, кто прятался за дверью, прекрасно его понял. Снова скрипнуло дерево, звякнула задвижка, и дверь слегка приоткрылась.

— Будьте осторожны,— прошептала Лиза, крепко сжав в руке шприц, свое единственное оружие.

Рядом солдат повторил ее жест, стиснув винтовку.

Анг Гелу рывком отворил дверь кельи. За ней была комнатка размером не больше чулана. В углу стояла неопрятная, неприбранная кровать, на маленьком столе горела масляная коптилка. У изножья кровати стояло открытое ведро, служившее затворнику нужником. Испарения мочи и фекалий пропита-

ли всю комнату гнилостным запахом: отшельник не выходил из кельи несколько дней.

В углу, спиной к вошедшим, стоял пожилой мужчина, одетый в такую же красную рясу, как и Анг Гелу, только сильно поношенную и грязную. Нижние края одежды старик подвязал вокруг бедер, обнажив голые ноги. Он трудился: писал на стене пальцем, смоченным в собственной крови.

Еще один сумасшедший.

В другой руке старик держал короткий кинжал. Босые ноги были исполосованы глубокими порезами, которые безумец использовал в качестве источника кровавых «чернил». Затворник не прервал работы, даже когда вошел Анг Гелу.

— Лама Кхемсар...— с состраданием окликнул его Анг Гелу, не решаясь подойти ближе.

Лиза вошла следом, держа шприц наготове. Анг Гелу оглянулся, и она кивнула. Потом дала знак солдату, чтобы тот отошел подальше: ей не хотелось вновь стать свидетельницей того, что случилось внизу.

Лама Кхемсар обернулся. Осунувшееся лицо, безжизненный взгляд, мутные глаза. Лишь огонь свечи полыхал в зрачках лихорадочным сиянием.

— Анг Гелу...— пробормотал старый монах и вновь повернулся к строкам, написанным им на стенах кельи.

Готовый продолжить зловещий труд, он воздел испачканный в крови палец.

Немного успокоившись, Анг Гелу шагнул к старику. Лама Кхемсар, настоятель монастыря, еще не слишком далеко ушел по тропе безумия; возможно, он сможет ответить на некоторые вопросы. Анг Гелу заговорил с ним на родном языке.

Пока монах увещевал настоятеля, Лиза изучала стены. Знаки, начертанные на них, были ей незнакомы; одна и та же комбинация символов повторялась вновь и вновь.

Одной рукой Лиза извлекла из сумки фотоаппарат, навела объектив на надпись и сделала снимок. К сожалению, девушка забыла выключить вспышку.

Комнату на мгновение озарил яркий свет.

Старик вскрикнул и резко обернулся, взмахнув в воздухе рукой. Анг Гелу в страхе отпрянул. Глядя с испугом в сторону источника внезапного света и выкрикивая непонятные слова, лама Кхемсар полоснул себя по горлу кинжалом. Ярко-красная линия моментально превратилась в пульсирующую струю: нож глубоко рассек трахею.

Анг Гелу метнулся вперед и отшвырнул кинжал в сторону. Он подхватил ламу Кхемсара и, осторожно поддерживая, опустил старика на пол. Кровь обагрила его рясу и руки.

Лиза бросила сумку и фотокамеру и кинулась на помощь. Анг Гелу пытался пережать артерию, однако все его усилия оказались напрасными.

— Помогите мне,— попросила Лиза.— Я должна освободить дыхательные пути...

Однако Анг Гелу только горестно покачал головой. Воздух перестал выходить из раны вместе с пузырящейся кровью. Дыхание пресеклось. Преклонный возраст, потеря крови и обезвоживание лишили настоятеля последних сил.

— Простите меня,— растерянно произнесла Лиза.— Я думала...— Она указала на стену.— Мне показалось, что он написал что-то важное.

— Тарабарщина. Бред сумасшедшего,— скорбно покачал головой Анг Гелу.

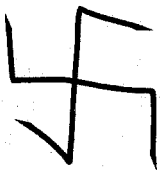
Не зная, за что взяться, Лиза достала стетоскоп и приложила его к груди ламы, желая деловитостью прикрыть растерянность и чувство вины.

Девушка прислушивалась безрезультатно — сердце не билось.

Внезапно она заметила на ребрах мертвеца засохшую царапину странной формы. Лиза осторожно раздвинула окровавленную одежду и обнажила грудь старика.

У потрясенного Анг Гелу вырвался судорожный вздох удивления.

Оказывается, стены были не единственной поверхностью, над которой потрудился Кхемсар. Еще один символ был вырезан на груди монаха тем же самым кинжалом и, несомненно, его же рукой. В отличие от непонятных настенных изображений этот изогнутый крест они узнали сразу.



Свастика.

И тут стены монастыря сотряс первый взрыв.

9 часов 55 минут

Человек очнулся от оглушительного грома.

Испуг вырвал его из беспамятства лихорадки. Нет, это не гром, а взрыв или выстрел. С низкого потолка посыпалась штукатурка. Мужчина сел в постели, пытаясь сообразить, где находится и который сейчас час. Комната медленно кружилась и плыла перед глазами. Отбросив грязное шерстяное одеяло, он нащупал ногами пол.

Одежды никакой, кроме полотняной набедренной повязки... Человек поднес к лицу руку. Пальцы дрожали. Во рту стоял противный глиняный привкус, глаза болели, несмотря на то что солнечный свет в комнату не проникал. Неожиданно все тело мужчины сотряс приступ озноба.

Спустив ноги с койки, человек попробовал подняться. Не самая лучшая затея: в глазах снова потемнело. Мужчина упал на койку и уже начал проваливаться в беспамятство, как вдруг грохот новых выстрелов привел его в чувство. Совсем близко прогремела и стихла короткая автоматная очередь.

Он снова попробовал встать. На этот раз с большей решимостью. Память вернулась, как только он доковылял до выхода. Мужчина толкнул дверь, потом подергал за ручку.

Дверь была заперта.

9 часов 57 минут

— Наш вертолет уничтожен,— глухо произнес Анг Гелу.

Лиза стояла у высокого окна. Несколько секунд назад, едва смолкло эхо взрыва, они отперли задвижки и распахнули оконные ставни. Солдат заметил во дворе какое-то движение и принялся яростно палить из винтовки.

Ответного огня не последовало.

— Может быть, это пилот? — предположила Лиза.— Наверное, возникла проблема с двигателем, он испугался и убежал.

Солдат положил винтовку на оконную раму и приник к прицелу, оглядывая двор. Анг Гелу указал на столб черного дыма, который поднимался над картофельным полем, как раз на том месте, где сел вертолет.

— На аварию не похоже.

— Что же нам теперь делать? — растерянно спросила Лиза.

А если вертолет взорвал какой-нибудь сумасшедший монах? Интересно, много ли других маньяков рыщет по монастырю? Лиза вспомнила разъяренного Релу-На, размахивающего серпом, и настоятеля, покончившего жизнь самоубийством...

Черт возьми, что здесь творится?

— Нужно уходить,— решил Анг Гелу.

— Куда же мы пойдем?

— Неподалеку отсюда есть маленькие деревушки. До них всего один день пути. Нам нужна помощь людей, одни мы не справимся.

— А что будет с теми, кто остался здесь? Возможно, не все они так сильно пострадали, как ваш родственник или настоятель. Разве мы не окажем им помощь?

— В первую очередь я должен позаботиться о вашей безопасности, доктор Каммингс. Кроме того, необходимо срочно оповестить о произошедших событиях представителей власти.

— Но как быть, если заболевание заразно? А если мы уже инфицированы? Мы можем невольно распространить его!

Монах прикоснулся к окровавленной щеке.

— Вертолет уничтожен, теперь у нас нет связи с внешним миром. Если мы останемся здесь, то все равно умрем, и тогда никто ничего не узнает. Постараемся пока свести контакты с другими людьми к минимуму. Вызовем помощь, но будем держаться на безопасном расстоянии.

— Да, никаких физических контактов,— машинально пробормотала Лиза.

Анг Гелу кивнул.

— Ради такой важной информации стоит рискнуть.

Лиза медленно наклонила голову, соглашаясь. Она не могла отвести взгляда от столба черного дыма. Скорее всего, пилот погиб. Точное число заболевших назвать невозможно. Взрыв, конечно, устроил не пилот.

Если они действительно решились бежать, то нужно делать это срочно.

— Пойдемте,— сказала она.

Анг Гелу бросил солдату короткий приказ. Охранник вытянулся, кивнул и, покинув свой пост у окна, вышел из комнаты, держа оружие на изготовку.

Лиза в последний раз бросила взгляд на келью и мертвого монаха, размышляя о вероятности заражения. Успели ли они подхватить инфекцию? Шагая следом за мужчинами, она мысленно прислушалась к своим ощущениям, оценивая самочувствие. Во рту пересохло, мышцы лица болели, сердце громко стучало. Однако это всего лишь нормальная реакция организма на страх. Лоб влажный, но лихорадки нет. Лиза глубоко вздохнула, приходя в себя, и осознала беспочвенность собственных подозрений. Даже если она подхватила инфекцию, инкубационный период продлится не менее часа.

Они прошли через главный храм, мимо тиковой статуи Будды в окружении многочисленных божеств. За дверью удивительно ярко сиял дневной свет.

Их вооруженный охранник целую минуту обследовал двор и лишь потом знаком показал, что путь свободен. Лиза и Анг Гелу направились к выходу.

Девушка еще раз оглядела темные углы храма, напрасно надеясь уловить хоть какое-то движение. В монастыре все было спокойно.

Однако безмятежность продлилась недолго.

Едва Лиза сделала шаг вперед, как второй взрыв потряс здание напротив. Взрывная волна швырнула людей наземь.

В воздух, вместе с дымом и пламенем, взлетели осколки черепицы. Из окон вслед за выбитыми ставнями вырвались два огненных шара. Дверь разлетелась в щепки, выпустив наружу клубы дыма и огня. Жар, словно дыхание раскаленной печи, опалил лицо.

Солдата, шедшего впереди, взрывом опрокинуло на спину, хотя он и удержал винтовку, вцепившись пальцами в кожаный ремень. Под градом осколков черепицы охранник попытался встать.

Анг Гелу тоже поднялся и протянул руку Лизе.

Он совершил ошибку.

Погремел третий, еще более сильный взрыв, взревело пламя, затрещала черепица. Потом раздался выстрел. Верхнюю часть головы монаха снесло, будто ее отрезали. Брызнул кровавый фонтанчик.

На этот раз стрелял не солдат непальской армии.

Охранник бежал, прикрывая лицо рукой от дождя из каменных осколков, волоча за собой винтовку за кожаный ремень. Похоже, он не слышал выстрела. При виде падающего Анг Гелу солдат выпучил глаза от страха, затем в панике кинулся вправо, в спасительную тень ближайшего строения. Оттуда он крикнул Лизе что-то непонятное.

Девушка, пригнувшись, помчалась к двери храма. Грохнул еще один выстрел, раздробив камень у самых ее ног. Лиза взбежала на крыльцо и скрылась в темноте храма.

Осторожно выглянув, она увидела, что солдат боком пробирается вдоль стены. Он старался не попасть в поле зрения снайпера, решив, что знает, где тот прячется.

Лиза, затаив дыхание, широко раскрытыми глазами оглядывала крыши и окна монастыря. Кто застрелил Анг Гелу?

И тут она увидела убийцу.

В дыму горевшего дальнего строения промелькнула тень. Лиза успела заметить вспышку света: это пламя отразилось от оружия бегущего человека. Вооруженный снайпер стремился занять новую огневую позицию.

Лиза выглянула во двор, окликнула солдата и помахала ему рукой. Тот прижался спиной к стене и крадучись начал продвигаться в сторону девушки, к главному храму, не отрывая взгляда от крыши противоположного дома. Он явно не заметил, что снайпер оттуда ушел.

— Уходи! — крикнула Лиза солдату.

Она не знала местного наречия, но охранник услышал страх, прозвучавший в ее голосе. Их взгляды встретились. Она поманила парня к своему убежищу. Потом указала рукой в сторону, пытаясь объяснить, куда побежал снайпер. Но где убийца теперь?

— Беги! — повторила Лиза.

Солдат сделал шаг в ее сторону. Однако Лиза ошиблась в своих предположениях: внезапная вспышка за спиной охранника свидетельствовала о том, что снайпер бежал не для того, чтобы предпринять новую атаку. За окнами соседнего дома взвились языки пламени — взорвалась еще одна бомба.

О боже...

Взрывная волна настигла солдата на полпути к храму. Дверь здания за его спиной слетела с петель, сотни острых осколков прошили тело. Солдата сбило с ног потоком горячего воздуха, и парень как подкошенный упал ничком.

Он остался лежать неподвижно, даже когда его одежда загорелась.

Лиза отползла в глубину храма, не отрывая взгляда от входа. И Анг Гелу, и солдата убил отнюдь не сумасшедший монах. Неизвестный действовал продуманно, а убивал методично и профессионально.

Лиза оглядела узкий коридор позади себя и заметила труп Релу-На. Остальная часть коридорчика казалась безопасной. Вот если бы ей удалось подобрать серп, брошенный безумцем, чтобы получить хоть какое-то оружие...

Однако прежде, чем Лиза успела сделать шаг, за ее спиной возник темный силуэт. Голая рука крепко обхватила девушку за шею, и резкий голос отрывисто рявкнул в самое ухо:

— Не двигаться!

Испуганная, Лиза машинально двинула нападавшего локтем в живот.

Незнакомец издал глухой вопль, разжал руку и упал спиной вниз поперек входа, сорвав вышитую золотом тяжелую завесу.

Лиза обернулась, готовая бежать со всех ног.

Мужчина был обнажен, если не считать набедренной повязки. Его загорелую кожу покрывали старые шрамы, растрепанные прямые черные волосы частично прятали лицо. Ростом, развитой мускулатурой и широкими плечами он скорее походил на представителя коренного населения Америки, чем на тибетского монаха.

Незнакомец взглянул на Лизу. В свете лампы блеснули светло-голубые глаза.

— Кто вы? — спросила она.

— Пейнтер,— со стоном ответил мужчина.— Я Пейнтер Кроу.

2

БИБЛИЯ ДАРВИНА

16 мая, 6 часов 5 минут
Копенгаген, Дания

И почему кошки так любят книжные магазины?

Выйдя из отеля «Нюхавн», коммандер Грейсон Пирс разжевал вторую за сегодняшнее утро таблетку кларитина. Вчера он обошел с полдюжины магазинчиков, и везде обосновались кошки. Они возлежали на прилавках и шныряли по верху шатких стеллажей, покрытых бумажной пылью и истлевшей кожей.

Теперь Грейсона мучил неотвязный насморк. А может, просто начиналась простуда, а пыль и кошки совершенно ни при чем. Копенгагенская весна по сырости и промозглости не уступала зиме в Новой Англии*. Зря он не взял с собой теплые вещи.

Сегодня Грейсон надел колючий однотонный свитер из некрашеной мериносовой шерсти в рубчик, с высоким воротом. Коммандер купил его в дорогущем бутике рядом с гостиницей. Зато утренний холод больше не страшен. Уже час, как рассвело, но негреющее северное солнце, тускло сияющее на свинцовом небе, не вселяло надежды на то, что днем потепле-

---

* Штаты Мэн, Нью-Гемпшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут.

ет. Почесывая шею под кусачим воротником, Грейсон направился к центральному вокзалу.

Отель стоял недалеко от одного из городских каналов. Судоходное русло с обеих сторон окаймляли вереницы строений веселой раскраски: магазины, небольшие гостиницы и частные дома. Все это напоминало Грею Амстердам. Вдоль берегов, близко пришвартованные друг к другу, стояли всевозможные суда: облупившиеся низкобортные шлюпы, пестрые экскурсионные катера, легкие деревянные шхуны, сияющие белизной яхты. Проходя мимо одной такой красавицы, Грей только головой покачал: ни дать ни взять плавучий свадебный торт! Даже в столь ранний час вокруг бродили обвешанные фотоаппаратами туристы, позировали да то и дело щелкали и жужжали камерами.

Грей перешел по каменному мосту через канал, прошагал по берегу с полквартала, остановился и небрежно оперся о кирпичный парапет, взглянув на воду. На спокойной поверхности возникло отражение, наполовину скрытое тенью. Грей на мгновение даже испугался: снизу на него почти в упор смотрел отец. Прямые угольно-черные волосы упали на глаза, подбородок прорезала изогнутая ямочка — резкие и угловатые черты лица неумолимо выдавали валлийское происхождение. Да, он сын своего отца, сомневаться не приходится. Этот факт в последнее время постоянно занимал мысли Грея и по ночам не давал сомкнуть глаз.

Что еще оставил ему в наследство папочка?

Разбив зеркало воды и покрыв отражение рябью, мимо проплыла чета черных лебедей. Птицы скользили к мосту, плавно изгибая длинные шеи.

Грей выпрямился и сделал вид, что хочет сфотографировать строй яхт, а на самом деле внимательно осмотрел мост, по которому только что прошел. Он проверял, нет ли за ним хвоста: выискивал взглядом подозрительных людей, идущих следом, высматривал примелькавшиеся лица. Жизнь в гостинице рядом с каналом давала одно преимущество: на мосту легче всего обнаружить слежку. Знай переходи с берега на бе-

рег — и непременно заставишь преследователя выдать себя. Грей осматривался не меньше минуты, запоминая лица и походку горожан и туристов, затем снова тронулся в путь.

Задание предстояло несложное, и профессиональная привычка могла показаться скорее навязчивой идеей, чем необходимостью. Однако не зря он носил на шее цепочку с серебряной фигуркой дракона. Амулет подарил ему агент из лагеря противника, и Грей не расставался с брелоком, напоминающим о бдительности.

На ходу он почувствовал в кармане вибрацию и достал сотовый телефон. Кому вздумалось звонить с утра пораньше?

— Пирс слушает.

— Грей, как хорошо, что я до тебя дозвонилась!

Знакомый бархатный голос согрел студеное утро, и резкие черты Грейсона смягчила улыбка.

— Рейчел! — Позабыв обо всем, он замедлил шаг.— Что-нибудь случилось?

Грей неспроста вызвался участвовать в операции и перелетел через всю Атлантику, чтобы попасть в Данию: ему страстно хотелось снова увидеть Рейчел Верону. С текущим расследованием «Сигмы» справится любой рядовой исполнитель, но задание в Европе давало прекрасную возможность повидаться с красивой темноволосой женщиной, которая служила в итальянской полиции и носила звание лейтенанта.

Они познакомились в прошлом году в Риме и с тех пор изобретали всевозможные поводы для встреч. Увы, это было не так-то просто: работа крепко держала Рейчел в Европе, а обязанности Грея не позволяли надолго отлучаться из Вашингтона. Они не видели друг друга почти восемь недель!

Ах, каким замечательным получилось их последнее свидание на вилле в Венеции. Женственный силуэт Рейчел на фоне открытой балконной двери, мягкое сияние ее кожи в лучах заходящего солнца... Любовники провели в постели всю ночь. На Грея нахлынула волна воспоминаний: вкус шоколада и корицы на губах, роскошный аромат чуть влажных волос, жаркое дыхание, блаженные стоны, сплетающиеся тела, нежность шелкового черного белья...

— Мой рейс откладывается.

Голос Рейчел развеял грезы. Пирс резко остановился, не в силах скрыть разочарование.

— Что?

— Я уже перерегистрировалась на рейс компании «КЛМ». Прилечу в двадцать два.

В десять часов вечера. Грей нахмурился. Значит, ужин при свечах в ресторанчике «Сент Гертруд клостер», в погребе средневекового монастыря, отменяется. Досадно, ведь заказ пришлось сделать заранее, за целую неделю до приезда Рейчел.

— Мне очень жаль,— произнесла она в ответ на его молчание.

— Ладно, не расстраивайся. Лишь бы ты скорее прилетела. Остальное не имеет значения.

— Знаю. Я соскучилась.

— Я тоже.

Грей покачал головой, досадуя на себя за столь незначащую фразу. В душе он хотел бы сказать многое, но не находил слов. Почему у них всегда одно и то же? Первый день встречи неизменно уходит на преодоление некоторой натянутости и застенчивости. Легко предаваться романтическим мечтам о том, как они упадут друг другу в объятия, в реальности же все складывалось непросто. Первые несколько часов они чувствовали себя людьми малознакомыми. Грей и Рейчел обнимались, целовались, говорили подходящие случаю слова, но для того, чтобы возникла внутренняя близость, требовалось время — несколько часов разговоров об их жизни по разные стороны Атлантики. И все же главным оставалось страстное желание вновь обрести единый внутренний ритм, гармонию, которая постепенно становилась страстью.

Грей всякий раз боялся, что этого не случится.

— Как дела у отца? — спросила Рейчел, делая первые шаги ритуального танца сближения.

Перемена темы обрадовала Грея. По крайней мере, у него есть хорошие новости.

— Отцу действительно лучше. Состояние стабилизировалось. Мать считает, что улучшение произошло из-за карри.

— Карри? Это такая пряность?

— Вот именно. Мама прочитала статью о том, что куркумин, желтый пигмент карри, обладает антиоксидантными и противовоспалительными свойствами. Возможно, он даже помогает уменьшить амилоидные бляшки при болезни Альцгеймера.

— Хорошо бы.

— Теперь мать добавляет карри в любую еду, даже в папин утренний омлет. Весь дом благоухает, как индийский ресторан.

От негромкого смеха Рейчел хмурое утро опять стало светлее.

— Наконец-то она начала готовить!

Настала очередь Грея улыбнуться. Мать, занимавшая штатную должность профессора биологии в Университете Джорджа Вашингтона, никогда не отличалась кулинарными талантами. Научная карьера матери стала главным средством существования семьи после того, как двадцать лет назад промышленная катастрофа сделала ее супруга инвалидом. Теперь семья сражалась с новой бедой: у отца Грея появились первые признаки болезни Альцгеймера. Недавно мать взяла короткий отпуск, чтобы обеспечить мужу необходимый уход, но сейчас уже завела разговор о возвращении в университет. Дело пошло на лад, что позволило Грею отправиться в короткую командировку.

Не успел Грей ответить, как телефон сигналом возвестил о втором звонке. Кто бы это мог быть? Грей посмотрел на экран. Проклятье...

— Рейчел, мне звонят из центра. Извини.

— Тогда я тебя отпускаю.

— Постой, назови номер своего нового рейса.

— Компания «КЛМ», номер четыре-ноль-три.

— Ясно. До вечера.

— До вечера,— эхом откликнулась Рейчел.

Грей нажал кнопку, чтобы принять следующий звонок.

— Пирс слушает.

— Коммандер Пирс!

По слегка искаженному телефоном новоанглийскому акценту Грей сразу узнал Логана Грегори. Второй человек в командовании «Сигмы», Грегори служил под непосредственным началом директора Пейнтера Кроу.

— Мы получили новые сведения, возможно, имеющие отношение к вашему заданию в Копенгагене. Интерпол сообщает о неожиданно высоком интересе к сегодняшнему аукциону.

Грей перешел на другой берег канала и остановился. Десять дней назад Агентство национальной безопасности отследило нескольких дельцов черного рынка, интересующихся историческими документами, которые некогда принадлежали ученым Викторианской эпохи. Загадочные люди скупали рукописи и их копии, официальные документы, письма и дневники того времени. Права собственности на многие из них вызывали подозрение. И хотя раньше деятельность черных дельцов не входила в круг интересов «Сигмы», сосредоточившей свои силы на глобальной безопасности, Агентство национальной безопасности связывало ряд продаж с отдельными фракциями внутри террористических организаций. Подобные движения капиталов всегда жестко отслеживались.

Пока смысл происходящего оставался неясным. Действительно, цены на исторические документы росли, в бумаги вкладывали деньги, хотя прежде раритеты такого рода не относились к сфере интересов большинства террористических организаций. Однако, как известно, времена меняются.

Как бы там ни было, «Сигма» подключилась к выяснению личности главных заказчиков и людей, вовлеченных в торговые операции. Грею поручили прояснить обстоятельства, предшествовавшие проведению сегодняшнего закрытого аукциона, на который можно было попасть только по приглашениям. В том числе коммандеру предстояло детально отследить историю предметов, вызвавших особый интерес местных коллекционеров. Поэтому последние два дня он прочесывал пыльные книжные лавки и антикварные магазинчики, прятавшиеся на узких улочках в укромных уголках Копенгагена.

Больше других ему помог магазин, принадлежавший бывшему юристу из Джорджии. С помощью земляка Грей неплохо подготовился. Сегодня утром он намеревался изучить планировку аукционного дома и разместить скрытые видеокамеры у всех входов и выходов. Во второй половине дня ему предстояло наблюдать за покупателями и по возможности их фотографировать. Задача не самая важная, но если удастся пополнить базу данных второстепенных участников террористической войны, уже неплохо.

— Из-за чего сыр-бор?

— Из-за нового лота. Он привлек внимание нескольких покупателей, которых мы контролируем. Старая Библия. Выставлена на торги частным лицом.

— И что в ней такого уникального?

— Согласно описанию, она некогда принадлежала Дарвину.

— Чарлзу Дарвину, отцу теории эволюции?

— Вот именно.

Грей запальчиво стукнул кулаком по кирпичному парапету: опять ученый времен царствования королевы Виктории!.. Обдумывая данный факт, Грей машинально оглядывал соседний мост.

Неожиданно его внимание привлекла девушка-подросток в темно-синем вязаном жакете на молнии, с поднятым капюшоном. Лет семнадцати-восемнадцати, гладкая кожа лица оттенка жженого сахара. Индуска? Пакистанка? Из-под капюшона выбивались прядки черных волос, заплетенных в толстую косу. На левом плече — зеленый, видавший виды рюкзак, точно такой же, как у большинства учеников колледжей.

Ничего особенного, если не считать того, что именно эту девушку Грей видел, когда переходил первый мост. Она на мгновение встретилась с ним взглядом и слишком быстро отвернулась. Подозрительно. Неужели следит?

Логан продолжал:

— Мы загрузили адрес продавца в базу данных вашего телефона. У вас достаточно времени, чтобы до начала аукциона с ним побеседовать.

Грей посмотрел на экран мобильника, где на карте города был обозначен адрес. Через восемь кварталов, сразу за Строгетом, на главной пешеходной торговой улице, что пролегла через центр Копенгагена. Недалеко.

Но сначала...

Уголком глаза он продолжал рассматривать отражение моста на гладкой поверхности воды. В зеркале канала было видно, как девушка дернула плечами, словно поправляя рюкзак, а потом отвернулась, чтобы спрятать лицо.

Догадалась, что ее раскрыли?

— Коммандер Пирс? — окликнул его Логан.

Девушка дошла до конца моста и смешалась с толпой. Грей подождал, чтобы удостовериться, что второго следящего нет.

— Коммандер Пирс, вы получили адрес?

— Да. Я только что проверил.

— Очень хорошо.

С этими словами Логан отключился.

Не отходя от парапета, Грей осторожно осмотрелся, ожидая появления девушки или ее сообщника. Жаль, оставил пистолет «глок» в сейфе отеля. Инструкция, полученная из аукционного дома, предупреждала, что все приглашенные будут подвергнуты на входе досмотру с помощью металлоискателя. Единственным оружием Грея оставался углепластиковый нож, спрятанный в ботинке. Негусто.

Город постепенно просыпался. Неподалеку худой и бледный хозяин одного из магазинчиков вытаскивал на улицу витрины с лежащей на льду живой рыбой: хвостами хлопали дуврские морские языки, треска, песчаные угри и, конечно же, непременные селедки. Вскоре их мощный запах прогнал Грея с наблюдательного поста у канала, и коммандер продолжил путь, с удвоенным вниманием следя за прохожими.

Возможно, подозрительность уже стала навязчивой идеей, но при его профессии такой диагноз принесет только пользу.

Миновав несколько кварталов, Грей почувствовал себя в безопасности и достал записную книжку. На первой странице были перечислены лоты сегодняшнего аукциона, представляющие особенный интерес.

1. Копия работы Грегора Менделя по генетике, датируемая 1865 годом.

2. Труды Макса Планка: «Термодинамика» 1897 года и «Теория теплового излучения» 1906 года, оба с автографами автора.

3. Журнал наблюдений за мутациями растений Хуго Де Фриза*.

Во время вчерашних поисков Грей собрал всю доступную информацию по этим лотам. Ниже он добавил только что полученное сообщение еще об одном:

4. Библия Чарлза Дарвина.

Захлопнув записную книжку, Грей в сотый раз со времени прилета в Данию задался вопросом: что связывает эти книги?

Может, лучше оставить головоломку другим специалистам «Сигмы»? Интересно, сообщил ли Логан подробности дела коллегам Грея: Монку Коккалису и Кэтрин Брайент? Они по праву считались экспертами в построении единой картины из разрозненных данных и выстраиванию логических цепочек. А может быть, связи между книгами вовсе нет? Делать выводы слишком рано, нужно собрать как можно больше сведений, особенно о последнем лоте. После этого он и подключит к делу Монка и Кэт.

А до тех пор Грей решил оставить голубков в покое.

21 час 32 минуты по восточному времени
Вашингтон, округ Колумбия

— Это правда?

Монк осторожно положил ладонь на обнаженный живот любимой женщины. Он стоял на коленях перед кроватью, в оранжево-черных «найковских» тренировочных брюках. Майка, влажная после вечерней пробежки, валялась на деревянном полу там, где он ее уронил. Брови, единственные

* Голландский ботаник, один из ученых, повторно открывших законы Менделя.

островки волос на бритой голове Монка, выжидательно поднялись.

— Да.

Кэт нежно отодвинула его ладонь и встала с постели с другой стороны.

Монк невольно улыбнулся.

— Ты уверена?

В белых трусиках и несоразмерно большой футболке с надписью «Технологический институт Джорджии» Кэт направилась в ванную комнату. Ее прямые золотисто-каштановые волосы свободно спадали на плечи.

— Задержка пять дней,— неохотно ответила она.— Вчера я сделала тест на беременность.

Монк поднялся на ноги.

— Вчера? А почему мне не сказала?

Женщина скрылась за дверью ванной.

— Кэт!

Он услышал звук воды, свидетельствовавший о том, что Кэт встала под душ, обошел вокруг кровати и направился к двери в ванную. Ему не терпелось узнать больше. Когда Монк вернулся с пробежки, Кэт встретила его, лежа в постели с покрасневшими глазами и припухшим лицом. Она плакала. А после долгих уговоров огорошила его новостью, которая не давала ей покоя весь день.

Монк тихонько постучал в дверь, однако звук получился более громким и настойчивым, чем ему хотелось бы, и он злобно посмотрел на провинившуюся руку. Протез с пятью пальцами представлял собой произведение искусства, под завязку набитое последними достижениями техники и электроники. Он получил его взамен собственной руки, которой лишился на задании. Увы, пластику и металлу далеко до живой плоти. Хотел постучать в дверь, а впечатление создалось такое, словно Монк собрался ее выломать.

— Кэт, давай поговорим,— ласково произнес Монк.

Он просунул голову в дверной проем. Они встречались уже почти целый год, и в ванной висело отдельное полотенце для Монка, но все же некую дистанцию продолжали соблюдать.

Кэт сидела на крышке унитаза, положив на руки подбородок.

— Кэтрин...

Она вздрогнула от неожиданности.

— Монк!

Кэт вытолкала его из ванной и налегла на дверь, чтобы затворить ее до конца.

Он просунул ногу в щель.

— Ты же ничем таким не занята.

— Жду, пока пойдет горячая вода.

Зеркало запотело. Ванную наполнял аромат жасмина. Нежный запах взволновал Монка до глубины души. Он сделал шаг вперед и опустился перед Кэт на колени.

Женщина отпрянула.

Он обнял ее колени обеими руками — одной живой, другой пластиковой. Кэт опустила голову, пряча глаза.

Монк приник к теплому телу любимой женщины, скользнул руками по ее бедрам и, обхватив ладонями ягодицы, прижал Кэт к себе.

— Я должна...

— Ты должна была прийти ко мне.

Кэт наконец посмотрела ему в глаза.

— Я... прости меня.

— За что?

— Мне следовало быть осторожнее.

— Не припомню, чтобы ты жаловалась.

— Но такая ошибка...

— Никогда...— Он крепко поцеловал ее, подбадривая, и прошептал в самые губы: — Никогда не называй это ошибкой.

Обвив руками шею Монка, Кэт прижалась к любимому, окутав его ароматом жасмина.

— Что же нам делать?

— Я, может, и не всезнайка, но на этот вопрос ответ дам легко.

Он лег на бок, привлек женщину к себе и лаской заставил опуститься на коврик.

— Ох! — только и успела пролепетать Кэт.

7 часов 55 минут
Копенгаген, Дания

Грей сидел в кафе и изучал дом напротив. Там находился маленький антикварный магазинчик.

На окне красовалась надпись на датском языке: «Редкие книги». Магазин занимал весь первый этаж низкого строения с красной черепичной крышей. Оно ничем не отличалось от соседних домов, выстроившихся вдоль улицы. И так же, как и другие магазинчики подобного рода, открытые в этой части города, пришло в упадок. Верхние окна были наглухо закрыты обычными ставнями, зато вход в магазин находился под надежной защитой стальной опускающейся решетки.

Ожидая открытия магазина, Грей смотрел по сторонам, прихлебывая из стаканчика то, что здесь, в Дании, называлось шоколадом. Густой напиток по вкусу ничем не отличался от шоколадного батончика. Несмотря на царивший полумрак, от дома напротив исходило очарование Старого Света. На улочку выходили мансардные окна, тяжелые наружные балки пересекали второй этаж, а с крутого конька крыши зимой наверняка сползала тяжелая снежная шапка. Грей даже рассмотрел старые «шрамы» под окнами, где некогда прикреплялись цветочные ящики. Коротая время, он мысленно представлял, каким образом дому можно вернуть первозданный великолепный вид.

Ему даже показалось, что доносится запах опилок. Ожили иные воспоминания, непрошеные и нежеланные: столярная мастерская в гараже, работа после школы в ней вместе с отцом, часто заканчивающаяся громкими ссорами и обидными словами, которые потом так трудно взять назад. Из-за разлада в семье Грей в конце концов и бросил школу, чтобы поступить в военное училище. Лишь много позже отец и сын нашли общий язык.

Пирс потряс головой, отбрасывая горькие мысли, и посмотрел на часы. Он уже обследовал дом, где пройдет аукцион, разместил две видеокамеры: у парадной двери и у черного хода. Оставалось только расспросить хозяина здешнего магазина о Библии Дарвина и сделать несколько моментальных

снимков, чтобы запечатлеть посетителей аукциона. На этом его миссия закончится — и начнется длинный уик-энд с Рейчел.

Грей вспомнил ее улыбку, и узел напряжения ослаб.

Наконец в доме напротив звякнул колокольчик. Дверь магазина дрогнула, стальная решетка начала подниматься.

Увидев, кто открывает магазин, Грей изумленно выпрямился на стуле. Черные косы, кофейный оттенок кожи, широко расставленные миндалевидные глаза — та самая девушка, что следила за ним сегодня утром! Она даже не сменила трикотажный жакет на молнии и потертый зеленый рюкзак.

Грей достал из кармана несколько банкнот и оставил деньги на столике, радуясь возможности покончить с тягостными мыслями и вернуться к делу.

Он перешел через узкую улицу. Девушка, казалось, совсем не удивилась, заметив его.

— Дай угадаю, друг,— произнесла незнакомка на чистейшем английском языке, сдобренном британским акцентом.— Ты американец.

Грей постарался сохранить на лице выражение вежливого любопытства, делая вид, будто понятия не имеет об утренней слежке.

— Как ты догадалась?

— По походке. Хвост распускаешь. Твой наглый вид выдает тебя с головой.

— В самом деле?

Она закрепила дверь, и Грей заметил, что к ее жакету приколоты радужный флажок «Гринписа», серебряный кельтский символ, золотой египетский анкх*, а также разноцветная россыпь значков со слоганами на датском языке и один с английской надписью: «Беги, лемминг, беги». На руке девушка носила белый пластмассовый браслет с вырезанным на нем словом «НАДЕЖДА».

---

* Египетский крест, Т-образная фигура, увенчанная кольцом, символ жизни в Древнем Египте.

Незнакомка отстранила Грея и, когда тот замешкался, легонько оттолкнула его, чтобы выйти на улицу.

— Магазин откроется только через час. Извини, друг.

Обескураженный Грей застыл, переводя взгляд с двери магазина на девушку. Та пересекла улицу и направилась в кафе. Проходя мимо столика, который Грей только что покинул, она подхватила одну из оставленных им банкнот. Заказала две большие чашки кофе и расплатилась украденной бумажкой.

Вернулась она, неся в руках два пластиковых стаканчика.

— Ты еще здесь?

— Больше некуда деться в данный момент.

Девушка кивком указала на дверь и приподняла обе руки, чтобы показать, что они заняты.

— Ты заснул?

— Ох!

Смутившись, Грей отворил перед ней дверь.

Войдя в дом, незнакомка прокричала:

— Бертал! — Потом оглянулась и посмотрела на Грея: — Так ты войдешь или нет?

— Ты вроде сказала...

Она закатила глаза.

— Чушь собачья. Кончай притворяться, что мы не виделись.

Грей напрягся. Так значит, это не совпадение. Девушка действительно следила за ним.

Она позвала еще раз:

— Бертал! Тащи сюда свой хвост!

Смущенный и раздосадованный, Грей прошел за ней в магазин, притормозив на всякий случай у двери, чтобы была возможность быстро ретироваться.

С обеих сторон от пола до потолка высились книжные стеллажи, заставленные фолиантами, рукописями и брошюрами. Центральный проход в глубине заслоняли два запертых стеклянных шкафа. За стеклами стояли обветшавшие книги в кожаных переплетах и нечто, что напоминало свитки или тубусы, завернутые в необычную белую бумагу.

Грей присмотрелся внимательнее.

В воздухе в косых лучах утреннего света плясали пылинки. Чувствовался запах старины, сдобренной плесенью раритетных изданий. Как это похоже на Европу! Века и древность здесь — неотъемлемые атрибуты жизни.

И все же, несмотря на обветшалость, магазин выглядел уютно и мило. Милыми были даже изящные перегородки с цветными витражами и несколько приставных лестниц у книжных стеллажей. Но главное...

Грей издал глубокий вздох облегчения: ни одной кошки!

В ту же минуту причина отсутствия маленьких пушистых тварей с острыми коготками стала очевидной. Из-за стеллажа вышла старая мохнатая собака с печальными карими глазами и обвисшими веками. Пес уныло ковылял, припадая на левую переднюю лапу: на суставе отчетливо выделялась большая опухоль.

— А вот и Бертал.— Девушка присела и вылила содержимое стакана в керамическую миску, стоящую на полу.— Паршивый пьянчуга с утра чувствует себя развалиной, пока не пропустит стаканчик кофе с молоком!

В ее словах слышалось искреннее восхищение.

Огромный сенбернар подошел к миске и с очевидным удовольствием принялся лакать.

— Вряд ли кофе собаке полезен,— осторожно заметил Грей.

— Бояться нечего. Он без кофеина.

Незнакомка перебросила косу за спину и скрылась в недрах магазина.

— Что у него с лапой?

Пытаясь поддержать непринужденную беседу, Грей потрепал пса по холке и был вознагражден дружеским ударом хвоста.

— Обморозился. Мутти подобрала его ужасно давно.

— Кто такая Мутти?

— Моя бабушка. Она вас ждет.

Из отдаленной части магазина послышался голос:

— Is het de Koper, Fiona?*

— Ja, Mutti!** Покупатель из Америки. Говори по-английски.

— Пусть проходит.

— Мутти ждет вас в кабинете.

Фиона повела Грея в глубь магазина. Собака, покончив с утренним кофе, побрела за ними.

В центре магазина стоял небольшой кассовый аппарат, соединенный с компьютером и принтером. Оказывается, местные антиквары не чураются современности.

— У нас есть собственный веб-сайт,— похвалилась Фиона, заметив удивленный взгляд посетителя.

Миновав кассу, Грей со спутницей прошли через открытую дверь и попали в заднюю комнату. Обстановкой она напоминала скорее гостиную, нежели кабинет: софа, низкий стол, два стула. Одну из стен все же пожертвовали под ряды черных картотечных шкафов. Зарешеченное окно едва пропускало лучи утреннего солнца, освещавшие единственного находящегося здесь человека.

Хозяйка магазина протянула руку.

— Доктор Сойер! — Этот псевдоним присвоили Грею на время копенгагенского задания. Похоже, о нем наводили справки.— Я Гретта Нил.

Старушка крепко пожала протянутую руку и указала на один из стульев. Несмотря на бледность кожи, худенькая женщина так и светилась здоровьем, свойственным деревенским жителям. Ее манеры отличались той же простотой, что и одежда: темно-синие джинсы, бирюзовая блуза, скромные черные туфли-лодочки. Зачесанные назад длинные серебряные волосы подчеркивали строгий вид, но глаза искрились юмором.

— Вы уже познакомились с моей внучкой?

В английском Гретты звучал неискоренимый датский акцент.

---

* К нам покупатель, Фиона? *(датск.)*

** Да, Мутти *(датск.)*.

Грей перевел взгляд с пожилой дамы на темнокожую девушку. Ни малейшего родственного сходства... Впрочем, ему предстояло решить куда более серьезные проблемы.

— Да, мы знакомы,— ответил Грей.— Точнее, мы с вашей внучкой знакомились сегодня дважды.

— Ах, в один не очень прекрасный день любопытство доведет Фиону до беды! — Строгость ее замечания смягчила улыбка.— Она вернула вам бумажник?

Сдвинув брови, Грей похлопал себя по карману: пусто.

Фиона сунула руку в боковое отделение рюкзака и извлекла оттуда коричневый кожаный бумажник.

Грей припомнил, как Фиона толкнула его, выходя из магазина за кофе. Так значит, это была не просто неловкость, вызванная спешкой.

— Пожалуйста, не обижайтесь,— попросила Гретта.— Так она говорит «привет».

— Зато я проверила все его данные,— пожала плечами Фиона.

— Тогда верни молодому человеку паспорт.

Грей проверил другой карман: пусто. Боже милосердный!

Фиона бросила ему небольшую синюю книжицу с американским орлом на обложке.

— Это все? — уточнил Грей, ощупывая себя сверху донизу.

Фиона снова пожала плечами.

— Еще раз прошу вас простить мою внучку. Соблюдая предосторожность, она порой может перестараться.

Грей озадаченно взирал на обеих женщин.

— Кто-нибудь объяснит мне, что происходит?

— Вы пришли узнать про дарвиновскую Bijbel,— констатировала Гретта.

— Библию,— перевела Фиона.

Гретта кивнула внучке. Они переглянулись, и Грей уловил в их взглядах скрытую тревогу.

— Я представляю покупателя, который интересуется вашей книгой,— подтвердил Грей.

— Да, мы в курсе. Вы весь вчерашний день расспрашивали знающих людей о заявках на аукцион Эргеншейна.

Грей удивленно поднял брови.

— Мы, библиофилы, живем в Копенгагене довольно тесным мирком. Новости распространяются быстро.

Грей нахмурился. А он-то считал, что действует осторожно.

— Именно ваша активность помогла мне принять решение выставить на аукцион дарвиновскую Библию. Все наше сообщество взбудоражено растущим интересом к научным материалам Викторианской эпохи.

— Самый удачный момент для продажи,— добавила Фиона слишком резко, как будто продолжая давно начатый спор.— Плата за аренду квартиры в последний месяц...

Гретта отмахнулась от слов внучки.

— Решение было нелегким. Библию приобрел еще мой отец в тысяча девятьсот сорок девятом году. Он хранил ее, как сокровище. В книге записаны имена десяти поколений семейства Дарвинов — *до рождения Чарлза, прославившего свой* род. Кроме того, Библия интересна чисто с исторической точки зрения. Вместе с ученым она совершила кругосветное путешествие на борту судна ее величества «Бигль». Не знаю, известно ли вам, что некогда Чарлз Дарвин собирался поступать в семинарию. В этой Библии вы обнаружите суждения религиозного человека и представителя науки в одном лице.

Грей кивнул. Женщина, очевидно, старалась его заинтриговать. И все для того, чтобы привлечь к участию в аукционе? Или для того, чтобы подчеркнуть уникальность Библии и поднять на нее цену? Так или иначе, нужно повернуть ситуацию в свою пользу.

— А зачем Фиона за мной следила?

В голосе Гретты появилась усталость.

— Еще раз приношу свои извинения. Как я уже говорила прежде, в последнее время к литературным памятникам Викторианской эпохи возник повышенный интерес, а мир библиофилов тесен. Мы все знаем, что имели место сделки, кото-

рые... скажем, относились, если не к черному рынку, то к серому.

— До меня тоже дошли такие слухи,— скромно вставил Грей, надеясь вытянуть побольше информации.

— Случалось, что некоторые покупатели отказывались выплачивать всю сумму или платили из незаконных доходов либо недействительными чеками. Фиона лишь пытается защитить мои интересы. Временами она заходит слишком далеко, проявляя таланты, о которых давно пора забыть.

Женщина строго подняла бровь, глядя на внучку.

У Фионы неожиданно проснулся горячий интерес к носкам собственных туфель.

— Год назад к нам пришел некий джентльмен, который целый месяц изучал мои материалы по происхождению книг и архивные документы.— Она кивнула на картотечные шкафы.— Вот только расплатился он за предоставленную привилегию краденой кредитной карточкой. Особенный интерес он проявлял к Библии Дарвина.

— Значит, моя предосторожность была не лишней,— упрямо вставила Фиона.

— Вы знаете, кто был тот джентльмен? — уточнил Грей.

— Нет, но я узнала бы его при встрече. Странный такой тип, очень бледный.

Фиона взвилась:

— Банк провел расследование: мошенник «наследил» от Нигерии до Южной Африки. Потом следы затерялись.

— А чем вызвано столь тщательное расследование? — поинтересовался Грей.

Фиона вновь принялась рассматривать туфли.

Гретта строго посмотрела на внучку.

— Он имеет право знать.

— Мутти...

Фиона покачала головой.

— Что я имею право знать?

Фиона взглянула на Грея и отвела глаза.

— Если он расскажет остальным, Библия потеряет половину стоимости.

Грей поднял руку вверх.

— Я умею хранить тайну.

Гретта пристально посмотрела на него, прищурив глаза.

— До конца ли вы правдивы, вот о чем я размышляю, доктор Сойер.

Грей почувствовал, что обе женщины пристально его изучают. Наконец Гретта заговорила:

— Вскоре после того, как бледный джентльмен скрылся с полученными сведениями, кто-то незаконно проник в магазин. Ничего не украли, но взломали витрину, в которой мы обычно выставляли Библию Дарвина. К счастью, Библию и наиболее ценные предметы мы прячем на ночь в хранилище под полом. К тому же сработала сигнализация, и очень скоро прибыла полиция, вспугнув воров. Расследование ничего не дало, но мы-то знаем, кто за этим стоит.

— Альбинос паршивый,— пробормотала Фиона.

— С той ночи мы храним Библию в банковском сейфе. И все же за прошлый год к нам вламывались дважды. Преступник каждый раз отключал сигнализацию и обшаривал весь магазин.

— Кто-то искал Библию,— предположил Грей.

— И мы так думаем.

Грей начинал понимать. Вовсе не жажда денег стояла за желанием сбыть Библию. Фиона и Мутти хотели избавиться от источника неприятностей. Кто-то жаждал любым путем заполучить Библию. А значит, опасность грозила и новому хозяину книги.

Краем глаза Грей наблюдал за Фионой. Пусть и весьма своеобразным способом, но она всеми силами пыталась защитить бабушку. Даже сейчас глаза девушки тревожно горели. Ей явно хотелось, чтобы Гретта вела себя более осторожно.

— В частной коллекции, где-нибудь в Америке, Библия была бы в большей безопасности,— продолжила Гретта.— Неприятности, скорее всего, не пересекут океан.

Грей кивнул, инстинктивно догадавшись, что ему сделали весьма выгодное предложение. Хоть и с помощью туманного намека.

— Вы не пытались выяснить, почему ваш незнакомец одержим идеей заполучить Библию?

Теперь пришел черед Гретты задуматься.

— Такая информация сделает Библию еще привлекательней. Мой клиент оценит это,— надавил на нее Грей.

Гретта бросила на гостя быстрый взгляд, очевидно, заподозрив, что за его словами кроется ложь. В эту минуту в кабинет приковылял Бертал, жадно принюхался к кексам на чайном столике, подошел к гостю и с тяжким вздохом повалился на пол, пристроив тяжелую морду на ботинок Грея.

Гретта вздохнула и прикрыла глаза, как будто одобрение пса подтверждало честные намерения покупателя. Напряженность, буквально витавшая в воздухе, заметно спала.

— Точно я не знаю. Могу только предполагать.

— Буду рад вас выслушать.

— Незнакомец пришел сюда в поисках информации относительно библиотеки, распроданной по частям вскоре после войны. Если быть точной, четыре предмета из этой коллекции сегодня выставлены на торги: записки ботаника Хуго Де Фриза, копия статей генетика Грегора Менделя и два текста, написанные рукой физика Макса Планка.

Грею был хорошо знаком этот список — он полностью совпадал с перечнем в записной книжке. Те самые научные труды, к которым так резко возрос интерес в кругах, пользующихся дурной репутацией. Кто вознамерился их купить и зачем?

— Можете ли вы рассказать мне что-нибудь еще об этой старинной библиотечной коллекции? У нее интересное происхождение?

Гретта поднялась с софы.

— Отец купил книгу в тысяча девятьсот сорок девятом году. У меня даже сохранилась квитанция с названием деревни и поместья. Попробую найти...

Она шагнула в круг света, падавшего из окна, и вытащила из шкафа средний ящик.

— Я не могу предоставить вам оригинал, но Фиона сделает для вас ксерокопию.

Пока женщина шелестела бумагами, Бертал приподнял голову с правого ботинка Грея. С громадной морды свисала нитка слюны. Пес издал утробный рык.

Однако угроза относилась не к гостю.

— Вот она.

Обернувшись, Гретта протянула пожелтевший лист бумаги, упакованный в прозрачный защитный конверт.

Грей оставил без внимания протянутую руку. Узкая тень пересекла круг света.

— На пол! Ложись!

Он бросился вперед, пытаясь дотянуться до старушки.

Сзади отрывисто гавкнул Бертал, чей рык заглушил звон разбившегося стекла.

Грей все-таки опоздал. Он успел только подхватить тело Гретты в тот момент, когда ее лицо превратилось в кровавое месиво. Снайпер стрелял через окно.

Грей опустил мертвую женщину на софу.

Фиона пронзительно закричала.

Раздался звон стекла, и через разбитое окно кто-то кинул в кабинет две канистры. Они ударились о стену и, подскакивая, покатились по полу. Грей вышвырнул визжащую Фиону из кабинета и сам выбежал следом.

Сзади ковылял пес.

Едва Грей затащил Фиону за книжный стеллаж, взрыв в кабинете разнес стену, превратив ее в груду битой штукатурки и деревянных щепок.

Стеллаж накренился и завис в неустойчивом положении — соседний шкаф не давал ему упасть. Грей прикрыл Фиону своим телом. Сверху на них посыпались горящие рукописи.

Из-за больной лапы старый пес не мог двигаться быстро. Взрывной волной Бертала отбросило к стене, там он и остался лежать без движения, с опаленным боком.

— Нужно выбираться,— сказал Грей, пытаясь встать так, чтобы Фиона не заметила несчастного пса.

Он вытащил ошеломленную девушку из-под накренившегося стеллажа. Позади них уже пылал огонь. Заработала система пожаротушения, скупо разбрызгивая застоявшуюся воду. Слишком мало, слишком поздно. И чересчур много вокруг сухой, как порох, бумаги.

— К главному входу! — приказал Грей.

Они с Фионой бросились вперед, но опоздали.

Прямо перед ними сверху упала стальная защитная решетка, перекрыв главную дверь и окна первого этажа. Грей успел заметить по обе стороны от входа движущиеся тени. Убийцы.

Он оглянулся. За ними росла стена пламени и дыма.

Грей и Фиона попали в огненную ловушку.

23 часа 57 минут
Вашингтон, округ Колумбия

Монк нежился в постели. Его сознание балансировало на грани между блаженной действительностью и сладким сном. Когда страсть растворилась в ласковом шепоте и еще более нежных прикосновениях, они с Кэт перебрались с пола ванной комнаты на кровать. Простыни сплелись вокруг обнаженных тел, но не было сил освободиться от этих пут.

Монк лениво водил пальцем по округлой груди Кэтрин. Мягкая ступня женщины ответно ласкала его ногу.

Блаженство.

Казалось, это чувство ничто не в силах разрушить...

Пронзительная трель мгновенно разбудила любовников.

Звук доносился с той стороны кровати, где Монк сбросил тренировочные брюки, вернее, выскользнул из них. Пейджер был прикреплен к эластичному поясу. Монк точно помнил, что, вернувшись с вечерней пробежки, переключил это маленькое чудовище на режим вибрации. Только один звонок мог нарушить заданную функцию.

Срочный вызов из Центра.

На ночном столике с другой стороны кровати второй пейджер, принадлежавший Кэт, залился созвучной трелью.

Любовники тревожно переглянулись.

— Вызов из Центра,— констатировала Кэт.

Монк наклонился, подхватил пейджер, а за ним и брюки, затем поднялся с кровати и подошел к телефону. Кэт прикрыла простыней обнаженную грудь, словно для того, чтобы позвонить в Центр, требовалось соблюдать строгие приличия. Монк набрал номер прямой линии подразделения «Сигма». Ответили немедленно.

— Капитан Брайент? — произнес Логан Грегори.

— Никак нет, сэр. Монк Коккалис. Кэт... капитан Брайент находится рядом со мной.

— Вы оба должны срочно прибыть в Центр.

Логан кратко изложил ситуацию.

Монк выслушал и кивнул.

— Немедленно выезжаем.

Закончив разговор, он положил трубку.

Кэт нахмурилась, встретившись с ним взглядом.

— Что случилось?

— Неприятности.

— С Греем?

— Нет. Я уверен, что у него все в порядке.— Монк натягивал костюм.— Он сейчас, наверное, отлично проводит время с Рейчел.

— Тогда...

— Что-то неладно в Непале, с директором Кроу. Детали неясны. Похоже, там эпидемия.

— Директор Кроу *сам* сообщил?

— В том-то и дело. Последнее сообщение от него получено три дня назад, затем буря прервала связь. Поэтому наши не слишком беспокоились. А теперь вдруг появились слухи об эпидемии, смерти и какой-то смуте.

Кэт широко раскрыла глаза.

— Логан вызвал всех в штаб.

Кэт спрыгнула с кровати и потянулась за одеждой.

— Что же там такое творится?

— Ничего хорошего, это уж точно.

9 часов 22 минуты
Копенгаген, Дания

— Здесь есть выход наверх? — спросил Грей.

Застыв на месте, Фиона смотрела на закрытую решетку немигающим взглядом. Девушка явно находилась в шоковом состоянии.

— Фиона...— Он встал прямо перед ней, нос к носу, так, чтобы она видела только его лицо.— Фиона, мы должны выбраться отсюда.

У нее за спиной быстро разрасталось пламя, пожирая стопки книг и сухие сосновые полки. Огонь уже доставал до потолка. Дым клубами поднимался вверх. Бесполезные автоматические разбрызгиватели системы пожаротушения продолжали выбрасывать слабые струйки воды, которая только добавляла к едкому дыму удушливый пар.

Становилось все жарче. Взяв в руки ладошки Фионы, Грей почувствовал, что девушка дрожит.

— Здесь есть выход на верхний этаж?

Фиона подняла на него глаза. Пелена дыма уже затягивала потолок.

— Там несколько старых комнат. Чердак...

— Да. Отлично. Мы можем туда подняться?

Она покачала головой, сперва медленно, потом более уверенно: осознание опасности возвращало ее к жизни.

— Нет. Единственная лестница...— Она слабо махнула рукой в сторону горящей комнаты.— В задней части дома. Снаружи.

Стена огня подступала все ближе, пепел кружил вокруг них, забиваясь в нос и рот.

Грей выругался про себя. До того, как дом разделили на магазин и верхние жилые комнаты, внутри тоже была лестница. Сейчас же... Приходилось импровизировать на ходу.

— Топор у вас есть?

Фиона потрясла головой.

— А лом? Чем вы открываете деревянные ящики?

Помедлив, девушка кивнула.

— Рядом с кассой.

— Стой здесь.

Грей двинулся вдоль левой стены, где оставался свободный проход к кассовому аппарату. Пламя не успело туда подобраться.

Фиона побежала следом.

— Я велел тебе оставаться на месте.

— Я знаю, где этот чертов лом! — огрызнулась она.

Грей почувствовал, что за злостью она пытается скрыть страх. Все лучше, чем оцепенение. К тому же Пирс тоже был в ярости. Он бранил себя на чем свет стоит: сначала прокололся, позволив девчонке себя выследить, а теперь угодил в западню, устроенную неизвестными наемными убийцами. Он слишком расслабился, мечтая о Рейчел, перестал думать о задании, потерял бдительность... В результате в опасности оказался не только он сам.

Фиона обогнала Грея, задыхаясь от дыма, часто моргая покрасневшими глазами.

— Здесь.

Она перегнулась через стол, пошарила рукой и вытащила *длинный стальной лом*.

— Идем.— Грей повернулся навстречу подступающему пламени, стащил с себя шерстяной свитер и протянул Фионе, затем забрал у нее лом.— Намочи хорошенько мой свитер. Вот под этим разбрызгивателем.— Он указал ломом вверх.— И свой тоже намочи.

— Что ты собираешься делать?

— Попробую соорудить лестницу.

Грей влез на приставную стремянку и ткнул ломом в один из стальных листов на потолке. Дым разъедал глаза, но нельзя было упускать единственный шанс выбраться отсюда. Лист легко отошел и отогнулся в сторону. Как и ожидал Грей, под

навесным потолком магазина скрывался дощатый пол верхнего помещения.

Грей забрался на самый верх приставной лестницы, перелез на верхнюю полку стеллажа и вогнал лом между двумя досками, а затем нажал на него, используя как рычаг. Дерево поддалось, но все же отверстие получилось не больше мышиной норки.

Глаза слезились, душил кашель. Плохо дело. Придется соревноваться в скорости с дымом, а тот становился все гуще.

Грей никогда еще не работал в таком бешеном темпе.

Фиона намочила платок и завязала его так, чтобы закрыть рот и нос, став похожей на налетчицу. Потом она забралась наверх по приставной лестнице, держа в руках мокрый дорогой свитер Грея. Свой она тоже намочила и теперь казалась маленьким мокрым щенком. Грей увидел, что девчонка моложе тех семнадцати лет, которые он дал ей поначалу. Пожалуй, ей не больше пятнадцати. Глаза Фионы покраснели от дыма, и все-таки взгляд светился надеждой.

Грей накинул на себя свитер и завязал рукава вокруг шеи. Краем мокрого ворота он ухитрился прикрыть рот и нос, пытаясь защититься от горячего дымного воздуха.

Чувствуя, как вода стекает по спине, он встал на колени, продолжая атаковать неподатливые доски. Мешали трубы и провода, которые шли вдоль стены до самого потолка. Да уж, раньше ремонт делали куда более аккуратно.

Наконец Грей обнаружил щель среди плотно уложенных досок — здесь когда-то проходила лестница на верхний этаж.

Но насколько плотно заделали проем?

Существовал только один способ это проверить.

Грей выпрямился и, аккуратно ступая по стеллажу, продвинулся ближе к отверстию. К сожалению, предстояло идти вглубь магазина, где бушевало пламя.

— Куда ты? — тревожно крикнула Фиона.

На объяснения не хватало времени. Дым становился все гуще, жар опалял, словно пламя открытой домны. Однако Грею удалось подобраться под старый лестничный проем.

Стеллаж под ногами загорелся.

Нельзя было терять ни минуты.

Размахнувшись, Грей ударил ломом снизу вверх. Готово!

Лом легко прошил тонкую преграду из оргалита и плитки. Дешевка, на это он и надеялся. Нужно благодарить Бога за безответственность современных строителей.

Подгоняемый жаром, Грей орудовал ломом, как машина. Вскоре образовалась дыра, достаточная для того, чтобы в нее можно было пролезть.

Грей обернулся и махнул рукой Фионе.

— Можешь сюда забраться?

— Я видела, как ты лез.

Внизу что-то треснуло. Стеллаж покачнулся.

Пламя, пожиравшее основание стеллажа, быстро разрушало шаткую опору, которая скоро не сможет выдерживать вес Грея. Он подобрался к пролому в потолке и почти повис, держась за один его край, ослабив нагрузку на полки.

— Скорее!

С трудом балансируя, расставив руки в разные стороны, девушка шла по верху книжного стеллажа. Оставалось пройти не больше метра.

— Скорее!

— Слышу...

Неожиданно стеллаж, на котором стоял Грей, громко затрещал и ухнул вниз. Грей едва успел ухватиться за края пролома. Вверх взметнулся новый вихрь пламени и пепла.

Фиона вскрикнула. Стеллаж под ней дрогнул, но устоял.

Повиснув на руках, Грей крикнул:

— Прыгай ко мне! Хватай меня за плечи.

Девушку не потребовалось уговаривать: доски под ней ходили ходуном. Она прыгнула и обхватила Грея руками за шею, а ноги сцепила вокруг его талии. От толчка он чуть не сорвался вниз.

— Сможешь пролезть в дыру?

— Я... Наверное, смогу.

Она еще мгновение висела на нем не двигаясь.

Острые края пролома врезались в руки.

— Фиона...

Грей почувствовал, как она вздрогнула. Девушка уперлась ногой в ремень на поясе его брюк и с ловкостью обезьяны вскарабкалась наверх, очутившись в мгновение ока на втором этаже.

Внизу полыхали книги и книжные полки.

Грей подтянулся на руках, протиснулся в отверстие и распластался на полу. И застыл посередине коридора, переводя дух.

— Сюда пожар тоже добрался,— прошептала Фиона, будто опасаясь привлечь внимание огня.

В задней части помещения мерцало пламя. Дым в верхних комнатах оказался еще более густым, чем внизу.

— Вперед,— приказал Грей, и гонка продолжилась.

Издалека доносился вой сирен. В щель между ставнями было видно, что на улице собралась толпа зевак. Среди них, вероятно, прячется стрелок, а может, и не один.

Если Грей и девушка вылезут из окна, их сразу заметят.

Фиона тоже разглядывала толпу:

— Они нас не спасут, верно?

— Значит, будем выбираться сами.

Грей посмотрел вверх и заметил мансардное окно, которое рассматривал, сидя в кафе. Нужно вылезти на крышу.

Фиона догадалась о его намерении.

— В соседней комнате есть складная лестница.— Она тут же кинулась туда.— Я частенько забиралась сюда почитать, когда Мутти...

Голос девушки дрогнул.

Грей понимал, что она не скоро забудет смерть бабушки, и положил ладонь девушке на плечо, но Фиона сердито сбросила его руку и отстранилась.

— Сюда!

Она вошла в комнату, прежде служившую гостиной. Сейчас здесь стояли несколько ящиков и потрепанный выцветший диван.

Старый канат свисал с потолка, привязанный одним концом к дверце люка, ведущего на крышу. Грей потянул за трос,

и на пол к его ногам упала складная деревянная лестница. Он полез первым, Фиона за ним.

Чердак так и не обустроили до конца. В пустом помещении не было ничего, кроме крысиного помета. Яркий свет проникал через мансардные окна: одно из них выходило на улицу, другое — на задний двор. Хотя здесь было дымно, огонь сюда пока не добрался.

Снизу веяло жаром, фибергласс начал плавиться.

Подойдя к окну, Грей посмотрел вниз. Разглядеть задний двор магазина мешал конек крыши. Хотя, если Грей не видит людей, значит, и они не видят его. К тому же дым, валивший из разбитых окон первого этажа, обеспечивал дополнительное прикрытие.

Невероятно: пожар помогал беглецам! Где это видано?

Грей распахнул окно. Выждал мгновение. Никто не стрелял. На улице слышался вой сирен. Пожарные машины спешили к горящему дому.

— Первым пойду я,— прошептал Грей на ухо Фионе.— Если путь свободен...

Сзади раздался низкий гул.

Беглецы обернулись. Огромный язык пламени вырвался из пола в центре чердака. Времени оставалось все меньше.

— За мной! — приказал Грей.

Он высунулся из окна, и в лицо подул прохладный ветерок. После бесконечной духоты пожара воздух на улице показался кристально чистым.

Кровельная черепица шла под уклон, но, к счастью, не скользила под подошвами ботинок. Грей посмотрел на северный скат крыши. Промежуток между рядами домов был не более трех футов. Можно перепрыгнуть.

Удовлетворенный осмотром, Грей повернулся к Фионе.

— Порядок. Будь осторожна.

Девушка высунула из окна голову, осмотрелась и вылезла на крышу. Пригнувшись, почти на четвереньках, она двинулась вперед.

— Ты все делаешь правильно.

Фиона подняла глаза, на миг отвлеклась и, не заметив треснувшую черепицу, зацепилась за нее ногой. Девушка потеряла равновесие, упала на живот и заскользила вниз.

Грей ринулся к ней на помощь, но его пальцы схватили воздух.

Девушка отчаянно пыталась удержаться. Осколки черепицы, со стуком подпрыгивая, катились вниз, постепенно превращаясь в лавину.

Грей распластался на животе, не в силах ничем помочь.

— Желоб! — запоздало крикнул он.— Хватайся за желоб!

С края крыши посыпалась битая черепица. Осколки падали на мощеный двор и разбивались со звуком взорвавшейся петарды.

Потом Фиона, взмахнув руками, соскользнула с края кровли.

И пропала из виду.

3

УКУФА

10 часов 20 минут
Природный заповедник Хлухлуве-Умфолози
Зулуленд, Южная Африка

На другом краю света, за шесть тысяч миль от Копенгагена, по нехоженым диким просторам Южной Африки катил открытый джип.

Несмотря на ранний утренний час, иссушающая жара властно вступала в свои права, развешивая над саванной дрожащее марево миражей. В зеркале заднего вида мелькали выжженные солнцем бескрайние дали и заросли колючего кустарника. Впереди высился небольшой холм, густо поросший кривыми акациями.

— Мы не заблудились? — спросил Кхамиси Тейлор, до упора вывернув руль, чтобы проскочить через высохшее русло речки.

Пыль поднялась столбом.

Доктор Марсия Фэрфилд привстала с переднего сиденья, придерживаясь рукой за край ветрового стекла, чтобы не упасть, и указала рукой вперед:

— Поворачивайте на запад. Там будет глубокая впадина.

Кхамиси переключил передачу и повернул вправо. Как инспектор по охране дичи охотничьего заповедника Хлухлуве-Умфолози, он был обязан соблюдать установленные правила.

Браконьерство — не просто серьезное правонарушение, это суровая реальность. Особенно в отдаленных уголках заповедника.

Соплеменники зулусы тоже порой прибегали к традиционным видам охоты. Приходилось перевоспитывать даже некоторых старых друзей дедушки. За это старики наградили его прозвищем, которое можно было перевести с языка зулу как Жирный. Вслух прозвище произносили с легкой насмешкой, но Кхамиси понимал, что под улыбкой кроется неприязнь — нечего браться за работу белого человека!

Его считали прихвостнем, который жирует за чужой счет. К тому же в родных местах он по-прежнему оставался почти чужаком, потому что в двенадцать лет, после смерти матери, отец увез мальчика в Австралию. Добрую половину жизни Кхамиси провел на окраине города Дарвина, даже проучился два года в университете в Квинсленде. И вот теперь, в двадцать восемь лет, вернулся, получив должность инспектора по охране дичи, наполовину благодаря своему образованию, наполовину — старым связям с местными племенами.

И сразу заработал кличку Жирный.

— Нельзя ли ехать быстрее? — требовательно спросила пассажирка.

Доктор Марсия Фэрфилд, седеющая женщина-биолог из Кембриджа, пользовалась в заповеднике большим уважением. Она участвовала в проекте сохранения носорогов Рино, и за это ее частенько называли «носорожьей Джейн Гудолл»*. Кхамиси нравилось с ней работать. Может быть, ему импонировала простота ее облика: от выцветшей куртки-сафари цвета хаки до серебристых седых волос, собранных на затылке в простой хвост. А может быть, завораживала ее увлеченность работой.

— Даже если самка умерла при родах, детеныш мог остаться в живых. Вот только долго ли он протянет? — Женщина стукнула кулачком по краю ветрового стекла.— Только бы не потерять обоих.

---

* Знаменитая исследовательница человекообразных обезьян.

Инспектор по охране дичи Кхамиси хорошо ее понимал. По сравнению с семидесятыми годами двадцатого века популяция африканских черных носорогов уменьшилась на девяносто шесть процентов. Заповедник Хлухлуве-Умфолози делал все возможное, чтобы спасти редких животных. Национальный парк считал эту работу своей главной задачей. Каждый черный носорог был здесь на счету.

— Мы нашли ее благодаря вживленному радиомаяку,— продолжала доктор Фэрфилд.— Заметили с вертолета. Однако если самка родила, детеныша нам не отыскать.

— Разве малыш не остается рядом с матерью? — спросил Кхамиси.

Он сам не раз находил детенышей диких зверей. Два года назад пару львят подобрали у остывшего трупа матери, застреленной спортсменом-браконьером.

— Нам нужно обязательно их найти. Труп матери привлечет хищников. Если детеныш останется рядом с мертвой самкой, весь в крови после родов...

Кхамиси кивнул, нажал на газ и поехал вверх по каменистому склону. Из-под задних колес полетели камешки.

С возвышенности их взорам открылась местность с глубокими лощинами и журчащими ручьями. Растительность стала гуще, появились античные сикоморы и махагониевые деревья. Здесь, в стороне от туристских маршрутов и путей миграций животных, располагалась одна из немногочисленных «влажных» зон заповедника, самая отдаленная. Сюда пускали только тех, кто получил специальное разрешение. Да и то счастливчики должны были строго соблюдать бесчисленные правила: передвигаться при дневном свете, не устраивать ночных стоянок... Зеленая территория простиралась вдоль всей западной границы заповедника.

Направив джип вниз, Кхамиси осматривал горизонт. Впереди, на расстоянии мили, долину пересекала изгородь. Черная ограда высотой в три фута отделяла парк от территории соседнего владения. Частные заповедники, нередко имеющие общие границы с государственными природными парками,

предлагали обеспеченным клиентам куда более захватывающие приключения.

Однако этот частный заповедник отличался от прочих.

Хлухлуве-Умфолози, самый старый природный парк в Африке, был основан в 1895 году. Соседствующий с ним частный заповедник также можно было назвать старейшим. Землей владела ныне здравствующая династия основателей Южно-Африканской Республики: клан Вааленбергов, одна из истинно бурских семей, чьи корни уходили в глубь семнадцатого столетия. Их заповедник занимал довольно большую территорию и буквально кишел дикими животными. Здесь обитали не только представители «большой пятерки», то есть слоны, носороги, леопарды, львы и капские буйволы. В заповеднике водились нильские крокодилы, гиппопотамы, гепарды, гиены, шакалы, жирафы, зебры, водяные козлы, антилопы гну, куду, импалы, болотные козлы, бородавочники и бабуины. Поговаривали, что Вааленберги, сами того не зная, воссоздали у себя в заповеднике стадо редких окапи задолго до того, как эти родственники жирафа были вторично открыты учеными в 1901 году.

Однако вокруг заповедника всегда ходили мрачные слухи. Попасть туда можно было только на вертолете или небольшом самолете. Дороги, что прежде вели к нему, давным-давно заросли, превратились в непроходимую чащу. Среди немногочисленных посетителей преобладали знаменитости со всего света. Говорят, что там однажды охотился Тедди Рузвельт, после чего создал систему национальных парков Соединенных Штатов по образу и подобию хозяйства Вааленбергов. Кхамиси многое бы дал за возможность провести день в загадочном заповеднике.

Увы, подобное право предоставлялось только главному инспектору национального парка Хлухлуве-Умфолози. Поездка по владениям Вааленбергов была лишь одной из привилегий человека, занимавшего сей высокий пост, хотя и от него требовалось письменное обязательство хранить все увиденное в тайне. В глубине души Кхамиси лелеял надежду, что в один прекрасный день удостоится такой же чести.

Впрочем, что толку надеяться, с его-то черной кожей!.. Зулусское происхождение и хорошее образование помогли Кхамиси получить работу, но с падением системы апартеида исчезли далеко не все трудности. Давние традиции трудно уничтожить. Огромное достижение уже то, что он вообще получил свой пост. Дети, родившиеся в племенах и практически необразованные, жили под гнетом запретов и сегрегации. Потерянное поколение. Поэтому Кхамиси делал все возможное, чтобы проложить дорогу тем, кто придет после него.

Ради этого он даже согласен на прозвище Жирный.

— Вон туда! — крикнула доктор Фэрфилд, неожиданно вернув Кхамиси к реальности.— Возьмите левее, поезжайте к тому баобабу у подножия холма.

Крупные белые цветы печально свисали с ветвей гигантского дерева. Слева от могучего ствола виднелась чашевидная впадина. На самом дне ее сверкала влага — это был небольшой естественный водоем, куда животные приходили на водопой.

В парке местами встречались родники — и природные, и созданные человеком. Прекрасные места для наблюдения за представителями дикой фауны и в то же время крайне опасные для пеших прогулок. Кхамиси затормозил под деревом.

— Дальше придется идти пешком.

Доктор Фэрфилд кивнула. Оба, не сговариваясь, взяли винтовки. Доктор Фэрфилд и Кхамиси посвятили жизнь охране природы, и им хорошо были знакомы опасности, подстерегающие человека на засушливых плато, к востоку от Драконовых гор.

Выйдя из джипа, Кхамиси повесил на плечо двуствольную винтовку. В густом лесу инспектор предпочитал ее любому другому оружию, она могла остановить даже разъяренного слона.

Они начали спускаться по склону, путаясь в колючих зарослях цепкой корзиночной травы и уклоняясь от острых листьев кустарника. Сомкнувшиеся вверху кроны деревьев защищали от лучей солнца, бросая на землю глубокую тень.

Стояла необычная, напряженная тишина. Не щебетали птицы, не верещали обезьяны, молчание нарушали только жужжащие и стрекочущие насекомые. Кхамиси насторожился.

Доктор Фэрфилд достала карманное устройство спутниковой навигации.

Поискам помог усиливающийся запах гниющего мяса. Скоро нашелся и источник смрада — в тени лежала туша животного.

Самка черного носорога весила никак не меньше трех сотен фунтов. Экземпляр чудовищных размеров.

— Боже всемогущий! — воскликнула доктор Фэрфилд, прикрывая нос носовым платком.— Когда Роберто увидел труп с вертолета...

— На земле падаль всегда выглядит хуже,— кивнул Кхамиси.

Раздувшийся труп самки носорога лежал на левом боку. При приближении людей в воздух поднялось черное облако мух. Газы разложения разорвали брюхо, кишки вывалились наружу. Даже не верилось, что совсем недавно все они прекрасно умещались в брюшной полости животного. Кровавый след на земле свидетельствовал о том, что самый лакомый кусок хищники уволокли в густые заросли.

Покружив, мухи вновь опустились на труп.

Кхамиси перешагнул через недоеденный кусок печени. Заднюю ногу животного, казалось, одним движением вырвали из тазобедренного сустава. Какой же силой должны обладать челюсти того, кто сумел это сделать! Тут даже матерому льву пришлось бы немало потрудиться.

Одно щетинистое ухо носорога было откушено, глотка разорвана. Безжизненные черные глаза, широко раскрытые, будто застывшие в ужасе, в упор смотрели на подошедшего человека. Широкий язык вывалился из пасти, вокруг него растеклась лужица крови.

Над ноздрями самки, покрытыми пеной, круто вверх загибался кривой рог.

— Зверя убил не браконьер,— пришел к выводу Кхамиси.

Рог остался на месте, его не отпилили. А ведь именно он был главной причиной быстрого сокращения популяции носорогов. Порошком из носорожьих рогов, так называемым лекарством от эректильной дисфункции, или гомеопатической «Виагрой», до сих пор бойко торговали на азиатских рынках.

Прислонив винтовку к телу животного, доктор Фэрфилд присела по другую сторону туши, натянула резиновые перчатки.

— Непохоже, что самка родила.

— Значит, одним детенышем-сиротой меньше.

Биолог обошла тушу вокруг и вернулась к брюху. Не выказав ни малейшего признака брезгливости, оттянула кверху край разорванной брюшины и засунула руку внутрь.

Кхамиси отвернулся.

— Почему ее до сих пор не обглодали дочиста падальщики? — не отрываясь от работы, задумчиво проговорила доктор Фэрфилд.

— Уж очень много здесь мяса,— пробормотал Кхамиси.

Инспектор снова обошел тушу. Непривычная тишина усиливала полуденный зной. Женщина продолжала исследовать труп.

— Не думаю, что причина в этом. Тело лежит здесь с прошлой ночи, рядом с источником воды. Шакалы должны были растащить хотя бы внутренности.

Кхамиси еще раз осмотрел тушу, пристально изучил оторванную заднюю ногу, разорванное горло. Самку убил очень сильный и быстрый зверь... Волосы у инспектора на затылке встали дыбом. И куда подевались животные-падальщики?.. Прежде чем он успел снова впасть в задумчивость, заговорила доктор Фэрфилд:

— Детеныша мы потеряли.

— Что? — Кхамиси обернулся.— Вы вроде сказали, что самка не родила.

Доктор Фэрфилд выпрямилась, стянула перчатки и взяла в руки винтовку. Не отрывая взгляда от земли, биолог отошла в сторону от трупа. Кхамиси догадался, что она идет по

кровавому следу: зверь вытащил из брюха самки самое лакомое и утащил, чтобы попировать без помех. О боже... Доктор Фэрфилд раздвинула нижние ветки кустов и обнаружила то, что неизвестный хищник извлек из брюха самки: детеныша. Хрупкое тельце было разорвано на куски.

— Думаю, детеныш был еще жив, когда его вырвали из тела матери.— Биолог указала на кровавые брызги.— Бедняжка...

Кхамиси отступил, вспомнив вопрос, который она задала чуть раньше: почему никто из падальщиков не поживился внутренностями мертвого животного? Ни грифы, ни шакалы, ни гиены... даже львы их не тронули. Доктор Фэрфилд права. Не могли звери оставить так много мяса мухам и червям. Что-то тут не так. Если только... Сердце глухо стукнуло в груди.

Если только хищник не скрывается здесь до сих пор.

Кхамиси поднял винтовку. Его внимание вновь привлекла неестественная тишина. Как будто весь лес застыл в страхе перед тем, кто убил носорога. Замерев на месте, инспектор чутко принюхивался, словно сам был зверем.

Он вырос в Южной Африке, хорошо знал местные суеверия и слышал немало россказней о таинственных чудовищах, населяющих джунгли. Ндалауо — воющий людоед из лесов Уганды; мбилинту — гиппопотам размером со слона из болот Конго; мнгва — мохнатый зверь, подстерегающий человека в прибрежных кокосовых рощах.

Однако в Африке мифы порой обретают плоть. Как, например, нсуи-фиси. Это пятнистое чудовище-людоед долго считалось вымыслом белых поселенцев Родезии, пока спустя десятилетия ученые не обнаружили таинственного убийцу. Им оказался новый вид гепарда, которому присвоили громкое таксономическое название Acinonyx rex.

В ту пору, когда Кхамиси изучал джунгли, он встречал упоминание таинственного чудовища, известного всей Африке. У него было много имен: дубу, лумбуа, керит, гетет. Одно лишь только имя, произнесенное вслух, вызывало у местного насе-

ления крики ужаса. Хищник, размером с гориллу, проявлял поистине дьявольские проворность, коварство и жестокость. Столетиями охотники — белые и чернокожие — пытались его выследить.

— Укуфа...— пробормотал Кхамиси.

— Что вы сказали?

Доктор Фэрфилд по-прежнему склонялась над мертвым детенышем.

Так зулусы называли чудовище, о котором говорили только шепотом на ночевках у костров и в краалях.

Укуфа. Смерть.

Он знал, почему мысль о чудовище пришла ему в голову именно сейчас. Пять месяцев назад старик из племени рассказывал, что видел укуфу совсем недалеко отсюда.

«Полузверь, полупризрак, с глазами полными огня!» — убежденно твердил старик.

Его рассказу поверили только старейшие соплеменники. Другие, подобно Кхамиси, насмехались над рассказчиком. Однако здесь, в тенистых зарослях...

— Нужно уходить,— решительно заявил инспектор.

— Но мы так и не выяснили, кто убил самку.

— Главное, что не браконьеры.

Большего Кхамиси знать не требовалось. Он махнул винтовкой в сторону джипа. Оставалось связаться по радио с главным инспектором, сообщить новости и закрыть это дело. Самку носорога убил хищник, а не браконьер. Труп оставлен падальщикам. Еще один жизненный цикл завершился.

Доктор Фэрфилд нерешительно поднялась.

Внезапно тенистые джунгли огласил дикий звериный крик, закончившийся на высокой ноте: «Уу-иии-ооо!..»

Кхамиси задрожал, услышав этот вой. Звук отозвался в мозгу эхом рассказов у ночных костров о жестоких кровавых убийствах, пробудил родовую память о дремучих временах, когда люди еще не умели говорить и повиновались инстинктам.

Укуфа. Смерть.

Когда крик растаял в воздухе, вновь наступила тяжелая, неестественная тишина. Кхамиси мысленно прикинул расстояние до джипа. Нужно отступать, но без суеты. Паническое бегство только раззадорит кровожадного хищника.

В глубине джунглей снова раздался вой. А потом еще. И еще раз.

Кхамиси понял, что у них осталась единственная надежда на спасение.

— Бежим!

9 часов 31 минута
Копенгаген, Дания

Грей лежал на черепичной крыше, глядя туда, где секунду назад была Фиона. Перед его мысленным взором застыла картина: девушка, соскальзывающая со ската крыши. Сердце глухо колотилось в груди.

«Господи, что я наделал...»

Из чердачного окна с ревом вырвался столб пламени и дыма. Несмотря на испытанное потрясение, Грей заставил себя действовать. Он встал, опираясь сначала на локти, потом на ладони.

В краткую минуту затишья снизу донеслись громкие голоса. Потом где-то у самого края крыши послышался негромкий стон. Фиона?!

Грей снова плюхнулся на живот и осторожно пополз к краю. Молясь о том, чтобы дым скрыл его от глаз снайпера, приблизился к водосточному желобу и посмотрел вниз. Прямо под желобом обнаружилась железная площадка...

Внешняя пожарная лестница, о которой рассказывала Фиона!

На лестничной площадке распласталась девушка. Она застонала, повернулась и хотела привстать, держась рукой за опору ограждения.

Посредине мощеного двора стояли двое мужчин: один держал в руке пистолет, другой винтовку. Клуб черного дыма вы-

рвался из разбитого окна, скрыв Фиону. Снайпер ждал, когда девушка встанет.

Она посмотрела на Грея снизу вверх. Из рассеченной брови сочилась ярко-красная кровь.

— Не поднимай голову,— прошипел Грей.

Он знаком велел Фионе пригнуться, затем перекатился по крыше и оказался прямо над вторым стрелком. Поднимавшийся снизу густой черный дым помогал оставаться незамеченным. Внимание убийц было приковано к лестнице. Грей ждал, заняв удобную позицию, сжимая в кулаке тяжелую кровельную черепицу. Одну из тех, что сбила Фиона во время своего падения.

Все нужно сделать быстро. Грей знал, что второго шанса у него не будет.

Мужчина с пистолетом поставил ногу на нижнюю ступеньку лестницы. Грей перегнулся через край кровли и громко свистнул.

Стрелок поднял голову и упал на колено, ища новую цель. Чертовски проворно...

Грей метнул черепицу. Та просвистела в воздухе, словно боевой топор, и угодила прямехонько в лицо стрелка. Из рассеченного носа хлынула кровь. Стрелок рухнул на землю и ударился головой о булыжник. Больше он не двигался.

Грей перекатился в другую сторону, обратно к Фионе.

Мужчина с винтовкой что-то прокричал.

Грей надеялся, что, устранив одного убийцу, заставит другого отступить. Однако снайпер лишь отпрыгнул в сторону и укрылся за мусорным баком, по-прежнему держа лестницу под прицелом. Он выбрал выгодное место засады: рядом с горящей задней частью магазина, где его скрывал валивший из окон дым.

Грей дал знак Фионе лежать смирно. Если он попытается поднять ее наверх, им обоим придет конец. Снайперу хватит нескольких секунд.

Оставалось одно.

Оттолкнувшись рукой от водосточного желоба, Грей спрыгнул вниз, упал на стальную площадку и пригнулся. Выстрел из винтовки вдребезги разнес кирпич над его головой.

Грей выхватил из ножен под коленом кинжал.

— Как только скажу, беги по лестнице, потом через соседский забор. Найди первого же полицейского или пожарного. Ясно?

Фиона встретилась с ним взглядом. Казалось, она хотела возразить, но потом сжала губы и кивнула. Хорошая девочка.

Снова судьба дает ему единственную попытку... Грей, не раздумывая, сиганул вниз.

— Беги! — крикнул он Фионе и метнул нож в прятавшегося за мусорным баком снайпера.

Грей не надеялся убить стрелка, хотел только выиграть время и подобраться ближе. В тесном пространстве маленького дворика винтовка не самое подходящее оружие.

Приземлившись, Грей услышал, как металлическая лестница звенит под ногами Фионы. Девушка убегала. Это хорошо.

В то же самое время он увидел, как его нож ударился о бок мусорного ящика и отскочил.

Снайпер появился из своего укрытия с винтовкой на изготовку, целясь прямо в грудь Грея.

— Нет! — закричала Фиона.

Природный заповедник Хлухлуве-Умфолози
Зулуленд, Африка

— Бежим! — повторил Кхамиси.

Марсию Фэрфилд не пришлось подгонять. Подбежав к водоему, Кхамиси махнул рукой, показывая, что женщине нужно идти вперед. Та молча встретилась с ним взглядом и начала пробираться через высокий тростник, раздвигая руками колючие стебли.

Крик, который они слышали в лесу, мог издавать только крупный, мощный зверь, возбужденный кровавой охотой. Не важно, какие чудовища затаились в непроходимых зарослях

у журчащих родников и глубоких оврагов, инспектор больше ничего не желал знать. Постоянно озираясь, боясь услышать звуки погони, он следовал за Марсией Фэрфилд.

Послышался всплеск. Кхамиси кинул быстрый взгляд на водоем, но оставил звук без внимания. Сосредоточившись, зулус пытался уловить посторонний шум — признак опасности.

Когда Кхамиси исполнилось шесть лет, отец начал учить его охоте. На этот раз Кхамиси сам стал преследуемой добычей.

Его внимание привлек шум крыльев и какое-то движение слева. В небо взметнулся испуганный сорокопут. За людьми кто-то крался.

Выбравшись из тростников, Кхамиси догнал женщину.

— Скорее,— прошептал он.

Доктор Фэрфилд вытянула шею, пытаясь разглядеть преследователя, а потом посмотрела вверх. Она тяжело дышала, лицо побледнело. Кхамиси проследил за ее взглядом: джип стоял наверху, в тени баобаба, на краю глубокой впадины. При подъеме склон показался куда круче.

— Не останавливайтесь!

Из леса на опушку выпрыгнула рыжевато-коричневая антилопа клипспрингер и вприпрыжку понеслась вверх по склону, только грязь из-под копыт полетела. Кхамиси захотелось последовать ее примеру.

— Они убивают не ради еды,— задыхаясь, произнесла вдруг доктор Фэрфилд.

Кхамиси продолжал следить за лесом.

— Ими движет не голод,— повторила она, словно хотела рассуждениями победить свой страх.— Они почти ничего не съели. Похоже на то, что они убивают ради удовольствия. Как домашняя сытая кошка, поймавшая мышь.

Кхамиси провел много времени бок о бок с хищниками. Он знал, что такое поведение не свойственно диким животным. Сытые львы почти не представляли угрозы, они мирно отдыхали и могли достаточно близко подпустить к себе человека.

Лев не станет ради забавы разрывать горло самке носорога и выдирать из ее чрева детеныша.

Доктор Фэрфилд продолжала рассуждать вслух, как будто нависшая над ними опасность — не более чем головоломка, которую можно легко решить с помощью логики.

— Среди одомашненных животных лишь откормленная кошка охотится чаще, чем это необходимо. У нее хватает сил и времени на игру.

Так значит, то, что они видели, — игра? Кхамиси содрогнулся.

— Не останавливайтесь! — Ему не хотелось слышать продолжение рассказа.

Доктор Фэрфилд кивнула и замолчала, но ее слова не шли из головы инспектора. Какой хищник убивает ради развлечения и игры? Единственный ответ был очевиден.

Человек.

Тем не менее то, что они увидели у водопоя, не было делом рук человека.

И снова внимание Кхамиси привлекло чуть заметное движение. Краем глаза, всего на долю секунды, он успел заметить, что в темном подлеске мелькнул неясный силуэт, растворившийся в воздухе облачком дыма. Вспомнились слова мудрого старика из племени: «Полузверь, полупризрак...»

Несмотря на жару, по коже пробежал холодок. Кхамиси ускорил шаг, почти подталкивая немолодую женщину вверх по склону. До вершины холма оставалось всего несколько шагов, а до джипа — метров тридцать.

И в этот момент доктор Фэрфилд поскользнулась.

Она упала на колено, потом опрокинулась навзничь и столкнулась с Кхамиси.

Не удержавшись, он кувырком скатился до середины крутого склона, где сумел-таки остановиться, упершись в землю каблуками и прикладом винтовки.

Доктор Фэрфилд осталась там, где упала, глядя перед собой расширившимися от страха глазами. Она смотрела не на инспектора.

На край леса.

Кхамиси резко повернулся, чтобы встать на колени. Внезапно нога подвернулась, лодыжку пронзила острая боль.

— Бегите! — крикнул он. Ключи остались в машине.— Бегите!

Доктор Фэрфилд поднялась. Ненадежный песок зашуршал у нее под ногами.

Со стороны лесной опушки донесся новый нечеловеческий крик — то ли вой, то ли смех, то ли рыдание.

Кхамиси взял винтовку и выстрелил наугад в сторону леса. От неожиданности испуганно вскрикнула доктор Фэрфилд. Кхамиси надеялся, что звук выстрела отпугнет и тех, кто затаился в подлеске.

— Садитесь в джип! Скорее! Не ждите меня!

В лесу снова воцарилась тишина. Судя по звукам, доктор Фэрфилд добралась до вершины склона.

— Кхамиси,— окликнула она инспектора.

Он рискнул оглянуться.

Доктор Фэрфилд шагала к джипу. В это мгновение взгляд инспектора привлекло едва уловимое движение в ветвях баобаба. Несколько белоснежных цветков, свисающих вниз, тихонько заколыхались.

Это не ветер.

— Марсия! — отчаянно закричал Кхамиси.— Нет!

У него за спиной раздался дикий вой. Доктор Фэрфилд повернулась к инспектору.

Нет!

Из тенистой кроны гигантского дерева выпрыгнул зверь. Стремительная тень упала на Марсию, и оба — охотник и добыча — пропали из виду. Кхамиси услышал леденящий кровь крик женщины, который внезапно оборвался.

И вновь повисла неестественная тишина.

Кхамиси еще раз осмотрел край леса. Смерть подстерегала его и снизу, и сверху. Оставалось только одно.

Не обращая внимания на резкую боль в лодыжке, он побежал вниз по склону.

Он просто отдался на волю скорости, скорее летел, чем бежал. Кхамиси приближался к подножию холма, изо всех сил стараясь не упасть. Оказавшись внизу, направил винтовку на опушку леса и выстрелил второй раз, не надеясь отпугнуть хищников, а лишь желая выиграть немного времени. Наконец он выбрался на ровное место — и побежал, не останавливаясь. Ногу жгло огнем, сердце готово было выскочить из груди.

Кхамиси заметил или, вернее, почувствовал, что зверь движется у самой кромки леса. Среди листвы мелькнул светлый силуэт.

«Полузверь, полупризрак...»

Даже не сумев толком рассмотреть существо, Кхамиси уже знал, что не ошибся.

Укуфа. Смерть.

Не сегодня, мысленно взмолился он, только не сегодня!

Кхамиси напролом пролетел через заросли тростника и с разбегу нырнул в водоем.

9 часов 31 минута
Копенгаген, Дания

Выстрел снайперской винтовки заглушил крик Фионы.

В отчаянной попытке избежать смертельного ранения Грей метнулся в сторону, краем глаза увидев, как в разбитом окне мелькнул какой-то силуэт. Снайпер, видимо, заметил это движение на долю секунды раньше, отвлекся и потому промазал. Пуля обожгла левую руку Грея.

Вылетевшее из окна огромное существо приземлилось на мусорный бак, а оттуда прыгнуло к снайперу.

— Бертал! — взвизгнула Фиона.

Промокший до костей сенбернар сомкнул челюсти на запястье стрелка. Тот упал, винтовка отлетела в сторону.

Грей кинулся к оружию. Снайпер тем временем отшвырнул пса и обратился в бегство: перелетел через каменную садовую ограду и исчез.

— Подонок...

Подбежала Фиона, в руке сжимая пистолет.

— Второй, кажется, умер.

Она махнула рукой в сторону.

Грей закинул винтовку за плечо и отобрал пистолет. Девушка не спорила, сейчас ее больше занимал мохнатый спаситель.

— Бертал...

Нетвердой походкой, едва держась на ногах, Бертал подошел к хозяйке. Один бок мужественного пса был сильно опален огнем.

Грей посмотрел на горящий дом: каким чудом бедняге удалось выжить? Он вспомнил, где в последний раз видел Бертала: взрывом бомбы того оглушило и отбросило к стене. Должно быть, пес лежал под разбрызгивателем системы пожаротушения, потому и очнулся.

Девушка взяла в руки морду Бертала и прижалась к ней носом:

— Хорошая собака...

Грей с ней согласился. Он был в большом долгу перед псом и мысленно пообещал ему старбаксовского кофе без ограничений.

Ноги Бертала подогнулись, и сенбернар тяжело опустился на камни, все силы без остатка отдав борьбе с врагом.

Слева кого-то окликнули по-датски, высоко вверх ударила струя воды — это пожарные начали тушить заднюю часть магазина.

Грей не мог больше ждать.

— Мне пора.

Фиона поднялась, переводя взгляд с Грея на собаку.

— Оставайся с Берталом.— Грей сделал шаг назад.— Отвези его к ветеринару.

Взгляд Фионы стал колючим.

— А ты собираешься просто взять и уйти?

— Мне очень жаль.

Слабое извинение, если учесть, что им довелось пережить вместе: убийство бабушки, пожар, уничтоживший магазин,

чудесное спасение, но Грей не находил подходящих к случаю слов, да и времени на объяснения не оставалось.

Он повернулся и зашагал к садовой ограде в дальней части двора.

— Давай-давай, катись отсюда! — крикнула вслед Фиона.

С пылающим лицом Грей перепрыгнул через ограду.

— Не уходи!..

Он быстро шел по улице. Бросать Фиону ужасно не хотелось, однако выбора не было. Лучше пусть держится от него подальше. У спасателей она найдет убежище и защиту. Пятнадцатилетней девочке не место рядом с коммандером Пирсом... И все же его лицо по-прежнему горело от стыда. В глубине души он признавался себе, что частично им двигало эгоистическое желание избавиться от ответственности.

Какая теперь разница! Дело сделано.

Быстро шагая по улице, Грей засунул пистолет за пояс и вытащил из винтовки патроны, потом на ходу зашвырнул ее за груду досок. Нужно срочно выехать из отеля и сменить легенду. Гибель Гретты и снайпера начнут расследовать. Доктору Сойеру пришла пора исчезнуть.

Однако сперва надо закончить еще одно дело. Грей достал из кармана сотовый телефон и набрал номер Центра. Спустя несколько секунд его соединили с Логаном Грегори, руководителем операции.

— У нас проблемы.

— Слушаю.

— Ситуация куда более серьезна, чем мы полагали. Убиты люди.

Грей коротко описал утренние события. Ответом ему было довольно продолжительное молчание.

— До прибытия подкреплений операцию, пожалуй, лучше свернуть.

— Пока я буду дожидаться помощи, мы упустим драгоценное время. Через несколько часов начнется аукцион.

— Не забывайте, что ваше прикрытие лопнуло, коммандер Пирс.

— Не уверен. Устроители аукциона считают меня назойливым, повсюду сующим свой нос, но достаточно заурядным покупателем из Америки. На аукцион придет множество людей, помещение хорошо охраняется. Я продолжу наблюдение и, возможно, сумею выяснить, что или кто стоит за нашим делом.

Грею очень хотелось добраться до старинной Библии, посмотреть на нее собственными глазами.

— Считаю такие действия ошибочными. Потенциальный риск выше вероятной выгоды,— отрезал Логан.

Грей начинал кипятиться:

— Значит, я должен смириться с тем, что эти подонки хотели поджарить мне задницу?

— Коммандер!

Грей до боли в пальцах сжал телефон. Видно, Логан слишком засиделся в офисе, занимаясь бумажной работой. Расследование вышло за рамки простого сбора фактов и превратилось в серьезную операцию, в проведении которой теперь задействована вся «Сигма». По крайней мере, Грею хотелось бы, чтобы его поддерживал руководитель высочайшего уровня.

— Может, стоит привлечь директора Кроу?

Еще одна долгая пауза. Кажется, он сказал что-то не то.

— Боюсь, в настоящее время это неосуществимо, коммандер Пирс.

— Почему?

— Директор Кроу сейчас в Непале, и связаться с ним невозможно.

Грей нахмурился:

— В Непале? А что там в Непале?

— Коммандер, вы же сами его туда направили.

— Что?

И тут до Грея дошло: неделю назад он получил весточку от старого друга и сразу вспомнил прошлое — первые дни службы в «Сигме». Как и все агенты этого секретного подразделения, Грей имел за спиной опыт работы в спецчастях. В армию он поступил в восемнадцать, в двадцать один год стал рейнд-

жером, то есть военнослужащим диверсионно-разведывательного подразделения. Затем попал под суд за нападение на старшего по званию, и прямо в военной тюрьме Ливенуорт Грея завербовали в подразделение «Сигма». С тех пор к нему относились с некоторой опаской. Справедливости ради нужно сказать, что у Грея была серьезная причина, чтобы ударить офицера, чья некомпетентность стала причиной трагической гибели детей в Боснии.

С другой стороны, гнев Грея имел глубокие психологические корни: Пирс вообще с трудом мирился с авторитетом людей старше его. Все началось еще с отца. Они никак не могли найти общий язык, а Грей отчаянно нуждался в мудром наставнике, который указал бы ему верный путь.

Таким наставником стал для него Анг Гелу.

— Вы хотите сказать, что директор Кроу поехал в Непал из-за моего друга, буддийского монаха?

— Пейнтер знает, как дорог вам этот человек.

Грей замедлил шаг.

Готовясь к поступлению в подразделение «Сигма», он провел четыре месяца в Непале у буддийского монаха. Именно благодаря Анг Гелу Грей составил свой собственный, уникальный учебный план. Он прошел ускоренный курс биологии и физики, получил диплом по обеим дисциплинам, а монах помог ему по-новому осмыслить свое существование, научил находить равновесие между противоположными жизненными сущностями — инь и ян, единицей и нулем — и благодаря этому жить в ладу с самим собой и в гармонии с миром. Способность глубже проникать в суть вещей в конечном счете помогла Грею противостоять демонам прошлого.

Ребенком он нередко оказывался в тупике, разрываясь между противоположными стремлениями. Несмотря на то что мать преподавала в католической школе и наполняла жизнь сына духовным смыслом, она, кроме того, была прекрасно образованным биологом и столь же свято верила в эволюцию и человеческий разум. Глубокая вера матери в науку легко уживалась с религиозностью.

Не таким был его отец, валлиец, подсобный рабочий на нефтяном промысле. В расцвете сил он попал в аварию, и с тех пор ему пришлось выполнять обязанности домохозяйки. Поэтому его поступками частенько руководили вспыльчивость и потребность в самоутверждении.

Яблочко от яблони недалеко падает.

Так продолжалось до тех пор, пока Анг Гелу не указал Грею иной путь, помогающий избегать крайностей. Путь отнюдь не короткий, зато самый верный. Грей до сих пор стремился следовать советам наставника, чувствуя себя в большом долгу перед ним.

Поэтому, когда неделю назад монах попросил о помощи, он не оставил его призыв без внимания.

Анг Гелу сообщал о странных исчезновениях людей и загадочных болезнях в одном из регионов у китайской границы. Помощи просить было не у кого: правительство Непала занималось в основном маоистскими мятежниками. Анг Гелу знал об участии Грея в неких операциях, скрытых завесой тайны, и поэтому связался с ним. Пирс, занятый текущим заданием, обратился к Пейнтеру Кроу. А теперь чувствовал себя так, словно спихнул ответственность на начальника.

— Я только попросил у Пейнтера послать туда кого-нибудь из начинающих, чтобы все проверить на месте. Наверняка можно было не ехать самому...

Логан его перебил:

— У нас выдалась передышка, затишье в делах.

Грей едва сдержал стон досады. Он понимал, что имел в виду Логан: та же самая передышка занесла Грея в Данию.

— И директор лично поехал в Непал?

— Вы же знаете Пейнтера, он не любит сидеть на месте,— раздраженно сказал Логан.— В результате у нас возникли затруднения: из-за бури на несколько дней прервалась связь, а теперь, когда все наладилось, от директора ни слуху ни духу. Как назло, по разным каналам поступают новые тревожные сведения. Все то же, о чем сообщал ваш друг: загадочный мор, бесчинства мятежников... И чем дальше, тем хуже.

Грею стала понятна тревожная нотка в голосе Логана. Похоже, не только в Дании возникли трудности. Пришла беда — отворяй ворота.

— Могу прислать к вам Монка,— сообщил Логан.— Они с капитаном Брайент сейчас едут в Центр, и уже через десять часов Монк приземлится в Дании. А пока давайте отбой.

— Но торги закончатся...

— Коммандер Пирс, все необходимые инструкции вами получены.

Грей поторопился договорить:

— Сэр, я уже установил скрытые камеры наблюдения на входе и выходе из аукционного дома. Нельзя же оставить ценные сведения без внимания!

— Хорошо, продолжайте наблюдения из безопасного места. Следите за всеми событиями, но больше ничего не предпринимайте. Вам ясно, коммандер Пирс?

Грей готов был заорать от злости, однако выбора у него не было. Нет смысла возражать, когда сам виноват в подобном развитии ситуации.

— После аукциона доложите обстановку.

— Есть, сэр.

Логан отключился. Грей побрел по Копенгагену, думая о том, что неприятности еще не закончились. Из головы не шли тревожные мысли о Пейнтере и Анг Гелу.

Что же, черт возьми, случилось в Непале?

4

ПРИЗРАЧНЫЕ ОГНИ

11 часов 18 минут
Гималаи

— Вы точно знаете, что Анг Гелу убит? — переспросил Пейнтер.

Лиза кивнула в ответ. Она только что закончила рассказ о том, как покинула альпинистский лагерь на Эвересте, чтобы расследовать загадочное заболевание в монастыре Темп-Ок. Вкратце описала все ужасы, свидетельницей которых стала: помешательство монахов, взрывы, неуловимый снайпер.

Укрывшись вместе с Лизой в подземелье монастыря, Пейнтер тщательно обдумывал все услышанное. Тесный лабиринт не был рассчитан на человека его роста, приходилось стоять согнувшись, и все равно он постоянно задевал макушкой свисающие сверху пучки можжевельника, развешанного для просушки. Ароматные веточки монахи использовали во время молитвенных служб в главном храме. В том самом храме, который сейчас превратился в большой костер, возносящий огонь и дым к полуденному небу.

Безоружные Лиза и Пейнтер спрятались от пожара в подвале. Кроу задержался всего на секунду, чтобы прихватить тяжелое пончо и ботинки на меху. Он стал похож на воина из американского племени пекот, хоть мог считаться индейцем только наполовину. Пейнтер так и не вспомнил, куда подева-

лась его одежда. Необъяснимым образом из памяти стерлись три дня жизни, а вместе с ними испарились фунтов десять веса. Натягивая пончо, он обратил внимание, как сильно выпирают ребра. Должно быть, загадочная местная болезнь и его не пощадила. Хорошо хоть силы понемногу начинали возвращаться. А они могут вскоре понадобиться, ведь где-то рядом рыщет профессиональный убийца.

Поспешно спускаясь в лабиринт, Пейнтер слышал выстрелы: снайпер методично отстреливал монахов, которые пытались убежать из горящего монастыря. Доктор Каммингс описала нападавшего; определенно есть и другие. Впрочем, предположение, что на Темп-Ок совершили налет маоистские боевики, сразу вызвало у Пейнтера сомнение. Какая им польза от устроенной в монастыре бойни?

Кроу уже знал, что Лиза, врач альпинистской партии, готовилась к восхождению на Эверест, и исподтишка бросал на нее изучающие взгляды. Длинноногая, с атлетической фигурой, белокурые волосы собраны в хвост, обветренные щеки порозовели... Девушка боялась, поэтому норовила держаться ближе к спутнику и всякий раз вздрагивала, услышав приглушенный звук выстрела. И при этом никаких слез, суеты, причитаний! С такой силой воли она преодолеет любые трудности. Только надолго ли ее хватит? Вон как дрожат пальцы, которыми она отодвинула мешавший ей пучок лимонного сорго, свисавший с потолка. Они шли вперед, все дальше забираясь в подземный лабиринт, где воздух благоухал ароматами высокогорных растений, собранных для приготовления курений в храме: розмарином, полынью, горным рододендроном, кхенпой (чудодейственной травой, что растет только на склонах гор вблизи монастыря Ганден).

Лама Кхемсар, настоятель монастыря, рассказал гостю о силе сотен душистых трав: одни очищали тело, другие пробуждали божественную энергию, третьи отгоняли дурные мысли, прочие исцеляли всевозможные болезни. Однако сейчас Пейнтер хотел вспомнить только одно: как дойти до выхода из коридора. Все монастырские здания соединял между собой

подземный лабиринт. Во время сильных зимних снегопадов монахи переходили по его извилистым ходам из одного дома в другой. Пройти можно было и в сарай, что стоял на отшибе, в стороне от любопытных глаз.

Только бы добраться до него, там выйти наружу и спрятаться в деревеньке, находящейся в нижней долине. Необходимо срочно связаться с руководством «Сигмы». Беспокойные мысли вертелись в голове Пейнтера,— и вместе с ними неожиданно закружился подземный лабиринт. Пейнтер Кроу оперся рукой о стену, пытаясь справиться с дурнотой.

— Что с вами? — подойдя, спросила Лиза.

Пейнтер сделал несколько глубоких вдохов, потом кивнул. С тех пор как он очнулся, его преследовали приступы дурноты и головокружения. Вроде бы они накатывали все реже. А может, ему только хотелось так думать.

— Что все-таки здесь происходит?

Девушка отобрала у Пейнтера ручку-фонарик, который на самом деле принадлежал ей (она нашла его в медицинской сумке), и направила луч света на спутника.

— Точно не знаю, но оставаться на месте нельзя.

Он хотел отойти от стены, но Лиза уперлась ладонью в его грудь, вглядываясь в лицо.

— У вас явный нистагм*,— сдвинув брови, негромко констатировала она.

— Что?

Она протянула ему флягу с холодной водой и заставила присесть на тюк сена. Пейнтер не возражал, хотя сено оказалось жестким, как камень.

— Я вижу заметный горизонтальный нистагм, то есть подрагивание глаз. Вы ударились головой?

— Кажется, нет. Это что, тревожный симптом?

— Сразу сказать трудно. Нистагм наблюдается при инсульте, рассеянном склерозе или после сильного удара по голове.

---

* Непроизвольные быстрые движения глазных яблок, признак возможного поражения головного мозга.

Судя по приступам дурноты и головокружению, я бы предположила, что у вас поражение вестибулярного аппарата, внутреннего уха или центральной нервной системы. Скорее всего, временное.

Последние три слова она пробормотала неуверенно.

— Что вы подразумеваете под словами «скорее всего», доктор Каммингс?

— Зовите меня Лизой.

— Замечательно, Лиза. Так что означают ваши слова?

Девушка отвела взгляд.

— Вам необходимо пройти обследование. Нужно также изучить ваше состояние до появления нистагма,— ответила она.— Может быть, вы расскажете, как это началось?

Пейнтер сделал большой глоток. Если бы знать! При попытке хоть что-нибудь вспомнить в глазах возникала сильная резь.

— Я ходил в одну из ближайших деревень. Посреди ночи в небе над горами вспыхнули странные огни, хотя никакого праздничного фейерверка не было. К тому времени, когда я проснулся, огни исчезли, но утром все как один жители деревни жаловались на головную боль и тошноту. Я и сам чувствовал то же самое. Расспросил одного из старейшин об огнях. Тот сказал, что на протяжении нескольких последних десятилетий они периодически возникают в небе. Местные жители приписывают появление призрачных огней злым духам, обитающим высоко в горах.

— Злым духам?

— Старик показал мне, где появляются призрачные огни: над отдаленным горным районом, в труднопроходимом краю глубоких ущелий и ледяных водопадов, что тянутся до самой китайской границы. Монастырь Темп-Ок расположен на склоне горы, который смотрит на ту, ничейную землю.

— Значит, монастырь находится ближе к призрачным огням, чем деревня?

Пейнтер кивнул.

— Через двадцать четыре часа в деревне погибли все овцы. Одни падали и умирали на месте, другие бились головами

о стены до тех пор, пока не подохли. На другой день я вернулся в монастырь, страдая от головной боли и тошноты. Лама Кхемсар напоил меня каким-то чаем. Больше я ничего не помню.— Он снова глотнул из фляги.— Это было три дня назад. Потом я проснулся в запертой комнате. Пришлось выломать дверь, чтобы выбраться наружу.

— Вам повезло,— сказала Лиза, забирая у него флягу.

— Почему?

Она скрестила руки на груди.

— Повезло, что вы находились вдалеке от монастыря. Монахи пострадали куда сильнее.— Лиза посмотрела в сторону, как будто пыталась что-то увидеть сквозь стену.— Возможно, это какая-то форма радиации. Говорите, совсем близко китайская граница? Может, китайцы проводили ядерные испытания?.. Между прочим, вы так и не сказали, чем здесь занимались, мистер Кроу.

Он криво улыбнулся.

— Зовите меня Пейнтером.

На Лизу его уловка не произвела впечатления. При сложившихся обстоятельствах откровенность в пределах разумного показалась ему единственно правильным решением.

— Я работаю на правительство, на подразделение, называемое УППОНИР*, мы...

Она прервала его нетерпеливым движением пальцев, не расцепляя сложенных на груди рук.

— Я знакома с этим ведомством, сама однажды получила его грант. А при чем тут оно?

— Анг Гелу не только вас привлек к работе. Неделю назад он обратился к нам с просьбой проверить появившиеся в округе упорные слухи о загадочной болезни. Я срочно выехал, ознакомился на месте с положением дел, прикинул, каких специа-

---

* Defence Advanced Research Projects Agency — Управление перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ Министерства обороны США, отвечает за разработку новых технологий для использования в военных целях. Создано в 1958 году в ответ на запуск в СССР первого искусственного спутника Земли (1957 г.).

листов необходимо сюда направить — врачей, геологов, военных, как вдруг разразилась сильнейшая снежная буря, надолго отрезавшая меня от мира.

— Что вам удалось выяснить?

— После предварительных опросов я заподозрил, что местные маоисты вызвали радиоактивное заражение местности в процессе изготовления «грязной бомбы». От китайцев действительно можно ожидать подобных экспериментов. Поэтому, пережидая бурю, я произвел замеры различных форм радиации. И ничего необычного не обнаружил.

Лиза смотрела на него так пристально, словно изучала неизвестного науке жука.

— Если вас поместить в лабораторию,— задумчиво произнесла она,— возможно, удастся ответить на некоторые вопросы.

Похоже, он для нее даже не жук, а подопытный кролик...

— Для начала нужно выжить.

Его слова вернули Лизу к реальности. Она посмотрела на потолок подземного лабиринта: что-то давненько не слышно выстрелов.

— Наверное, думают, что всех перебили. Если мы останемся здесь...

Пейнтер встал.

— Судя по вашему рассказу, нападение на монастырь тщательно спланировано. Значит, эти люди знают о подземных туннелях и непременно их обыщут. Остается только надеяться, что они подождут, пока не утихнет пожар.

— Выходит, нужно идти,— кивнула Лиза.

— И постараться не оставлять следов.

Пройдя несколько шагов, Пейнтер почувствовал себя увереннее. Прекрасно. Выход должен быть где-то рядом.

Словно подтверждая его догадку, в лицо повеял ветерок, с сухим шелестом заколыхались пучки душистых растений. И тут же в Пейнтере проснулись унаследованный от предков инстинкт охотника и навыки, полученные при подготовке в спецчастях. Протянув руку назад, он схватил Лизу за локоть, заставляя девушку затаиться, и погасил фонарик.

Впереди что-то с силой ударило об пол, послышались гулкие шаги человека в тяжелых ботинках. Где-то хлопнула дверь. Прохладный ветерок пропал.

Теперь они не одни.

Убийца пригнулся, чтобы не задевать головой потолок подземного туннеля. Тут наверняка есть другие люди; только много ли их? Он закинул винтовку за спину и достал пистолет «Хеклер и Кох МК23», предусмотрительно сняв кожаные перчатки и оставшись в шерстяных. Замер, прислушиваясь.

И уловил едва заметный шорох и удаляющиеся шаги. Скорее всего, людей двое, может быть, трое. Он закрыл дверь, ведущую в сарай. С последним легким шелестом сквозняк прекратился, и воцарилась кромешная тьма.

Убийца надел очки ночного видения и включил ультрафиолетовую лампу, прикрепленную к плечу. Туннель перед ним засиял оттенками серебристо-зеленого цвета.

По стене тянулись полки, заставленные консервными банками и горшочками с янтарным медом. Торопиться нет нужды. Единственный оставшийся выход вел к пылающим развалинам. Тех помешанных монахов, которым достало соображения спасаться от огня, он перестрелял.

Снайпер убивал из милосердия, чтобы облегчить страдания монахов. Несчастный случай, один из многих за последнее время, произошел потому, что Колокол прозвонил слишком громко.

Среди обитателей Granitschloss — Гранитного замка — целый месяц нарастало возбуждение, особенно перед самим несчастным случаем. Даже в уединенном жилище, которое сам для себя устроил убийца, он чувствовал, что в замке не все мирно, хоть и не придавал этому значения.

Затем произошел несчастный случай, и ему приказали исправить досадную оплошность, допущенную другими. Таков долг последнего из оставшихся в живых Sonnekönige. Уделом рыцарей Короля-солнца стал упадок: сократились их ряды, понизился статус; их стали сторониться как досадного анахронизма. Пройдет совсем немного времени, и последние Son-

nekönige уйдут в небытие. Пусть так. Что ни делается, все к лучшему.

Наконец-то сегодняшняя миссия приблизилась к концу! Вскоре он возвратится в свою хижину, вот только очистит этот подземный коридор. Трагедию, произошедшую в монастыре, припишут банде мятежников. Да и кто, кроме безбожных маоистов, нападет на безобидный монастырь, не имеющий никакого стратегического значения? А для того, чтобы сомнений в этом ни у кого не осталось, все вооружение, даже пистолет, убийца подобрал из арсенала маоистских молодчиков.

С оружием на изготовку он крался мимо ряда открытых дубовых бочек, напряженно ожидая ловушки. Монахи, может быть, и сошли с ума, однако даже безумец, загнанный в угол, способен проявить чудеса коварства.

Впереди коридор сворачивал влево, и снайпер прижался к правой стене. Поднял на лоб прибор ночного видения, и коридор потемнел; снова опустил очки на глаза, и проход осветился зеленым сиянием. Каждого, кто прячется здесь, он увидит первым. Нет им спасения.

Он беззвучно скользнул за угол. Небольшая вязанка сена валялась поперек прохода, словно кем-то в спешке отброшенная. В коридоре — бочки, весь потолок завешан вениками из сухих растений. Ни звука, ни движения.

Снайпер занес ногу над лежащим тюком сена и перешагнул через него. Под каблуком предательски хрустнул можжевеловый сучок. Да весь пол усыпан хрупкими ветками можжевельника: ловушка!

Он бросил взгляд назад, и внезапно мир перед его глазами превратился в мельтешащий калейдоскоп света. Усиленная прибором ночного видения, вспышка фотокамеры могла сравниться с яркостью сверхновой звезды. Снайпер на минуту ослеп — и все-таки машинально нажал на спусковой крючок. Оглушительно грянул выстрел.

Должно быть, беглецы хотели застать его врасплох и прятались в темноте, дожидаясь, когда охотника выдаст хруст-

нувшая под ногой ветка. Он попятился, споткнулся о тюк сена и, падая, выстрелил. Это было ошибкой.

Воспользовавшись мигом смятения, кто-то подкрался к нему и толкнул. Снайпер рухнул навзничь на каменный пол, что-то вонзилось в бедро. Он ударил ногой вверх и услышал стон нападавшего.

— Уходим! — крикнул неизвестный мужчина, прижимая к земле руку снайпера с пистолетом.— Беги!

Напавший говорил по-английски, значит, это не монах. Послышались удаляющиеся шаги; второй беглец торопился в сторону люка, который вел в сарай.

— Scheisse!* — выругался снайпер.

Он извернулся и стряхнул с себя нападавшего, словно тряпичную куклу: Sonnekönige не чета обычным людям. Противник ударился о стену, быстро вскочил и бросился наутек, однако разъяренный снайпер ухватил нападавшего за ногу и дернул к себе.

Рыцарь Короля-солнца надавил большим пальцем на чувствительный нерв над ахилловым сухожилием, и мужчина вскрикнул — этот прием причинял невыносимую боль: ощущение такое, будто тебе сломали колено. Выпрямившись, снайпер за ногу подтянул противника к себе...

И вдруг силы иссякли. Улетучились, словно воздух из проколотого шарика. Верхняя часть бедра пылала огнем. Он посмотрел вниз: из ноги торчал не нож, а пластиковый шприц. Ему вкололи наркотик.

Воспользовавшись моментом, нападавший легко вырвался из его рук и ударился в бегство.

Снайпер не мог позволить ему уйти. Он поднял пистолет, ставший тяжелым, как наковальня, и выстрелил вслед. Пуля рикошетом отскочила от каменного пола. Чувствуя, как быстро наваливается слабость, он выстрелил второй раз, но беглец уже скрылся из виду. Снайпер слышал, как убегает

* Дерьмо *(нем.)*.

враг. Слабея, он опустился на колени, в его груди тяжело стучало сердце.

Он несколько раз глубоко вздохнул.

Sonnekönige не чета обычным людям.

Снайпер медленно поднялся.

Он должен закончить порученное дело.

Ради этого он и появился на свет.

Его долг — служить.

Пейнтер захлопнул крышку люка.

— Помогите мне.— Разминая ногу, скованную болью, он указал на штабель ящиков у стены.— Нужно забаррикадировать люк.

Затем потянул на себя тяжелый верхний ящик, и тот с металлическим грохотом упал на пол. Пейнтер не знал, что находилось в ящиках, чувствовал только их неподъемную тяжесть.

Ящик удалось взгромоздить на крышку люка. Лиза сражалась со вторым. Вместе они сумели завалить люк.

— Еще один,— решил Пейнтер.

Лиза критически осмотрела кучу тяжелых ящиков:

— Такую тяжесть не сдвинет никто.

— Еще один,— настаивал Пейнтер, тяжело дыша и морщась от боли в ноге.— Поверьте, это необходимо.

Они вдвоем с трудом водрузили последний ящик сверху.

— Лекарство отключит его на несколько часов,— сообщила Лиза.

В ответ прозвучал выстрел. Пуля, выпущенная из винтовки, пробила заставленную ящиками крышку люка и вонзилась в стропило.

— Боюсь, что не могу с вами согласиться.

Пейнтер потянул Лизу за руку, чтобы увести подальше от люка.

— Вы ввели ему полную дозу мидазолама?

— Разумеется.

— Почему же тогда...

— Не знаю. Какая теперь разница.

Пейнтер подвел Лизу к выходу из сарая. Осмотревшись и не заметив других стрелков, они выскользнули наружу. Монастырь превратился в догорающие, дымящиеся руины. Над пепелищем собирались свинцовые тучи.

— Таски сказал правду,— пробормотала Лиза, натягивая капюшон парки.

— Кто?

— Наш проводник-шерп предупреждал, что сегодня начнется снежная буря.

Пейнтер задумчиво взглянул на поднимавшиеся к тучам языки пламени. С неба повалили тяжелые хлопья снега, смешанные с черным дождем из пепла. Огонь и снег — подходящий могильный памятник монастырским затворникам.

Воспоминание о людях, приютивших его в монастыре, а теперь мертвых, вызвало у Пейнтера приступ черного гнева. Кто мог расправиться с ними со столь нечеловеческим хладнокровием?

Пока еще нет ответа на вопрос «кто», зато известно «почему». Причина в загадочной болезни. Что-то вышло из-под контроля, и убийца пришел, чтобы скрыть последствия.

Новый взрыв прервал раздумья. Вихрь пламени сорвал с петель дверь сарая. Через двор пролетела крышка одного из ящиков. Пейнтер схватил Лизу за руку.

— Он что, взорвал сам себя?

Пораженная Лиза не могла оторвать взгляда от сарая.

— Нет, только дверь люка. Боюсь, огонь не задержит его надолго.

Пейнтер побежал к воротам скотного двора через покрытый ледяной коркой выгул, огибая застывшие трупы коз и овец.

Снегопад превращался в метель, что сулило и пользу, и вред. На Пейнтере была только толстая шерстяная накидка и сапоги, подбитые мехом,— не самая надежная защита от вьюги. С другой стороны, свежевыпавший снег скроет следы.

Беглецы поспешили к тропе, которая вилась по краю обрыва и спускалась к деревне в нижней долине, где Кроу побывал несколько дней назад.

— Смотрите! — крикнула Лиза.

Снизу поднимался столб дыма..

— Деревня...

Пейнтер сжал кулаки.

Значит, не только монастырь решили стереть с лица земли. Крестьянские хижины тоже уничтожили, чтобы не осталось ни одного свидетеля.

Пейнтер попятился. Нужно уйти с тропы: место слишком хорошо просматривалось. За склоном горы могли наблюдать те, кто остался внизу.

— Куда же нам идти? — в отчаянии спросила Лиза.

Пейнтер указал рукой на горы за пепелищем:

— На ничейную землю.

— Разве не там не...

— Да, в последний раз именно там видели призрачные огни. Однако надо где-то спрятаться от снежной бури и дождаться подкрепления. Кто-нибудь обязательно придет, чтобы узнать о причине пожара.

Пейнтер пристально смотрел на колонну черного дыма, заметную, наверное, за много миль отсюда. Дымовой сигнал бедствия. Такие в старину подавали американские индейцы. Заметят ли его?

— Нужно идти.

1 час 25 минут
Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Монк и Кэт пересекли темную площадь перед Капитолием. Они быстро шли бок о бок, сплоченные не столько взаимной симпатией, сколько общим волнением.

— Я хотела бы подождать,— проронила Кэт.— Еще слишком рано. Все может случиться.

Монк чувствовал исходящий от нее аромат жасмина. После звонка Логана любовники вместе быстро приняли душ, об-

нимая друг друга в облаках пара, сплетаясь под струями воды в последней ласке. Зато вытираясь полотенцами и натягивая одежду, они с каждой застегнутой пуговицей возвращались к прозе жизни. Реальность охлаждала их страсть с не меньшим успехом, чем утренняя прохлада улиц.

Монк посмотрел на подругу. Кэт надела темно-синие слаксы, белую блузку и ветровку, украшенную гербом Военно-воздушных сил США. Профессионально подтянутая, аккуратная, как начищенные до блеска кожаные туфли-лодочки. Монк, в свою очередь, облачился в черные кроссовки «Рибок», темные джинсы, свитер цвета овсянки и завершил наряд бейсболкой с эмблемой команды «Чикаго кабс».

— Я предпочла бы никому не рассказывать о беременности,— сказала Кэт.— Пока не узнаю точно.

— Что ты имеешь в виду? Пока не узнаешь точно, хочешь ли ты ребенка? Или пока не решишь, хочешь ли быть со мной?

Они проспорили всю дорогу от дома Кэт до бывшей викторианской гостиницы неподалеку от площади Капитолия. Сегодня ночью недолгая прогулка казалась нескончаемой.

— Монк...

Он остановился, протянул руку, потом опустил.

— Скажи мне, Кэт.

— Надо удостовериться, что беременность... сохранится. Пока не удостоверюсь, не хочу никому рассказывать.

В лунном свете в ее глазах блеснули слезы.

— Дитя мое, именно поэтому мы и должны о ней рассказать,— чтобы защитить то, что зародилось вот здесь.

— А впрочем, ты прав. Моя карьера... возможно, сейчас не время.

Монк вздохнул.

— Если бы все дети появлялись на свет в нужное время, мир превратился бы в довольно безлюдное место.

— Монк, это нечестно. Речь идет не о твоей карьере...

— Как бы не так! Разве ты не понимаешь, что ребенок изменит и мою жизнь? С его рождением переменится все.

— Вот именно. Этого я боюсь больше всего.

Она прильнула к Монку, и тот заключил ее в объятия.

— Вместе мы справимся. Обещаю.

— И все-таки я подождала бы еще несколько дней. Я даже не была на приеме у врача. Вдруг тест на беременность выдал ошибку?

— Сколько раз ты проверяла?

Она прижалась к Монку и смущенно прошептала:

— Пять раз.

— Пять?

Ему не удалось скрыть улыбки. Кэт довольно чувствительно ткнула его кулачком в ребра.

— Не смейся надо мной!

Монк угадал по голосу, что она тоже улыбается, и обнял ее крепче.

— Отлично. Отныне это будет нашей тайной.

Она поцеловала Монка, не страстно, но с глубокой благодарностью. Любовники разжали объятия, однако их пальцы оставались сплетенными все время, пока они шли через зеленую аллею, что протянулась на несколько миль от подножия Капитолия к берегу Потомака.

Впереди влюбленных ожидала цель ночной прогулки: освещенный огнями замок Смитсоновского института. Его стены из красного песчаника, башни и шпили светились в темноте. В главном здании института располагался информационный центр, а старое бомбоубежище под ним преобразовали в центральный штаб «Сигмы» и расположили там лаборатории военных ученых УППОНИР.

Когда влюбленные приблизились к замку, пальцы Кэт выскользнули из ладони Монка. Он быстро взглянул на нее, не в силах отделаться от поселившегося в душе беспокойства. Несмотря на достигнутое согласие, Монк чувствовал внутреннюю неуверенность Кэт. Может быть, дело не только в ребенке? Она сказала: «Пока не узнаю точно». О чем узнает? Тревога не оставляла Монка и по дороге по подземным переходам, а совещание с Логаном Грегори, временным директором «Сигмы», добавило еще больше поводов для волнений.

— Штормовой фронт накрыл весь регион, в Бенгальском заливе не стихают грозы,— рассказывал Логан, сидя за столом.

Два жидкокристаллических экрана на стене постоянно показывали бесконечные ряды цифр, на третий транслировалось изображение Азии, передающееся со спутника, который отслеживал погодные условия.

— Надеюсь, еще до восхода солнца придет новая информация,— продолжал Логан.— Анг Гелу на рассвете улетел в Непал, чтобы обследовать вместе с врачом монастырь. Решил проскочить на вертолете между снежными бурями. Сейчас еще рано, в Непале полдень, но скоро мы получим свежие новости.

Монк и Кэт переглянулись. Пейнтер Кроу не выходил на связь три дня. Судя по виду Логана, он так и не прилег за все это время. Слегка помятый синий костюм на обычно аккуратном Логане казался вопиюще неопрятным. Соломенно-желтые волосы и загорелая кожа всегда придавали ему моложавый вид, но сегодня ночью он выглядел на все свои сорок с лишним лет: веки припухли, появилась нездоровая бледность, а морщины около глаз стали глубже.

— Что с Греем? — спросила Кэт.

Логан захлопнул папку, показывая, что разговор на предыдущую тему завершен, и с привычной аккуратностью положил перед собой стопку бумаг:

— Час назад на жизнь коммандера Пирса было совершено покушение.

— Что? — От неожиданности Монк подался вперед.— К чему тогда разговоры о прогнозах погоды?

— Успокойтесь, он в безопасности.— Логан четко обрисовал события в Копенгагене, в том числе обстоятельства, при которых Грею удалось выжить.— Монк, вам предписано вылететь к нему. В международном аэропорту Даллеса ожидает самолет, готовый подняться в воздух через девяносто две минуты.

Монк почувствовал невольное уважение: Логан даже не посмотрел на часы.

— Капитан Брайент,— продолжал Логан, обращаясь к Кэт,— как временно исполняющий обязанности директора, я поручаю вам контролировать ситуацию в Непале. Свяжитесь с нашим посольством в Катманду. Мне нужен ваш опыт в разведке.

— Разумеется, сэр.

Монк обрадовался: Кэт останется в штабе, в безопасном бункере под Смитсоновским институтом, а не полетит с ним на операцию. Одной заботой меньше.

Однако он заметил, что Кэт, будто прочитав его мысли, явно напряглась, и напустил на себя выражение нарочитой сосредоточенности.

Логан встал.

— Можете идти.

Едва выйдя из кабинета, Кэт крепко схватила Монка за руку выше локтя.

— Ты улетаешь в Данию?

— Да, а что?

— А как же быть...— Она втащила Монка в женский туалет, где в этот поздний час никого не оказалось.— Как быть с ребенком?

— Не понимаю, что такое...

— А если с тобой что-нибудь случится?

Он смотрел на нее, растерянно моргая.

— Да ничего не случится.

Она указала на протез:

— Ты можешь пострадать.

Монк вспыхнул и спрятал руку за спиной.

— Операция не самая опасная. Я просто прикрою Грея, пока он будет завершать работу. Вспомни, Рейчел тоже в городе. Похоже, буду им назойливой дуэньей. А потом мы вернемся, первым же рейсом.

— Если операция действительно такая пустяковая, пусть пошлют другого сотрудника. Я могу сказать Логану, что твоя помощь нужна здесь.

— Черта с два он тебе поверит.

— Монк...

— Я полечу, Кэт. Ведь ты сама хочешь сохранить свою беременность в тайне, а работу пока никто не отменял. У меня свои задания, у тебя свои. Обещаю быть благоразумным.— Он положил ладонь на живот Кэт.— Буду беречь свою задницу ради нас троих.

Она накрыла его ладонь своей и вздохнула:

— Надо признать, задница у тебя довольно симпатичная...

Монк ухмыльнулся, и Кэт улыбнулась в ответ, хотя в ее глазах светилась тревога. Наверное, это все из-за беременности.

Тогда он приник к любимой и прошептал:

— Я обещаю, Кэт.

— Что обещаешь?

— Все на свете,— искренне ответил Монк и горячо поцеловал ее.

— Ладно, Грею можешь рассказать,— проговорила Кэт, когда он наконец разжал объятия.— Только пусть даст слово хранить новость в тайне.

— Правда? — Глаза Монка радостно заблестели, а потом подозрительно прищурились.— С чего бы это?

Она хлопнула его ниже спины и подошла к зеркалу.

— Хочу, чтобы он тоже берег твою задницу.

— Боюсь, у него традиционная ориентация.

Кэт покачала головой, рассматривая в зеркале свое отражение.

— И что мне с тобой делать?

Монк подошел и обнял ее сзади за талию.

— Согласно распоряжению мистера Логана, делай со мной, что хочешь, целых девяносто две минуты.

0 часов 15 минут
Гималаи

Лиза и Пейнтер спускались по крутому участку мерзлой каменистой осыпи, предательски уходящей из-под ног. Сверху их накрывало облако снегопада,— в нескольких футах уже

ничего не было видно, на мир опустились сумерки. К счастью, беглецы благополучно миновали самый трудный участок пути.

Температура стремительно падала. Лиза в горной куртке и тонких перчатках дрожала, как осиновый лист. Шли они не больше часа, однако палящая жара сгоревшего монастыря давно превратилась в воспоминание. Теперь открытые участки лица обжигали ледяной ветер и метель.

Пейнтеру приходилось еще хуже, чем Лизе, хоть он и облачился в толстые шерстяные штаны и перчатки без пальцев, снятые с одного из мертвых монахов. Капюшона у накидки не оказалось, и он обмотал нижнюю часть лица шарфом. Дыхание застывало в воздухе белым облачком пара.

Необходимо найти убежище, и как можно скорее.

Вот и извилистое дно ущелья между крутыми склонами. Здесь свежий снег устилал землю покрывалом толщиной в фут.

По рыхлой целине трудно идти без снегоступов.

Словно прочитав мысли Лизы, Пейнтер указал на узкую щель в горе. Над расселиной нависал ледяной козырек, который вполне мог защитить от непогоды. Борясь с ветром, замерзшие беглецы направились к укрытию.

В ущелье под спасительным козырьком стало легче. Обернувшись, Лиза увидела, что снег быстро заметает цепочку следов. Однако спасительный снегопад рождал в душе девушки и тягостное чувство: казалось, само их существование стиралось с лица земли.

— Вы представляете, куда мы идем? — почему-то шепотом спросила она.

— Смутно,— признался Пейнтер.— Здешних приграничных территорий и на карте-то нет, а в некоторых местах вообще не ступала нога человека. Впервые приехав сюда, я начал с того, что изучил спутниковые снимки местности. Только практической пользы от них мало. Поверхность земли слишком изрезана, топографическая съемка чертовски затруднена... А вы знаете, что в тысяча девятьсот девяносто девятом году именно здесь обнаружили Шангри-Ла?

Лиза с сомнением взглянула на него: может, он улыбается под шарфом, шутит, стараясь отвлечь ее от страшных мыслей?

— Шангри-Ла из «Затерянного горизонта»?

Ей припомнились книга и фильм об утопическом райском уголке, скрытом в теснинах Гималаев, где остановилось само время.

— Двое ученых из Национального географического общества наткнулись в Гималайских теснинах на невообразимо глубокое ущелье всего в нескольких сотнях миль к югу отсюда,— начал рассказывать Пейнтер.— Скрытое под горным отрогом, оно незаметно со спутников. На дне его лежит субтропический рай. Водопады, роскошные хвойные леса, долины, полные рододендронов, ручьи, обрамленные тисами и серебристыми тсугами*. Нетронутый реликтовый лес, изобилующий животными и птицами, окруженный со всех сторон льдами и снегом.

— Шангри-Ла?

Он пожал плечами.

— Наука со всеми ее спутниками далеко не всегда видит то, что природа не спешит нам открывать.

Пейнтер совершенно окоченел, зубы стучали, слова давались с трудом; нужно как можно скорее найти свой маленький рай.

Через десять минут ущелье резко изогнулось, за поворотом спасительный козырек закончился, и беглецы словно вернулись на несколько часов назад. В отчаянии озираясь, они застыли на месте. Мир впереди скрывала густая вуаль снега. Метель разыгралась не на шутку. Временами порывы ветра разрывали белую завесу, мимолетно открывая взору широкую долину, совсем непохожую на райскую Шангри-Ла.

Путь преградила гряда острых скалистых зубцов, с которых ветер сдул весь снег. Слишком крутые, чтобы одолеть их

---

* Род хвойных вечнозеленых деревьев семейства сосновых, представители реликтовой флоры. В Гималаях произрастает до 15 видов тсуг.

без специального снаряжения. Со склона отвесно падал каскад из нескольких водопадов, сейчас, разумеется, застывших ледяным изваянием.

Далеко впереди, в мареве снега и стылого тумана, лежало глубокое, бездонное с виду ущелье. Наверное, именно так выглядит край света.

— Мы найдем путь вниз,— стуча зубами, произнес Пейнтер и вновь ринулся в бой с бураном.

Он торил в снегу, доходящем до колен, тропу для Лизы.

— Постойте.— Девушка понимала, что побег не может больше продолжаться. Они далеко ушли, но для продолжения пути не было снаряжения.— Пойдем туда.

Она направилась к склону горы, ища защиты от ветра.

— Куда?..

Он не сумел закончить фразу, так сильно стучали зубы.

Лиза указала на замерзший поток, падавший со скалы. Ей вспомнились уроки Таски Шерпа, обучавшего выживанию в горах: самое главное — найти укрытие.

Она подошла к тому месту, где ледяной водопад достигал тропы. Шерп объяснил, что летнее таяние снегов превращает гималайские водопады в бурные потоки, которые вымывают в скалах глубокие полости. К концу лета сила потоков спадает, и вода постепенно замерзает, укрывая пустые пространства ледяным щитом. Лиза, как учил Таски, нашла место, где голубовато-белый лед примыкал к черной скале.

С огромным облегчением девушка увидела, что ближайший водопад не был исключением из правил, и мысленно вознесла благодарственную молитву Таски и его предкам.

Она пробила локтем ледяную корку и руками расширила черную дыру между льдом и камнем. Их взорам открылась небольшая пещера.

Пейнтер шагнул вперед.

— Я должен убедиться, что внутри безопасно.

Он боком протиснулся в щель и исчез. Через минуту слабый огонек осветил водопад изнутри, и Лиза заглянула в ледяной пролом. Пейнтер стоял, водя лучом фонарика-авторучки по стенам ниши.

— Похоже, здесь можно переждать вьюгу.

Лиза тоже вошла в пещеру. В стороне от ветра и снегопада сразу стало теплее. Пейнтер погасил ненужный фонарик: ледяная стена, переливаясь, как хрусталь, не только пропускала дневной свет, но, кажется, даже усиливала его.

Пейнтер повернулся к Лизе, и девушка обратила внимание на необычную голубизну его глаз, под стать сияющему льду. Она оглядела лицо спутника, ища признаки обморожения. Обветренная кожа щек приобрела кирпичный оттенок, индейские черты лица весьма необычным образом сочетались с ярко-голубыми глазами.

— Спасибо,— произнес Пейнтер.— Вы спасли нам жизнь.

Отведя взгляд, Лиза пожала плечами.

— Довольно разговоров. Сначала нам обоим нужно согреться.

Она открыла медицинскую сумку и достала специальное теплоизолирующее одеяло. Несмотря на кажущуюся тонкость, термоткань улавливала девяносто процентов тепла, излучаемого человеческим телом.

Не собираясь ограничиваться одним лишь теплом тела, Лиза распечатала компактную каталитическую грелку — вещь первой необходимости в горах.

— Садитесь,— приказала она Пейнтеру, расстилая одеяло на холодном камне.

Усталый спутник не возражал. Она села рядом с ним и накинула сверху одеяло, свернув его наподобие кокона. Устроившись, Лиза включила электронное зажигание беспламенного обогревателя, работавшего на маленьком баллоне с бутаном, которого хватало на четырнадцать часов. При экономном использовании можно продержаться от двух до трех дней. Пока устройство разогревалось, Пейнтер дрожал рядом с Лизой.

— Снимите перчатки и ботинки.— Она сделала то же самое.— Грейте руки на обогревателе и растирайте пальцы, ноги, уши и нос.

— П-п-против обморожения...

Лиза кивнула.

— Подложите под себя как можно больше одежды, чтобы не терять тепло.

Раздевшись, они выстлали импровизированное гнездо шерстяной и стеганой пуховой одеждой. Стало почти уютно.

— У меня есть несколько специальных приспособлений «Пауэрбарс»,— сообщила Лиза.— Можно растопить немного снега.

— Вы настоящий мастер выживания в экстремальных условиях,— пробормотал Пейнтер.

— Ни одно из моих приспособлений не убережет от пули,— напомнила Лиза.

Пейнтер со вздохом кивнул. От снежной бури они спаслись, но опасность шла за ними по пятам. Метель, еще недавно грозившая бедой, на время стала им защитой. А что будет потом? Ведь у них нет ни средств связи, ни оружия...

— Остаемся в убежище,— решил Пейнтер.— Тем, кто сжег монастырь, нас не выследить. Как только стихнет вьюга, начнут поиски горные спасатели, возможно, на вертолетах. Мы подадим им знак при помощи сигнальной ракеты, которую я заметил у вас в рюкзаке.

— Остается надеяться, что спасатели найдут нас раньше, чем враги.

Пейнтер молча сжал пальцами ее колено, стараясь подбодрить. Девушка была благодарна спутнику за то, что он не произносил фальшивых слов, не пытался скрыть правду за неискренними фразами утешения. Лиза нашла его ладонь и крепко сжала. Они погрузились в молчание, думая каждый о своем.

— Как по-вашему, кто сжег монастырь? — тихо спросила Лиза.

— Не знаю. Но снайпер выругался по-немецки, когда я напал на него. Мне показалось, что я пытаюсь сдвинуть с места танк.

— Вы уверены, что он немец?

— Ни в чем я не уверен. Это наемник. Сразу заметна военная подготовка.

— Погодите.— Лиза потянулась за сумкой.— У меня ведь есть камера.

— Думаете, вы успели его сфотографировать?

— Для усиления вспышки я установила режим съемки, при котором производится пять кадров в секунду. Пока не знаю, что получилось.

Сидя плечом к плечу, они всматривались в маленький жидкокристаллический монитор на задней панели фотоаппарата. Снимки по большей части вышли нечеткие. Прокручивая кадр за кадром, они увидели, словно в замедленном кино, картины бегства, снятые Лизой в подземном коридоре: застывший от неожиданности убийца, рефлекторно поднявший руку в попытке прикрыть глаза, нападение Пейнтера...

На нескольких снимках в кадр частично попало лицо убийцы. Сложив вместе кусочки картинки-головоломки, они получили грубый фотомонтаж: белые волосы, выступающие надбровные дуги, тяжелая нижняя челюсть. Последний кадр Лиза сделала в движении: лицо крупным планом, прибор ночного видения сбит набок, выражение гнева в красных зрачках, отразивших фотовспышку.

Лизе сразу вспомнился Релу-На, дальний родственник Анг Гелу, напавший на них с серпом. У обезумевшего монаха точно так же светились глаза. Обнаженная кожа девушки покрылась мурашками, но не от холода. Просто Лиза подметила еще одну особенность глаз убийцы: они были разные. Один сиял арктической синевой, второй поражал мертвенной белизной радужки. Эффект фотовспышки? Лиза нажала кнопку и вернулась к предыдущим снимкам. На мониторе появился кадр, сделанный ею в храме,— снимок стены, испещренной кровавыми надписями. Она и забыла про него.

— А это что такое? — заинтересовался Пейнтер.

Лиза уже поведала ему печальную историю настоятеля ламы Кхемсара.

— Вот что старый монах писал на стенах. Похоже, он снова и снова повторял одни и те же знаки.

Пейнтер придвинулся ближе:

— Можно показать символы крупнее?

Лиза увеличила изображение, что немного ухудшило четкость.

Пейнтер посерьезнел и сдвинул брови.

— Знаки не непальские и не тибетские. Посмотрите, надпись имеет четкие углы. Скорее напоминает древнескандинавские руны.

— Вы так думаете?

— По-моему,— с усталым вздохом он откинулся назад,— лама Кхемсар знал больше, чем говорил.

— Когда настоятель перерезал себе горло, мы нашли еще один символ, вырезанный у него на груди. Сначала я сочла это случайным совпадением, но теперь сомневаюсь.

— Как выглядел тот знак? Можете его нарисовать?

— Незачем. Это была свастика.

Брови Пейнтера поползли вверх.

— Свастика?

— Именно. Может быть, ему вспомнилось прошлое, какое-то событие, которое его сильно потрясло?

Лиза рассказала историю родственника Анг Гелу. О том, как Релу-На сбежал от маоистских мятежников, в ужасе от царившей в их рядах жестокости: несчастным крестьянам отсекали конечности серпами. Когда загадочная болезнь поразила его мозг, он сделал то же самое с монахами, пытаясь вытравить глубоко засевшее воспоминание. Когда Лиза закончила рассказ, Пейнтер уже не скрывал тревоги.

— Ламе Кхемсару перевалило далеко за семьдесят. Во время Второй мировой войны он был подростком. Возможно, в этом и кроется объяснение. Нацисты посылали исследовательские экспедиции в Гималаи.

— Сюда? Но зачем?

Пейнтер пожал плечами.

— Все началось с Генриха Гиммлера. Рейхсфюрер СС был буквально помешан на оккультизме. Он изучал древнеиндийские ведические тексты, имеющие тысячелетнюю историю, и уверовал, что арийская раса зародилась некогда в гималайских высях. Гиммлер организовал экспедиции для поиска доказательств своей теории. Но... Видно, в детстве мало каши ел,— с улыбкой произнес Пейнтер.

— Возможно, старый лама был как-то связан с экспедициями нацистов, например, его могли нанять проводником.

— Теперь мы этого не узнаем.

— А если лама писал на стенах своей кельи потому, что его подсознание тоже стремилось освободиться от страшных воспоминаний?

— Еще одна догадка.— Сморщившись, Пейнтер потер лоб.— У меня тоже есть версия: надпись — не более чем бред.

Лиза не нашлась, чем возразить. Она вздохнула: тело охватила усталость.

— Вам тепло?

— Да, спасибо.

Девушка выключила обогреватель:

— Будем беречь бутан.

Пейнтер кивнул в ответ и широко зевнул.

— Нам нужно поспать,— предложила Лиза.— Сначала вы.

Через несколько часов Пейнтер проснулся от того, что Лиза трясла его за плечо. Он выпрямился. Кругом царила полная темнота. Ледяная стена стала такой же непроницаемо-черной, как окружающие скалы. Снежная буря, кажется, стихла.

— Что-то не так?

Опустив край одеяла, Лиза прошептала:

— Прислушайтесь.

Стряхнув остатки сна, он придвинулся ближе к ней. Подождал с полминуты, но ничего не услышал. Буря действительно немного утихла, ветер больше не завывал. За пределами пещеры, над долиной и окружающими горами воцарилась ти-

шина. Пейнтер напряженно прислушивался, гадая, что так испугало Лизу. Он кожей чувствовал страх, сковавший ее напряженное тело.

— Лиза, в чем дело?

Внезапно ледяная стена ярко засверкала, как будто снаружи начался фейерверк. Блистающее сияние прокатилось вверх по водопаду и пропало. Лед вновь стал темным.

— Призрачные огни,— прошептала Лиза, повернувшись к спутнику.

Пейнтер вспомнил, как все начиналось три дня назад. Сначала огни, потом заболели жители в деревне, сошли с ума монахи в Темп-Ок. Лиза еще предположила, что расстояние от необычного свечения до мест, где живут люди, как-то связано с тяжестью заболевания. Сегодня они оказались в самом сердце тайны, ближе, чем когда-либо, к призрачным огням.

Словно подтверждая мысли Пейнтера, застывший водопад озарился смертоносным сиянием: злые духи вернулись.

5

КОШКИ-МЫШКИ

18 часов 12 минут
Копенгаген, Дания

Интересно, в Европе хоть что-нибудь начинается вовремя?

Грей в который раз посмотрел на часы: торги должны были открыться в пять часов вечера. По здешним поездам и автобусам можно сверять часы, но что касается приемов или встреч, тут ни в чем нельзя быть уверенным. Уже седьмой час! Наконец решили начать аукцион примерно в половине седьмого, чтобы дождаться покупателей, опоздавших из-за отложенных на время рейсов: гроза над Северным морем нарушила расписание самолетов, прибывающих в Копенгаген.

Между тем участники торгов съезжались к аукционному дому.

Как только солнце село, Грей расположился на балконе третьего этажа «Скандик-отель Веберс», прямо напротив Аукционного дома Эргеншейна — современного пятиэтажного шедевра в стиле датского минимализма, сплошь из стекла и выбеленного дерева. Торги устроили в цокольном этаже художественной галереи. Грей зевнул и потянулся, горячо надеясь, что ждать осталось недолго.

Несколько часов назад он зашел в «Нюхавн», собрал аппаратуру, необходимую для слежки, и выписался из гостиницы. Под новым именем и с новой банковской картой он поселился в «Скандик-отеле». Из окон номера открывался панорамный

вид на центр Копенгагена. Из Тиволи, одного из старейших в мире парков развлечений, до балкончика долетали приглушенные звуки музыки и смех.

Грей сидел перед раскрытым ноутбуком, пристроив рядышком надкусанный хот-дог из уличного киоска. Вопреки досужим домыслам, жизнь агентов протекала не только в казино Монте-Карло и изысканных ресторанах.

Изображение на мониторе дрогнуло: реагирующая на движение камера произвела серию моментальных снимков. Грей уже сделал пару дюжин фотографий участников аукциона: крутых банкиров, вышедших в тираж европейских экс-знаменитостей, трио джентльменов с бычьими затылками, у которых буквально на лбу было написано «мафия», низенькой полной женщины типично профессорского вида и компании нуворишей в белых костюмах и одинаковых капитанских фуражках. Эти, разумеется, говорили по-американски, да так громко, что Грей только досадливо покачал головой.

К аукционному дому подкатил длинный черный лимузин, и из него вышли мужчина и женщина, высокие и стройные, в однотипных черных костюмах от Армани. На мужчине был галстук цвета яйца малиновки, на женщине — голубоватая блузка в тон. Обоим лишь слегка за двадцать или даже меньше. Возможно, такое впечатление складывалось из-за обесцвеченных, коротко подстриженных волос, которые придавали чете сходство со звездами немого кино. Оба двигались с юной грацией, не улыбались, хотя и не выглядели угрюмыми. Даже по снимкам, сделанным скрытой камерой, было видно, что в глазах парочки светились дружелюбие и веселье.

Швейцар распахнул дверь перед новыми гостями. Те в ответ кивнули, приняв услужливость как должное, и скрылись в доме. Перевернув табличку на двери, швейцар вошел следом. Очевидно, молодая пара завершала список участников торгов, и, возможно, именно ради этих людей начало откладывалось так долго.

Интересно, кто такие, подумал Грей. Он просмотрел снимки, желая удостовериться, что получил четкие изображения

каждого из участников аукциона, скачал их на флэшку и положил ее в карман. Оставалось только дождаться окончания торгов. Логан велел представить список лотов и их счастливых обладателей. Некоторые из гостей, разумеется, прибыли под вымышленными именами; истинную информацию выяснят американские подразделения по борьбе с терроризмом и Интерпол. Грея это не касалось.

Как не касалось и убийство Гретты Нил.

Вся вторая половина дня ушла на то, чтобы собраться с мыслями и остыть. Грей наконец смирился с условиями, поставленными Логаном. У него нет ясного представления о творящихся на аукционе делах, поэтому необдуманные действия могли привести только к ненужным проблемам.

И все-таки огромный груз вины не давал ему усидеть на месте. Бóльшую часть дня Грей мерил шагами номер отеля, снова и снова, как заезженную пластинку, прокручивая в уме события последних дней.

Если бы он был осмотрительнее, принял все меры предосторожности...

В кармане завибрировал мобильник. Грей проверил номер входящего звонка — слава богу! — открыл телефон, поднялся и подошел к поручням балкона.

— Рейчел, как я рад, что ты перезвонила.

— Я получила твою эсэмэску. У тебя все хорошо?

В голосе Рейчел слышался не только личный, но и профессиональный интерес. В коротком сообщении Грей, не вдаваясь в подробности, предупредил, что их свидание будет непродолжительным. Даже в отношениях с любимой приходилось соблюдать секретность.

— У меня все отлично, а вскоре после полуночи прибудет Монк.

— Я и сама только что прилетела во Франкфурт,— сообщила Рейчел.— Переночую здесь, потом в Копенгаген.

— Опять не сложилось. Очень жаль...

— Так мне возвращаться?

Грей меньше всего хотел впутывать Рейчел в свои неприятности.

— Пожалуй. Когда здесь все уляжется, я заеду перед Штатами ненадолго в Рим и навещу тебя.

— Было бы здорово.

В ее голосе звучало разочарование.

— Я возмещу твои расходы,— произнес он, надеясь, что сможет исполнить обещание.

Рейчел вздохнула. Разделенные двумя континентами и служебным долгом, они не обольщались насчет своего «романа на расстоянии». И все же оба хотели его продолжения, надеясь на лучшее.

— У нас ведь еще будет возможность поговорить? — сказала Рейчел.

Грей догадался, о чем она думает. Они через многое прошли вместе, узнали достоинства и недостатки друг друга. Оба понимали, что настала пора обсудить следующий шаг и решить, нужно ли сокращать разделяющее их расстояние.

Может быть, именно по этой причине они так долго не встречались после последнего свидания. Требовалось время, чтобы обдумать все то, что не было произнесено вслух.

А готов ли к решению сам Грей? Ему нравится Рейчел, и он согласен связать с ней жизнь, они даже поговаривали о детях. И все-таки что-то не давало ему покоя. Узнав, что свидание на неопределенное время откладывается, он в глубине души испытал облегчение. Так в чем же дело? Может, все-таки пришла пора серьезно поговорить?

— Я приеду в Рим. Обещаю.

— Ловлю тебя на слове. Куплю твою любимую пасту и разогрею в духовке.— Напряженность в ее голосе ослабла.— Мне тебя не хватает. Мы...

Слова Рейчел заглушил пронзительный гудок автомобиля. Грей выглянул в окно. Дорогу перебегала девушка в кашемировом жакете и юбке до колен, с волосами, собранными в пучок. Грей поначалу ее не узнал. Однако когда она, подпрыгнув, едва увернулась от сигналящего автомобиля, он понял, что перед ним Фиона. Что, черт возьми, затеяла эта отчаянная девчонка?

— Грей! — окликнула его Рейчел.

Он торопливо ответил:

— Извини, Рейчел, я занят.

Грей отключил телефон и сунул его в карман.

Фиона подбежала к двери аукционного дома и ворвалась внутрь; камера через застекленный вход сделала ее снимок. Девушка спорила со швейцаром. Наконец тот изучил подсунутую бумагу, нахмурился и жестом позволил войти. Фиона пулей пролетела мимо стража, и камера отключилась.

Грей переводил взгляд с ноутбука на улицу. Черт, Логану не понравится то, что он задумал. А как поступил бы на его месте Пейнтер Кроу?

Грей кинулся в номер и сбросил повседневную одежду. Костюм лежал на кровати — подготовленный так, на всякий случай. Пейнтер уж точно не стал бы отсиживаться в гостинице.

22 часа 22 минуты
Гималаи

— Сиди тихо и не двигайся,— велел Пейнтер.

Призрачные огни, холодные и безмолвные, продолжали мелькать, то превращая ледяной водопад в сияющий поток, то вдруг угасая. Когда пещера снова погрузилась во тьму, убежище показалось путешественникам еще более холодным и неуютным, чем прежде.

Лиза придвинулась к Пейнтеру, нашла его руку и сжала с неженской силой.

— Неудивительно, что нас не ищут,— прошептала она, тяжело дыша от страха.— К чему бороться с бурей, когда всего-то и нужно зажечь эти проклятые огни, чтобы нас погубила радиация. От нее никуда не спрятаться.

Пейнтер понимал, что Лиза права. Лишившись рассудка, беглецы станут беззащитными, и ледяной холод убьет их так же верно, как пуля снайпера. Однако Пейнтер не хотел сдаваться. Безумие не сразу овладеет разумом, можно использовать несколько оставшихся часов с толком. Если они успеют получить медицинскую помощь, возможно, найдется способ остановить помешательство.

— Мы выберемся.

У Лизы его слова вызвали раздражение.

— Каким образом? — Она резко обернулась.

Призрачные огни вновь осветили пещеру бриллиантовым сиянием. В глазах девушки Пейнтер увидел не страх, как ожидал, а алмазную твердость.

— Если они полагаются на смертельную радиацию, то не станут тщательно обыскивать горы. Как только метель утихнет, мы...

Морозную тишину расколола автоматная очередь.

Пейнтер и Лиза переглянулись: стреляли совсем близко. Подтверждая их опасения, автоматная очередь прошила ледяную стену. Беглецы отползли к скале, прикрываясь одеялом. В тесной пещере спрятаться было негде.

Пейнтер заметил еще кое-что. Призрачные огни больше не гасли, замерзший водопад продолжал светиться мертвенным сиянием.

Раздался голос, многократно усиленный мегафоном:

— Пейнтер Кроу! Мы знаем, что вы со спутницей прячетесь в пещере!

Командный голос с заметным акцентом принадлежал женщине.

— Выходите!

Пейнтер сжал плечо Лизы, стараясь вселить в нее уверенность:

— Оставайтесь здесь.

Он натянул сапоги, подошел к пролому в скале и высунул голову наружу.

Как часто бывает высоко в горах, буран внезапно утих. Над заснеженной долиной мерцала арка Млечного Пути, местами залатанная клочьями ледяного тумана.

Черноту ночи прорезал луч прожектора. В пятидесяти ярдах от пещеры на невысокой скале возникла фигура человека на снегоходе; тот водил рукой с обычным ксеноновым фонарем, если судить по яркости и голубоватому оттенку света. Оказывается, беглецов разбудили вовсе не смертоносные призрачные огни.

Пейнтер испытал облегчение. Значит, они приняли за злых духов фары приближавшихся снегоходов?.. Таких автомобилей было пять, а по обе стороны нижнего склона горы стояли десятка два вооруженных людей в белых куртках.

Пейнтер покинул пещеру с поднятыми над головой руками. Стоявший ближе других крупный мужчина навел на Пейнтера дуло винтовки, в грудь уперся узкий луч лазерного прицела.

Пейнтер мысленно взвешивал возможности сопротивления, когда встретился взглядом с громилой. Один глаз незнакомца оказался голубым, второй льдисто-белым. Да это же снайпер из монастыря, дьявольски сильный и ловкий!.. Нет, даже если удастся завладеть винтовкой, шансы на спасение ничтожны, ведь вокруг полно вооруженных людей.

Из-за спины гиганта вперед вышла женщина, наверное, та самая, что минуту назад говорила в мегафон. Она протянула руку и одним пальцем оттолкнула винтовку убийцы. Пейнтер подумал, что не у каждого мужчины хватило бы на это сил.

На вид ей было лет сорок. Коротко подстриженные темные волосы, зеленые глаза. Толстая белая парка с капюшоном, отороченным мехом, скрывала фигуру, но двигалась женщина с грацией юной девушки.

— Доктор Анна Спорренберг.— Она протянула руку.

Если рывком притянуть женщину к себе и схватить за горло, ее можно использовать в качестве заложника... Но, встретившись взглядом с убийцей, Пейнтер передумал и пожал протянутую руку. Раз уж его до сих пор не застрелили, лучше соблюдать вежливость и играть по предложенным правилам до тех пор, пока эта игра гарантирует ему жизнь. К тому же он отвечает за Лизу.

— Директор Кроу,— продолжила женщина,— последние часы по каналам международных разведывательных служб, кажется, только и твердят, что о вашем исчезновении.

Пейнтер постарался ничем не выдать своих чувств. Он не видел причин скрывать свое имя. Возможно, оно даже принесет ему выгоду.

— Полагаю, вам известно, какие ресурсы могут быть задействованы для того, чтобы меня отыскать.

— Natürlich*,— проронила она по-немецки.— И все равно не советую рассчитывать на успех поисков. А пока приглашаю вас и вашу молодую спутницу к себе в гости.

Пейнтер шагнул назад, словно желая прикрыть Лизу собой.

— Доктор Каммингс не имеет к случившемуся никакого отношения. Она просто медицинский работник, присланный на помощь пострадавшим. Ей ничего не известно.

— Очень скоро мы выясним правду.

Вот так, коротко и ясно. Ему открыто заявляют о том, что они с Лизой до сих пор живы только благодаря тому, что владеют некоей информацией. И эту информацию вытянут из них любой ценой. Пейнтер почти осмелился на решительные действия. Быстрая смерть лучше, чем медленная агония. Он слишком много знает, чтобы рисковать.

И тем не менее он не один. Пейнтер мысленно увидел Лизу, согревающую в своих ладонях его руки. Пока жизнь не закончена, жива и надежда.

Подошли другие охранники и под прицелом винтовок вытащили из пещеры Лизу. Пленников повели к снегоходам. Пейнтер встретился взглядом с испуганной Лизой и про себя поклялся защищать ее до последнего.

Когда пленников связали, к ним подошла Анна Спорренберг.

— Прежде чем мы тронемся в путь, хочу вас честно предупредить кое о чем. Думаю, вы поняли, что мы не можем вас отпустить. Я не намерена давать вам ложную надежду, зато готова пообещать безболезненную смерть.

— Как монахам монастыря Темп-Ок? — дерзко ответила Лиза.— Мы были свидетелями вашего так называемого милосердия.

Пейнтер тщетно ловил взгляд Лизы, чтобы остановить ее. Сейчас не время обострять отношения с захватчиками. Мер-

---

* Естественно *(нем.)*.

завцы не задумываясь прикончат их на месте. Нужно играть роль пленников, готовых к сотрудничеству. Однако Пейнтер опоздал.

Удивленно уставившись на Лизу, как будто только что ее заметила, Анна резко ответила:

— Мы действительно проявили добросердечие, доктор Каммингс. Вы ничего не знаете о болезни, поразившей монастырь, и о тех ужасах, которые ожидали монахов. Нам они хорошо известны. Их смерть — не убийство, а акт милосердия.

— Кто дал вам на это право? — не сдавалась Лиза.

Пейнтер придвинулся ближе.

— Лиза, возможно...

— Подождите, мистер Кроу.— Анна шагнула к Лизе.— Кто дал нам право, спрашиваете вы? Опыт, доктор Каммингс, печальный опыт. Поверьте моему слову, убийства в монастыре действительно были проявлением доброты, а не жестокости.

— А ради чего погибли люди, с которыми я прилетела на вертолете? Их гибель тоже проявление доброты?

Анна вздохнула, словно устав от разговоров.

— Иногда приходится принимать непростые решения. Наша работа имеет слишком большое значение.

— А что станет с нами? — крикнула Лиза вслед удалявшейся женщине.— За сотрудничество вы обещаете безболезненную смерть. А если нам не захочется с вами сотрудничать?

Анна шагнула к снегоходу.

— Пальцы вам никто выкручивать не станет, если вы об этом. Мы применяем только медицинские препараты. Мы не варвары, доктор Каммингс.

— Нет, вы просто нацисты! — бросила ей в лицо Лиза.— Мы видели свастику!

— Не говорите глупостей.— Анна перекинула ногу через сиденье снегохода и снисходительно посмотрела на пленников.— Мы больше не нацисты.

18 часов 38 минут
Копенгаген, Дания

О чем только думала Фиона, решив явиться на аукцион после того, что произошло днем? Ответственность за девушку оказалась нелегкой ношей. Грей признался самому себе, что ее внезапное появление давало ему желанный повод лично побывать на торгах. Именно сюда вели следы злодея, который взорвал магазин и убил Гретту Нил.

Косые лучи заходящего солнца превратили дверь аукционного дома в серебряное зеркало. Подойдя ближе, Грей замедлил шаг и придирчиво себя оглядел: немыслимо дорогой костюм от Армани, темно-синий, в едва заметную полоску, сидел как влитой, вот только ворот крахмальной сорочки давил на шею. Грей поправил бледно-желтый галстук. Приходилось мириться с ролью американского толстосума.

Обстановка холла была выдержана в чисто скандинавском стиле, то есть с полным отсутствием предметов интерьера: выбеленное дерево да стеклянные перегородки. Единственный предмет мебели — тонкий, причудливой формы стул, стоящий рядом с крохотным столиком. На столешнице одинокая орхидея выбросила тонкий стебель с анемичными коричневато-розовыми цветками. Швейцар затушил сигарету в цветочном горшке и с кислой миной шагнул навстречу посетителю.

Грей извлек из кармана и протянул приглашение. Чтобы получить эту бумажку, потребовалось перевести в фонд аукционного дома депозит размером в четверть миллиона евро, подтверждающий, что участник столь эксклюзивного мероприятия располагает достаточными ресурсами. Швейцар изучил приглашение, кивнул и направился к бархатному шнуру, который перегораживал проход к широкой лестнице. Внизу лестница упиралась в стеклянные вертящиеся двери, ведущие к аукционному залу. Их охраняли два сотрудника службы безопасности. Один держал в руке металлоискатель. Грей покорно развел руки в стороны и позволил себя обыскать, заод-

но приметив видеокамеры у входа. После досмотра второй охранник нажал на кнопку и открыл дверь.

В шумном многоголосье угадывались итальянские, голландские, французские и английские фразы. Казалось, весь мир решил посетить престижный аукцион. Грей вошел в зал, ловя на себе пристальные взгляды. Однако всеобщее внимание было приковано к нескольким стеклянным витринам вдоль стен. Работники аукционного дома, все в одинаковых черных костюмах, выстроились за стеклянным прилавком, словно продавцы в ювелирном магазине. Надев белые перчатки, служители любезно помогали покупателям осмотреть предметы, выставленные на торги. В углу тихо играл струнный квартет, несколько слуг разносили по залу высокие бокалы с шампанским.

Грей подошел к ближайшему столу, где ему вручили табличку с номером, и неспешно двинулся вдоль зала. Кое-кто из покупателей уже занимал места в партере. Грей заметил девушку и юношу, что явились на торги последними. Тех самых «звезд немого кино». Молодой человек, наклонившись, шептал что-то на ухо своей спутнице. Их поза была до неуместности интимной. Возможно, такое впечатление складывалось из-за внешности девушки: ее гибко изогнутая шея, длинная и податливая, словно ждала поцелуя.

Грей не спеша покружил по помещению и не заметил ничего, что бы его встревожило. И никаких следов Фионы. Где же она?

Один из служителей извлек книгу в кожаном переплете и осторожно выложил на витрину, чтобы тучный джентльмен мог посмотреть раритет поближе. Тот заинтересованно склонился над фолиантом, водрузив на нос очки. Грей тоже обратил внимание на книгу: трактат о бабочках с рисунками автора, тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года.

Вновь дойдя до входа, Грей обнаружил, что стоит перед полной невысокой женщиной, которую, конечно же, тоже сфотографировал час назад. Она протянула ему белый конверт. Не успев подумать о том, что может находиться внутри, он

взял его. Женщина невозмутимо удалилась. От конверта пахло духами. Странно. Грей сломал печать ногтем большого пальца и извлек сложенный пополам листок дорогой бумаги с водяными знаками. Короткая записка, написанная аккуратным почерком, сообщала:

«Даже "Гильдия" не играет с этим огнем. Будь осторожен. Целую».

Внизу вместо подписи изящно изогнулся маленький дракон, выведенный алыми чернилами.

Рука Грея безотчетно коснулась цепочки с серебряным подобием нарисованного дракона, подарком коллеги из лагеря противника. Сейхан работала на «Гильдию», теневой картель террористических ячеек, с которым в прошлом пересекались пути «Сигмы».

Грей почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом. Обернувшись, он окинул комнату взглядом. Полная невысокая профессорша, передавшая конверт, исчезла. Грей прочитал записку-предупреждение еще раз. Лучше поздно, чем никогда. Зато теперь он знает, что сюда просочилась «Гильдия». Значит, если верить записке...

Его взгляд привлекло движение. Из дальней части помещения появился высокий джентльмен и взошел на подиум. Сам мистер Эргеншейн, наряженный в смокинг, взял на себя обязанности аукциониста. Он пригладил явно крашеные, напомаженные черные волосы, и мертвенно-бледное лицо озарилось неискренней улыбкой, словно вырезанной из книжки и наскоро приклеенной. Следом шагала «причина» недовольства Эргеншейна. Возмутительницу спокойствия, крепко держа за плечо, вел охранник.

Фиона.

Лицо девушки покраснело. Сразу было видно, что она злится. Фиона так сжала губы, что они побелели. Грей двинулся ей навстречу.

Неся предмет, завернутый в небеленую замшу, аукционист подошел к пустой главной витрине. Один из служителей от-

пер замок. Эргеншейн бережно развернул предмет и уложил его на пустующее место.

Заметив приближающегося Грея, он нервно потер руки и шагнул ему навстречу, сложив ладошки, словно на молитве. За его спиной служитель запер дверцу. Грей узнал в предмете, уложенном в шкаф, Библию Дарвина. При виде Грея Фиона широко распахнула глаза. Словно не заметив ее, Грей обратился к Эргеншейну:

— У вас возникли трудности?

— Сущая безделица, сэр. У юной леди нет приглашения. Ей укажут, где выход.

Грей достал свою карточку.

— Полагаю, мне разрешено привести с собой гостью.— Вторую руку он протянул Фионе.— Рад видеть, что она уже здесь. Меня задержал телефонный разговор с покупателем. Сегодня утром я вел переговоры с юной мисс Нил по поводу приватной сделки, в особенности меня интересовал один из известных вам раритетов.

Грей кивнул в сторону Библии Дарвина.

Эргеншейн всей своей позой изобразил скорбь:

— Ужасная трагедия! Я имею в виду пожар. Однако боюсь, что Гретта Нил уже предоставила упомянутый лот в распоряжение аукционного дома. К сожалению, без отмены распоряжения, оформленной надлежащим образом и заверенной ее адвокатом, лот должен быть выставлен на торги. Таков закон.

Фиона, с красным от гнева лицом, яростно вырывалась из рук охранника.

— Боюсь, вы сами виноваты, сэр. Приношу извинения, но я связан обязательствами.

— Однако вы же не станете возражать, если мисс Нил останется со мной. Она поможет мне ознакомиться с лотом.

— Как вам будет угодно.— Улыбка Эргеншейна чуть поблекла. Он жестом отпустил охранника и добавил: — Пусть мисс держится рядом с вами: она ваша гостья, а значит, ответственность за нее несете вы.

Ведя к креслам Фиону, Грей заметил, что вдоль стены на почтительном расстоянии за ними следует охранник. Похоже, теперь у них есть персональный телохранитель. Какая честь!

Прозвенел звонок, означающий, что аукцион начнется с минуты на минуту. Гости постепенно заполняли партер, отдавая предпочтение местам у сцены. Лишь Грей и Фиона сидели в последнем ряду.

— Что ты тут делаешь? — прошипел он.

— Забираю свою Библию,— высокомерно ответила та.— По крайней мере, пытаюсь забрать.

Она откинулась на спинку стула, положив руки на кожаную сумочку.

Эргеншейн поднялся на подиум и произнес стандартное приветствие. Он сообщил, что будет говорить на английском языке, как наиболее приемлемом для интернациональной клиентуры аукциона. Потом Эргеншейн напомнил о порядке назначения и повышения цен, аукционных премиях и сборах, а также о соблюдении необходимого этикета. Главным правилом клиенту разрешалось превышать сумму перечисленного в фонд аукциона депозита не более чем в десять раз.

Грей пропустил большую часть его речи, переговариваясь с Фионой, за что был награжден несколькими неодобрительными взглядами людей из передних рядов.

— Почему ты вернулась за Библией?

Девушка только крепче сцепила руки.

— Фиона!

Она гневно повернулась к нему.

— Потому что Библия принадлежит Мутти! — со слезами на глазах резко ответила девушка.— Ничего они не получат!..

— Кто?

Девушка взмахнула рукой:

— Те мерзавцы, которые ее убили. Я заберу Библию и сожгу.

Похоже, Фиона решила жестоко мстить врагу. Грей не стал упрекать ее за это намерение, хоть и понимал, к чему могут привести безрассудные поступки.

— Библия наша, и я должна ее забрать.

Голос Фионы дрогнул.

Грей обнял девушку за плечи. Она поморщилась, но стерпела.

Начались торги. Таблички с номерами поднимались и опускались, лоты уходили к покупателям. Самое ценное приберегли напоследок. Грей запоминал, кто какие лоты приобрел. Особенно внимательно он следил за предметами из его списка. За тремя лотами, вызвавшими пристальный интерес преступных кругов: записками генетика Менделя, трудами Планка и работой о мутациях, принадлежавшей руке Де Фриза.

Все эти книги приобрели «звезды немого кино».

Грей слышал, как перешептывались участники аукциона. Никто из присутствовавших не знал фамилии загадочных покупателей. Запомнили только номер их таблички, поднимавшейся с удивительной частотой — 002.

Грей наклонился к Фионе.

— Они приходили к тебе в магазин?

Фиона, выпрямившись, пристально рассматривала парочку целую минуту, потом снова откинулась в кресле.

— Нет.

— Может быть, узнаешь кого-нибудь из покупателей?

Она только плечами пожала.

— Ты уверена, Фиона?

— Да,— резко ответила девушка.— Уверена, черт побери!

Дерзкое заявление вызвало новые возмущенные взгляды в их сторону.

Наконец настал черед последнего лота. Библию Дарвина извлекли из запертого шкафа и с почестями, приличествующими священной реликвии, возложили на пюпитр под специальный галогеновый светильник. Огромный том в осыпающемся, покрытом пятнами и царапинами переплете черной кожи без надписей напоминал старинный журнал.

Фиона выпрямилась на стуле и сжала запястье Грея.

— Ты и вправду хочешь ее купить? — спросила она.

В ее блестящих глазах светилась надежда.

Грей нахмурился, но неожиданно для самого себя решил, что идея не так уж плоха. Если неизвестные злоумышленники ради этой книги убивают людей, значит, в ней заключена важная информация. К тому же ему давно хотелось рассмотреть Библию, за которую «Сигма» выложила кругленькую сумму в двести пятьдесят тысяч евро. Он имеет полное право торговаться до двух с половиной миллионов, что вдвое превосходит максимальную оценку Библии.

Однако нельзя забывать и о приказе Логана, уже частично нарушенном. Да, он пришел следом за Фионой на торги, но бóльшим рисковать не вправе.

Грей чувствовал пристальный взгляд Фионы. Если он начнет повышать цену, то станет живой мишенью и подвергнет их жизни опасности. А что, если он зря потеряет деньги? Не слишком ли много безрассудств на сегодня?

— Дамы и господа, приступаем к торгам по последнему сегодняшнему лоту,— торжественно произнес Эргеншейн.— Начнем с одной сотни тысяч? Да, есть сто тысяч от нового покупателя. Чудесно, номер сто сорок четыре.

Под взглядами всех присутствующих, на этот раз одобрительными, Грей опустил табличку с номером. На соседнем стуле широко улыбалась Фиона.

— Мы удваиваем цену,— объявил Эргеншейн.— Двести тысяч от номера ноль-ноль-два!

Те самые «звезды немого кино». Грей почувствовал, что внимание публики и загадочной пары с первого ряда приковано к нему. Отступать поздно. Он снова поднял табличку с номером.

Еще десять напряженных минут продолжались торги. Ни один человек не покинул зала, всем хотелось увидеть, за какую сумму уйдет Библия Дарвина. Грей чувствовал молчаливую поддержку партера: слишком многие покупатели потерпели поражение от номера 002. Когда цена за Библию достигла цифры в два миллиона, что намного превышало предварительную оценку книги, комната буквально загудела от приглушенного возбужденного шепота.

Новый всплеск ажиотажа вызвал телефонный звонок неизвестного покупателя, вступившего в борьбу за лот, однако номер 002 снова повысил ставку, и звонивший вышел из игры. Зато Грей не сдавался: два миллиона триста тысяч. Ладони вспотели.

— Два миллиона четыреста от номера ноль-ноль-два! Дамы и господа, прошу вас оставаться на местах!

Грей поднял свою табличку еще раз.

— Два миллиона пятьсот.

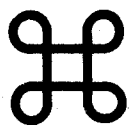
Грей чувствовал, что проигрывает. Не в силах ничего предпринять, он молча смотрел, как поднимается табличка с номером 002. Неумолимая, не ведающая поражений.

— Три миллиона,— негромко, словно устав от игры, произнес противник Грея — бледный молодой человек.

Он взглянул на Пирса, будто вызывая его на ответную дерзость.

Грей достиг своего ценового потолка и не смог бы предложить больше, даже если бы захотел. Прикрыв рукой табличку, он покачал головой, признавая поражение.

Молодой человек кивнул ему, признавая равного противника, и коснулся рукой воображаемой шляпы. Грей заметил у него на правой руке, между большим и указательным пальцами, синее пятнышко татуировки. Молодые люди были похожи друг на друга, как близнецы; и та же самая татуировка украшала левую руку женщины.



— Итак, номер сто сорок четыре закончил торги! — объявил аукционист.— Называйте вашу цену... Один, два, три...

Он поднял молоточек и на мгновение задержал его в воздухе. Все затаили дыхание. Потом молоточек стукнул по краю стола.

— Продано!

Присутствующие отметили вежливыми аплодисментами последнюю сделку дня.

Грей знал, что, выиграй он торги, аплодисменты были бы куда более громкими. Он с удивлением увидел, что сидевшая рядом с ним Фиона аплодирует. Девушка улыбнулась.

— Пойдем отсюда.

Вместе с толпой они побрели к выходу. По пути несколько участников торгов высказали Грею соболезнования. Вскоре покупатели оказались на улице и разошлись.

Фиона протащила Грея мимо нескольких магазинов и завела в ближайшую французскую кондитерскую с занавесками из набивного ситца и коваными кофейными столиками. Девушка выбрала место рядом с витриной, уставленной кремовыми пирожными, шоколадными эклерами и неизменными датскими сандвичами.

Не обращая внимания на сладости, она плюхнулась на стул и рассмеялась.

— Чему ты так радуешься? — не выдержал Грей.— Мы проиграли.

Он сидел лицом к окну: нельзя терять бдительность. Правда, теперь, когда Библия продана, опасность, скорее всего, миновала.

— Здорово мы их надули! — ответила Фиона.— Подняли цену до трех миллионов!

— Не думаю, что деньги для них имеют значение.

Фиона вытащила из волос шпильку и встряхнула головой, освобождая гриву волос и сразу помолодев на несколько лет. Искорки веселья вместе с огоньками злорадства так и плясали в ее глазах. У Грея внезапно возникло недоброе предчувствие.

— Фиона, что еще ты натворила?

Она положила сумку на стол, придвинула к Грею и приоткрыла. Он наклонился вперед, чтобы посмотреть...

— Господи, Фиона!

В сумке покоился толстый том в ветхом кожаном переплете. Точь-в-точь как только что проданная Библия.

— Это настоящая? — уточнил Грей.

— Я стащила ее прямо из-под носа у слепого дурня в задней комнате.

— Но как?

— Старый фокус с приманкой и подменой. Я целый день искала Библию подходящего размера и вида, пришлось потрудиться. Меня обыскали, конечно, но все обошлось.— Она пожала плечами.— Зато теперь дело в шляпе.

— Если Библия уже была у тебя, зачем ты просила, чтобы я...— Тут до Грея дошло.— Ты меня использовала!

— Чтобы заставить этих подонков выложить три миллиона за двухпенсовую фальшивку!

— Очень скоро они обнаружат, что книга не настоящая.

В душе Грея нарастал страх.

— Ага, но я собираюсь к тому времени смыться.

— Куда?

— С тобой уеду.

Фиона захлопнула сумку.

— Неужели?

— Помнишь, Мутти рассказывала про распроданную библиотеку, ту, откуда взялась дарвиновская Библия?

Грей понял, о чем она говорит. Гретта намекала на то, что кое-кто хочет восстановить старинную библиотеку некоего ученого. Старушка собиралась отдать Грею копию квитанции о продаже, но в эту минуту произошло нападение, и бумаги погибли в огне.

Фиона постучала пальцем себе по лбу.

— Адрес у меня в голове.— Она протянула Грею руку.— Ну, давай.

Нахмурившись, он хотел пожать ее ладонь, однако Фиона разочарованно отдернула руку:

— Ну вот еще!..— Потом снова протянула руку ладонью вверх, пояснив: — Хочу посмотреть на твой настоящий паспорт, хитрюга. Думаешь, я не могу узнать подделку?

Однажды Фиона уже обчистила его карманы. Грей посмотрел ей в глаза и встретил непреклонный взгляд. С недовольным видом он достал из потайного кармана пиджака настоящий паспорт.

Фиона осмотрела документ.

— Очень приятно, Грейсон Пирс, наконец-то мы с вами познакомились...

Она оттолкнула от себя паспорт, и Грей забрал его.

— Вернемся к Библии. Откуда она взялась?

— Расскажу только в том случае, если ты возьмешь меня с собой.

— Это смешно. Ты не можешь уехать со мной. Ты еще ребенок.

— Ребенок с Библией Дарвина.

Грей уже устал от ее бесконечного шантажа. Он мог отобрать Библию, если бы захотел, но информацией, которая у Фионы в голове, так просто не завладеешь.

— Черт возьми, Фиона, это тебе не игрушки!

Девушка перестала улыбаться и мгновенно повзрослела.

— Думаешь, я ничего не понимаю? — ледяным тоном произнесла она.— А куда ты подевался, когда Мутти уносили в мешке? В проклятом, чертовом мешке!

Грей прикрыл глаза: Фиона больно его уколола.

— Мне очень жаль, Фиона,— дрогнувшим голосом произнес он.— Но ты просишь о невозможном. Я не могу взять...

Кондитерскую потряс взрыв такой силы, словно началось землетрясение. Оконное стекло разлетелось вдребезги, зазвенела разбитая посуда. Грей с Фионой вскочили на ноги и подбежали к окну. Откуда-то валил дым, столбом поднимаясь к вечернему небу. Пляшущие языки пламени лизали разрушенную стену дома на другой стороне улицы.

Фиона посмотрела на Грея.

— Попробую угадать,— протянула она.

— Мой номер в отеле,— признался Грей.

— Неплохо для начала.

23 часа 47 минут
Гималаи

Лиза и Пейнтер ехали на санях, прицепленных к одному из снегоходов. Пленников привязали друг к другу и вдобавок примотали веревками к сиденью. Ехали уже почти час. К сча-

стью, сани отапливались, но Пейнтер все равно старался прикрыть Лизу своим телом.

На заднем сиденье снегохода, тянувшего сани, лицом к пленникам ехал убийца. Он держал их на прицеле, не спуская с Лизы и Пейнтера немигающего взгляда. За рулем сидела Анна Спорренберг.

Сидя в санях, Пейнтер напряженно размышлял. Он догадался, каким образом их с Лизой отыскали в укромной пещере: с помощью инфракрасного тепловизора. Преследователям нетрудно было найти их тепловой след, а значит, и укрытие. Получается, что бегство почти невозможно. И все-таки Пейнтер продолжал лихорадочно строить планы побега.

Целый час караван снегоходов куда-то шел. Автомобили с электродвигателями ехали по снегу почти бесшумно. Пять снегоходов легко скользили по самому краю обрывов, ныряли по крутым склонам в ложбины, преодолевали ледяные мосты.

Пейнтер прилагал все усилия, чтобы запомнить дорогу, но мешали усталость и сложность незнакомого маршрута. Гудевшая голова тоже не давала сосредоточиться. Вернулись сильная боль, нарушение координации и головокружение. Пришлось признаться самому себе, что симптомы болезни не проходят. Он поднял голову и вгляделся в холодное звездное небо в надежде, что сумеет сориентироваться по звездам. Льдистые искорки закружились перед его глазами, и вновь накатила резкая боль.

— Как вы себя чувствуете? — шепотом спросила Лиза.

Пейнтер тихонько застонал. Он не мог даже ответить: все силы ушли на борьбу с тошнотой.

— Опять нистагм мучает? — догадалась девушка.

Грозный окрик убийцы пресек попытку общения. Пейнтер был даже рад этому. С закрытыми глазами он глубоко вдыхал холодный воздух, ожидая, когда приступ пройдет. Постепенно стало легче.

Караван остановился у высокой скалы. Пейнтер, как ни старался, не заметил ничего, кроме глубокой трещины в заснеженном утесе. Снова повалил снег. Почему снегоходы встали?

Убийца слез с сиденья, Анна последовала его примеру. Громила заговорил с ней по-немецки. Донеслись их последние слова:

— ...Лучше сразу убить.

Никакой кровожадности, скорее здравый смысл.

Анна в ответ нахмурилась.

— Необходимо выяснить о них как можно больше, Гюнтер.— Женщина покосилась на Пейнтера.— Ты знаешь, с какими трудностями мы столкнулись в последнее время. Если его сюда прислали, возможно, ему известно то, что поможет нам справиться с... другими.

Убийца, неохотно уступая, покачал головой.

— Нутром чую, будут у нас с ним трудности.

Анна ласково прикоснулась рукой к его щеке и с благодарностью и нежностью, а может быть, с более глубоким чувством произнесла:

— Danke*, Гюнтер.

Громила отвернулся, но Пейнтер успел заметить боль в его взгляде. Убийца подошел к скале и скрылся в трещине. Через секунду оттуда вырвалось облачко пара и мелькнул яркий свет: невидимая дверь отворилась и закрылась снова.

Один из охранников сквозь зубы процедил вслед: «Leprakönige». Прокаженный король.

Пейнтер заметил, что говоривший сначала дождался, когда человек по имени Гюнтер отойдет достаточно далеко, не отваживаясь браниться в глаза. Однако по ссутулившимся плечам и мрачным манерам громилы Пейнтер предположил, что тот не раз слышал это оскорбление в свой адрес.

Анна села в седло снегохода, другой вооруженный солдат занял место Гюнтера, взяв под прицел пленников. Колонна продолжила путь.

Дорога обогнула каменную осыпь. Местность впереди тонула в море ледяного тумана. Из стылой мглы поднималась огромная гора с вершиной, похожей на две сомкнутые ладони.

---

* Спасибо *(нем.)*.

Разрезая тьму лучами фар, караван спустился по крутому туманному склону. Звезды померкли. Внезапно мрак стал еще гуще: караван въехал в тень нависающих круч. Зато воздух заметно потеплел. Постепенно среди снегов начали появляться обнаженные участки скал, между камнями зажурчала талая вода.

Пейнтер догадался, что они попали на участок геотермальной активности. Горячие источники, местоположение которых было известно только коренным обитателям, хоть и нечасто, но встречались в Гималаях. Геотермальные источники и послужили основой для многочисленных мифов о Шангри-Ла.

Снежные сугробы постепенно отступали, и снегоходы пришлось оставить. На остановке Пейнтера и Лизу отвязали от саней, подняли на ноги и наручниками сковали запястья. Пейнтер ни на шаг не отходил от Лизы. В ее взгляде он прочитал ту же тревогу, что испытывал сам. Куда, черт возьми, их занесло?

Остаток пути пленники прошли, окруженные вооруженными людьми в белых куртках. Снег под ногами сменили влажные камни. Пейнтер увидел высеченные в них ступени, по которым струилась талая вода. Нескончаемый туман начинал редеть. Очень скоро во мраке появилась скала, а вместе с ней и огромный природный грот. Раем здесь и не пахло — сплошной черный гранит, омываемый тающим снегом. Скорее ад, чем Шангри-Ла.

Лиза споткнулась, Пейнтер подхватил ее скованными руками и понял, почему она оступилась. Впереди возникли очертания замка. Или, скорее, половины замка. Подходя ближе, Пейнтер рассмотрел фасад, грубо вытесанный в задней стене грота. Две гигантские зубчатые башни располагались по бокам массивной центральной цитадели. За толстыми стеклами окон горели огни.

— Гранитшлосс,— объявила Анна и повела пленников к величественному арочному входу, который охраняли два гранитных рыцаря.

Путь преградила тяжелая дубовая дверь, окованная черным железом. Однако стоило путникам приблизиться, как она начала подниматься, подобно решетке крепостных ворот.

Анна прошла вперед.

— Входите. Ночь выдалась длинная, не так ли?

Вся поверхность черного гранита сочилась влагой. Капли воды были похожи на черное масло. Казалось, замок на глазах тает.

Яркий свет, падавший из окон, озарял каменный фасад зловещим адским сиянием, напомнившим Пейнтеру полотна Иеронима Босха. Гениальный художник пятнадцатого столетия писал в основном картины ада, порожденные его больным воображением. Если бы Босх решил создать на полотне врата подземного царства, эскиз фасада замка подошел бы как нельзя лучше.

Пейнтер шагнул под арку и невольно поднял голову, ожидая увидеть слова, которые, согласно описанию Данте, вырезаны на вратах подземного мира:

«Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Надписи на входе не оказалось. Странно, она бы прекрасно довершила мрачную картину.

Надежды на спасение нет... Вот печальный итог их путешествия.

20 часов 15 минут
Копенгаген, Дания

Едва умолкло эхо взрыва, Грей схватил Фиону за руку и потащил к боковому выходу французской кондитерской. Растолкав толпу зевак во внутреннем дворике, он выбежал на соседнюю неширокую улицу. В отдалении завыли сирены. Да, беспокойный день выдался сегодня у копенгагенских пожарных.

Не выпуская руки Фионы, Грей нырнул за угол, подальше от дыма и неразберихи. У самого его уха звонко треснул кирпич... Пуля. По ним стреляют!

Грей толкнул Фиону в проулок и низко пригнулся, оглядывая улицу в поисках стрелка. И увидел, совсем близко. На другой стороне улицы, в полуквартале от беглецов.

Ослепительная блондинка, которую он заметил на аукционе, теперь была одета в черный, в обтяжку, спортивный костюм. Обзавелась она и новым модным аксессуаром: пистолетом с глушителем. Опустив его, блондинка быстро приближалась. Она прикоснулась рукой к уху и шевельнула губами. Радиосвязь.

Когда женщина шагнула под уличный фонарь, Грей понял, что ошибся. Нет, это не блондинка с аукциона: волосы длиннее, лицо более вытянутое. Скорее, старшая сестра близнецов.

Грей бросился прочь. Он думал, что Фиона уже пробежала до середины переулка, а та поодаль возилась с порядком заржавевшим зеленым мотороллером «Веспа».

— Что ты делаешь?!

— Сейчас прокатимся.

Фиона оглянулась через плечо, на ощупь копаясь в зажигании. Мотор кашлянул и заработал.

Проклятье... Девчонка молодец, но всему же есть предел.

— Поведу я!

Пожав плечами, Фиона пересела на заднее сиденье. Грей оседлал мотороллер, сбил ногой поддерживающую стойку и, не включая передней фары, медленно поехал по темному переулку.

— Переключи сразу на третью передачу,— подсказала Фиона.— Выжимай из драндулета все, на что способна эта развалина.

— Мне не нужен инструктор на заднем сиденье.

И все-таки Грей последовал совету Фионы, и мотороллер прыгнул вперед, как испуганная кобылка, и понесся по темному переулку, огибая мусорные баки.

За спиной завыли сирены — сверкая огнями, к месту взрыва с ревом летела пожарная машина.

Неожиданно в переулке возникла фигура женщины с пистолетом, обрисованная ярким светом уличного фонаря.

Грей прибавил ходу, прижимаясь к стене, пытаясь укрыться за высокими мусорными ящиками. Впереди спасительным маяком светилась дальняя улица, их единственный шанс.

Из мрака выступила вторая темная фигура. Фары проезжавшего мимо автомобиля осветили серебряные волосы незнакомца. Еще один родственник близнецов распахнул полы черного плаща и поднял пулемет. Должно быть, блондинка связалась с ним по рации, чтобы устроить беглецам ловушку.

— Держись крепче! — крикнул Грей.

Мужчина поднял оружие, и стало заметно, что на руке от запястья до локтя наложена медицинская повязка. Еще не видя лица стрелка, Грей догадался, кто преградил им дорогу: убийца Гретты Нил, укушенный Берталом.

Блондин навел ствол. На раздумья не оставалось ни секунды.

Грей вывернул руль, с визгом покрышек наклонил мотороллер и понесся прямо на стрелка. Раздался приглушенный выстрел, Фиона испуганно вскрикнула. Однако стрелок сделал только один выстрел и отпрянул от пронесшегося мимо мотороллера. Выбравшись из темного переулка, Грей влился в поток машин, получив вдогонку дикий гудок от возмущенного водителя «ауди».

Мотороллер полетел вперед, обгоняя медлительные автомобили, набирая скорость. Дорога шла под уклон, заканчиваясь внизу пересечением трех улиц. Грей резко затормозил и хотел повернуть, но мотороллер отказался повиноваться. Посмотрев вниз, Грей увидел, что у его ноги болтается один из проводов тормоза. Наверное, он порвал его, сбивая стойку.

— Медленнее! — крикнула Фиона.

— Тормоза не работают! Держись крепче!

Грей выключил двигатель, затем попытался снизить скорость, виляя из стороны в сторону и тормозя ногой, как лыжник на скоростном спуске. Покрышка заднего колеса задела бордюр и начала дымить. На перекресток они вылетели на слишком большой скорости.

Грей резко наклонил мотороллер, из-под колес посыпались искры. Мотороллер пронесся через дорогу прямо перед носом у грузовика. Со всех сторон гудели автомобили, скрежетали тормоза. Наконец мотороллер врезался в край противоположного тротуара, подпрыгнул, и седоки кубарем полетели на землю.

Они покатились по тротуару и остались лежать у кирпичной стены. С трудом поднявшись, Грей шагнул к Фионе.

— Ну, как ты?

Девушка встала. Она не столько испугалась, сколько разозлилась:

— За эту юбку я выложила две сотни евро!

Сбоку на ткани зияла большая прореха. Фиона прихватила края рукой и нагнулась, чтобы поднять сумку.

Костюм от Армани пострадал еще больше: на колене дыра, правая сторона пиджака выглядела так, будто ее драли металлической щеткой. Однако если не считать нескольких царапин и ссадин, обошлось без ранений. Бесконечный поток машин тек мимо разбитого мотороллера.

— «Веспы» бьются часто, но еще чаще их крадут,— философски заметила Фиона.— У нас в Копенгагене с байками просто: нужен — укради, потом оставь другому. Никто и внимания не обратит.

И все же кое-кто на них внимание обратил.

Черный седан, скрипнув покрышками, резко свернул на улицу в двух кварталах от беглецов и быстро поехал в их сторону. Было слишком темно, чтобы рассмотреть водителя или пассажиров. Свет фар слепил глаза.

Грей потянул Фиону на тротуар, шаря глазами в поисках укромного места. Вдоль улицы стоял высокий кирпичный забор, за ней раздавались веселый свист флейт и бренчание струн.

Черный седан притормозил у разбитой «Веспы». Без сомнения, о бегстве Грея и Фионы уже известно.

— Сюда,— позвала девушка.

Повесив сумку на плечо, Фиона подвела Грея к скамейке и влезла на нее. Оттолкнувшись от спинки ногой, девушка

подпрыгнула и вцепилась в ветку дерева, нависавшую над головой, раскачалась и обхватила ее ногами.

— Куда ты?

— Все ребята так делают. Здесь бесплатный вход.

— Что?

— Давай сюда!

Перебирая руками, она перелезла по толстой ветке через кирпичную стену, спрыгнула вниз и пропала из виду. Проклятая девчонка!

Седан поехал вдоль улицы.

Лишенный выбора, Грей последовал примеру Фионы: влез на скамейку и вскарабкался по дереву. Перед ним возникла волшебная страна с разноцветными огнями, миниатюрными дворцами и вертящимися аттракционами — сады Тиволи.

С высоты было видно центральное озеро; в зеркальной поверхности воды мерцали огни тысяч фонарей. В разные стороны разбегались усаженные цветами дорожки, ведущие к залитым светом павильонам, деревянным площадкам для катания на роликах, каруселям и «чертовым колесам». Старомодный Тиволи походил не на современный Диснейленд, а, скорее, на небольшой уютный районный парк.

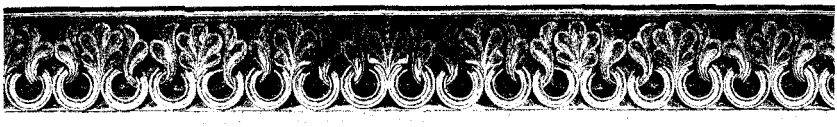
Грей перебрался по ветке через стену.

У хозяйственной постройки ему махала рукой Фиона.

Ветка под правой рукой подломилась. От неожиданности Грей разжал пальцы и, упав на клумбу, подвернул ногу. Хорошо почва была рыхлая, а то простым растяжением не отделался бы.

За стеной взревел мотор автомобиля и хлопнула дверца. Их обнаружили.

Морщась от боли, Грей подошел к Фионе, глядевшей на него расширенными от страха глазами. Раздался выстрел. Не говоря ни слова, они бросились бежать к центру парка.



6

ГАДКИЙ УТЕНОК

1 час 22 минуты
Гималаи

Далеко за полночь Лиза лежала в ванне с термальной минеральной водой. Закрыв глаза, девушка представляла, что находится в дорогом спа-центре, где-нибудь в Европе. Комната была просто шикарной: пушистые египетские хлопковые полотенца и халаты, заваленная одеялами массивная кровать с пологом на четырех столбиках, а на ней — матрацы толщиной в фут, на гагачьем пуху. Стены покрывали средневековые шпалеры, а каменный пол под ногами был устлан турецкими коврами.

В соседней комнате Пейнтер растапливал небольшой камин. Уютное тюремное гнездышко им досталось! Пейнтер сказал Анне Спорренберг, что в Штатах они с Лизой жили вместе. Благодаря такой уловке их не разлучили. Лиза не возражала, боясь остаться в полном одиночестве.

Несмотря на горячую воду, ее тряс озноб. Она лежала в ванне и сама себе ставила диагноз, прислушиваясь к своим ощущениям. Действие адреналина, позволившего пережить страх, почти прекратилось. Она вспомнила, как совсем недавно набросилась с обвинениями на женщину-немку. О чем только Лиза думала в ту минуту? Ведь ее и Пейнтера запросто могли пристрелить!

Пейнтер все это время сохранял полное спокойствие. Лиза успокаивалась, слушая, как он подкладывает в огонь поленья. Пейнтер уже принял ванну — не столько из соображений гигиены, сколько спасаясь от обморожения. Лиза заметила, как побелели края его ушей, и настояла, чтобы он первым отправился в ванную.

Сама Лиза замерзла куда меньше.

Она погрузилась в воду с головой так, что только волосы плавали на поверхности. Тепло постепенно согревало все ткани тела. Вдруг подумалось о том, что выпутаться из всей этой ситуации можно довольно простым способом. Один глубокий вдох, и все закончится. Так легко утонуть! Несколько мгновений паники, и все будет кончено. Уйдут страхи и тревоги. Она останется хозяйкой своей судьбы.

Один глубокий вдох...

— Ты заканчиваешь? — будто издалека донеслись слова, приглушенные водой.— Нам принесли ужин.

Лиза вынырнула, вода стекала по волосам и лицу.

— Я... выйду через минуту.

— Не торопись,— откликнулся Пейнтер из главной комнаты.

Лиза услышала, как он переворачивает в камине полено.

Откуда он черпает силы? Три дня в беспамятстве, драка в подземелье, долгий путь по заснеженным горам... А он все хлопочет.

При мысли о нем ей стало легче.

Она вышла из ванны и вытерлась полотенцем, стоя в клубах пара. На ручке двери висел толстый халат. Лиза кинула на него взгляд и подошла к высокому зеркалу рядом с античной раковиной. В запотевшем стекле отразилось обнаженное тело. Лиза выставила вперед ногу, чтобы изучить синяки на бедре. Боль в икрах напомнила ей о самом важном: жизнь продолжается.

Нет, она не умрет по собственной воле, не доставит хозяевам такой радости.

Лиза накинула халат, затянула потуже пояс, подняла тяжелую железную задвижку и отворила дверь. В соседней ком-

нате было еще лучше. Паровое отопление, конечно, поддерживало необходимую температуру, но веселое пламя камина наполняло комнату уютным теплом. Поленья весело потрескивали. Комнату заливал мерцающий свет огня. Несколько свечей у изголовья кровати подчеркивали атмосферу уюта. Электричества в комнате не оказалось.

Показывая пленникам их апартаменты, Анна Спорренберг с гордостью объяснила, что большую часть энергии здесь получают благодаря геотермальным водам. Способом, основанным на изобретении Рудольфа Дизеля — немецкого инженера, родившегося во Франции, создателя дизельного двигателя. Электричество расходовали экономно. Им пользовались лишь в немногих помещениях замка; комната, предоставленная пленникам, как видно, не входила в их число.

Пейнтер поднялся навстречу. Растрепанные, уже почти сухие волосы придавали ему бесшабашный мальчишеский вид. В таком же, как у Лизы, халате, босой, Пейнтер Кроу наполнил две керамические кружки горячим напитком.

— Жасминовый чай,— объявил он, жестом приглашая Лизу присесть на маленький диван перед камином.

Низенький столик буквально ломился под тяжестью яств: твердый сыр, хлеб, гора нарезанного ломтиками ростбифа, ваза с черникой и небольшой кувшинчик со сливками.

— Последний пир? — произнесла девушка, безуспешно стараясь вести себя непринужденно.

Утром пленникам предстояло выдержать допрос.

Пейнтер сел и похлопал ладонью по сиденью дивана рядом с собой.

Пока он резал хлеб, Лиза взяла с тарелки ломтик твердого чеддера, понюхала и положила обратно: нет аппетита.

— Нужно поесть,— велел Пейнтер.

— Зачем? Чтобы быть сильной, когда нас накачают наркотиками?

Пейнтер свернул рулоном кусок ростбифа, сунул в рот и, жуя, ответил:

— Не стоит предвосхищать события. Кто знает, как они *сложатся*...

Лиза покачала головой.

— Предлагаешь надеяться на лучшее?

— Лично я предпочитаю четкий план.

— Он у тебя есть?

— Да, и довольно простой. Никаких перестрелок и взрывов гранат.

— А что же тогда?

Пейнтер проглотил ростбиф и повернулся к Лизе.

— Я открыл штуку, которая действует безотказно.

— Что же?

Девушка с нетерпением ждала ответа.

— Честность.

Она устало откинулась на спинку дивана.

— Здорово.

Пейнтер взял кусок хлеба, намазал острой горчицей, добавил кусок мяса и, увенчав ломтиком чеддера, протянул ей:

— Ешь.

Лиза со вздохом приняла кулинарный шедевр — только для того, чтобы успокоить Пейнтера. Тот моментально приготовил себе второй сандвич.

— Например, я — директор подразделения «Сигма». Мы специализируемся на расследованиях преступлений, угрожающих безопасности США. У меня под началом отряд бывших солдат спецчастей. Это действующие войска. Боевая рука УППОНИР.

Лиза надкусила корочку с острым привкусом горчицы.

— Они нас спасут?

— Сомневаюсь. По крайней мере, не так скоро. Сперва им надо убедиться, что моего трупа в монастыре нет.

— Тогда я не понимаю...

Пейнтер, откусив добрую половину бутерброда, поднял ладонь и ответил с набитым ртом:

— Начнем с полной откровенности и посмотрим, что будет. Некоторые обстоятельства насторожат «Сигму». Например, сообщения о странной болезни. Почему после стольких лет полной секретности в последние месяцы нацисты допускают серьезные промахи? Я не из тех людей, что верят в совпа-

дения. Я кое-что подслушал. Анна намекала убийце на трудности, которые так и сыплются в последнее время. Эти люди зашли в тупик. Думаю, что в сложившихся обстоятельствах можно предложить им сотрудничество.

— И нас оставят в живых? — насмешливо спросила Лиза, почувствовав, что в глубине души зарождается надежда.

Чтобы скрыть смущение, девушка вонзила зубы в сандвич.

— Не знаю,— все так же честно ответил Пейнтер.— Скорее всего, лишь до той поры, пока мы им полезны. И тем не менее, выиграв несколько дней, либо мы сами увеличим шансы на спасение, либо обстоятельства переменятся к лучшему.

Лиза задумчиво жевала и вскоре с удивлением обнаружила, что сандвич исчез, а голод так и не оставил ее. Пленники залили сливками чернику и разделили ее на двоих.

Теперь Лиза смотрела на Пейнтера иначе. Он больше не казался ей горой мощных мускулов. За голубыми глазами светились острый ум и море здравого смысла.

Почувствовав испытующий взгляд, он вопросительно взглянул на девушку, и та поспешно принялась изучать тарелку с едой.

Пленники закончили поздний ужин в молчании. Отяжелев от еды, они перестали сопротивляться усталости. Трудно было даже разговаривать. Лиза наслаждалась покоем.

Допивая последнюю чашку чая с медом, она заметила, что Пейнтер потирает правый висок, а один его глаз косит: снова разболелась голова. Она не собиралась изображать врача и надоедать расспросами и обследованием, однако исподтишка пристально наблюдала за ним. Его пальцы дрожали, а зрачки подрагивали, когда он смотрел на потухающий огонь.

Пейнтер говорил о честности, но хотел ли он откровенного разговора о состоянии своего здоровья? Приступы, кажется, участились. Пейнтер много значил для Лизы не только потому, что был ее надеждой на спасение. Ей действительно нравился этот человек.

— Пора спать. Наверное, скоро рассвет.

Пейнтер, поддерживаемый за руку, с трудом поднялся с дивана.

— Я в отличной форме,— произнес он.

Не слишком честное заявление. Она довела его до кровати и откинула одеяло.

— Я могу лечь на диване...

— Не будьте смешным, ложитесь. Сейчас неподходящее время для приличий. Мы в лапах у нацистов.

— Бывших нацистов.

— Прекрасное утешение, ничего не скажешь.

С тяжким вздохом Пейнтер прямо в халате улегся в постель. Лиза легла с другой стороны и задула свечи у изголовья. Тени сгустились, но умирающее пламя очага дарило мягкий полусвет.

Лежа спиной к Пейнтеру, девушка сохраняла безопасную дистанцию. Наверное, он почувствовал ее страх и обернулся, чтобы увидеть лицо спутницы.

— Если мы умрем,— прошептал он,— то умрем вместе.

У Лизы встал комок в горле. Не такие слова ободрения хотела она услышать, и все же ей стало спокойнее. Честность, прозвучавшая в словах, даже сам голос подействовали лучше пустых уверений в безопасности. Она верила Пейнтеру. Придвинувшись ближе, Лиза нашла его руку, и их пальцы сплелись. В рукопожатии не было ничего сексуального — просто прикосновение людей, ждущих поддержки друг друга.

Он крепко сжал ее ладонь, стараясь вселить в Лизу покой и уверенность. Девушка придвинулась к нему ближе, и Пейнтер повернулся, чтобы обнять ее. Лиза закрыла глаза, не надеясь, что сможет уснуть. Однако в объятиях Пейнтера тут же провалилась в безмятежный сон.

22 часа 39 минут
Копенгаген, Дания

Грей посмотрел на часы. Прошло больше двух часов с тех пор, как он вместе с Фионой спрятался в подсобном помещении аттракциона под названием «Шахта»: тележки разъезжа-

ли среди макетов кротов, которые сооружали фантастические подземные лабиринты. Одна и та же беспрерывно повторяющаяся мелодия превратилась для Грея и Фионы в китайскую пытку.

Смешавшись с толпой посетителей Тиволи, они отправились в путешествие по «Шахте», изображая папу с дочкой. Убедившись, что за ними никто не наблюдает, выбрались из тележки и залезли в служебную каморку, скрытую за вертящейся дверцей со строгой надписью «Не входить». Так и не доехав до конца «Шахты», Грей мог только предположить, чем заканчивался аттракцион: наверное, кроты-монстры попадали на больничные койки с силикозом легких, профессиональным заболеванием шахтеров.

Лихой мотивчик повторялся снова и снова, тысячи раз. Возможно, он не столь ужасен, как неотвязная песенка Диснейленда, но так же назойлив.

Сидя в тесной каморке, Грей раскрыл на коленях Библию Дарвина. Одну за другой он просматривал страницы с помощью фонарика, ища ключ к разгадке ее притягательной силы. Нескончаемый мотивчик вызывал сильную головную боль.

— У тебя есть оружие? — спросила Фиона, забившаяся в угол.— Если есть, пристрели меня скорее.

Грей вздохнул:

— Осталось потерпеть еще час.

— Я больше не могу.

Он решил дождаться закрытия парка. Наверняка все выходы из Тиволи сейчас находятся под наблюдением. Единственная возможность — улизнуть из парка, затерявшись в гуще толпы, когда в полночь публика начнет расходиться. Грей все бы отдал, чтобы узнать, прилетел ли Монк, но мобильный в каморке не работал — не было связи. Придется самим добираться до аэропорта.

— Откопал что-нибудь в Библии? — спросила Фиона.

Грей покачал головой. Его заинтересовало только династическое древо Дарвинов, нарисованное на обороте обложки. На остальных хрупких страницах не было ничего, что могло

бы привести к разгадке. Обращали на себя внимание лишь несколько небрежных рисунков, сделанных от руки, и одна и та же надпись, повторяющаяся во многих местах. Грей занес в блокнот символы, нарисованные на полях Библии рукой Чарлза Дарвина. Хотя, возможно, и не Дарвина, а другого ее владельца.

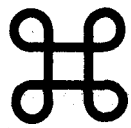
— Тебе это ничего не напоминает?

Фиона вздохнула, расцепила руки, сложенные на груди, наклонилась и без интереса взглянула на надпись.

— Птичьи следы,— ответила она.— Стоило ради этого убивать мою бабушку!..

Грей закатил глаза, но промолчал. Настроение Фионы испортилось. Когда она злилась, то нравилась ему гораздо больше. Во время вынужденного заточения в тесной каморке девушка ушла в себя.

Вооружившись ручкой и бумагой, Грей нарисовал другой символ. Тот, что видел на руке светловолосого мужчины на аукционе.



— А об этом что скажешь?

С еще более протяжным драматическим вздохом она посмотрела на рисунок и покачала головой.

— Клевер с четырьмя листочками. Не знаю, что бы это могло... Погоди! — Она взяла записную книжку и поднесла ее к лицу. Глаза Фионы расширились.— Я видела его прежде!

— Где?

— На визитной карточке,— вспомнила Фиона.— Только он был нарисован немного по-другому.

Она отобрала у Грея ручку и принялась за работу.

— На чьей визитной карточке ты его видела?

— На визитке того типа, который несколько месяцев назад приходил к нам и рылся в записях. Он еще всучил нам фальшивую банковскую карту...— Фиона азартно работала карандашом.— А ты где это видел?

— На руке у человека, который купил Библию, такая же татуировка.

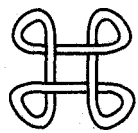
— Я знала! Значит, за всей этой историей стоит один и тот же подонок! Он хотел стащить Библию! А чтобы замести следы, убил Мутти и сжег магазин!

— Имя на визитной карточке помнишь? — спросил Грей.

Фиона покачала головой.

— Только изображение.

Она протянула Грею свой рисунок: более детальную прорисовку изображения, вытатуированного на руке незнакомца.



— Ты действительно узнала его? — спросил Грей, ткнув в изображение.

— Я же собираю значки... Конечно, с этой дурацкой одеждой их носить нельзя.

Грей вспомнил кофту с капюшоном, украшенную значками всех форм и размеров, в которой увидел Фиону в первый раз.

— Одно время я увлекалась кельтской культурой,— продолжала девушка.— Слушала только кельтскую музыку, и почти все мои значки были с кельтскими знаками и надписями.

— И этот символ у тебя есть?

— Его называют Земной квадрат или Крест святого Ханса. Он взывает к силе всех четырех углов земли и считается оберегом. Поэтому его еще иногда называют Узлом Щита...

Это я сказала Мутти, что парню можно верить,— призналась Фиона.— А ей он не понравился. С первого взгляда. Однако когда я увидела этот знак на его визитной карточке, то решила, что с парнем все в порядке.

— Откуда тебе было знать.

— А Мутти знала. И теперь она умерла. Из-за меня,— звенящим от страдания голосом произнесла девушка.

— Чепуха.— Грей придвинулся к ней и обнял за плечи.— Эти люди с самого начала были настроены чертовски серьезно. Они непременно нашли бы способ раздобыть нужную им информацию. Никакой отказ их не остановил бы. Если бы ты не уговорила бабушку допустить их к архивам, они убили бы вас сразу.

Фиона прислонилась к Грею.

— Твоя бабушка...— начал он.

— Никакая она мне не бабушка,— глухо перебила его Фиона.

Грей догадывался об этом.

— Два года назад она поймала меня за руку, когда я хотела украсть книгу из ее магазина. Только в полицию звонить не стала, а сварила мне куриного супу.

Не видя девушку в темноте, Грей по голосу догадался, что Фиона улыбается.

— Вот какая она была. Всегда помогала беспризорникам и подбирала бродяжек.

— Таких, как Бертал.

— И я.— Фиона надолго замолчала.— Мои родители погибли в автомобильной катастрофе. Они эмигрировали из Пакистана, из Пенджаба. У нас был маленький дом в Уолтеме, в Лондоне... Даже с садиком. Мы хотели завести собаку. А потом... они умерли.

— Прости.

— Тогда меня взяли к себе тетя с дядей, как раз приехавшие из Пенджаба.— Снова долгая пауза.— А через месяц он стал по ночам приходить в мою комнату.

Грей зажмурился. Боже всемогущий...

— Вот я и сбежала. Пару лет прожила в Лондоне на улице, связалась с дурной компанией. Пришлось сваливать. Уехала из Англии и колесила автостопом по Европе. Потом осела здесь.

— И Гретта взяла тебя к себе.

— А теперь и она умерла.— Ее голос снова зазвенел от слез.— Наверное, я приношу несчастье.

Грей крепко прижал Фиону к себе:

— Я видел, как Гретта смотрела на тебя. То, что ты появилась в ее жизни, несчастьем не назовешь. Она тебя любила.

— Я знаю.

Фиона спрятала лицо в ладонях. Ее плечи дрожали от сдерживаемых рыданий.

Грей обнял девушку, и она уткнулась в его плечо. Теперь настала очередь Грея терзаться виной. Гретта была такой великодушной, заботливой, доброй и чуткой женщиной, и вот ее не стало. Он тоже виноват, нужно было действовать с большей осторожностью... А Фиона все плакала.

Даже если убийство и поджог планировались еще до его вмешательства, он не мог оправдать себя.

Он бежал, бросив Фиону один на один с ее горем. Грей вспомнил, как она окликнула его, сначала гневно, потом умоляющим голосом. А он не остановился.

— У меня никого больше нет,— тихонько плакала Фиона.

— У тебя есть я.

Она отпрянула, глядя на Грея заплаканными глазами:

— Ты тоже уйдешь.

— Ты поедешь со мной.

— А что же ты сказал...

— Неважно.— Грей понимал, что Фионе опасно оставаться в городе. Ее убьют. Не для того, чтобы завладеть Библией, а чтобы заставить молчать. Она слишком много знает. Например...— Ты говорила, что помнишь адрес на квитанции о продаже Библии.

Рыдания прекратились. Фиона отодвинулась, гадая, не было ли его сочувствие лишь способом вытрясти из нее информа-

цию. Грей понимал, что такие мысли ей внушает инстинкт беспризорницы.

— Сегодня в полночь на частном самолете прилетает мой друг. Мы можем улететь с ним, куда захотим. В самолете ты скажешь, где находится то место.

Грей протянул руку, чтоб скрепить сделку. Подозрительно прищурив один глаз, Фиона пожала его ладонь:

— Заметано.

Фиону необходимо спасти от убийц. На борту самолета ей ничего не грозит. Девушка останется там, а он сам вместе с Монком продолжит расследование.

Фиона подтолкнула к нему записную книжку с нарисованными символами.

— Нам нужно попасть в Падерборн в Центральной Германии. На месте я назову точный адрес.

Грей принял ее слова за знак доверия и кивнул.

— Хорошо, пусть будет так.

Фиона кивнула в ответ. Сделка совершена.

— Если бы только выключить эту тупую музыку!..— простонала Фиона.

Словно кто-то услышал ее мольбу, навязчивая мелодия оборвалась. Бесконечный шум механизмов и стук тележек тоже стал тише. В наступившей тишине за дверью раздались тяжелые шаги. Грей вскочил, прошипев:

— Спрячься сзади.

Фиона подобрала Библию и запихнула ее в сумку. Грей схватил заранее облюбованную им палку.

Дверь открылась, в каморку хлынул ослепительный свет. Вошедший человек от неожиданности крякнул, потом спросил по-датски:

— Что вы здесь делаете?

Грей выпрямился и опустил палку.

— Аттракцион закрыт. Убирайтесь отсюда, пока я не вызвал охрану.

Сотрудник парка смотрел подозрительно. Грей понимал, какие подозрения он мог вызвать: взрослый мужчина уединился в каморке с девочкой-подростком.

— У вас все хорошо, мисс? — спросил служитель, наверное, заметив ее опухшие глаза и порванную одежду.

— Все отлично.— Фиона подхватила Грея под руку и качнула бедрами.— За *этот* аттракцион он заплатил вдвое больше.

Служитель неприязненно нахмурился.

— Ступайте туда.— Он указал на неоновую надпись «выход».— Другой раз не попадайтесь, здесь опасно болтаться без дела.

Не опаснее, чем снаружи, подумал, выходя, Грей и посмотрел на часы. Начало двенадцатого, до закрытия осталось совсем немного. Может, попробовать уйти прямо сейчас?

Выйдя из-за угла аттракциона, они обнаружили, что эта часть парка словно вымерла. Неудивительно, что «Шахту» закрыли раньше времени. Со стороны озера долетали звуки музыки и веселья.

— Все посетители пошли смотреть парад,— сообщила Фиона.— После парада будет фейерверк.

Фонари ярко освещали ночной парк, на клумбах буйно цвели тюльпаны. По дорожкам и на бетонных площадках гуляли немногочисленные отдыхающие. Грей с Фионой привлекали к себе внимание.

К ним решительно направлялись двое охранников, мужчина и женщина. Наверное, служитель все-таки доложил о непрошеных гостях.

— Уходим.

Грей взял Фиону за руку и зашагал к более оживленной части парка. Шли быстро, держась в тени деревьев,— просто двое посетителей, спешащих посмотреть парад.

Публика окружила центральную площадь, освещенную фонарями, огнями павильонов и дворцов. Нарастало радостное возбуждение, люди приветствовали появление карнавальных платформ. Первым плыло сияющее изумрудными и лазурными огнями трехэтажное сооружение, изображавшее сидящую на скале русалку — символ города. Следом ехали платформы с пятиметровыми движущимися куклами. Весело свистели флейты, барабаны четко отбивали ритм.

— Парад героев сказок Ханса Кристиана Андерсена,— объяснила Фиона,— в честь празднования его двухсотлетнего юбилея. Он почти что святой покровитель нашего города.

В зеркальной поверхности озера отразилась яркая вспышка огня, прозвучал оглушительный залп. Огненный цветок рассыпался в ночном небе каскадами ярких свистящих шутих.

Подойдя к толпе, Грей тревожно осмотрелся. Он ждал появления светловолосого человека в черном. Однако в Копенгагене каждый пятый — блондин, а черный цвет, похоже, в этом сезоне особенно моден.

Еще один огненный цветок рассыпался искрами прямо над головами. Фиона споткнулась. Грей подхватил ее под локоть. Когда эхо огневого залпа отгремело, Фиона испуганно подняла руку, которой зажимала бок, и протянула ее Грею.

Ладонь девушки была в крови.

4 часа 2 минуты
Гималаи

Пейнтер очнулся в полной темноте, когда камин уже остыл. Что-то его разбудило. Долго ли он спал? В комнате без окон невозможно определить время.

Он приподнялся, опираясь на локоть. Как оказалось, Лиза тоже не спала. Она тревожно смотрела на дверь.

— Ты слышишь?

Стены комнаты содрогнулись, в отдалении раздался грохот.

Пейнтер отбросил одеяло.

— Что-то случилось.

Он указал на стопки приготовленной чистой одежды: длинное старомодное белье, плотные потертые джинсы и просторные свитера. Лиза зажгла свечи и сунула ноги в крепкие кожаные ботинки, которые больше подошли бы мужчине. Пленники провели в тревожном ожидании около двадцати минут, а потом снова легли в кровать.

— Ты понимаешь, что происходит? — шепотом спросила Лиза.

Откуда-то издалека долетали короткие жесткие команды.

— Нет, но, кажется, скоро узнаю.

За толстой дубовой дверью топали тяжелые шаги.

— Сюда идут.

В подтверждение его слов в дверь громко постучали. Пейнтер жестом велел Лизе оставаться на месте. Послышался громкий скрежет: снаружи вытащили железный засов, и дверь отворилась. Четверо мужчин вошли в комнату и навели на пленников оружие. Последним вошел человек, очень похожий на убийцу из монастыря: огромный богатырь с бычьей шеей, ежиком коротко стриженных серебряных волос, в коричневой рубашке и такого же цвета мешковатых брюках, заправленных в высокие черные ботинки. Типичный нацистский штурмовик, недоставало только нарукавной повязки со свастикой. Или, точнее, бывший нацистский штурмовик.

Лицо богатыря, бледное, как у Гюнтера, имело заметный недостаток: черты левой половины сместились вниз, как у человека, пережившего инсульт. Пальцы его левой руки дрожали, когда он указал на дверь.

— Kommen mit mir!*

Пленников вывели из комнаты. Богатырь повернулся и зашагал вперед, как будто не допускал и мысли о том, что кто-то способен ему не повиноваться. В спины пленников уперлись стволы винтовок.

В узком коридоре, вырубленном в скале, едва могли разминуться двое. Единственным источником света служили электрические фонари, прикрепленные к стволам винтовок. Дрожащее тени легли на каменный пол коридора. Здесь было заметно холоднее, чем в комнате, но, к счастью, не настолько, чтобы продрогнуть.

Шли недолго. Пленников, по расчетам Пейнтера, вели в сторону выхода из замка. Он оказался прав: в отдалении сви-

---

* Следуйте за мной! *(нем.)*

стел ветер, наверное, снаружи бушевала снежная буря. Богатырь постучал в деревянную створку, окованную железом, и, ободренный приглушенным ответом, отворил ее. В коридор хлынули свет и волна тепла.

Пейнтер пропустил Лизу в помещение и осмотрелся. Комната высотой в два этажа напоминала кабинет или библиотеку. У всех четырех стен стояли полки с книгами. Вверху Пейнтер заметил длинный железный балкон, к которому вела приставная лестница.

В большом камине неярко горел огонь. С портрета, написанного маслом, на гостей взирал мужчина в немецком военном мундире.

— Мой дед,— произнесла Анна Спорренберг, поймав взгляд Пейнтера, и поднялась из-за огромного резного стола.— *После войны порядками здесь заправлял он.*

Она указала на кресла перед камином. Пейнтер заметил у нее под глазами круги, как будто Анна так и не прилегла за ночь. Уловил он и запах гари, похожий на запах бездымного пороха. Интересно, откуда?

Когда Анна подошла к массивным креслам, Пейнтер встретился с ней взглядом и внутренне напрягся. Несмотря на усталость, ее внимательные глаза ярко блестели. В них мелькнуло выражение коварства и хищной решимости. Нужно быть с ней повнимательнее. Анна смотрела на Пейнтера так же настойчиво и оценивающе. Что она задумала?

— Setzen Sie, bitte*,— проговорила Анна, кивнув на стулья.

Беглецы сели рядом, Анна выбрала место напротив. Богатырь встал у двери, скрестив руки; охранники остались в коридоре.

Пейнтер окинул взглядом комнату. Единственным путем к спасению могло служить витражное окно, зарешеченное толстыми железными прутьями... Нет, через него не выбраться.

Возможно, есть и другой путь к свободе. Нужно добыть как можно больше информации, но действовать необходимо осто-

---

* Прошу садиться *(нем.)*.

рожно. Очевидное сходство Анны с мужчиной на портрете — подходящая тема для начала беседы.

— Вы сказали, что ваш дед заправлял порядками в замке... А кто это делал до него?

Анна поудобнее устроилась в кресле, наслаждаясь теплом горящего камина. Она сложила руки на коленях и сосредоточенно переводила взгляд с Лизы на Пейнтера.

— История Гранитшлосса длинна и загадочна, мистер Кроу. Вам знакомо имя Генриха Гиммлера?

— Второго человека в фашистском Третьем рейхе?

— Ja. Руководитель СС, палач и сумасшедший.

Пейнтер удивился, услышав подобную характеристику из уст Анны. Что это — хитрость? Он понимал, что Анна затеяла какую-то игру, только пока не знал правил.

Анна продолжала:

— Гиммлер считал себя реинкарнацией Генриха, короля саксов, который правил в десятом столетии. Даже уверял, что получает от него послания на подсознательном уровне.

Пейнтер кивнул.

— Я слышал, он очень увлекался оккультными науками.

— Просто свихнулся на оккультизме,— поправила его Анна, пожав плечами.— В Германии этим многие увлекались, еще со времен госпожи Блаватской*, которая ввела термин «ариец». Она утверждала, что овладела тайным знанием, пройдя обучение в буддийском монастыре. Некие не известные никому наставники якобы рассказали ей о том, что человечество произошло от высшей расы и однажды вновь обратится в нее.

— В пресловутую высшую расу? — произнес Пейнтер.

— Совершенно верно. Спустя сто лет Гвидо фон Лист соединил идеи Блаватской с германской мифологией, переработав первоисточник и возвысив его до величественного мифа об арийской расе.

---

* Блаватская Елена Петровна — русская основоположница религиозно-мистического учения теософии. Создала многотомный труд «Тайная доктрина», переведенный на русский язык Еленой Рерих, женой Николая Рериха.

— А народ Германии проглотил наживку и воспринял ее всерьез,— слегка поддразнивая, вставил Пейнтер.

— И неудивительно. После поражения в Первой мировой войне столь привлекательная идея тешила наше тщеславие. Во времена пышного расцвета оккультизма в Германии она нашла своих многочисленных поклонников. Возникли тайные общества Третьего рейха: Туле, Врил*, орден новых тамплиеров.

— Насколько я помню, Гиммлер принадлежал к обществу Туле.

— Верно, рейхсфюрер верил в его мифологию, верил даже в магическую силу древнескандинавских рун. Вот почему он избрал двойную руну «зиг», сдвоенную молнию, для обозначения созданного им ордена воинов-жрецов Schutzstaffel. Или, говоря иначе, СС. Изучив труд госпожи Блаватской, он уверовал в то, что в начале времен в Гималаях возникла арийская раса и ей суждено возродиться.

Лиза в первый раз вступила в беседу:

— Так вот почему Гиммлер посылал поисковые экспедиции в Гималаи.

Она переглянулась с Пейнтером. Прежде они уже размышляли об этом и, как оказалось, были близки к истине. Пейнтеру по-прежнему не давала покоя загадочная фраза Анны: «Мы больше не нацисты». Он рассчитывал на разговорчивость женщины. Анна, по всей видимости, к чему-то их готовит, только к чему?

— Так что же искал Гиммлер? Затерявшееся в Гималаях племя ариев? Надеялся найти «высшую расу» в сердце Шангри-Ла?

— Не совсем так. Под прикрытием антропологических и зоологических изысканий Гиммлер направлял членов частей СС на поиски свидетельств существования исчезнувшей ра-

---

* Общество Врил появилось сразу после роспуска Туле. Было ориентировано в основном на потусторонний мир, и в то же время, подобно Туле, занималось разрешением технических задач, в том числе созданием «летающих дисков».

сы господ. Он верил, что найдет ее следы здесь. И несмотря на то что он так ничего и не обнаружил, им все настойчивее овладевало стремление обрести доказательства существования ариев, постепенно перешедшее в навязчивую идею, манию. Когда он взялся за создание в Германии цитадели СС, закрытого для посторонних замка Вевельсбург, то одновременно строил здесь его зеркальную копию. Он создавал ее силами тысяч рабов из концлагерей Германии. Гиммлер переправил сюда тонну золотых слитков, чтобы обеспечить нашу финансовую независимость. Благодаря ему мы ни в чем не знаем недостатка.

— Но для чего было строить замок в Гималаях? — спросила Лиза.

Пейнтер высказал догадку вслух:

— Гиммлер верил, что арийская раса возродится в этих горах снова. Он строил для них первую цитадель.

Анна кивнула.

— Он также веровал, что наставники, махатмы, которые некогда обучили госпожу Блаватскую, все еще живы. Вот он и построил для них замок, оплот, где их знания и опыт сольются воедино.

— И как? Показались людям таинственные наставники? — насмешливо спросил Пейнтер.

— Нет, зато в конце войны сюда прибыл мой дед. И привез с собой нечто поистине чудесное. То, что должно было превратить мечту Гиммлера в реальность.

— И что же это такое?

Анна покачала головой.

— Прежде чем мы продолжим разговор, я должна задать вам вопрос. И хотела бы получить правдивый ответ.

Пейнтер нахмурился. Ему не понравился неожиданный поворот беседы.

— Вы знаете, что этого я вам обещать не могу.

Анна впервые за все время разговора улыбнулась.

— Благодарю за откровенный ответ, мистер Кроу.

— Так каков ваш вопрос? — с любопытством спросил он, чувствуя, что приближается к сути беседы.

Анна пристально посмотрела на Пейнтера.

— Мне предстоит многое рассказать. Вы производите впечатление очень сообразительного человека, но выглядите... не слишком хорошо. Вы больны?

Пейнтер широко раскрыл глаза. Он не ожидал подобного вопроса. Лиза ответила за него:

— Да.

— Лиза! — негромко воскликнул Пейнтер.

— Анна все равно узнает. Для этого не нужно медицинское образование.— Лиза обернулась к Анне: — У него головокружение, нистагм и нарушение координации.

— Мигрени с нарушениями зрения?

Лиза кивнула.

— Так я и думала.

Анна откинулась в кресле.

Пейнтер нахмурился. Он не понимал, что происходит.

Лиза перешла в наступление:

— Чем вызвана его болезнь? Полагаю, мы... то есть он имеет право знать.

— Нам придется еще многое обсудить, но я уже могу сделать прогноз.

— И?..

— В ближайшие три дня он умрет. Самой мучительной смертью.

Пейнтер с трудом заставил себя не выдать своих чувств. Лиза тоже сохранила невозмутимый вид и спросила тоном врача:

— Болезнь излечима?

Анна бросила взгляд на Пейнтера, потом повернулась к Лизе.

— Нет.

23 часа 18 минут
Копенгаген, Дания

Фиону срочно нужно было доставить к врачу. Подхватив девушку на руки, Грей почувствовал, что из ее раны сквозь блузку сочится кровь.

Толпа вокруг становилась плотнее, то и дело слепили вспышки фотокамер. С озера эхо разнесло звуки музыки и поющих голосов: парад подходил к концу. Высоко над головами публики покачивались и кивали гигантские двигающиеся куклы. Над озером грохотал фейерверк.

Пригнувшись, Грей поискал глазами снайпера, ранившего Фиону. Затем быстро осмотрел рану: пуля лишь оцарапала кожу, и все же помощь врача необходима. Лицо девушки побледнело от боли.

Стреляли сзади, значит, снайпер прячется за деревьями и кустами. Хорошо, что до толпы оставались считанные шаги. Охотники, наверное, уже близко. Вероятно, тоже прячутся среди посетителей. Грей посмотрел на часы: до закрытия осталось сорок пять минут.

Требовался совершенно новый план. Больше нельзя дожидаться полуночи, чтобы покинуть парк, затерявшись в толпе. Их обнаружат гораздо раньше.

Из-за того, что все посетители сгрудились вокруг озера, дорожка между центром парада и выходом обезлюдела. Вышедший туда окажется на открытом месте. Мечта снайпера! Да и у ворот их наверняка поджидают.

Зажимая рану рукой, Фиона испуганно прошептала:

— Что же нам теперь делать?

Грей поставил девушку на ноги. Осталась только одна попытка: довольно опасная, но без риска им из парка не выбраться.

— Мне нужно испачкать кровью руки.

— Что?

Он указал на ее кофту. Нахмурив брови, она приподняла край одежды.

— Только осторожнее...

Грей бережно отер кровь с раны. Фиона сморщилась и тихонько ахнула.

— Прости,— пробормотал он.

— У тебя пальцы ледяные,— пролепетала она.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ничего, жить буду.

— Я тебя вытащу,— пообещал Грей и выпрямился во весь рост.

— Что ты...

— Когда скажу, кричи что есть сил.

Фиона сморщила нос, но кивнула. Грей выбрал подходящий момент, когда заиграли флейты и барабаны, и потащил Фиону к главному выходу. За группой школьников он приметил знакомого мужчину в широком плаще, с повязкой на руке. Убийца Гретты, напряженно озираясь, пробирался через стайку подростков.

Грей смешался с группой немцев, распевавших балладу под аккомпанемент духовых и ударных инструментов. Когда песня стихла, раздались громкие взрывы шутих.

— Теперь наш выход.— Грей пригнулся и вымазал кровью лицо. Схватив Фиону на руки, он громко крикнул по-датски: — Бомба!

Новые взрывы поддержали его оглушительный крик.

— Ори громче,— шепнул он в ухо Фионе.

Фиона завопила, извиваясь в его руках, словно в агонии.

— Бомба! — снова заорал Грей.

Все лица повернулись к ним. Фейерверк продолжал греметь. На щеках Грея алела свежая кровь. На мгновение толпа замерла, затем, подобно морской волне, откатилась назад. Крики замешательства и испуга звучали все громче, люди хлынули к воротам.

Грей тоже ринулся к выходу. Фиона кричала и билась в истерике, размахивая в воздухе рукой, с пальцев которой капала кровь.

Паника распространялась, как лесной пожар. Крик Грея, словно искра, упавшая на сухой хворост, разжег костер страха в душах людей. Память о взрывах в Лондоне и Испании была еще свежа. Толпа взволновалась, как испуганное стадо овец. Люди сбивали друг друга с ног, пытаясь выбраться из парка. Гром фейерверка умолк, но теперь испуганные крики звучали на пути торжественного парада. Сначала один человек

бросился бежать, за ним еще двое, потом и другие инстинктивно последовали их примеру. По тротуару топали сотни ног, люди спешили к выходу. Человеческий ручеек вскоре стал потоком — началось паническое бегство из парка.

Грей, неся на руках Фиону, отдался во власть толпы. Лишь бы никого не затоптали!.. К счастью, бегство не успело превратиться в опасную давку. Когда затихли залпы фейерверка, страх сменился замешательством. Однако толпа по-прежнему текла к выходу.

Освобождая руки, Грей поставил Фиону на ноги и вытер лицо рукавом костюма от Армани. Девушка ковыляла рядом, придерживаясь за его ремень, чтобы ее не снесло толпой. Грей кивнул на показавшиеся впереди ворота парка:

— Если что-нибудь случится, беги не останавливаясь.

— Не смогу, ужасно больно.

Грей и сам видел, что Фиона идет с трудом, скрючившись и держась за бок.

Он заметил, что впереди охранники так направляют людской поток к воротам, чтобы никто никого не задавил. При этом одна пара охранников стояла в стороне, словно посторонние: молодые мужчина и женщина со снежно-белыми волосами. Те самые покупатели из аукционного дома, переодетые в форму охраны. Они ждали у ворот, положив руки каждый на свою кобуру с пистолетом. На мгновение взгляд женщины остановился на Грее, скользнул мимо, и сразу же вернулся. Она его узнала. Грей попытался идти назад, против движения толпы.

— Что такое? — спросила Фиона, ковыляя следом.

— Возвращаемся. Придется найти другой выход.

— Как?

Грей нырнул в сторону, плечом врезаясь в человеческий поток. Вскоре беглецов вынесло на край праздничного парада. Платформы замерли, мигая огнями, музыка стихла. Наверное, операторы тоже поддались всеобщей панике и сбежали, бросив колесницы. Дверь одной из кабин была открыта.

— Скорей туда,— велел Грей.

Он почти на руках вынес Фиону из толпы и побежал к платформе. Над кабиной возвышалась огромная иллюминирован-

ная утка с несоразмерно большой головой — персонаж сказки Ханса Кристиана Андерсена «Гадкий утенок». Беглецы нырнули под одно из украшенных горящими желтыми лампочками крыльев, которыми кукла размахивала во время парада. Грей помог Фионе залезть в кабину, затем, ожидая получить пулю в спину, прыгнул следом и тихо закрыл дверцу.

Взглянув в окошко, он порадовался собственной предусмотрительности: из толпы вышел человек в черном. Убийца Гретты и не пытался спрятать винтовку: все внимание посетителей было приковано к выходу из парка. Мужчина обогнул толпу, не спуская глаз с озера и череды разукрашенных платформ. Он прошел мимо всего в нескольких ярдах от беглецов и двинулся вдоль строя брошенных колесниц.

— Мы чуть не...— зашептала Фиона.

— Тсс.

Грей прижал палец к губам и задел локтем руль. В щитке управления что-то звякнуло. Черт...

Громкоговорители, спрятанные в голове куклы, ожили.

— Кря-кря-кря-кря-кря-кря.

Гадкий утенок проснулся, и об этом узнали все находящиеся в парке.

В тридцати ярдах от Гадкого утенка мужчина с винтовкой остановился и посмотрел назад. Теперь спрятаться было негде.

Внезапно зарычал двигатель. Оглянувшись, Грей увидел, что Фиона выжала сцепление.

— Ключ был в замке зажигания,— объяснила она и нажала на газ.

Утенок дернулся вперед, выруливая из общего ряда.

— Фиона, дай мне...

— Последний раз рулил ты, и чем это закончилось? — Она разворачивалась лицом к мужчине с винтовкой.— К тому же за мной должок. Я знаю, кто этот подонок.

Мужчина поднял оружие. Не обращая внимания на опасность, Фиона правила прямо на него. Желая хоть чем-то помочь, Грей лихорадочно оглядел пульт: слишком много рычажков...

Убийца выстрелил.

Грей зажмурился, но Фиона, предвидя выстрел, вывернула руль. В углу стекла появилась трещина в виде паучьей сетки с дырой от пули посередине. Девушка отчаянно крутила руль, пытаясь подъехать к убийце сзади. При слишком резком повороте платформа с тяжелым утенком встала на два колеса.

— Держись! — крикнула Фиона.

Платформа с грохотом упала на все четыре колеса, а убийца воспользовался моментом и с поистине дьявольским проворством отпрыгнул влево, готовый выстрелить в упор. У Грея и Фионы не оставалось времени, чтобы убраться с пути.

Вновь скользнув взглядом по пульту управления, Грей наугад схватил крайний из рычагов и дернул его вниз. Мотор взревел. Поднятое вверх левое крыло Гадкого утенка резко опустилось, ударило снайпера по шее, переломило ему позвоночник и отбросило в сторону.

— Гони к воротам! — приказал Грей.

— Кря-кря-кря-кря-кря-кря!

Гадкий утенок почувствовал вкус крови.

Платформа неслась вперед, расчищая путь с помощью пронзительно верещащей сирены. Люди бросились врассыпную, охранников смело толпой. Даже тех, переодетых. Чтобы уменьшить поток людей, рядом с центральными воротами только что распахнули настежь служебный вход. Гадкий утенок пролетел через проход, потеряв при этом свое смертоносное левое крыло. Кабина содрогнулась от удара, и беглецы едва не вылетели наружу. Фиона гнала платформу прочь от Тиволи.

— Сворачивай,— указал рукой Грей.

С лихостью водителя-профессионала Фиона вписалась в поворот. Гадкий утенок скрылся за углом. Еще два поворота, и Грей велел сбросить скорость.

— Не можем же мы ехать на этом драндулете дальше. Утенок слишком привлекает внимание.

— Ты так считаешь? — огорчилась Фиона.

Остановившись на вершине холма, беглецы вышли из кабины. Перегнувшись через сиденье, Грей вжал найденным

гаечным ключом акселератор в пол и отпрыгнул. Гадкий утенок тронулся с места, мигая лампочками, и покатил с холма вниз, по пути сбивая припаркованные автомобили.

Грей повернулся и побрел в обратную сторону. Теперь в запасе у них есть несколько спокойных часов. Достаточно, чтобы доехать до аэропорта, куда скоро прилетит Монк.

Фиона, оглядываясь, хромала рядом.

Гадкий утенок трубил в ночи:

— Кря-кря-кря-кря-кря-кря!

— Я буду по нему скучать,— призналась Фиона.

— Я тоже.

4 часа 35 минут
Гималаи

Выслушав смертный приговор, Пейнтер встал и подошел к камину.

Едва Кроу двинулся с места, к нему шагнул огромный охранник, но Анна жестом его остановила.

— Nein, Klaus. Alles is ganz recht*.

Дождавшись, когда Клаус вернется на пост у двери, Пейнтер спросил:

— И не существует никакого лекарства?

— Я сказала вам правду.

— Почему тогда у Пейнтера нет признаков помешательства, как у монахов? — спросила Лиза.

~~Анна~~ смотрела на Пейнтера.

— Вас не было в монастыре, не так ли? Деревню затронуло меньше. Вместо быстрой дегенерации центральной нервной системы вы испытываете медленное ухудшение состояния всего организма. Так или иначе, это смертный приговор.

Она прочла немой вопрос во взгляде Пейнтера.

— Да, болезнь не лечится, но разрушение организма можно замедлить. После многолетних экспериментов на животных мы создали ряд способов лечения, подающих большие

* Нет, Клаус, все в порядке *(нем.)*.

надежды. Мы в состоянии продлить вам жизнь. А может быть, нам придется это сделать...

— Что вы имеете в виду? — спросила Лиза.

Анна поднялась со стула.

— Поэтому я и позвала вас сюда. Чтобы кое-что показать.— Она кивнула охраннику, и тот открыл дверь.— Следуйте за мной. И кто знает, возможно, мы найдем способ помочь друг другу.

Анна вышла, и Пейнтер подал руку Лизе. Они в ловушке, но у них появилась надежда на спасение.

Лиза придвинулась к Пейнтеру и прошептала ему на ухо:

— Что происходит?

— Пока я ни в чем не уверен.

Пейнтер заметил, что Анна разговаривает с Клаусом.

«Возможно, мы найдем способ помочь друг другу».

Пейнтер собирался сказать Анне то же самое, даже обсудил такой вариант с Лизой: сделка в обмен на жизнь. Им ведь нужно выиграть время. Что, если их разговор подслушали? А может быть, дела в замке пошли так скверно, что сотрудничество с ними просто необходимо? Пейнтер всерьез встревожился.

— Наверное, речь пойдет о тех взрывах, которые мы слышали,— предположила Лиза.

Пейнтер кивнул. Информации катастрофически не хватало. В данный момент его не заботило состояние собственного здоровья... Правда, это давалось нелегко, потому что снова началась мигрень. Боль позади глаз и в коренных зубах с каждым ударом пульса напоминала ему о загадочной болезни.

Анна жестом позвала за собой, Клаус сделал шаг назад. Вид у него был грустный. Да Пейнтеру и не хотелось увидеть, каков Клаус, когда весел. Наверное, его радуют пытки и крики боли.

— Прошу следовать за мной,— с ледяной вежливостью произнесла Анна.

Она вышла первой, по обе стороны от нее шли охранники. Клаус, также под охраной двоих солдат, топал следом за Лизой и Пейнтером.

С каждым шагом они все дальше удалялись от своей уютной темницы. После нескольких поворотов взорам открылся прямой туннель. Он вел в сердце горы и был заметно шире других. Его освещали ряды электрических лампочек, обтянутых проволочными сетками,— единственный признак современного комфорта. Шагая по коридору, Пейнтер уловил в воздухе запах дыма, который заметно усиливался по мере их продвижения. Он обратился к Анне:

— Значит, вы знаете, что вызвало мою болезнь?

— Я вам уже говорила: произошел несчастный случай.

— С чем он связан?

— Ответ на ваш вопрос непрост, его корни уходят глубоко в историю.

— В то время, когда вы были нацистами?

Анна посмотрела на него.

— В то время, когда на планете зародилась жизнь.

— И как долго продлится рассказ? Не забывайте, у меня осталось всего три дня.

Она снова улыбнулась и покачала головой.

— В таком случае я пропущу всю предысторию и начну с окончания войны, когда мой дед приехал в Гранитшлосс. Вам известно, какая неразбериха творилась в то время? Германия распалась, Европу охватил хаос.

— Каждый хотел урвать кусок побольше.

— Захватывали не только германские земли, но и наши разработки. Снаряжали экспедиции военных и ученых, которые, соревнуясь друг с другом, прочесывали германские провинции и завладевали секретными технологиями. Проще говоря, грабили.— Анна кинула хмурый взгляд на Лизу и Пейнтера.— У вас, кажется, говорят: «Кто успел, тот и съел»?

Те кивнули.

— Одна только Великобритания снарядила пять тысяч человек, дав отряду кодовое название «Ти-форс». Технологические войска. Перед ними стояла цель обнаружить расположение центров германской науки и техники, защитить их от разграбления. Однако именно разграбление и было их истин-

ной целью, и они стремились обойти своих собственных союзников — американцев, французов и русских. Знаете, кто стоял у истоков британских «Ти-форс»?

Пейнтер отрицательно покачал головой. Мысленно он не мог не сравнивать британские войска времен Второй мировой с подразделением, в котором служил сам. Ему хотелось бы обсудить эту тему с Шоном Макнайтом, основателем «Сигмы». Если, конечно, удастся дожить до встречи с ним.

— Кто же их возглавлял? — спросила Лиза.

— Один джентльмен... Коммандер Йен Флеминг.

Лиза презрительно фыркнула:

— Писатель, создавший Джеймса Бонда?

— Вот именно. Говорят, что он списал своего персонажа с одного из членов собственной команды. Это поможет вам составить представление о бесцеремонных методах британских захватчиков технологий и их бьющем через край богатстве.

— Все трофеи достаются победителю,— пожав плечами, процитировал Пейнтер.

— Возможно. И все же задачей моего деда было сохранение успехов германской науки. Он служил офицером в Sicherheitsdienst.

Она испытующе посмотрела на Пейнтера.

Так значит, игра еще не кончена. Брошен новый вызов.

— В той самой группе эсэсовцев, которая участвовала в эвакуации сокровищ Германии: золота, антиквариата, произведений искусства и технологий?

Анна кивнула.

— В последние дни войны, когда русские перешли восточную границу, мой дед получил сверхсекретное задание. Приказ отдал лично Гиммлер — незадолго до того, как рейхсфюрера схватили и он покончил жизнь самоубийством.

— Что приказал рейхсфюрер?

— Тайно эвакуировать и уничтожить все, что касалось проекта под кодовым названием «Die Glocke» — «Колокол». Исследовательская лаборатория была навеки похоронена глубоко под землей, в заброшенном руднике в Судетских горах.

Дед не имел понятия о цели проекта, но в конце концов узнал о ней.

— Значит, он скрылся вместе с «Колоколом»? Каким образом?

— Его ждали два самолета. Один готов был лететь на север через Норвегию, второй — на юг через Адриатическое море. Подготовили агентов для оказания необходимой помощи на обоих маршрутах. Дед предпочел лететь на север. Гиммлер рассказал ему о Гранитшлоссе, туда и вылетел мой дед вместе с группой нацистских ученых, работавших в концлагерях. Всем им необходимо было скрыться. К тому же дед соблазнил их работой над проектом, перед которой мало кто мог устоять.

— Работой над «Колоколом»,— сделал вывод Пейнтер.

— Совершенно верно. В ходе нее они могли достигнуть цели, к которой разными путями стремились многие ученые.

— Какой же?

Анна вздохнула и посмотрела на Клауса.

— Совершенства.

Коридор наконец закончился. Процессия замедлила шаг возле огромных открытых дверей. За ними вниз уходила грубо вытесанная из камня винтовая лестница. Ступени вились вокруг центральной стальной колонны толщиной со ствол дерева. Начали спуск.

Пейнтер посмотрел вверх: колонна достигала потолка и тянулась еще выше. Возможно, она выходила на поверхность горного склона.

Громоотвод, решил он. Пейнтер даже почувствовал запах озона, перебивший гарь.

Анна перехватила его взгляд.

— Мы используем эту шахту-стержень для отведения избыточной энергии из внутренних помещений горы.

Она указала рукой вверх.

Пейнтер тут же вспомнил о призрачных огнях, которые нередко появлялись в округе. Не здесь ли таится их источник? А может, тут рождаются не только огни, но и загадочная болезнь?

Отбросив мрачные мысли, Пейнтер сосредоточился на спуске по лестнице. Снова закружилась голова, виски пронзила боль. Чтобы отвлечься, он продолжил разговор:

— Кстати, о Колоколе. Что в нем происходит?

— Сначала этого никто не знал. Из объекта исследований он превратился в источник новой энергии. Некоторые даже считали его примитивной машиной времени, поэтому проекту присвоили кодовое название «Хронос».

— Путешествие во времени? — переспросил Пейнтер.

— Не забывайте,— напомнила Анна,— нацисты намного опередили другие страны в отдельных областях знаний. Именно этим объясняется оголтелое технологическое пиратство после окончания войны. Однако позвольте вернуться к теме. В начале столетия в науке соперничали квантовая теория и теория относительности. Поскольку они не противоречили друг другу, даже Эйнштейн, отец теории относительности, говорил о них как о взаимодополняющих. Однако они раскололи научное сообщество на два лагеря. И мы очень хорошо знаем, в каком из них сосредоточилась бóльшая часть западного мира.

— В лагере последователей теории относительности Эйнштейна.

Анна кивнула.

— В результате мы имеем расщепление атома и создание ядерной энергии. Мир превратился в Манхэттенский проект*. Все исследования опирались на работы Эйнштейна. Нацисты пошли другим путем. У них был свой эквивалент Манхэттенского проекта, в основу которого положено учение другого лагеря — квантовая теория.

— Почему они выбрали именно этот путь? — спросила Лиза.

— По одной простой причине,— ответила Анна.— Потому что Эйнштейн был евреем.

---

* Кодовое название работы по созданию первой атомной бомбы в США в период Второй мировой войны.

— Что?!

— Вспомните обстановку того времени. Эйнштейн был евреем, и нацистские ученые отдали предпочтение открытиям своих соотечественников, сочтя их работы более основательными и важными. Нацисты положили в основу своего Манхэттенского проекта труды выдающихся ученых: Вернера Гейзенберга и Эрвина Шредингера, а самое главное — Макса Планка, отца квантовой теории. Они верили в создание источника энергии на основе квантовой механики. Недавно к такому же выводу пришли и современные исследователи. Сегодняшняя наука называет это энергией точки «зеро», или нулевой точки.

— Нулевой точки?

Лиза повернулась к Пейнтеру, словно ища у него ответа.

Он кивнул: концепция была ему хорошо знакома.

— Когда вещество охлаждено до температуры абсолютного нуля, почти минус триста градусов по Цельсию, движение атомов замирает, наступает полная неподвижность. Нулевая точка природы. Тем не менее энергия сохраняется: остаточная радиация, которой быть не должно. Традиционная теория не в состоянии объяснить наличие этой энергии.

— А квантовая теория объясняет,— твердо возразила Анна.— Она допускает движение атомов даже при температуре абсолютного нуля.

— Каким образом? — допытывалась Лиза.

— При температуре абсолютного нуля частицы не двигаются вверх, вниз, вправо или влево, но, в соответствии с квантовой механикой, способны мгновенно переходить из состояния существования в состояние «несуществования», выделяя при этом энергию. Ее называют энергией нулевой точки.

Лиза непонимающе посмотрела на Анну.

— Разве возможен переход из состояния существования в состояние «несуществования»?

Пейнтер перехватил инициативу:

— Квантовая физика — странная наука, однако при всей кажущейся безумности концепции теория права: эта энергия действительно существует, и подтверждения тому получены в ходе лабораторных исследований. Во всем мире ученые

ищут пути освобождения энергии, заключенной в глубине всего сущего.

Анна кивнула.

— Нацисты экспериментировали с упорством создателей Манхэттенского проекта.

Пораженная Лиза широко распахнула глаза.

— Неисчерпаемый источник энергии!.. Если бы нацисты открыли его, исход войны мог бы быть иным.

Анна подняла ладонь, возражая:

— Кто сказал, что они его не открыли? Согласно документам, в последние месяцы войны нацисты существенно продвинули проекты «Feuerball» и «Kugelblitz»*. Детали экспериментов можно разыскать среди материалов, добытых британскими «Ти-форс». И все-таки открытия запоздали. Оборудование уничтожили бомбами, ученых убили, их разработки похитили. То немногое, что уцелело, растворилось в недрах сверхсекретных лабораторий различных государств.

— Чего не скажешь про «Колокол».

Пейнтер вернул разговор к ключевой теме. Тошнота мешала ему на равных участвовать в беседе.

— Да, про «Колокол» этого сказать нельзя,— признала Анна.— Моему деду удалось скрыться с документами, в которых содержалась вся информация о проекте «Хронос» — результате исследований энергии нулевой точки. Дед присвоил проекту новое название — «Schwarze Sonne».

— «Черное солнце»,— перевел Пейнтер.

— Sehr gut**.

— Так что же такое Колокол? Что в нем происходит?

— Именно Колокол вызвал вашу болезнь,— сообщила Анна.— Повредил ваш организм на квантовом уровне, куда не доберутся ни пилюли, ни другие лекарства.

Пейнтер чуть не упал, не в силах сразу переварить услышанное. Повредил на квантовом уровне — что это означает?

---

* «Огненный шар», «Шаровая молния» *(нем.)*.

** Верно *(нем.)*.

Анна прошла несколько последних ступеней и остановилась. Перед ней был кордон из перекрещенных деревянных брусьев, у которых стояли два солдата с винтовками. Ошеломленный услышанной новостью, Пейнтер все же заметил, что вдоль последнего поворота тянется участок оплавленного потолка.

Впереди лежала впадина с неровными краями; дна ее видно не было, однако снизу исходил жар. Все вокруг покрывала черная копоть. У стены лежали недвижные тела, прикрытые брезентом.

Здесь произошел взрыв, отзвуки которого беглецы слышали в своей темнице.

Из развалин появился человек, покрытый пеплом, но узнать его было легко: Гюнтер, могучий стрелок, уничтоживший монастырь. Похоже, здешние хозяева пожинали плоды своих трудов.

Огнем — за огонь.

Гюнтер и Анна с Клаусом подошли к кордону. Теперь Пейнтер заметил несомненное сходство двух гигантов. Они были похожи друг на друга не только чертами лица, но и тяжелой комплекцией и угрюмой натурой.

Гюнтер кивнул Клаусу. Другие солдаты сделали вид, что не заметили его появления. Анна подошла к Гюнтеру и быстро заговорила на родном языке. Пейнтер уловил всего одно слово, одинаково звучащее и по-английски, и по-немецки: «Саботаж».

Выходит, не все благополучно в Гранитном замке. Уж не завелся ли в нем предатель? Если да, то кто он? Какова его цель? Друг он пленникам или еще один враг?

Гюнтер посмотрел на Пейнтера, шевельнул губами; слов было не разобрать. Анна покачала головой, не соглашаясь. Гюнтер сузил глаза и недовольно сжал губы, но послушно кивнул.

Нетрудно было догадаться, о ком шла речь.

Бросив последний неприязненный взгляд на Кроу, Гюнтер вернулся в закопченные руины.

Анна вновь подошла к пленникам.

— Вот что я хотела вам показать.

Она махнула рукой в сторону развалин.

— Колокол? — предположил Пейнтер.

— Он разрушен в результате саботажа.

Лиза не могла отвести взгляд от руин.

— Из-за Колокола заболел Пейнтер.

— И именно в Колоколе заключалась единственная возможность излечения.

Пейнтер рассматривал развалины.

— У вас есть его дубликат? — спросила Лиза.— А может быть, вы можете изготовить новый?

Анна медленно покачала головой.

— Ксерум-525, один из ключевых компонентов Колокола, воспроизвести нельзя. За шестьдесят лет нам так и не удалось воссоздать уникальный состав.

— А раз нет Колокола, нет и исцеления,— подытожил Пейнтер.

— Однако шанс на спасение может появиться, если мы станем сотрудничать.— Анна протянула ладонь.— Если мы будем заодно, я помогу, даю слово.

Пейнтер пожал ее ладонь, по-прежнему мучаясь сомнениями. Он нутром чувствовал подвох. Анна явно чего-то недоговаривала. Все ее рассказы и объяснения грешили недомолвками. Она намеренно уводила разговор в сторону. Зачем ему вообще предлагают сделку?

И тут до него дошло.

— Несчастный случай...— пробормотал он и почувствовал, как пальцы Анны дрогнули в его руке.— На самом деле несчастного случая не было? — Он вспомнил Анну, разговаривающую с Гюнтером.— Еще один случай саботажа?

Анна кивнула.

— Сначала мы решили, что произошла трагическая случайность. Время от времени мы испытывали трудности со скачками напряжения. Они приводили к скачкообразному росту мощности Колокола. В общем, ничего серьезного. Мы вывели избыточную энергию наружу, что привело к отдельным случаям заболевания у местных жителей.

Пейнтер едва сдержался. «Ничего серьезного». А вот монаха Анг Гелу болезни и смерть людей заставили забить тревогу, призвать на помощь Пейнтера.

Анна продолжала:

— Однако несколько ночей назад кто-то умышленно перепутал команды проверки, что привело к резкому повышению мощности Колокола.

— В результате чего пострадали монастырь и деревня?

— Верно.

Пейнтер сильно сжал пальцы Анны. Он понял причину такой скрытности. И стало ясно, почему ему предложили сотрудничать.

— Воздействию Колокола подверглись не только монахи и жители деревни. Его испытали все, кто находился здесь. Вы все больны, точно так же, как и я. Ваш организм тоже медленно разрушается.

Сузив глаза, Анна пристально всматривалась в Пейнтера, прикидывая, многое ли можно ему рассказать.

— У нас имелась частичная защита. Самую смертоносную часть энергии Колокола удалось вывести наружу.

Пейнтер вспомнил призрачные огни, пляшущие над горными вершинами. Спасая себя, немцы уничтожили всю округу, в том числе и буддийский монастырь. Однако ученым все же не удалось избежать поражения.

Не пытаясь оправдаться, Анна смело встретила его взгляд.

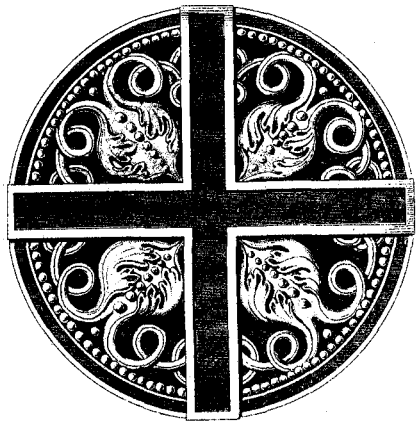
— Всем, кто здесь находится, подписан смертный приговор.

Пейнтер искал выход и не находил его. Несмотря на то что обе стороны не доверяют друг другу, теперь они вынуждены добиваться общей цели.

Сжав ладонь Анны, он встряхнул ее, скрепляя договор.

Отныне «Сигма» и нацисты действуют заодно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ



7

ЧЕРНАЯ МАМБА

5 часов 45 минут
Заповедник Хлухлуве-Умфолози
Зулуленд, Южно-Африканская Республика

Кхамиси Тейлор стоял навытяжку перед столом главного инспектора по охране дичи Джеральда Келлога и ждал, когда тот закончит читать его рапорт о вчерашней трагедии. Тишину нарушал лишь скрип медленно вращавшихся лопастей потолочного вентилятора.

Кхамиси надел чужую форму — слишком длинные брюки и тесную рубашку. Проведя целый день, а потом и почти всю ночь по грудь в тепловатой воде пруда, с винтовкой в затекших руках, сейчас он наслаждался сухой одеждой и твердой почвой под ногами.

Наслаждался он и дневным светом. Из окна кабинета было видно, как рассвет окрашивает небо в пастельно-розовые тона. Кхамиси спасся, но еще не до конца это осознал; в голове до сих пор нескончаемым эхом звучал вой укуфы.

Главный инспектор по охране дичи Джеральд Келлог читал рапорт, задумчиво теребя выгоревшие усы. Его розовая лысина маслянисто блестела в лучах утреннего солнца. Наконец он поднял голову и взглянул на Кхамиси через серповидные стекла очков.

— И вы хотите, чтобы я принял ваш рапорт, мистер Тейлор? — Келлог ткнул пальцем в желтоватую бумагу.— «Не-

известный крупный хищник»... Больше вы ничего не можете сказать о звере, который убил и утащил куда-то доктора Фэрфилд?

— Сэр, я не сумел подробно рассмотреть животное. Знаю только, что зверь был крупный и покрытый белой шерстью.

— Наверняка львица,— заключил Келлог.

— Нет, сэр...

— Вы же сами сказали, что не рассмотрели зверя?

— Да, сэр... Зверь, которого я видел, не похож ни на одного из хищников нашего заповедника.

— Кого же тогда вы видели?

Кхамиси промолчал. Он понимал, что слово «укуфа» нельзя произносить при свете дня, если не хочешь, чтобы тебя подняли на смех: «Что с него взять, он же из отсталого племени! Суеверный!»

— Так вы говорите, что на доктора Фэрфилд напал зверь, которого вы толком не рассмотрели и не можете описать подробно...

Кхамиси медленно кивнул.

— Поэтому вы убежали и спрятались в водоеме? — Главный инспектор Келлог скомкал рапорт.— Вы понимаете, как это отразится на нашей службе? Один из инспекторов заповедника бросает шестидесятилетнюю женщину на растерзание хищнику, а сам спасается бегством. Поджав хвост и толком не узнав, что случилось!

— Сэр, вы несправедливы...

— Справедливость? — загремел инспектор так, чтобы его голос услышали в соседней комнате, где собрался весь персонал заповедника.— А справедливо, по-вашему, что мне придется звонить родне доктора Фэрфилд и сообщать, что на их мать или бабушку напал зверь и съел ее, а инспектор по дичи, заметьте, вооруженный, убежал и спрятался?!

— Я ничего не мог поделать.

— Только спасти собственную... шкуру.

Кхамиси почти услышал непроизнесенное слово: собственную *черную* шкуру.

Джеральд Келлог не побоялся бы уволить Кхамиси. Семейство главного инспектора имело деловые и родственные связи в старом правительстве жителей Южно-Африканской Республики голландского происхождения. Он принадлежал к членам привилегированного клуба для белых, которые сохранили экономическое могущество даже после падения режима апартеида. Уже давно приняли новые законы и сняли некоторые политические барьеры, однако бизнес в Южной Африке остался бизнесом. Компания «Де Бирс» по-прежнему владела алмазными копями. Вааленбергам принадлежало почти все остальное.

Как говорится, торопись медленно.

Заняв должность белого, Кхамиси сделал шаг, который приоткрыл двери карьеры для следующих поколений коренных жителей. Поэтому сейчас он спокойно ответил:

— Я уверен, что сыщики обследуют то место и признают мои действия правомерными.

— Ой ли, мистер Тейлор? Я послал туда дюжину людей через час после того, как глубокой ночью в грязной луже вас обнаружил поисково-спасательный вертолет. Через пятнадцать минут они сообщили, что нашли труп самки носорога, обглоданный шакалами и гиенами. Никаких следов детеныша, о котором вы пишете. И что главное, никаких следов доктора Фэрфилд.

Кхамиси покачал головой, возражая против обвинений. Он вспомнил долгое бдение в водоеме. Сначала казалось, что день никогда не кончится, а ночью стало еще хуже. С той минуты, как солнце закатилось, Кхамиси постоянно ждал нападения из темноты. По долине разносились безумный хохот гиен и тявканье шакалов, а также яростное рычание и пронзительные крики падальщиков, дерущихся из-за добычи.

Появление животных-падальщиков заставило Кхамиси поверить в то, что дорога к джипу свободна. Если вернулись обычные гиены и шакалы, то укуфа, скорее всего, ушла.

И все-таки он не отважился выбраться из пруда. Крики доктора Фэрфилд все еще звучали у него в ушах.

— Наверняка там есть и другие следы...

— Да, есть.

Кхамиси воспрянул духом. Если ему удастся доказать...

— Львиные следы,— уточнил главный инспектор Келлог.— Двух взрослых самок. Как я и говорил.

— Львы?

— Да. Уверен, что у нас найдутся фотографии этих необычных созданий. Советую хорошенько их изучить, чтобы впредь при встрече ни с кем не путать. У вас теперь будет много свободного времени.

— Сэр?

— Я временно отстраняю вас от работы, мистер Тейлор.

Кхамиси сумел скрыть, как тяжело воспринял этот удар. Он понимал: будь на его месте другой, *белый* инспектор, к нему проявили бы снисходительность. А Кхамиси — все равно что одетый в шкуру житель местного племени. И все же он знал, что спорить бесполезно, будет только хуже.

— И отменяю ваше жалованье, мистер Тейлор. До тех пор, пока не закончится расследование.

Кхамиси знал, чем заканчиваются такие расследования.

— Местные полицейские поручили мне проинформировать вас о том, что вам не дозволяется покидать место жительства. По причине расследования уголовного дела о преступной небрежности.

Кхамиси зажмурился.

Солнце взошло, а ночной кошмар все не кончался.

Спустя десять минут Джеральд Келлог по-прежнему сидел за столом в пустом кабинете. Он провел ладонью по вспотевшей макушке, как будто протирал яблоко. Тревожная складка у губ так и не расправилась. Совсем недавно главный инспектор думал, что ночь вообще никогда не кончится. Пришлось решать множество проблем, да и сейчас оставались тысячи мелочей, до которых не дошли руки: пообщаться с газетчиками и репортерами, связаться с семьей и подругой пропавшей женщины...

Келлог только покачал головой: да, сегодня основная проблема — доктор Пола Кейн. Он знал, что слово «партнерство»

немолодые ученые дамы понимали не только как совместные исследования. Когда доктор Фэрфилд не вернулась из дневной поездки, именно Пола Кейн потребовала отправить поисково-спасательный вертолет.

Разбуженный среди ночи Джеральд пробовал возражать против вылета вертолета: ученым не впервой ночевать в лесу. Однако когда он узнал, куда уехали доктор Фэрфилд с инспектором, то живо выпрыгнул из кровати. Они пропали у северо-западной границы, отделявшей национальный парк от заповедника Вааленбергов.

Поиски в этом регионе требовали личного контроля.

Ночь прошла, как в лихорадке. Пришлось немало побегать и отдать сотню приказов, но все, кажется, улеглось. Джинна загнали обратно в бутылку. Оставалось разрешить последнее затруднение, причем тянуть никак нельзя.

Келлог снял трубку телефона и набрал номер. Постукивая карандашом по записной книжке, он ждал ответа.

— Докладывайте,— раздался краткий приказ.

— Я только что с ним поговорил.

— И что же?

— Он ничего не видел... вернее, не рассмотрел.

— Что это значит?

— Говорит, мелькнул зверь. Какой именно, точно не знает.

Голос в трубке замолчал. Келлог нервно заторопился:

— Рапорт переделаем. Напишем, что парень якобы видел львов. Для достоверности подстрелим несколько штук и через день-другой дело закроем. Я, кстати, отстранил парня от работы.

— Очень хорошо. Вы знаете, как поступить.

Келлог возразил:

— Я хорошенько напугал его, не думаю...

— Вот именно, не думайте. Получили приказ — исполняйте. Все должно выглядеть как несчастный случай.

Абонент отключился.

Келлог опустил трубку на аппарат. В комнате вдруг стало душно, несмотря на кондиционер и вентилятор. День неотв-

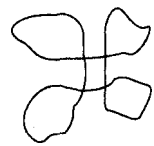
ратимо вступал в свои права, и уже ничто не могло противостоять обжигающему зною саванны.

Однако не жара заставила скатиться капельку пота со лба Келлога.

«Получили приказ — исполняйте».

Не подчиниться нельзя.

Инспектор бросил взгляд на лежавший перед ним листок бумаги. Разговаривая по телефону, он рассеянно чертил карандашом и теперь смотрел на проявившийся символ своего страха.



Келлог поспешно зачеркнул рисунок, потом вырвал листок из записной книжки и порвал на мелкие части. Никогда не оставлять никаких улик — таково было правило. Приказ есть приказ. Все должно выглядеть как несчастный случай.

4 часа 50 минут
На высоте 37 000 футов над Германией

— Приземляемся через час,— сообщил Монк.— Успеешь поспать.

Грей потянулся. Низкий гул реактивного самолета убаюкивал, но в уме назойливо вертелись фрагменты минувших дня и ночи. На коленях лежала раскрытая Библия Дарвина.

— Как там Фиона?

Монк кивнул на диван, стоявший в хвосте самолета, где девушка неподвижно лежала под одеялом.

— Свалилась как подкошенная. Никак не могла утихомириться, вот я и помог ей обезболивающим.

С той самой минуты, как они приехали в аэропорт, Фиона болтала без умолку. Грей связался по телефону с Монком, и тот вызвал машину, которая благополучно доставила их к самолету, уже стоявшему на дозаправке. Дипломатические формальности уладил Логан.

И все-таки Грей вздохнул с облегчением, только поднявшись в воздух.

— Как ее рана?

Пожав плечами, Монк плюхнулся в соседнее кресло.

— Царапина. Ну ладно, ладно: настоящая глубокая, опасная царапина. Будет чертовски болеть целых три дня. Немного антисептика, заживляющая мазь, повязка — и твоя малышка запрыгает как новенькая и сможет укокошить кучу народу.

Монк похлопал себя по карману, чтобы убедиться, что бумажник на месте.

— Она украла его, только чтобы познакомиться,— объяснил Грей, пряча улыбку.

Вчера то же самое объясняла ему Гретта Нил. Господи, неужели это было только вчера?

Пока Монк возился с Фионой, Грей отчитывался перед Логаном. Исполняющий обязанности директора не обрадовался, услышав о приключениях Грея на аукционе, где он запретил Пирсу появляться. Причинен немалый финансовый ущерб. К счастью, флэшка с фотоснимками уцелела, а с ней и портреты светловолосой пары. Грей переслал их Логану вместе с копиями некоторых страниц Библии и своих заметок. Он даже сунул в факс рисунок татуировки в виде листка клевера, которую заметил на руках ночных преследователей. Просто какая-то неизвестная банда белокурых убийц!

Логан и Кэт должны выяснить, кто за всем этим стоит.

Власти Копенгагена сообщили, что в парке убитых нет. Тело снайпера, которого прикончил Гадкий утенок, исчезло как по волшебству. Получалось, что при побеге из парка Грей с Фионой увечий никому не нанесли, если не считать синяков и царапин, полученных гуляющими в давке.

Монк стал шарить в кармане джинсов.

— Кольцо еще на месте? — поддразнил друга Грей.

— Зря она его стащила.

Грей мысленно восхитился Фионой: ну и быстрые у нее пальцы!

— Итак, что расскажешь про коробочку с кольцом? — сказал Грей, закрыв Библию.

— Хотел сделать тебе сюрприз...

— Монк, я и не знал, что тебя ко мне так влечет.

— Заткнись. Я хотел рассказать тебе сам, и вовсе не потому, что местная мисс Копперфилд вытащила его из магической шляпы.

Грей откинулся в кресле и скрестил руки на груди, разглядывая Монка.

— Так ты намерен сделать предложение... Боюсь, Кэт не согласится стать миссис Коккалис.

— Я и сам так думал. Купил проклятую штуковину пару месяцев назад. Только случай подходящий пока не представился.

— Скорее, духу не хватило.

— Ну, и так можно сказать.

Грей похлопал друга по колену.

— Не трусь, Монк, она тебя любит.

На губах Монка расцвела мальчишеская улыбка. Как это непохоже на него! И все же Грей уловил во взгляде друга не только глубокое чувство к Кэт, но и страх. Монк потер место на запястье, где протез соединялся с живой плотью. Под извечной бравадой друга скрывалась неуверенность в себе, вызванная увечьем, полученным им в прошлом году. Во время лечения Кэт уделяла ему куда больше внимания, чем врачи. И все же в глубине души Монк чувствовал себя ущербным.

Он открыл маленькую бархатную коробочку и полюбовался обручальным кольцом с алмазом в три карата.

— Надо было взять бриллиант покрупнее... Тем более теперь.

— Что ты имеешь в виду?

Монк с трепетом ответил:

— Кэт беременна.

Изумленный Грей выпрямился в кресле.

— Что? Как?

— Я думал, ты знаешь как...

— Господи... Поздравляю,— пробормотал Грей, не в силах прийти в себя. Он взглянул на Монка и неуверенно добавил: — Я хочу сказать... Вы ведь оставите ребенка?

Монк поднял бровь.

— Разумеется, оставите...— Грей виновато потряс головой, стыдясь своих глупых слов.

— Кэт не хотела рассказывать. Только тебе позволила.

Грей кивнул, пытаясь осмыслить услышанное. Он попробовал представить Монка в роли отца и был удивлен, как просто это получилось.

— Господи, здорово!

Монк захлопнул бархатную коробочку.

— А у тебя как?

— Что у меня? — сдвинул брови Грей.

— Как у вас с Рейчел? Что она сказала, услышав про твои проделки в Тиволи?

Грей помрачнел еще больше. Монк удивленно раскрыл глаза.

— Грей!

— Что?

— Ты даже ей не позвонил?

— Я не думал...

— Она служит в полиции, значит, знает о каждом террористическом акте в Копенгагене. Тем более про то, как какой-то придурок заорал в толпе: «Бомба!» и свалил оттуда прямо на аттракционной платформе.

Монк прав, зря он не позвонил Рейчел.

— Грейсон Пирс, ну что мне с тобой делать? — печально покачал головой Монк.— Когда ты отвяжешься от бедной девушки?

— О чем ты?

— Брось. Я рад, что вы с Рейчел поладили, но к чему все это приведет?

Грей ощетинился:

— Хотя тебя это не касается, мы с ней как раз собирались обсудить при встрече наши отношения! А тут все эти чертовы события...

— Повезло тебе.

— Знаешь, хоть ты и таскаешь два месяца в кармане обручальное кольцо, ты еще не стал специалистом по вопросам семьи и брака.

Монк поднял обе руки вверх.

— Сдаюсь, убедил. Я просто...

— Что именно?

— На самом деле ты не хочешь, чтобы у вас были отношения. Верно?

Грей даже моргнул от столь прямого вопроса.

— О чем ты говоришь? Мы с Рейчел делали все возможное, чтобы их сохранить. Я люблю Рейчел, и ты это знаешь.

— Знаю, и никогда тебе не возражал. Однако настоящих отношений ты боишься.— Монк принялся загибать пальцы: — Жена, дети, ипотека... Ваши отношения с Рейчел не что иное, как затянувшееся первое свидание.

Грей подыскивал резкий остроумный ответ, но беда была в том, что Монк попал в точку. Всякий раз при встрече им приходилось преодолевать некую скованность. Совсем как при первом свидании.

— Сколько лет мы знакомы? — спросил Монк.

Грей отмахнулся.

— Много ли за это время у тебя было девушек? — Монк сложил пальцы в большой нуль.— И посмотри, кого ты выбрал для своего первого серьезного романа.

— Рейчел замечательная!

— Верно. Я рад, что до тебя дошло. Но не забывай, приятель, о непреодолимых барьерах.

— О каких барьерах?

— Во-первых, Атлантика. Чертовски большое расстояние, хотя и это не главное.— Монк снова помахал в воздухе тремя пальцами.— Жена, дети, ипотека... Ты не готов. Видел бы ты выражение собственного лица, когда я сообщил тебе, что Кэт беременна. Ты перепугался до смерти, а ведь это мой ребенок, а не твой.

Сердце колотилось у Грея в горле. Дыхание сперло, как после удара под дых.

Монк вздохнул.

— У тебя комплексы, парень. Не знаю, может, стоит поговорить с отцом.

Прозвучал музыкальный сигнал интеркома, и пилот объявил:

— Мы в полете около тридцати минут. Скоро начнем снижение.

Грей выглянул в иллюминатор: на востоке вставало солнце.

— Попробую немного подремать, пока мы не приземлились,— пробормотал Грей.

— Здравая мысль.

Грей повернулся к Монку и даже открыл рот, чтобы ответить, но передумал и сказал:

— Я люблю Рейчел.

Монк откинул спинку кресла и со вздохом повернулся на бок.

— Знаю. В этом-то вся и сложность.

5 часов 45 минут
Заповедник Хлухлуве-Умфолози

Сидя в маленькой гостиной, Кхамиси Тейлор прихлебывал чай. Крепкий, сдобренный медом напиток казался ему безвкусным.

— И нет никакой надежды, что Марсия жива? — спросила Пола Кейн.

Кхамиси покачал головой. Он пришел сюда после разноса начальника не потому, что хотел спрятаться от действительности. Его тянуло домой, в одинокую спальню в одном из маленьких домиков на краю заповедника, которые сдавали внаем инспекторам. Интересно, подумал Кхамиси, долго ли я протяну без жалованья, если меня в конце концов уволят?

Однако домой он не пошел, а вместо этого проехал добрую половину заповедника, чтобы добраться до другого поселка, состоящего из нескольких домов для временного проживания. Здесь находился маленький анклав ученых, работавших по грантам. Кхамиси много раз бывал в выбеленном строении под

гигантскими акациями, с крохотным садиком и небольшим двором, по которому бродили куры. У его обитательниц гранты, кажется, никогда не кончались. В последний раз Кхамиси приезжал сюда, чтобы отметить десятую годовщину их работы в национальном парке. Для научного сообщества подруги стали такой же неотъемлемой частью Хлухлуве-Умфолози, как «большая пятерка» крупных животных — объектов спортивной охоты.

Теперь Пола осталась одна.

Доктор Кейн сидела на диванчике у низенького столика напротив Кхамиси и глядела на него глазами, полными слез.

— Ну, что ж...— Она перевела взгляд на стену, увешанную фотографиями, запечатлевшими прежнюю, счастливую жизнь. Инспектор знал, что подруги были неразлучны много лет, со дня окончания Оксфорда.— Я не очень-то и надеялась.

Маленькой худенькой женщине с проседью в волосах было за пятьдесят, хотя обычно выглядела она лет на десять моложе. Свойственная ей строгая красота не требовала косметических ухищрений. Однако сегодня утром побледневшая Пола казалась жалким подобием себя прежней. Кхамиси не находил слов, чтобы утешить ее, и произнес лишь:

— Мне очень жаль.

— Я знаю, что вы сделали все, что могли. Я слышала злые слухи. Белая женщина погибла, а черный мужчина остался жив. Некоторым местным это не нравится.

Кхамиси понимал, что она имеет в виду главного инспектора Келлога. Пола и Марсия нередко воевали с ним, не меньше других зная о его связях и положении в обществе. Апартеид пал окончательно только в крупных городах и поселениях; в саванне миф о Большом белом охотнике властвовал по-прежнему.

— Она погибла не по вашей вине,— произнесла Пола, читая мысли инспектора.

Он отвернулся. Ему было приятно сочувствие Полы, однако обвинения главного инспектора по-прежнему камнем лежали на душе. Умом Кхамиси понимал, что сделал все, чтобы

защитить доктора Фэрфилд. И тем не менее сам-то он вернулся из леса, а она — нет. С фактами не поспоришь.

Не стоит больше надоедать. Ему необходимо было выразить доктору Кейн свое сочувствие и лично рассказать о том, что произошло в лесу, и он это сделал.

— Мне нужно идти.

Пола проводила гостя до затянутой сеткой двери.

— Как вы думаете, кто это был?

Он обернулся.

— Кто ее убил?

Кхамиси посмотрел на яркое утреннее солнце. Сегодня слишком погожий день, чтобы рассказывать о чудовищах. К тому же ему запретили обсуждать обстоятельства смерти доктора Фэрфилд. На карту поставлена его работа. Однако, глядя в глаза Поле, он сказал правду:

— Не лев.

— Кто же тогда?

— Я намерен это выяснить.

Он толкнул сетчатую дверь и спустился по ступенькам. Маленький ржавый пикап жарился под солнцем в ожидании хозяина. Кхамиси забрался в душную кабину и поехал домой.

В сотый раз за день его снова охватил страх, пережитый накануне. Он почти не слышал шума двигателя; кровожадный вой укуфы, вышедшей на охоту, эхом звучал в голове, заглушая реальные звуки.

Кхамиси доехал до временных домиков без кондиционеров, где жили работники заповедника, и, подняв облако красной пыли, затормозил перед своими воротами. Он очень устал, нужно хотя бы несколько часов отдохнуть. А правду он непременно выяснит. Кхамиси уже знал, с чего начнет расследование.

Вдруг он увидел, что ворота распахнуты настежь. Уезжая на весь день, он всегда проверял, крепко ли закрыл их на задвижку. Правда, вчера, когда стало известно о его исчезновении, сюда могли приходить люди, чтобы удостовериться, что хозяина нет дома.

С той самой минуты, как он услышал в джунглях тот первый, леденящий кровь крик, его нервы были на пределе. По правде говоря, Кхамиси опасался, что теперь никогда не избавится от кошмаров.

Входная дверь, кажется, в порядке. Из почтового ящика торчала нетронутая корреспонденция. Инспектор медленно, шаг за шагом, поднялся по ступеням, жалея, что под рукой нет оружия. Скрипнули половицы, но не под его ногой. В доме кто-то ходил.

Инстинкт приказывал бежать. Только бы ничего не случилось! Лишь бы не сегодня! Кхамиси поднялся на порог и потрогал задвижку. Не заперто. Он отодвинул задвижку и толкнул дверь. Та медленно отворилась. В глубине дома снова скрипнула половица.

— Кто здесь? — крикнул Кхамиси.

8 часов 52 минуты
Гималаи

— Взгляните сюда.

Пейнтера внезапно разбудили слова Лизы, и он скатился с кровати. Головная боль ножом вонзилась в мозг. Пару часов назад они вернулись в комнату, Пейнтер прилег на кровать не раздеваясь и незаметно заснул.

— Долго я спал? — Боль понемногу отступала.

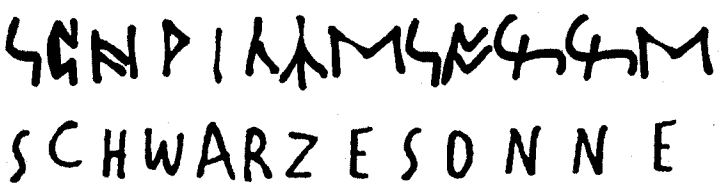
— Простите, я не заметила, что вы спите.— Лиза сидела, скрестив ноги, за столиком у камина. По столешнице были разбросаны листы бумаги.— Прошло не больше двадцати минут. Вот, посмотрите.

Пейнтер встал, и комната на миг качнулась. Он сел рядом с Лизой, заметив, что на бумагах лежит ее фотокамера. В качестве первого доказательства сотрудничества девушка потребовала, чтобы ей вернули фотоаппарат. Она положила перед Пейнтером лист бумаги:

— Глядите.

Лиза нарисовала на листке цепочку символов. Пейнтер узнал в них руны, которые лама Кхемсар чертил на стене

своей кельи. Наверное, Лиза скопировала символы с цифрового фотоснимка. Под каждой руной имелась и соответствующая буква:



— Простейший замещающий код. Каждая руна изображает букву алфавита, я подобрала их методом проб.

— Schwarze Sonne,— вслух прочитал Пейнтер.

— «Черное солнце». Название проекта, над которым здесь работали.

— Значит, лама Кхемсар все знал,— произнес Пейнтер.— Старый буддист был в курсе того, что здесь происходит.

— Очевидно, это причиняло ему боль.— Лиза забрала листок.— Наверное, безумие растревожило старые раны и заставило ожить воспоминания.

— Или лама помогал бывшим нацистам с самого начала, превратив монастырь в охранный пост Гранитного замка.

— Если так, посмотрите, чего он добился своей помощью,— многозначительно произнесла Лиза.— Может, это пример того, какая награда ожидает за сотрудничество?

— Выбора у нас нет. Стать нужными — единственный способ остаться в живых.

— А что потом? Когда мы будем не нужны?

Пейнтер не строил иллюзий:

— Нас убьют. Мы лишь выигрываем время, согласившись сотрудничать.

Пейнтер видел, что Лиза не испугалась, услышав правду. Напротив, она словно черпала в опасности новые силы. Расправив плечи, девушка спросила:

— С чего начнем?

— Разберемся в причинах конфликта.

— Что это нам даст?

— Мы лучше узнаем противника.

— По-моему, я знаю слишком много про Анну и ее команду.

— Я хочу выяснить, кто стоит за взрывами. Саботажник начал действовать давно. Очевидно, затевается серьезное дело. Несколько случаев саботажа — просто способ привлечь наше внимание. Кто-то хотел заманить нас сюда.

— Но для чего?

— Чтобы группу Анны обнаружили. Тебе не показалось странным, что Колокол, ключевой объект исследований и гениальное изобретение, разрушили только тогда, когда мы оказались в Гранитном замке? Что это может означать?

— Желая закрыть проект Анны, саботажники в то же время не хотят, чтобы секрет технологии попал в чужие руки.

Пейнтер кивнул.

— А может быть, замысел еще более дерзок. Нас хотят увести в ложном направлении, отвлечь внимание. Есть такая уловка — крикнуть: «Смотрите туда!» А настоящий обман происходит за пределами нашего внимания. Кто этот таинственный фокусник? Каковы его цели и намерения? Вот что нужно выяснить в первую очередь.

— А для чего вы попросили у Анны электронное оборудование?

— Надеюсь, что оно поможет нам отыскать изменника. Схватив саботажника, мы, возможно, узнаем, кто тот кукловод, что дергает за ниточки.

Раздался стук в дверь, и они вздрогнули от неожиданности. Пейнтер встал. В комнату вошла Анна в сопровождении Гюнтера. За то время, пока пленники отдыхали, гигант успел вымыться и переодеться. От него так явственно веяло угрозой, что ни один из сопровождающих солдат не вошел вместе с ним в комнату. Гюнтер даже не счел нужным взять с собой винтовку.

— Приглашаю вас на завтрак,— сказала Анна.— К тому времени, когда мы закончим трапезу, заказанное вами оборудование доставят в замок.

— Все сразу? Каким образом? Откуда?

— Из Катманду. На противоположном склоне горы есть секретная вертолетная площадка.

— Вот как? И вас ни разу не обнаружили?

Анна пожала плечами.

— Вполне достаточно прекратить полеты на время вертолетных экскурсий и альпинистских восхождений... Пилот прибудет через час.

Они вышли из комнаты и попали в непривычно людный коридор. Каждый встречный бросал на них озабоченный или сердитый взгляд, как будто саботаж был делом рук Лизы и Пейнтера. Правда, близко никто не подходил. Гюнтер прокладывал дорогу, тяжело ступая по коридору. Из тюремщика он прекратился в защитника.

Через несколько минут они дошли до кабинета Анны. У камина стоял длинный стол, уставленный блюдами, от которых поднимался горячий пар, тарелками с колбасами, черным хлебом, сырами и всевозможными ягодами и фруктами: черникой, сливами, дынями.

— К нам присоединится вся ваша армия? — предположил Пейнтер.

— Когда за окном зима, необходимо усиленное питание,— ответила Анна, будучи истинной немкой.

Они сели за стол, словно члены одной большой и дружной семьи.

— Раз есть надежда на излечение,— начала Лиза,— мы должны узнать больше о вашем Колоколе. Его историю, принцип работы...

Анна просияла. Какой ученый не любит поговорить о своих открытиях?

— Сначала его использовали как экспериментальный генератор энергии, новый двигатель,— начала она.— Колокол получил свое название из-за формы внешнего кожуха, керамического вместилища, покрытого свинцом, размером с бочку в сто галлонов. Внутри, один в другом, два металлических цилиндра, вращающихся в противоположных направлениях.— Анна увлеченно жестикулировала.— Колокол запол-

няли ртутеподобным жидким металлом под названием ксерум-525, который к тому же служил смазкой.

Пейнтер вспомнил, что уже слышал о нем.

— Вы говорили, что так и не сумели его воссоздать.

Анна кивнула.

— Над жидким металлом мы трудились несколько десятилетий. Его состав не поддавался детальному анализу. Мы знали, что он содержит пероксиды тория и бериллия, вот и все. Уверенно можно сказать одно: ксерум-525 — побочный продукт исследований в области энергии точки «зеро», иначе говоря, энергии нулевой точки. Его получали в другой лаборатории, также уничтоженной сразу после войны.

— Что конкретно происходит в Колоколе?

— Как я уже сказала, это был всего лишь эксперимент. Скорее всего, еще одна попытка открыть неисчерпаемую энергию нулевой точки. Однако, запустив Колокол, нацистские ученые заметили необычный эффект. Колокол излучал бледное свечение. Все электрооборудование, даже находящееся на большом расстоянии, перестало работать из-за короткого замыкания. Появились сообщения о гибели людей. В ходе последующей серии экспериментов устройство усовершенствовали и снабдили защитой. Опыты проводили под землей, в заброшенной шахте. Смерти прекратились, но жители деревень в миле от рудника стали жаловаться на бессонницу, головокружение и судороги. Колокол излучал загадочную радиацию, чем сразу повысил к себе интерес ученых.

— Как к потенциальному оружию? — предположил Пейнтер.

— Точно не скажу. Значительную часть записей уничтожил руководитель проекта. Однако нам известно, что действию излучения Колокола подвергались биологические объекты: папоротники, плесневые грибы, яйца, мясо, молоко. Эксперименты также проводили над беспозвоночными и позвоночными животными: тараканами, улитками, хамелеонами, лягушками и, разумеется, мышами и крысами.

— А как же верхние звенья пищевой цепи? — спросил Пейнтер.— Люди?

Анна кивнула.

— Боюсь, вы правы. Мораль зачастую является главным тормозом прогресса.

— Что происходило во время экспериментов?

Лиза потеряла интерес к еде. Однако причиной тому было вовсе не отвращение к предмету разговора, а, напротив, острый интерес к нему.

Анна, почувствовав родственную душу, повернулась к Лизе.

— Эффект вновь был непредсказуемым. Хлорофилл в растениях исчезал, они становились белыми и через несколько часов превращались в густую слизь. Кровь в венах животных сгущалась в гель. В тканях возникали кристаллические образования, разрушавшие клетки изнутри.

— Попробую угадать,— перебил ее Пейнтер.— Нечувствительными к радиации остались только тараканы?

Лиза кинула на него взгляд, полный неодобрения, затем вновь обратилась с вопросом к Анне:

— У вас есть предположения, что вызывает такой эффект?

— Пока только одни догадки. Мы считаем, что Колокол во время вращения создает сильную электромагнитную вихревую воронку. Ксерум-525, побочный продукт ранних исследований в области энергии нулевой точки, подвергнутый воздействию вихревой воронки, порождает эманацию необычных квантовых энергий.

Пейнтер попробовал сделать вывод:

— Следовательно, ксерум-525 является топливом, а Колокол — двигателем.

Анна кивнула.

— Он превращает Колокол в миксер,— пророкотал чей-то голос.

Все глаза обратились к Гюнтеру. Набив рот колбасой, гигант тоже глядел на них, впервые проявив интерес к беседе.

— Грубо, но точно,— признала Анна.— Представьте вездесущую энергию нулевой точки в виде миски для взбивания теста. Вращающийся Колокол погружается в нее, как венчик миксера, и высвобождает квантовую энергию, разбрызгивая

в разные стороны субатомные частицы. На ранних стадиях экспериментов осуществлялись попытки манипулировать скоростью этого миксера. Таким образом, мы контролировали выброс частиц.

— Чтобы уменьшить вероятный ущерб?

— А также снизить побочные эффекты дегенерации. Попытки удались. Нездоровые побочные эффекты исчезли, но вместо них появилось кое-что другое.

Пейнтер почувствовал, что разгадка близка. Анна подалась вперед.

— Вместо дегенерации, вырождения биологических тканей, обнаружились случаи выздоровления. Клетки плесени росли значительно быстрее, у папоротников возникал гигантизм, у мышей ускорялась выработка рефлексов, у крыс возрастал уровень интеллекта. Результаты экспериментов нельзя было объяснить одним лишь ускорением мутационного процесса. Чем выше животное стояло на эволюционной ступени, тем больше способностей оно приобретало в результате эксперимента.

— Поэтому вы начали опыты на людях,— подсказал Пейнтер.

— Не забывайте об исторической перспективе, мистер Кроу. Нацисты верили, что дадут начало новой расе сверхлюдей. И вот они получили инструмент, позволяющий достигнуть цели всего за несколько десятков лет! Согласитесь, сильный аргумент.

— Они хотели создать расу господ, чтобы править миром.

— Такова цель нацистов. В тот период они приложили много усилий для детального изучения возможностей Колокола. Однако им не хватило времени, чтобы закончить эксперимент,— Германия пала. С целью продолжения секретных исследований Колокол эвакуировали. Он стал последней надеждой Третьего рейха. Только с его помощью можно было возродить арийскую расу, восстать из пепла и править миром.

— Для того Гиммлер и выбрал для лаборатории место в самом сердце Гималаев,— подытожил Пейнтер и покачал головой.— Безумие.

— Зачастую мир движет вперед безумный, а вовсе не добрый гений. Кто, кроме сумасшедшего, отважится на невозможное? Мечты сбываются, если в них верить, мистер Кроу.

— Вот еще один пример геноцида.

Анна вздохнула, а Лиза вернулась к главной теме разговора:

— Что стало с экспериментами над людьми?

Она старалась, чтобы в голосе звучало только холодное любопытство ученого.

Анна с облегчением поняла, что Лиза — более покладистый собеседник.

— У взрослых по-прежнему наблюдались побочные эффекты, особенно при больших дозах излучения. И все же исследования продолжили. Когда воздействию были подвергнуты человеческие зародыши в материнской утробе, обнаружилось, что каждый шестой из родившихся подопытных младенцев сильно отличался от обычных детей. У них изменился ген, отвечающий за синтез миостатина. Дети рождались с более развитой мускулатурой. Наблюдались и другие положительнее эффекты: острое зрение, идеальная координация работы глаз и рук, потрясающе высокий IQ — коэффициент умственного развития.

— Супердети,— подсказал Пейнтер.

— К великому сожалению, они редко доживали до трех лет,— призналась Анна.— Постепенно начиналась дегенерация. Дети становились бледными, в тканях образовывались кристаллы. Пальцы на руках и ногах отмирали.

— Интересно,— промолвила Лиза.— Те же самые побочные эффекты наблюдались и в первых сериях опытов.

Пейнтер посмотрел на Лизу. Не ослышался ли он: ей «интересно»? Она смотрела на Анну зачарованно. Как Лизе удается быть такой хладнокровной? Однако он заметил, как нервно подрагивает под столом ее колено, и накрыл его ладонью, успокаивая девушку. Лиза только внешне оставалась бесстрастной.

Пейнтер понял, что ее горячий интерес к бесчеловечным опытам — напускной. Лиза играла в «хорошего и плохого полицейского». Пейнтер — злой и непреклонный, она — отзыв-

чивая и покладистая. Благодаря Лизе он мог задавать безжалостные вопросы. Так проще получать недостающие сведения.

Пейнтер благодарно сжал Лизино колено. Та продолжила игру.

— Вы сказали, что у одного из шестерых младенцев наблюдались кратковременные улучшения. А что с другими пятью?

— Рождались мертвыми.— Анна опустила голову.— Мутации, несовместимые с жизнью, гибель матерей... Смертность была довольно высока.

— Откуда брались подопытные матери? — возмутился Пейнтер.— Что-то мне подсказывает, что они не были добровольцами.

— Не судите строго, мистер Кроу. Вам известен уровень детской смертности в вашей собственной стране? А какая польза от мертвых?

Боже всемогущий, неужели она говорит всерьез?

— Перед нацистами стояла высокая цель,— изрекла Анна.— Они, по крайней мере, думали о будущем.

Пейнтеру хотелось заорать на Анну, но ярость лишила его дара речи. Вместо своего товарища заговорила Лиза. Она нащупала у себя на колене его руку и крепко сжала ее.

— Верно ли я поняла: ученые искали способы дальнейшей настройки Колокола, чтобы свести к нулю побочные эффекты?

— Именно. Однако ко времени окончания войны прогресс все еще был невелик. Существует лишь один рапорт, почти анекдотический, о полном успехе — рождении суперребенка. До него все рожденные под Колоколом имели небольшие изъяны: участки кожи с недостатком пигментации, асимметрия органов, глаза разного цвета...— Анна невольно покосилась на Гюнтера.— И вот родился безупречный младенец. Подробный генетический анализ генома мальчика не выявил изъянов. К сожалению, методика, при помощи которой достигли этого результата, так и осталась неизвестной. Руководитель проекта держал свой последний эксперимент в тайне. Когда мой дед приехал, чтобы эвакуировать Колокол, руководитель

проекта уничтожил все личные записи, касавшиеся успешного эксперимента, и унес свою тайну в могилу. А вскоре погиб и ребенок.

— Вследствие побочных эффектов?

— Нет, дочь руководителя проекта вместе с младенцем утопилась.

— Почему?

Анна покачала головой.

— Дед отказывался рассказывать об этом. Как я уже говорила, вся история напоминает поучительную сказку.

— Как звали ученого? — спросил Пейнтер.

— Не помню. Если хотите, можно выяснить.

Пейнтер подумал, что, доберись он сейчас до компьютерной сети «Сигмы», то накопал бы много интересных подробностей об истории дедушки Анны.

— После эвакуации исследования продолжились здесь? — предположила Лиза.

— Да. Несмотря на изоляцию, мы держали руку на пульсе. После войны нацистских ученых разбросало по всему свету, многие осели в засекреченных научных центрах Европы, Советского Союза, Южной Америки, Соединенных Штатов. Они стали нашими глазами и ушами, поставляли нам научную информацию. Некоторые из них сохранили веру в высокую миссию нацизма, прочих приходилось шантажировать.

— Итак, ваши работы не прерывались?

— За последние два десятилетия мы сделали огромный шаг вперед. Родились сверхдети, которые жили дольше. Их растили здесь, как принцев, присвоив им звание Ritter des Sonnekönig — рыцари Короля-солнца. Ведь своим рождением они обязаны проекту «Черное солнце».

— Совершенно в стиле Вагнера,— язвительно хмыкнул Пейнтер.

— Возможно. Мой дед чтил традиции. Однако я хочу, чтобы вы знали: в Гранитшлоссе подопытными становились добровольцы.

— Но был ли их выбор нравственно оправданным? Или просто у вас в Гималаях нашлось под рукой несколько евреев?

Нахмурив брови, Анна оставила его реплику без комментария.

— Несмотря на явный прогресс, рыцарей Короля-солнца продолжало поражать преждевременное старение. Первые симптомы, хоть и значительно менее серьезные, обычно проявлялись уже к двум годам. То есть острая дегенерация приняла форму хронической. А с ростом продолжительности жизни возникли и новые тревожные симптомы: умственное вырождение, паранойя, шизофрения, психоз.

— Последние симптомы напоминают те, что мы видели у монахов буддийского монастыря,— вставила Лиза.

Анна кивнула.

— Все зависит от силы и длительности излучения Колокола. Дети, подвергнутые дозированному воздействию квантовой радиации в материнской утробе, демонстрируют первичное улучшение состояния здоровья, с течением жизни переходящее в хроническую дегенерацию. Взрослые люди, такие как Пейнтер и я, получив умеренные дозы неконтролируемой радиации, поражены более острой формой той же самой дегенерации, то есть более ускоренному разрушению. А вот монахи, испытавшие на себе воздействие высокого уровня радиации, немедленно впали в состояние психоза.

— А Sonnekönige? — спросил Пейнтер.

— Для них, как и для нас, лечения не существует. Точнее, если нам с вами Колокол обещает надежду на исцеление, то Sonnekönige обладают иммунитетом к его воздействию. Видимо, облучение в раннем возрасте делает их устойчивыми к дальнейшему воздействию. Как к благоприятному, так и к губительному.

— А если они впадают в безумие? — Пейнтер представил себе буйного супермена, крушащего замок.

— Нарушение психики угрожало бы нашей безопасности. Мы приостановили опыты на людях.

Пейнтер не мог скрыть удивления:

— Вы запретили эксперименты?

— Не совсем. Опыты на людях признаны неэффективными, так как ждать результатов приходится слишком долго. Мы

разработали новые модели: модифицированные породы мышей, культуры зародышевых тканей, выращиваемые in vitro*, стволовые клетки. С тех пор как составлена карта человеческого генома, метод проверки ДНК стал самым быстрым способом оценки прогресса. Наше продвижение вперед ускорилось. Я уверена, что если бы мы возобновили сейчас проект Sonnekönige, то добились бы гораздо более значимых результатов.

— Так почему бы вам не попробовать еще раз?

— Чтобы попасть под давление политиканов и невежд? Наука выше закона. Любые ограничения замедлят прогресс. А это неприемлемо.

Пейнтера переполняло чувство омерзения. По всей видимости, нацистская философия до сих пор процветает в Гранитном замке.

— Что стало с Sonnekönige? — спросила Лиза.

— У них трагическая судьба. Многие умерли, других пришлось подвергнуть эвтаназии, когда начали проявляться психические расстройства. Некоторые дожили до сего дня. Например, Клаус, с которым вы знакомы.

Пейнтер помнил гиганта-охранника с наполовину парализованной рукой и поврежденным лицом — признаками деградации. Потом посмотрел на Гюнтера. Тот спокойно встретил его взгляд. Ну конечно! Один глаз голубой, другой — белый. Еще один Sonnekönige.

— Гюнтер — последний, кто родился здесь.

Анна указала на свое плечо, потом сделала знак гиганту.

Гюнтер нахмурился, но закатал рукав и показал верхнюю часть плеча, открыв черную татуировку.

* В пробирке, в искусственных условиях *(лат.)*.

— Символ Sonnekönige,— пояснила Анна.— Знак достоинства, совершенства и преданности долгу.

Гюнтер опустил рукав, скрыв татуировку.

Пейнтер вспомнил путешествие прошлой ночью на санях и презрительную фразу, брошенную вслед Гюнтеру одним из солдат: «Leprakönige» — прокаженный король. Да, уважения к бывшим рыцарям Короля-солнца явно поубавилось. Гюнтер, последний из них, медленно умирал. Кто заплачет о нем?

Прежде чем вернуться к беседе с пленниками, Анна задержала взгляд на брате. Может, хотя бы один человек все-таки будет оплакивать гиганта.

Лиза, не отпуская руки Пейнтера, нарушила молчание:

— Объясните нам еще кое-что. Каким образом Колокол вызывает описанные изменения? Вы сказали, что они слишком логичны и последовательны, чтобы считать их следствием мутационного процесса.

— Совершенно верно,— кивнула Анна.— Мы не ограничивались изучением лишь последствий радиации Колокола. Большая часть наших исследований была посвящена тому, как он работает.

— Вы достигли успехов?

— Разумеется. Говоря точнее, мы уверены, что поняли базовые принципы его работы.

Пейнтер удивленно моргнул.

— Правда?

Анна вопросительно изогнула бровь.

— Мне казалось, это очевидно.— Она посмотрела на Пейнтера и Лизу.— Колокол контролирует эволюцию.

5 часов 45 минут
Заповедник Хлухлуве-Умфолози

— Кто здесь? — повторил Кхамиси, стоя на пороге своего дома.

В темной задней комнате кто-то прятался. Может быть, животное забежало? В дома вечно забирались обезьяны.

И все же он не переступил порог. Кхамиси вытянул шею, чтобы рассмотреть комнату, но занавески на окнах не пропу-

скали света. После улицы, где ярко светило солнце, полумрак казался темной ночью в диких джунглях.

Стоя у входа, инспектор нащупал выключатель и повернул его. Лампочка осветила скудно обставленную прихожую и крохотную кухню. Однако свет не помог увидеть, кто или что подстерегает хозяина в задней комнате.

— Кто...

Он замолчал на полуслове, почувствовав болезненный укус в шею, и упал ничком, схватившись за больное место. Пальцы нащупали небольшой острый предмет, торчащий из шеи. Кхамиси выдернул его и несколько секунд рассматривал, ничего не понимая.

Дротик. Таким же он пользовался, когда приходилось обездвиживать крупных зверей...

Через мгновение яд достиг мозга. Мир опрокинулся набок. Кхамиси попробовал встать, но не смог.

Он с трудом приподнялся и снова упал. В глазах мельтешили светящиеся точки. Голова кружилась. Он заметил на полу обрывок веревки. Напряг зрение: нет, не веревка.

Змея. Футов десять длиной. Он узнал ее сразу: черная мамба. Мертвая, разрубленная надвое. Рядом валялся мачете. Его мачете. Мозг Кхамиси пронзила страшная догадка: его отравили.

Дротик отличался от тех, которыми он пользовался в саванне. У этого было две иглы, торчащие, словно змеиные зубы.

Кхамиси смотрел на мертвую черную мамбу.

Обман, догадался он.

Все подстроено так, чтобы люди решили, будто его укусила ядовитая змея.

Скрипнули доски пола. Лампа осветила темную фигуру в дверях задней комнаты. На него смотрел незнакомец с ничего не выражающим лицом.

Внезапно навалилась тьма и погребла под собой реальный мир.

8

СМЕШАННАЯ КРОВЬ

6 часов 54 минуты
Падерборн, Германия

— Ты останешься здесь.

Грей, упершись руками в бедра, стоял посередине главной кабины самолета.

— Размечтался! — нахально ответила Фиона.

Скрестив руки на груди, Монк прислонился к открытому входному люку. Сцена явно его забавляла.

— Адрес-то я вам пока еще не назвала,— напомнила Фиона.— Вы проваландаетесь месяц, пока прочешете весь город. А если я поеду с вами, то доставлю прямо на место. Выбирайте, ребята.

У Грея горело лицо. Почему он не вытащил из девчонки адрес, пока она была слаба и беззащитна?.. Он потряс головой. Слаба и беззащитна? Это не про Фиону.

— Как же быть?

— Пристала, как репей,— изрек Монк.

Грей не хотел сдаваться. Может, стоит припугнуть ее, напомнить про случай в Тиволи?

— А как же твоя рана?

У Фионы покраснел нос.

— Подумаешь, новость! Мне поставили заплатку, так что все в норме.

— С пластырем можно даже плавать,— добавил Монк.— Он непромокаемый.

Грей угрюмо посмотрел на напарника.

— Это не главное.

— А что тогда главное? — настаивала Фиона.

Грей не хотел брать на себя ответственность за девушку. Некогда с ней нянчиться.

— Он боится, что тебе опять сделают больно,— просюсюкал Монк.

Грей тяжело вздохнул.

— Фиона, лучше скажи нам адрес.

— Сначала сядем в машину,— заявила та.— Я не собираюсь торчать здесь взаперти.

— Теряем время,— напомнил Монк.— Как бы не промокнуть.

Утреннее небо сияло лазурью, но на севере собирались темные тучи. Приближалась гроза.

— Отлично.

Грей жестом велел напарнику выходить. По крайней мере, Фиона будет под присмотром.

Троица спустилась по трапу. Монк нес на плече черный рюкзак, как у Грея. Оглянувшись, Пирс заметил точь-в-точь такой же на плечах у Фионы.

— Не волнуйся, там был запасной,— успокоил его Монк.— В нем нет ни пистолетов, ни гранат. Я почти в этом уверен.

Покачав головой, Грей направился к гаражу. Одежда у них тоже была одинаковая: черные джинсы, свитеры и теннисные туфли. Фиона украсила свою одежду несколькими значками; на одном из них красовалась надпись: «Чужая конфета слаще».

Оказавшись на автомобильной стоянке, Грей в последний раз тайком проверил оружие: под свитером, в кобуре, спрятан «глок», на левом запястье — кинжал из углепластика. В рюкзаке лежали гранаты, взрывпакеты и запасные обоймы.

Больше он никуда не сунется без оружия.

А вот и арендованный автомобиль: темно-синий БМВ-525i. Фиона направилась к месту водителя, но Грей остановил ее:

— Смешно.

Монк обошел машину и крикнул:

— Ложись!

Фиона пригнулась.

Грей подтолкнул девушку к задней двери.

— Он просто хотел занять место впереди.

Фиона разозлилась на Монка.

— Придурок!

— Сама виновата, малышка. Не будь такой пугливой.

Они сели в машину. Грей включил двигатель и оглянулся.

— Ну? Куда теперь?

Фиона подалась вперед и ткнула пальцем в карту.

— Выезжай из города, потом дуй на юго-запад примерно двадцать километров. Держи курс на Бюрен.

— А адрес какой?

— Смешно! — ответила Фиона и откинулась на спинку сиденья.

Он посмотрел в зеркало заднего вида. Девушка злилась на него. Дураку было ясно, что он пытался вытащить из нее информацию.

Попытка — не пытка.

Она махнула рукой.

— Трогай!

Делать нечего, Грей подчинился.

В дальнем конце автостоянки в белом «мерседесе» сидели близнецы. Мужчина опустил бинокль, надел итальянские темные очки и кивнул сидевшей рядом сестре. Та тихо говорила по-голландски по телефону, держа мужчину за руку. Он ласково погладил большим пальцем татуировку на ее коже. Девушка в ответ нежно пожала его руку. Мужчина заметил, что сестра обгрызла ноготь на одном из пальцев.

Она смущенно попыталась спрятать руку.

Нечего стыдиться. Виной всему нервы. Вчера ночью они потеряли Ганса, одного из старших братьев.

Его убил водитель только что отъехавшей машины. Близнец был так зол на него, что не видел ничего, кроме удаляющегося БМВ, под капот которого он вмонтировал датчик, передающий сигнал на спутник. «Мерседес» не собьется со следа.

— Ясно,— произнесла в трубку сестра.— Как мы и ожидали, они направились по следам книги. Без сомнения, прямо в дом Хиршфельдов в Бюрене. Мы организовали слежку за самолетом.

Выслушивая ответ, она поймала взгляд брата-близнеца.

— Да,— ответила девушка сразу и брату, и говорившему по телефону.— Мы их не упустим. Библия Дарвина будет нашей.

Брат утвердительно кивнул, вынул пальцы из ее ладони и повернул ключ зажигания.

— До свидания, дедушка,— попрощалась сестра.

Положив телефон, она подняла пальцами прядку волос, упавшую на лоб брата, и уложила ее на место.

Он великолепен. Само совершенство.

Близнец поймал ее пальцы и нежно поцеловал, словно обещал, что все будет хорошо. Сначала они отомстят, а оплакивать брата будут потом.

Снежно-белый «мерседес» тронулся с места. Охота началась.

11 часов 8 минут
Гималаи

Кончик паяльника раскалился докрасна. Пейнтер постарался сдержать дрожь в пальцах. Рука дрожала не от страха, это головная боль продолжала сверлить правый глаз. Он принял горсть капсул тайленола, а пять минут назад выпил две таблетки фенобарбитала. Ни одно лекарство не избавит от постепенно наступающей слабости и безумия, однако, если верить Анне, удастся выторговать еще несколько часов активной жизни.

Сколько ему осталось?

Дня три, а может, и того меньше. Потом силы его оставят.

Усилием воли Пейнтер отогнал грустные мысли. Тревога и отчаяние способны лишить сил быстрее всякой болезни. Как говаривал дедушка: «Не заламывай руки, засучи рукава».

С этой оптимистичной мыслью Пейнтер начал припаивать провод к наружному кабелю, который проходил по всему подземному замку и соединялся с всевозможными антеннами. В том числе и со спутниковой «тарелкой», спрятанной где-то на вершине горы.

Закончив, Пейнтер выпрямился и подождал, пока паяльник остынет. Он сидел в окружении аккуратно разложенных инструментов и деталей, словно хирург в операционной. На столе стояли два открытых ноутбука. Их принес Гюнтер, человек, который прикончил монахов и убил Анг Гелу. Пейнтер до сих пор не мог смотреть на убийцу без ненависти и гнева. Даже сейчас.

Гигант не отходил от Пейнтера ни на шаг, следя за каждым движением своего подопечного. Они были в мастерской вдвоем. Пейнтеру ужасно хотелось воткнуть паяльник в глаз Гюнтеру... Увы, этим ничего не добиться. Им вынесли смертный приговор. Единственный путь к спасению — сотрудничество с нацистами.

Лиза в кабинете Анны продолжала искать способ лечения болезни.

Пейнтер и Гюнтер работали в другом направлении. Они охотились за саботажником. Гюнтер уверял, что бомбу, разрушившую Колокол, изготовили вручную. Поскольку никто не покинул подземелье с момента взрыва, предатель наверняка находился в замке.

Если удастся его поймать, многое станет ясным.

Среди обитателей замка распространили слухи, которые должны были послужить приманкой для злоумышленника. Оставалось только установить ловушку и ждать.

Один ноутбук подключили к информационной сети замка. Пейнтер ввел в систему серию кодовых программ, предназначенных для отслеживания всех исходящих сообщений. Если саботажник попытается связаться с внешним миром, то выдаст себя и будет обнаружен.

Правда, Пейнтер не ожидал, что изменник настолько прост. Он жил в замке и тайно работал против своих же товарищей уже давно. Злоумышленник коварен. Скорее всего, у него есть способ связаться с внешним миром.

Вероятно, у саботажника имеется личный портативный аппарат спутниковой связи, с помощью которого он тайно общается со своими боссами. Для этого необходима автономная линия связи между прибором и геосинхронным орбитальным спутником. К несчастью, в замке слишком много ниш, проемов и отверстий, где можно спрятать прибор. А обыск всех обитателей замка вызвал бы лишние подозрения.

Поэтому Пейнтер придумал кое-что получше.

Это устройство он сконструировал сам, работая в «Сигме». Прежде чем занять пост директора, Пейнтер специализировался на аппаратуре слежения и чувствовал себя в этой области как рыба в воде.

Он соединил основной кабель со вторым ноутбуком. Головная боль наконец немного утихла.

— Готово.

— Включай.

Пейнтер включил источник питания, установил амплитуду сигнала и отрегулировал уровень импульса. Остальное закончит ноутбук, который будет отслеживать все сигналы. К сожалению, «прослушка» невозможна. Можно только обнаружить источник передачи, да и то в радиусе тридцати ярдов. Однако и этого достаточно.

Пейнтер закончил настройку оборудования.

— Все. Теперь нам остается только ждать, когда саботажник выйдет на связь.

Гюнтер кивнул.

— Если клюнет на приманку,— добавил Пейнтер.

Полчаса назад они распространили слух о том, что при взрыве уцелела резервная емкость с ксерумом-525, запертая в потайном свинцовом отсеке склада. Это давало надежду всему населению замка. Если есть запас топлива, то и новый Колокол можно будет изготовить. Анна даже велела ученым собрать его из запасных частей. Если Колокол и не сможет полностью

исцелить прогрессирующее заболевание, то, по крайней мере, позволит выиграть время, необходимое для лечения.

Однако не спасение было целью ложных слухов.

Когда слухи дойдут до предателя, тот поймет, что его план провалился, а Колокол в конце концов восстановят. Саботажник непременно выйдет на связь с хозяевами, чтобы получить новые указания. Этого и ждал Пейнтер.

А пока он решил поговорить с Гюнтером.

— Что значит быть суперменом, рыцарем Короля-солнца?

Гюнтер пожал плечами. Кажется, его способ общения ограничивался ворчанием, недовольными гримасами да несколькими невразумительными звуками.

— Скажите, вы чувствуете свое превосходство? Вы сильнее, проворнее, способны одним прыжком перескочить через дом?

Гюнтер молча смотрел на Пейнтера. Тот вздохнул и сменил тему. Нужно попытаться добиться взаимопонимания.

— Что значит Leprakönige? Я слышал, что так говорили люди рядом с вами.

Пейнтер прекрасно знал, что означает слово, и Гюнтер отреагировал именно так, как и ожидалось. Гигант отвел взгляд, однако не сумел спрятать злобный огонек в глазах.

Молчание затянулось. Пейнтер уже потерял надежду, когда гигант наконец проворчал:

— Прокаженный король.

Теперь пришел черед Пейнтера умолкнуть. Он не смел нарушить тягостного молчания, воцарившегося в комнате. Гюнтер заговорил первым:

— Стремясь к совершенству, люди не хотели задумываться об ошибках. Нелегко быть жертвой неизлечимого заболевания. Проще скрыться с глаз.

— Изгнание в лепрозорий.

Пейнтер пытался представить себе, что чувствуют последние из рыцарей Короля-солнца, с детства знающие о том, что их ждет. Некогда всеми уважаемые благородные принцы, теперь они стали горсткой отверженных, прокаженных.

— И все-таки вы несете службу в замке,— сказал Пейнтер.

— Для этого я рожден на свет. Я исполняю свой долг.

Пейнтеру стало интересно, внушают ли это рыцарям с детства, или понятие о долге заложено в них на генетическом уровне.

— Почему вас волнует, что станет со всеми нами?

— Я верю в работу, которая здесь ведется. Когда-нибудь мои страдания помогут спасти других людей.

— А поиски способов лечения, которыми мы занимаемся сейчас? Они ничего не дадут вам лично.

Глаза Гюнтера блеснули:

— Ich bin nicht krank.

— Что вы имеете в виду, утверждая, что не больны?

— Sonnekönige рождались под Колоколом,— с нажимом ответил Гюнтер.

До Пейнтера дошло. Он вспомнил слова Анны: суперлюди замка обладают иммунитетом к воздействию Колокола, как к благоприятному, так и к губительному.

— На вас Колокол не действует,— пробормотал он.

Гюнтер отвернулся.

Пейнтер тщательно обдумал услышанное. Значит, Гюнтер помогает не для того, чтобы сохранить собственную жизнь. Но тогда зачем?

Пейнтер внезапно вспомнил, с какой нежной преданностью смотрела на Гюнтера Анна за обедом. У гиганта есть другая веская причина, чтобы служить делу, не обращая внимания на презрение окружающих.

— Вы любите Анну,— проговорил Пейнтер.

— Конечно люблю,— ответил Гюнтер.— Ведь она моя сестра.

В кабинете Анны Лиза стояла перед негатоскопом, на котором врачи обычно просматривают рентгеновские снимки. Девушка прикрепила на него две пленки, испещренные темными полосками. Хромосомные карты она отыскала в материалах исследований мутаций, вызванных Колоколом. Карты

показывали ДНК зародышей амниот* до и после облучения. На снимках ДНК после облучения измененные участки хромосом были обведены кружками. Рядом имелись пояснительные подписи на немецком языке.

Переводившая их Анна отошла за новыми книгами.

Лиза провела пальцем по карте мутаций, ища совпадения. Она уже прочла о некоторых результатах опытов. Их нельзя было объяснить мутациями.

Не находя ответа, Лиза вернулась к обеденному столу, заваленному книгами и связками рукописей с результатами проводимых десятилетиями экспериментов на людях.

В камине треснуло полено. Лиза с трудом удерживалась от желания бросить в огонь научные труды. Несмотря на то что Анны рядом не было, этого делать нельзя. Лиза сама приехала в Непал, чтобы заниматься наукой. Она тоже исследователь.

Как Анна. Нет, не совсем так, как Анна.

Лиза отодвинула в сторону научную монографию «Тератогенез бластодермы эмбрионов». Документ рассказывал об изучении абортированных уродцев — плодов воздействия радиации Колокола. То, что на пленках с хромосомами выглядело всего лишь темными полосками, на фотографиях в книге демонстрировалось во всех подробностях: лишенные конечностей одноглазые эмбрионы, мертворожденные младенцы с водянкой головного мозга...

Нет, она совсем не такая, как Анна.

Стуча по ступенькам каблуками, Анна спустилась в кабинет по железной лестнице, неся под мышкой очередную стопку книг. Кажется, немцы действительно ничего не скрывают. Да и зачем? Ведь сейчас их главная цель — найти способ лечения квантовой болезни. Анна считала все усилия напрасными. И все же, хотя она была уверена в том, что за послед-

---

* Амниоты — высшие позвоночные животные, у которых на ранних стадиях образуются особые зародышевые оболочки, в т. ч. амнион (пресмыкающиеся, птицы, млекопитающие).

ние десятилетия опробовали все возможные пути, ее не пришлось долго уговаривать поработать вместе.

Лиза заметила, как дрожат руки женщины. А ведь на первый взгляд признаки паралича совсем не заметны. Анна постоянно тайком потирала ладони. Остальные обитатели замка страдали открыто. Напряжение, скопившееся в воздухе, казалось, можно было пощупать рукой. Лиза недавно лично стала свидетельницей громкой ссоры и драки. Прошел слух, что за последние несколько часов в замке произошли два самоубийства. С утратой Колокола — надежды на исцеление — все стало расползаться по швам. Неужели безумие охватит обитателей замка раньше, чем они с Пейнтером найдут решение?

Главное — не сдаваться, пусть даже ради победы ей приходится работать с нацистами. Лиза кивнула подошедшей женщине:

— Что ж, кажется, я поняла общую картину. Но мне не дают покоя ваши слова.

Уронив книги на стол, Анна села.

— Какие именно?

— Вы говорили, что Колокол контролирует эволюцию.— Лиза указала на книги, лежащие на столе.— А здесь я вижу только мутагенную радиацию, на которой вы строите вашу евгеническую программу. Создание улучшенного образца человеческой особи при помощи генетических манипуляций. Не польстили ли вы себе, когда произнесли слово «эволюция»?

Анна нисколько не обиделась.

— А что для вас понятие эволюции, доктор Каммингс?

— Общепринятое дарвиновское определение, разумеется.

— И каково же оно?

Лиза нахмурилась.

— Ступенчатый процесс биологических изменений... при котором одноклеточные организмы распространились и усложнились, создав современное разнообразие живых существ.

— И Господь совсем не принимал в нем участия?

Вопрос застал Лизу врасплох.

— Вы имеете в виду креационизм?*

Анна пожала плечами.

— Скорее в сознательное творение.

— Неужели вы всерьез? Сейчас вы, пожалуй, заявите, что эволюция — всего лишь теория.

— Не говорите глупостей. Я не дилетант, считающий теорию не более чем озарением. Нет фактов — нет и теории. Все должно подкрепляться доказательствами.

— Так значит, вы принимаете дарвиновскую теорию эволюции?

— Разумеется.

— Почему же...

— Одно не обязательно исключает другое.

Лиза вопросительно подняла бровь.

— Акт творения *совместно* с эволюцией?

Анна кивнула.

— Однако вернемся немного назад. Я не хочу, чтобы между нами возникло недопонимание. Для начала давайте отбросим принципы тех креационистов, которые считают, что Земля плоская, и тех, кто буквально понимает слова Библии о том, что нашей планете в лучшем случае десять тысяч лет. Перейдем к главным аргументам ученых, защищающих идею акта творения.

Лиза только головой покачала: бывшая нацистка проповедует принципы лженауки. Что же будет дальше?

Анна прочистила горло.

— Я честно признаюсь, что большая часть доводов в пользу акта творения ошибочна. Они противоречат Второму закону термодинамики, их статистические модели не выдерживают критики. Список можно продолжать долго. Однако наука не всегда способна дать ответ на наши вопросы.

Лиза кивнула. Ее и саму всегда удивляло соседство лженауки с эволюционизмом. Она задумалась об этом впервые еще

---

* Креационизм — концепция, трактующая многообразие форм органического мира как результат сотворения их Богом.

на уроках биологии в старших классах. В этой трясине не всякий кандидат наук разберется, не то что школьник.

— Как уже сказано,— продолжала Анна,— у последователей акта сознательного творения есть один аргумент, который действительно заслуживает внимания.

— Какой именно?

— Случайный характер мутаций. Одна лишь возможность мутаций не произвела бы так много положительных изменений за изучаемый отрезок времени. Много ли врожденных дефектов вам известно, которые привели бы к положительным модификациям?

Лиза и прежде слышала подобные аргументы: «Жизнь развивалась слишком быстро, случайностью это не объяснить».

— Эволюция — процесс не случайный,— возразила Лиза.— Естественный отбор уничтожает тех, кто подвергся нездоровым изменениям. Лишь более совершенные организмы способны передавать гены по наследству.

— То есть выживают наиболее приспособленные?

— Или достаточно приспособленные. Изменения в итоге не всегда дают совершенство. Даже заметное улучшение свойств — уже преимущество. А через несколько сотен миллионов лет небольшие преимущества превращаются в то биоразнообразие, которое мы наблюдаем сегодня.

— За сотни миллионов лет? Да, хорошо иметь в своем распоряжении столь значительный отрезок времени. А что вы скажете о скачках эволюции, когда за ограниченное время происходили огромные изменения?

— Полагаю, вы говорите о кембрийском периоде? — уточнила Лиза.

Кембрийский период действительно был одним из самых сильных аргументов сторонников креационизма. Период продолжался сравнительно недолго, всего около пятнадцати миллионов лет*. Однако в течение этого времени произо-

* Российские ученые дают несколько иную датировку.

шла вспышка увеличения численности новых форм жизни: множество видов губок, моллюсков, медуз и трилобитов словно упали с небес.

— Нет. Изучение окаменевших остатков дает немало подтверждений тому, что «внезапное возникновение» беспозвоночных не было столь уж неожиданным. Еще в докембрийском периоде существовало предостаточно губок и червеобразных многоклеточных. Разнообразие форм жизни в этот период можно объяснить появлением в генетическом коде генов Хокса.

— Гены Хокса?..

— Группы из четырех-шести генов появились в генетическом коде перед началом кембрийского периода. Считается, что они контролируют эмбриональное развитие, определяют правую и левую половины основных частей тела. Дрозофилы, лягушки, люди — все имеют одни и те же гены Хокса. Вы можете изъять ген Хокса у дрозофилы, внедрить его в ДНК лягушки, и он будет отлично функционировать. Эти гены — фундаментальные «включатели» развития эмбрионов. Малейшее изменение в генах Хокса создает совершенно новые формы организмов.

Не уверенная, к чему клонит Анна, Лиза все же прониклась уважением к ее глубокому знанию предмета. Да, сильный соперник. Если бы Анна была ее оппонентом на научной конференции, Лиза просто наслаждалась бы дебатами. Однако сегодня приходилось постоянно напоминать себе о том, с кем она говорит.

— Итак, развитие генов Хокса непосредственно перед началом кембрийского периода объясняет нам столь значительную вспышку разнообразия форм. Однако гены Хокса не объясняют другие аспекты быстрой — почти целенаправленной — эволюции.

— Какие, например?

Дискуссия становилась все более интересной.

— Например, березовые пяденицы. Вам известна их история?

Лиза кивнула. Анна привела один из излюбленных аргументов представителей лагеря противников. Бабочки березовой пяденицы обитают на березах и имеют пятнисто-белую окраску, помогающую слиться с корой дерева, благодаря чему их не поедают птицы. Когда в районе Манчестера начали разработку угольных пластов и стволы берез почернели от пыли, белые бабочки стали заметной и легкой добычей для птиц. Однако популяция изменила свою обычную окраску на черную всего за несколько поколений и вновь стала незаметна на потемневших стволах берез.

— Если мутации носят случайный характер,— убеждала Анна,— то черная окраска появилась удивительно вовремя. Если это событие случайно, то почему наряду с черными не появились красные, лиловые, зеленые бабочки? Или, например, двухголовые?

Лиза с трудом сдерживалась.

— Я бы сказала, что все другие формы бабочек были съедены птицами. А двухголовые вымерли. Вы неверно понимаете пример. Изменение цвета произошло не вследствие мутации. У пядениц уже имелся ген темной окраски. И в каждом поколении рождалось некоторое число черных бабочек, но их съедали птицы, и основная часть популяции оставалась белой. А когда деревья почернели, несколько черных пядениц получили преимущество и пополнили популяцию, в то время как белые особи выедались птицами. Вот в чем смысл приведенного вами примера: условия окружающей среды способны влиять на популяцию. Однако это не пример явления мутации. Черный ген присутствовал у пядениц всегда.

Анна улыбалась, глядя на Лизу. Девушка догадалась, что та лишь проверяла ее знания. Лиза рассердилась, но почувствовала, что заинтригована.

— Очень хорошо,— похвалила Анна.— Тогда позвольте мне привести более свежий пример результата эксперимента, проведенного в строго контролируемых лабораторных условиях. Исследователь получил линию бактерий E. coli, или кишечной палочки, не способную усваивать лактозу, молочный сахар. Затем поместил процветающую популяцию бактерий

в чашку Петри с питательной средой, в которой единственным источником пищи была лактоза. Что должно произойти согласно науке?

Лиза пожала плечами.

— Неспособные питаться лактозой бактерии будут голодать, пока не вымрут.

— Именно это и случилось в девяноста восьми процентах чашек Петри с культурой бактерий. Однако два процента продолжали процветать. Они спонтанно мутировали, дав ген усвоения лактозы. В течение одного поколения! Я сочла результат поразительным. Он полностью противоречит принятому взгляду на случайность мутаций. Из всех генов в ДНК кишечной палочки только в двух процентах произошла мутация единственного гена, необходимого для выживания. Почему? Результат эксперимента явно противоречит случайному характеру мутаций.

Лиза признала, что результат необычен:

— Возможно, просто лабораторное заражение.

— При повторении эксперимента получен тот же результат.

Лиза смотрела на Анну с недоверием.

— Я читаю в вашем взгляде сомнение. Что ж, давайте поищем другой пример, отвергающий случайный характер мутаций.

— Какой?

— Вернемся к временам зарождения жизни на Земле, к так называемому первобытному бульону, когда впервые включились движущие силы эволюции.

Лиза вспомнила, как Анна недавно обмолвилась о том, что история Колокола насчитывает много миллионов лет. Лиза ждала новых откровений.

— Повернем часы вспять,— начала Анна,— к тому времени, когда еще не возникла живая клетка. Вспомните догмат Дарвина: все живущее произошло от более простых форм. Так что же было до клетки? До какого уровня мы можем низвести жизнь, не теряя право называть ее жизнью? Живая ДНК?

Хромосома? А может быть, белок или энзим? Где пролегает грань между химией и жизнью?

— Да, вопрос действительно сложный,— призналась Лиза.

— Тогда я задам вам другой. Как жизнь совершила скачок от химического первобытного бульона к первой клетке?

Лиза знала ответ:

— Атмосфера древней Земли была богата водородом, метаном и водяными парами. Добавьте несколько порций энергии, например ударов молний, и эти газы смогут образовать простейшие органические вещества, которые затем, варясь в первобытном бульоне, постепенно образуют молекулы, способные к самовоспроизведению.

— Это подтвердилось лабораторными опытами,— согласилась Анна.— В сосуде, наполненном газами, образовались аминокислоты.

— И возникла жизнь.

— Вы забегаете вперед,— насмешливо прервала ее Анна.— Пока мы только получили аминокислоты, строительные кирпичики. Как мы перейдем от нескольких аминокислот к первому реплицирующему белку?

— Смешайте достаточное количество аминокислот, и постепенно они в правильной последовательности образуют цепочку.

— Случайно?

Лиза молча кивнула.

— Вот мы и добрались до корня проблемы, доктор Камминге. Должна согласиться с вами: *после* того как сформировался первый белок, способный к самовоспроизведению, дарвиновское эволюционное учение начинает играть большую роль. Однако известно ли вам, сколько аминокислот должны выстроиться в определенном порядке для того, чтобы образовался пресловутый первый белок, способный к репликированию?

— Нет.

— Минимум тридцать две аминокислоты. Это самая короткая молекула белка, сохраняющая способность к самовоспроизведению. Вероятность случайного образования такой

молекулы астрономически мала: десять в минус сорок первой степени.

Представив себе это число, Лиза поежилась. Несмотря на глубокую антипатию, ее уважение к Анне росло.

— Рассмотрим эту вероятность в перспективе,— продолжила Анна.— Если взять *весь* белок из *всех* дождевых лесов мира и превратить его в бульон из аминокислот, то и тогда формирование короткой белковой цепочки из тридцати двух кирпичиков осталось бы маловероятным. Точнее говоря, понадобится объем вещества в пять тысяч раз больший, чтобы возникла одна такая цепочка. Пять тысяч всех дождевых лесов Земли! Спрашиваю вас еще раз: как мы перейдем от смеси аминокислот к первому реплицирующему белку?

Лиза в замешательстве покачала головой. Анна с довольным видом скрестила руки на груди.

— Преодоление этой проблемы в эволюционном учении даже Дарвину далось нелегко.

— И все же заполнить пробел рукой Создателя... Это ненаучно,— упрямо возразила Лиза.— Если у нас до сих пор нет ответа на вопрос, это еще не означает, что он относится к области сверхъестественного.

— Я и не говорила про сверхъестественное. Почему вы думаете, что я не знаю ответа?

Лиза ахнула.

— Вы знаете ответ?

— В ходе изучения Колокола несколько десятилетий назад мы сделали открытие, к пониманию которого современные ученые только начинают приближаться.

— Ну?

Лиза подалась вперед, не скрывая интереса.

— Мы назвали явление квантовой эволюцией.

Лиза помнила историю Колокола и нацистских исследований загадочного мира субатомных частиц и квантовой физики.

— Как квантовая теория связана с эволюцией?

— Новая область науки — квантовая эволюция — не только подтверждает теорию акта творения,— заявила Анна.— Она отвечает на фундаментальный вопрос: кто нас создал?

— Вы смеетесь надо мной! Кто же это? Бог?

— Нет.— Анна посмотрела Лизе в глаза.— Мы сами.

Прежде чем Анна продолжила, старый радиоприемник на стене затрещал, и из него послышался знакомый голос Гюнтера:

— Мы выследили предателя и готовы выступать.

7 часов 37 минут
Бюрен, Германия

Грей обогнал старый грузовик, нагруженный сеном, переключил скорость на пятую передачу и заложил последний крутой поворот. С вершины холма открылся прекрасный вид на долину.

— Долина Альме,— произнес Монк, вцепившись в поручень.

Грей сбавил ход. Монк покосился на друга:

— Я вижу, Рейчел преподала тебе урок итальянского стиля вождения.

— Как-то раз в Риме...

— А мы не в Риме.

Ясное дело, не в Риме. Поднявшись на гребень холма, они увидели впереди широкую пойму реки, зеленые луга и леса. У края долины расположился живописный, словно с почтовой открытки, германский городок с узкими кривыми улочками и домами из камня с островерхими черепичными кровлями.

Однако взоры путешественников сразу приковал к себе большой замок, который гордо смотрел сверху вниз на деревню. Трепетавшие на ветру флаги служили украшением для высоких башен. Такой же внушительный и тяжеловесный, как многие его собратья, стоящие на берегах Рейна, замок-крепость был воплощением сказки про заколдованных красавиц и рыцарей на белых жеребцах.

— Если бы Дракула был геем, то жил бы в таком замке,— изрек Монк.

Грей понял, что он имеет в виду. От замка веяло чем-то зловещим. Хотя, быть может, такое впечатление создавали свинцовые тучи, плывущие с севера.

Повезет, если они успеют приехать в деревню до начала грозы.

— Куда теперь? — спросил Грей.

На заднем сиденье Фиона зашуршала картой. Она отобрала ее у Монка и взяла на себя роль штурмана, упрямо храня в тайне адрес места назначения.

— Нужно переехать через мост.

Грей начал спускаться с холма и обогнал длинную вереницу велосипедистов, одетых в пестрые спортивные костюмы. БМВ быстро катил по серпантину дороги и скоро въехал в деревню.

Путешественникам показалось, что они попали в другое столетие. Ни дать ни взять германский Бригадун*. Окна всех домов украшали ящики с цветущими тюльпанами, каждый фронтон заканчивался островерхим щипцом. От главной дороги разбегались в разные стороны мощеные улочки. Путешественники миновали площадь с открытыми кафе и пивнушками; наверняка на эстраде в ее центре местный оркестр каждый вечер исполнял разудалые польки.

Вскоре они переехали через мост и очутились среди лугов и ферм.

— Следующий поворот налево! — неожиданно крикнула Фиона.

Грею пришлось резко притормозить и вывернуть руль. Машину затрясло на неровной дороге. Впереди показались открытые кованые ворота. Грей сбавил скорость.

— Куда мы попали?

— Прибыли на место,— сообщила Фиона.— Отсюда и взялась Библия Дарвина. Это владение Хиршфельдов.

Грей въехал в ворота. С хмурого неба упали первые робкие капли, а через минуту дождь полил как из ведра.

— Вовремя,— крякнул Монк.

У главного здания было всего два этажа, но крутая крыша со шпилями придавала дому величавый вид.

---

* Согласно бродвейскому хиту, фильму 1954 года в жанре фэнтези, Бригадун — волшебная шотландская деревушка, которая появляется из туманов каждые сто лет.

В небе сверкнула молния, зарокотал гром.

Замок, который они видели недавно, высился на вершине лесистого холма позади дома Хиршфельдов. Каменная громада зловеще нависла над поместьем.

— Эй! — послышался крик.

Грей очнулся. Он чуть не наехал на велосипедиста, который быстро шел рядом со своим велосипедом, спасаясь от дождя. Юноша в желтой футболке и велосипедных шортах хлопнул ладонью по крыше автомобиля.

— Смотри, куда едешь, парень!

Фиона не осталась в долгу и тут же опустила стекло окна:

— Отвали, придурок! Сам смотри, куда прешь в своих гейских штанах!

Монк с укором взглянул на нее.

— Малышка напрашивается на свидание...

Грей поставил машину у главного здания. Рядом стоял всего один автомобиль, зато множество горных и гоночных велосипедов. Группка промокших юношей и девушек сгрудилась под навесом, сложив у ног рюкзаки. Заглушив двигатель, Грей услышал, что ребята переговариваются по-испански. Наверное, дом — молодежный отель. Уже пахло пачулями и конопле́й.

Туда ли они приехали?

Грей заранее сомневался, что в доме сыщется что-нибудь стоящее. Однако нужно все проверить.

— Ждите меня здесь,— велел он.— Монк, останься с...

Задняя дверь хлопнула, и Фиона вышла из машины.

— В другой раз,— посоветовал Монк, открывая свою дверцу.— Бери с собой девочку-ангелочка, а не это маленькое чудовище.

Грей поспешил за Фионой.

— Отстань! — крикнула она.

Он догнал девушку на ступеньках крыльца и схватил за руку:

— Держись рядом со мной!

Фиона скорчила сердитую рожицу.

— Говоришь, держись рядом? А сам хотел меня бросить! Сначала в самолете, потом в машине...

Она вырвалась и отворила входную дверь.

Объявляя об их прибытии, прозвонил колокольчик.

Сразу за дверью стояла конторка из красного дерева. Человек за ней поднял голову, оторвавшись от созерцания бумаг. Несмотря на ранний час, в камине догорали поленья. Прихожая была обшита деревянными панелями, а ее пол выложен плиткой. Стены украшали поблекшие фрески, судя по всему, весьма древние. Однако в глаза сразу бросались признаки обветшания: потрескавшаяся штукатурка, пыльные балки, потертые и выгоревшие ковры на полу. Дом явно знавал лучшие времена.

Парень за стойкой, лет восемнадцати-двадцати, кивнул гостям. Крепкий молодой человек, одетый в спортивную рубашку и зеленые брюки, сильно напоминал блондина-первокурсника из рекламного ролика.

— Guten morgen*,— поздоровался юноша.

За дверью прогремел раскат грома.

— Ваш морген не шибко гутен,— пробурчал Монк.

— А, американцы,— догадался юноша.

В его голосе явственно зазвучал холодок.

Грей кашлянул.

— Скажите, это поместье Хиршфельдов?

Глаза юноши удивленно расширились.

— Да, но... Уже лет двадцать как здесь отель для молодежи Бургшлосс. Мой отец Иоганн Хиршфельд получил его в наследство.

Значит, они приехали туда, куда нужно.

Грей глянул на Фиону. Та с деловым видом копалась в своем рюкзаке. Господи, лишь бы Монк оказался прав и в сумке не была припрятана граната!

Грей снова обратился к клерку:

— Скажите, могу ли я поговорить с вашим отцом?

---

* Доброе утро *(нем.)*.

— По какому вопросу?

Холодок в голосе сменила настороженность.

Фиона отпихнула Грея в сторону.

— Вот по этому.

Она шлепнула на конторку знакомую книгу — Библию Дарвина.

Господи, Грей же оставил книгу в самолете, под присмотром охраны. Опять девчонка его провела!

— Фиона! — угрожающе произнес Грей.

— Книга моя!

Юноша взял книгу в руки и пролистал страницы. Похоже, он видел ее впервые.

— Библия? Мы не пускаем проповедников на нашу турбазу.— Он захлопнул книгу и подтолкнул ее к Фионе.— К тому же мой отец еврей.

Раз уж все выплывало наружу, Грей заговорил прямо:

— Эта Библия принадлежала Чарлзу Дарвину. Нам известно, что она была в вашей фамильной библиотеке. Мы хотели бы поговорить о ней с вашим отцом.

Юноша посмотрел на Библию с бóльшим уважением.

— Библиотеку распродали задолго до того, как мой отец унаследовал дом,— медленно проговорил он.— Я слышал от соседей, что наше семейство собирало книги веками...

Он вышел из-за конторки и повел гостей мимо камина к арочному входу в небольшой зал. Одну его стену украшали высокие стрельчатые окна, делавшие помещение похожим на монастырь, вторую занимал огромный камин, в который запросто можно было войти, не наклоняя голову. Длинные столы и скамьи в комнате пустовали. Пожилая женщина в рабочем халате мыла пол.

— Вот здесь располагались библиотека и кабинет. Теперь это столовая нашей турбазы. Отец не хочет продавать поместье, но налоги очень высоки. Полагаю, именно по этой причине и продали библиотеку. Потом отец был вынужден выставить на торги большую часть уникальной старинной мебели. С каждым поколением утрачивается частица истории...

— Какая жалость,— посочувствовал Грей.

Юноша кивнул и отвернулся.

— Позвольте мне предупредить отца. Посмотрим, пожелает ли он говорить с вами.

Спустя несколько минут юноша жестом пригласил их к широкому двустворчатому порталу, отпер замок и придержал дверь, ведущую в частную половину здания.

Райан Хиршфельд привел гостей в оранжерею сплошь из стекла и бронзы. Все помещение было заставлено горшками с папоротниками и бромелиями. Одну из застекленных стен занимали полки с диковинными растениями, часть из которых Монку напомнила сорняки. В глубине оранжереи одинокая пожелтевшая пальма упиралась кроной в застекленную кровлю. Теплица производила безрадостное впечатление и больше смахивала на давно заброшенный сад. Вода мерно капала через трещину в крыше в подставленное ведро.

В центре помещения, в кресле на колесиках, сидел хрупкий старичок, по пояс укрытый пледом, и смотрел на свои владения, по окнам которых струилась дождевая вода. Тусклый свет пасмурного дня придавал окружающему миру нереальный вид.

Райан застенчиво подошел к старику.

— Vater. Hier sind die Leute mit der Bibel*.

— Auf Englisch, Ryan, auf Englisch**.

Старик развернул кресло к вошедшим. Кожа его лица была тонкой, как бумага, дыхание с присвистом вырывалось из горла. Грей догадался, что он болен эмфиземой легких.

На лице сына было написано страдание.

— Я Иоганн Хиршфельд,— представился старик.— Значит, вы приехали, чтобы узнать про старую библиотеку? В последнее время интерес к ней сильно возрос. Несколько десятилетий о ней и не вспоминали. А теперь за один год второй раз спрашивают.

---

* Отец, это люди с Библией *(нем.)*.

** Говори по-английски *(нем.)*.

Грей вспомнил рассказ Фионы о джентльмене, который приходил в магазин Гретты и просматривал картотеку. Наверняка он видел квитанцию на продажу.

— Райан сказал, что одна из книг у вас.

— Библия Дарвина,— подтвердил Грей.

Старик протянул худые руки. Фиона шагнула вперед и положила книгу на его ладони. Мужчина опустил Библию на колени.

— Не видел ее с тех пор, когда был мальчиком,— дребезжащим голосом произнес он и перевел взгляд на сына.— Danke*, Райан. Возвращайся в приемную.

Юноша кивнул, нерешительно отступил назад, потом повернулся и вышел.

Иоганн дождался, когда за сыном закроется дверь оранжереи, и со вздохом опустил взгляд на Библию, открыл обложку, осмотрел фамильное древо Дарвинов.

— Эта Библия всегда считалась в нашей семье самым ценным приобретением. В тысяча девятьсот первом году Британское королевское общество преподнесло ее в дар моему прадеду. В те годы мой предок считался выдающимся ботаником,— тихо произнес старик.— В нашей семье наукой занимались из поколения в поколение. Правда, ничего общего с работами Дарвина... Мы занимаемся ботаникой.— Взгляд старика снова упал на дождь за окном, который поливал его владения.— Дела давно минувших дней. Сейчас нас знают только как владельцев гостиницы.

— Кстати, о Библии,— напомнил Грей.— Не могли бы вы рассказать о ней подробнее? Библиотека всегда располагалась в этом здании?

— Natürlich. Мои предки брали некоторые книги в заграничные полевые экспедиции, однако Библия лишь однажды покинула дом. Я знаю об этом, потому что был здесь как раз в то время, когда она вернулась. Дедушка прислал ее по почте. Вот был переполох.

---

* Спасибо *(нем.)*.

— Почему?

— Я чувствовал, что вы об этом спросите, потому и отослал Райана. Лучше ему не знать.

— О чем?

— Мой дед Гуго сотрудничал с нацистами. И моя тетка Тола тоже. Они были неразлучны. Позднее из сплетен и перешептываний родственников я узнал, что Гуго и Тола участвовали в неких преступных секретных экспериментах. Хотя их обоих по праву считали выдающимися биологами.

— Что за эксперименты?

— Никто не знает. Дед и тетка погибли в самом конце войны. Однако за месяц до этого от деда пришел по почте ящик, где оказалась часть библиотеки, которую он брал с собой. Возможно, дед понимал, что его убьют, и хотел спасти книги. Если быть точным — пять книг.— Старик ткнул пальцем в Библию.— Вот одна из них. Никто не мог мне объяснить, чего он хотел добиться от Библии.

— Может, она была для него частицей дома,— осторожно предположила Фиона.

Иоганн наконец заметил девушку и медленно покачал головой.

— А может, она связывала его с отцом. Этакая печать, подтверждающая верность научного пути...— Старик вздохнул.— Работать на нацистов. Жуткое дело.

Грей вспомнил слова Райана.

— Погодите, но вы же еврей!

— Верно. Однако моя прабабка, мать Гуго, была немкой, да еще со связями. В том числе среди членов нацистской партии. Даже когда начались гитлеровские погромы, нашу семью пощадили. Считали нас Mischlinge, людьми со смешанной кровью. Этого хватило, чтобы избежать смертного приговора. Доказывая преданность Третьему рейху, дед и тетка пошли на службу к нацистам, которые помешались на науке, как белки на орехах.

— Значит, их заставили силой,— уточнил Грей.

Иоганн снова смотрел на грозу за окном.

— Времена были темные. Мой дед отличался необычными взглядами.

— Какими?

Словно не слыша вопроса, Иоганн раскрыл Библию и начал медленно переворачивать ее страницы. Грей заметил пометки на полях, сделанные чернилами. Он указал старику на некоторые непонятные знаки.

— Что это такое?

— Знаете ли вы об обществе Туле? — произнес старик, пропустив вопрос мимо ушей.

Грей покачал головой.

— Общество объединяло группу людей с крайне националистическими взглядами. Мой дед прошел инициацию, когда ему исполнилось двадцать два года, и стал членом Туле. Семья его матери была тесно связана с основателями общества. Эти люди верили в философию Übermensch.

— Übermensch. Сверхчеловек.

— Совершенно верно. Они назвали общество в честь мифической страны Туле, обломка затерянной Атлантиды, цитадели мифической сверхрасы.

Монк неприязненно фыркнул.

— Как я уже говорил,— свистящим голосом продолжал старик,— мой дед придерживался необычных взглядов. В те времена это не было редкостью, особенно в наших местах. Ведь именно в здешних лесах древние тевтонские племена сдержали натиск римских легионеров и обозначили границу между Германией и Римской империей. Члены общества Туле верили, что тевтонские воины были потомками исчезнувшей сверхрасы.

Грей и сам почувствовал притягательность мифа. Если древние германские воины были сверхлюдьми, значит, их потом-

ки, современные немцы, генетически унаследовали качества славных предков.

— Вот откуда взяла начало арийская философия...

— Мифология Туле замешана на мистицизме и оккультных знаниях. Я их так до конца и не понял. Однако дед, как говорили в семье, отличался особой любознательностью. Он вечно занимался разгадыванием исторических тайн, необычных загадок. Все свободное время дед посвящал развитию остроты ума — мнемоническим опытам, разгадке головоломок вроде составных картинок-загадок. Потом добрался до оккультных наук и принялся искать реальную основу мистических рассказов. Скоро безобидное занятие превратилось в навязчивую идею.

Рассеянно листая Библию, старик дошел до последней страницы и внимательно изучил внутреннюю сторону задней обложки.

— Странно,— пробормотал он по-немецки.

Грей заглянул через его плечо.

— Что-то не так?

Старик провел костлявым пальцем по внутренней поверхности обложки. Открыл начало книги, потом снова вернулся к концу.

— Фамильное древо Дарвинов было нарисовано на внутренней стороне не только передней, но и задней обложки. Я был ребенком, однако помню это отчетливо.— Иоганн поднял Библию.— Фамильное древо на задней обложке исчезло.

— Покажите-ка.

Грей забрал книгу и осмотрел внутреннюю сторону задней обложки. Фиона и Монк так и впились в книгу взглядами.

Грей провел пальцем по переплету и все понял.

— Смотрите, здесь видно, что кто-то срезал задний форзац и наклеил его на внутреннюю сторону обложки.— Он обратился к Фионе: — Может быть, это сделала Гретта?

— Чепуха, она скорее порезала бы «Мону Лизу».

Ну, раз не Гретта... Грей посмотрел на Иоганна.

— Я уверен, что никто из нашей семьи этого не делал. Библиотеку продали всего через несколько лет после окончания

войны. После того как Библию по почте доставили сюда, к ней никто не прикасался.

Значит, Гуго Хиршфельд...

— Нож,— коротко приказал Грей, шагнув к столу.

Монк вытащил из рюкзака швейцарский армейский нож, раскрыл его и протянул Грею. Тот кончиком лезвия поддел края заднего листка и отогнул уголки кверху. Толстый форзац отошел легко, приклеенный только по углам.

Иоганн подъехал на кресле к столу. Для того чтобы увидеть, чем занят Грей, ему пришлось приподняться, опираясь на руки.

Осторожно отделив наклеенный листок от обложки, Грей обнажил картонную поверхность. На ней оказалась аккуратно прорисованная вторая половина фамильного древа Дарвинов. Старик сказал правду.

— Ужасно,— поразился Иоганн.— Зачем дед так надругался над Библией?

Поверх фамильного древа, глубоко вдавливая перо в картон, неизвестный человек чернилами изобразил символ:

Теми же чернилами ниже была написана единственная фраза:

«Gott, verzeihen mir».

— Господи, прости меня,— перевел Грей.

Монк ткнул в непонятный символ.

— Что это за штука?

— Руна,— с презрительной гримасой ответил Иоганн, опускаясь в кресло.— Еще одно безумное увлечение деда.

Грей обернулся к старику, и тот пояснил:

— Общество Туле верило в магическую силу рун. Древнескандинавские символы ассоциировалось с былым могуществом и обрядами. Взяв на вооружение философию Туле, нацисты приняли и мистицизм рунических знаков.

Грей слышал о нацистской символике и ее связи с рунами, но что именно означает знак на обложке?

— Вы знаете значение символа? — спросил он старика.

— Нет. Изучение рун — не самое спокойное занятие для немецкого еврея в послевоенное время.— Иоганн развернул кресло и покатил прочь. Раскаты грома гремели одновременно и вдалеке, и прямо над головой.— Я знаю, кто может вам помочь. Куратор музея.

Грей закрыл Библию и подошел к Иоганну.

— Какого музея?

Ослепительный разряд молнии расколол небо и озарил оранжерею мертвенным светом. Иоганн воздел костлявый палец. Грей поднял голову и в угасающем сиянии молнии увидел темную махину замка, окутанного зыбкой вуалью дождя.

— Исторический музей Падерборна, расположенный в замке, открыт,— пояснил старик.— Кураторам точно известно значение рун.

— Почему? — уточнил Грей.

Иоганн уставился на него, как на дурачка.

— Кому же знать, если не им? Это замок Вевельсбург.— Не увидев в глазах Грея понимания, старик со вздохом пояснил: — Черный Камелот Гиммлера. Оплот нацистской организации СС.

— *Я угадал, замок и вправду принадлежал Дракуле,*— пробормотал Монк.

— В семнадцатом столетии,— продолжил Иоганн,— здесь судили ведьм. Тысячи женщин подверглись пыткам, почти всех их казнили. Во времена Гиммлера тысяча двести евреев из лагеря смерти Нидерхаген погибли во время реконструкции замка. Проклятое место. Лучше бы замок разрушили.

— А почему в здешнем музее должны знать про руны?

Грею хотелось отвлечь раздраженного старика, голос которого постепенно слабел.

— Генрих Гиммлер входил в общество Туле и очень увлекался изучением рун. Так мой дед и привлек к себе внимание рейхсфюрера. Их объединяла страсть к руническим письменам.

Грей чувствовал, как разные концы событий сходятся в единой связующей их точке — оккультном обществе Туле.

Иоганн утратил интерес к Грею и покатил прочь.

— Благодаря тому, что у деда и Гиммлера были общие интересы, рейхсфюрер даровал прощение нашей семье, людям со смешанной кровью. Мы избежали концентрационных лагерей.

«Благодаря Гиммлеру».

Грей понял причину гнева старика и то, почему он отослал сына из оранжереи. Иоганн хотел, чтобы темное пятно на биографии семьи осталось для Райана тайной. Старик неподвижно сидел и смотрел на грозу.

Грей взял Библию и указал попутчикам на дверь.

— Danke,— поблагодарил он старика.

Глубоко задумавшись, Иоганн не ответил.

Грей с друзьями снова вышли на крыльцо. Низкое небо продолжало поливать дождем. Двор опустел. Сегодня никто не станет кататься на велосипедах и не пойдет в поход.

— Бежим!

Грей кинулся к машине.

— Погодка в самый раз для штурма средневекового замка,— саркастически изрек Монк.

Пересекая двор, Грей заметил, что рядом с их машиной припарковалась еще одна. Внутри никого не было. Дождевые капли тут же испарялись, падая на горячий капот. Наверное, красивый белоснежный «мерседес» только что приехал.

9

САБОТАЖНИК

12 часов 32 минуты
Гималаи

— Откуда поступил сигнал? — спросила Анна.

После сообщения Гюнтера женщина тут же ворвалась в мастерскую. Она явилась одна, сказав, что Лиза пожелала остаться в библиотеке, чтобы закончить поиски. Пейнтер же подумал про себя, что Анна предпочитает держать пленников порознь.

Хорошо уже то, что Лиза сейчас далеко от опасности. Особенно в том случае, если им действительно удалось выследить саботажника.

Склонившись над экраном ноутбука, Пейнтер массировал кончики пальцев рук. Под ногтями зудело. Он перестал тереть пальцы и указал на трехмерную схему замка.

— Вот здесь.— Пейнтер ткнул в точку на экране. Он был удивлен, узнав, какое большое пространство занимает замок внутри горы. Помещения располагались даже у вершины. Сигнал поступил из самого отдаленного уголка.— Саботажнику необходимо открытое место для использования спутникового телефона.

Анна выпрямилась и с тревогой взглянула на брата.

— Там вертолетная площадка.

Гюнтер кивнул.

Изображение из пульсирующих линий внезапно исчезло с экрана.

— Конец связи,— объяснил Пейнтер.— Нужно действовать быстро.

Анна обратилась к Гюнтеру:

— Пусть люди Клауса срочно перекроют вертолетную площадку.

Гюнтер схватил со стены телефонную трубку и передал приказ окружить территорию. План предполагал повальный обыск в зоне сигнала и арест того, в чьем распоряжении есть спутниковый телефон, запрещенный в Гранитшлоссе.

Анна повернулась к Пейнтеру.

— Благодарю вас за помощь.

— Готов помогать и в дальнейшем.— Пейнтер печатал на ноутбуке. Он запомнил номер, появившийся на экране, подсоединил к ноутбуку свое самодельное устройство и выпрямился.— Однако для этого мне понадобится один из ваших портативных спутниковых телефонов.

— Я не могу оставить вас здесь с телефоном.

Анна помассировала висок, морщась от головной боли.

— И не нужно меня оставлять здесь. Я поднимусь с вами на вертолетную площадку.

Гюнтер шагнул вперед, нахмурившись сильнее обычного. Анна махнула рукой.

— На споры нет времени.

Брат и сестра молчали, понимая, что с Пейнтера нельзя спускать глаз. Анна вышла из мастерской первой. За ней вышел Пейнтер, по-прежнему массируя пальцы. Ногти жгло огнем. Он впервые присмотрелся к ним, ожидая увидеть покрасневшие и воспаленные лунки. Однако, к его удивлению, ногти наоборот побледнели. Обморожение?

Гюнтер передал ему один из телефонов и, заметив, что Пейнтер рассматривает пальцы, протянул руку. Пейнтер сначала не понял зачем, но вдруг заметил, что на трех пальцах Гюнтера нет ногтей.

Гигант опустил руку и потопал за Анной.

Пейнтер несколько раз сжал и разжал пальцы. Так значит, это не обморожение. Квантовая болезнь развивается. Он вспомнил, как Анна рассказывала о последствиях воздействия Колокола на подопытные организмы: потеря пальцев на руках и ногах, ушей. Похоже на проказу.

По пути к отдаленному району горного замка Пейнтер присматривался к Гюнтеру. Гигант прожил здесь всю свою жизнь. Хроническое заболевание, потеря органов, потом безумие... Пейнтера ждет то же самое, только в ускоренном темпе. Будто читаешь толстый роман в изложении «Ридерз дайджест». Пейнтер признался самому себе, что такая перспектива его пугает. Больше всего он боялся безумия.

Сколько ему осталось?

Гюнтер словно прочитал его мысли.

— Я не позволю, чтобы это случилось с Анной,— вполголоса сказал гигант.— Я сделаю все, чтобы остановить болезнь.

Пейнтер вспомнил, что Гюнтер и Анна — родные брат и сестра. Они действительно были похожи: одинаковый изгиб губ, форма подбородка и бровей. Родная кровь. Однако на этом сходство заканчивалось. Темные волосы и изумрудно-зеленые глаза Анны представляли резкий контраст с бесцветной внешностью брата. В жертву принесли только одного ребенка. Лишь Гюнтер, последний рыцарь Короля-солнца, родился под Колоколом.

Пробираясь по коридорам и лестницам, Пейнтер открыл заднюю крышку телефона, извлек батарейку и быстро подсоединил свое устройство к проводку антенны. Достаточно короткого сообщения, всего несколько секунд.

— Что это? — спросил Гюнтер.

— Устройство обнаружения спутниковой связи. Оно зафиксирует телефонный канал саботажника, когда он попытается куда-нибудь позвонить.

Гюнтер поверил.

Ступеньки закончились, впереди открылось широкое пространство. Старая железная дорога тянулась к сердцу горы. Вдалеке была видна вертолетная площадка, умышленно устроенная далеко от главных покоев замка. Путники сели

на грузовую платформу. Гюнтер отжал ручной тормоз и, вдавив педаль, запустил электромотор. Пейнтер ухватился за ограждение, и платформа поехала по скудно освещенному туннелю.

— Да у вас тут свое метро,— заметил Пейнтер.

— Для перевозки грузов.

Анна постоянно морщилась от боли. По дороге она приняла две таблетки. Наверное, болеутоляющие.

Проехали мимо многочисленных складских помещений, забитых бочками, ящиками и коробками, а через несколько минут достигли терминала. Воздух стал горячим, запахло дымом и серой. Сойдя с платформы, они почувствовали, как от глубинного гула вибрируют каменные стены и пол под ногами. Пейнтер, умудрившийся украдкой посмотреть на план замка, знал, что где-то внизу находится геотермальная электростанция.

Однако они отправились не вниз, а вверх.

Отсюда начинался пандус, достаточно широкий для того, чтобы по нему мог проехать «хамви»*. Дошли до пещеры, с потолка которой через открытые стальные дверцы лился свет. Помещение напоминало склад коммерческого аэродрома: повсюду краны, автопогрузчики, тяжелое оборудование. В центре красовалась пара вертолетов, оборудованных для высокогорных полетов. Один — белый, второй — черный. Пейнтеру они напомнили злобных шершней.

Клаус, неуклюжий Sonnekönige, заметил появление подкрепления и пошел навстречу.

— Все в порядке,— по-немецки отрапортовал он Анне и кивнул на шеренгу мужчин и женщин, притихших под неусыпной охраной вооруженных солдат.

— Никто не сбежал? — уточнила Анна.

— Нет. Мы хорошо подготовились.

Анна расставила по залу четырех Sonnekönige, готовых схватить предателя, если тот вздумает бежать. Однако такая

---

* Американский военный внедорожник.

активная деятельность могла спугнуть саботажника; другого шанса обнаружить предателя не представится.

Анна тоже понимала это. Она нерешительно прошла по пещере.

— Вы нашли?

Анна споткнулась, покачнулась, и Гюнтер подхватил сестру, тревожно глядя на нее.

— Со мной все в порядке,— пробормотала она, оттолкнув его руку.

— Мы всех обыскали,— доложил Клаус, делая вид, что не заметил ее слабости.— Ни телефон, ни другие устройства не обнаружены. Начали обследовать вертолетную площадку.

Анна нахмурилась: этого она и боялась. Вместо того чтобы носить телефон при себе, саботажник после сеанса связи мог легко спрятать его.

Или Пейнтер допустил ошибку в расчетах. В таком случае он должен восстановить свое доброе имя.

Пейнтер шагнул к Анне и поднял самодельное устройство.

— Я мог бы ускорить процесс поиска телефона.

Она посмотрела на Пейнтера с подозрением, но выбирать не приходилось. Анна кивнула.

Он поднял спутниковый телефон и набрал номер, который сохранил в памяти. Девять цифр. Ничего не произошло. Все смотрели на него.

Он набрал номер еще раз.

Снова никакого результата.

Может быть, он неправильно запомнил номер?

— Что там? — по-немецки спросила Анна.

Пейнтер пристально всматривался в цифры на маленьком экране телефона. Он снова и снова проверял их и нашел ошибку.

— Я перепутал две последние цифры, поменял их местами.

Покачав головой, Пейнтер набрал номер заново. На этот раз последовательность оказалась верной. Анна встретилась с ним взглядом: она понимала, что ошибка произошла не только из-за стресса.

А ведь он набирал всего лишь телефонный номер!

Правда, очень важный.

Система Пейнтера приняла номер спутникового телефона саботажника. Он нажал на кнопку и поднял глаза.

Через долю секунды в пещере громко зазвонил телефон.

Все глаза повернулись к Клаусу.

Рыцарь Короля-солнца бессознательно сделал шаг назад.

— Вот ваш саботажник,— объявил Пейнтер.

Клаус открыл рот, как будто собирался возразить, но вместо этого лицо его исказила ярость, и он выхватил пистолет.

Гюнтер успел на мгновение раньше. Из дула его МК-23 вырвалось короткое пламя, грохнул выстрел. Клаус выронил пистолет, от которого рикошетом отлетела пуля Гюнтера.

Гюнтер бросился вперед и приставил дымящийся пистолет к щеке брата. Раздалось тихое шипение — раскаленное железо прижгло кожу. Клаус даже глазом не моргнул. Гюнтер понимал, что предатель нужен живым. В голове вертелся только один вопрос...

— Warum? — проревел он.— Почему?

Клаус уставился на брата единственным здоровым глазом. Веко второго уехало вниз вместе с парализованной половиной лица, придав его ухмылке зловещее выражение. Клаус сплюнул на землю и ответил:

— Чтобы положить конец унизительному правлению Прокаженного короля.

Долго сдерживаемая ненависть выплеснулась наружу. Пейнтер мог только вообразить, как ярость, словно плесень, годами разъедала душу Клауса. Сколько лет над его разрушающимся телом издевались, сколько насмешек он выслушал! Бывший принц стал прокаженным. И все-таки не только жажда мести толкнула Клауса на предательство. Его сумели превратить в шпиона. Но кто это сделал?

— Брат,— сказал Клаус, глядя в глаза Гюнтеру,— все должно было быть иначе. Нельзя жить, зная, что ты наполовину мертвец. Лечение существует. Мы можем снова стать *королями и править нашим народом.*

Так вот почему Клаус продался: ему обещали исцеление.

Гюнтер остался непоколебим.

— Ты мне не брат,— прорычал он.— А я никогда не был королем.

Пейнтер ясно увидел разницу между двумя рыцарями Короля-солнца. Клаус на десять лет старше. Значит, он рос в замке как принц. Гюнтер, напротив, родился тогда, когда эксперимент подходил к концу, и с самого начала был прокаженным. Другой жизни Гюнтер не знал.

Было и еще одно, главное различие между ними.

— Своим предательством ты приговорил Анну к смерти,— произнес Гюнтер.— И я добьюсь, чтобы ты и те, кто тебе помогали, поплатились.

— Ее тоже можно вылечить, я могу все организовать,— попытался убедить брата Клаус.

Гюнтер прищурился.

Клаус почувствовал, что брат заколебался. Гюнтер пойдет на все ради сестры.

— Она не должна умереть.

Пейнтер вспомнил слова Гюнтера: «Я не допущу, чтобы это случилось с Анной. Я сделаю все, чтобы остановить болезнь». Пойдет ли он ради спасения сестры на предательство?

— Кто обещал тебе излечение? — жестко спросила Анна.

Клаус рассмеялся.

— Великие люди, а не слюнтяи, в которых вы здесь превратились. Правильно сделали, что от вас избавились. Вы свою роль сыграли и больше не нужны.

Внезапно раздался громкий хлопок: детонировала батарейка, произошло короткое замыкание самодельного устройства в спутниковом телефоне, с помощью которого обнаружили предателя. Пейнтер выронил дымящийся телефон из обожженных пальцев и посмотрел вверх, на дверцы вертолетной площадки, надеясь, что времени для передачи хватило.

Все посмотрели на Пейнтера, в том числе и Гюнтер.

Воспользовавшись мгновением замешательства, Клаус выхватил охотничий нож и прыгнул к Гюнтеру. Тот выстрелил и попал предателю в живот. Падая, Клаус пронзил ножом плечо Гюнтера.

С судорожным вздохом Гюнтер отшвырнул брата.

Клаус упал и с трудом перевернулся на бок, прижимая здоровую руку к животу. Из раны текла ярко-красная кровь. Пуля повредила жизненно важные органы.

Анна кинулась к Гюнтеру, чтобы осмотреть его рану. Тот резко оттолкнул ее, по-прежнему держа Клауса под прицелом. Кровь из его руки капала на камни пола.

Клаус хрипло захохотал.

— Вы все умрете! Задохнетесь, как только узел затянется!

Он судорожно кашлянул, и кровь хлынула струей. По-прежнему ухмыляясь, Клаус потерял сознание и испустил последний вздох.

Гюнтер позволил Анне перетянуть рану обрывком ткани. Остальные люди, переговариваясь, столпились вокруг. В их глазах были надежда и страх. Все слышали слова Клауса о том, что лечение возможно.

Анна подошла к Пейнтеру.

— Я прикажу нашему специалисту обследовать спутниковый телефон Клауса. Может быть, он выведет нас на руководителей саботажа.

— Времени маловато...

Пейнтер думал о своем, пытаясь связать воедино выскользающие из рук нити.

Меряя шагами каменный пол, он повторял про себя слова, которые вырвались у Клауса.

«Мы можем снова стать королями».

«Вы сыграли свою роль и больше не нужны».

Клауса могли завербовать как двойного агента, втянув в промышленный шпионаж. Скорее всего, это сделали люди, занимающиеся параллельными исследованиями. Теперь работа в замке стала не нужна, и конкуренты решили уничтожить соперников.

— Неужели он говорил искренне? — произнес Гюнтер.

Пейнтер помнил, как Гюнтер колебался, клюнув на приманку Клауса. Что, если лекарство от квантовой болезни есть? Теперь надежды на исцеление умерли вместе с Клаусом.

Анна опустилась на колено и вытащила из кармана Клауса маленький телефон.

— Нужно действовать быстро.

— Вы нам поможете? — спросил Гюнтер у Пейнтера, кивнув на телефон.

Единственная надежда — отыскать того, кто говорил с Клаусом.

— Если бы удалось отследить звонок...— произнесла Анна, поднявшись с колен.

Пейнтер покачал головой, но не потому, что отказывал в помощи. Он прижал ладони к глазам: в голове пульсировала боль, мигрень разрывала мозг на части.

Анна подошла ближе и тронула его за локоть:

— Это относится к нашему главному...

— Знаю,— резко прервал ее Пейнтер.— Замолчите! Дайте подумать.

Рука Анны упала.

Наступила напряженная тишина. Пейнтер тщетно пытался вытащить со дна своего сознания то, что мозг отказывался выдать. Совсем как тогда, когда он поменял местами последние цифры в телефонном номере. Где же хваленый острый ум, который всегда выручал Пейнтера?

— Спутниковый телефон... что-то, связанное со спутниковым телефоном,— шептал он, пытаясь усилием воли побороть мигрень.— Но что именно?

Анна осторожно спросила:

— Что вы имеете в виду?

И тут Пейнтера осенило. Как мог он быть таким слепым?

Он опустил руки и открыл глаза.

— Клаус знал, что замок находится под спутниковым наблюдением. Так зачем же он вообще звонил? Чтобы выдать себя? Для чего он так рисковал?

Он похолодел от ужаса и резко повернулся к Анне.

— Слухи о том, что осталась запасная бочка с ксерумом-525... Одни ли мы знали о том, что слух ложный и на самом деле жидкого металла больше нет?

Все ахнули, услышав слова Пейнтера. Раздались истерические крики. Ложный слух зародил в людских сердцах надежду на то, что второй Колокол будет построен и все спасутся. Теперь надежды рухнули.

— Правду знал только Гюнтер.

Анна подтвердила худшие подозрения Пейнтера.

Кроу смотрел на вертолетную площадку, мысленно восстанавливая схему замка. Теперь он понимал, зачем Клаус позвонил и почему он звонил именно отсюда. Предатель думал, что прятаться не придется, считая, что даже телефон его не выдаст. И место он выбрал не случайно.

— Анна, когда распустили ложный слух, как вы объяснили, почему ксерум-525 уцелел во время взрыва?

— Я сказала, что он надежно спрятан в склепе.

— В каком?

— Вдалеке от места взрыва, у меня в кабинете. А в чем дело?

В противоположной части замка.

— Нас обманули,— сообщил Пейнтер.— Клаус звонил отсюда, зная, что все прослушивается. Он специально заманил нас сюда, чтобы отвлечь внимание от вашего кабинета, от секретного склепа, где, как он думал, спрятан контейнер с ксерумом-525.

Анна непонимающе покачала головой.

— Звонок Клауса — ловушка. Истинной целью злоумышленников с самого начала был несуществующий контейнер с ксерумом-525.

Глаза Анны широко раскрылись от изумления.

— Значит, есть и второй предатель.

— Пока нас здесь водили за нос, сообщник Клауса добывал ксерум-525.

— Мой кабинет,— пролепетала Анна, глядя на Пейнтера.

Ослепляющий страх пронзил его, словно удар ножа: он вспомнил, кто находится сейчас в кабинете Анны.

Лиза изучала верхний ярус библиотеки. По кованой лестнице девушка поднялась на шаткий железный балкон и обошла комнату по кругу, придерживаясь рукой за перила.

Целый час она подбирала книги и записи по квантовой механике, даже нашла оригинал монографии Макса Планка, отца квантовой теории, описавшего поразительный мир элементарных частиц. Мир, в котором энергию можно разбить на крошечные доли, кванты, и где вещество ведет себя одновременно и как частица, и как волна.

Только какое отношение эта теория имеет к эволюции?

Протянув руку, Лиза взяла с полки книгу, вглядываясь в выцветшие буквы переплета. Тот ли том она ищет?

Краем глаза девушка заметила у охраняемой снаружи двери какое-то движение. Возвратилась Анна? Нашли ли саботажника?

Лиза пошла по направлению к лестнице, мечтая о том, чтобы вместе с Анной пришел Пейнтер. Она не хотела с ним разлучаться. К тому же он, наверное, сможет объяснить смысл этой странной теории о веществе и энергии.

Лиза начала спускаться с балкона, как вдруг резкий вскрик за дверью приковал ее к месту. Девушка инстинктивно отпрянула, распласталась на кованом полу балкона и отползла к стеллажам. Решетчатый пол был никудышным прикрытием.

Дверь открылась и снова закрылась. В комнату проскользнула женщина в белоснежной парке. Однако это была не Анна. Женщина скинула капюшон и развязала шарф. На ее плечи упали длинные белые волосы. Бледная незнакомка походила на привидение.

Лиза решила затаиться, пока не узнает наверняка, друг это или враг.

Женщина-призрак спокойно осматривалась, от нее так и веяло самоуверенностью. На белой куртке алело кровавое пят-

но. В руке женщина сжимала изогнутую катану — короткий японский меч. С его лезвия на ковер упала капля крови.

Плавно, слово в танце, женщина сделала круг по комнате. Так кружит зверь вокруг добычи. Лиза старалась не дышать, надеясь, что ее не заметят. Немногочисленные светильники и камин освещали только нижний этаж библиотеки. Полено в камине треснуло, рассыпав искры, взвились язычки пламени, но балкон остался в тени.

Незваная гостья, стоя посередине комнаты, еще раз осмотрела кабинет, держа наготове окровавленную катану.

Убедившись, что опасности нет, снежно-белая блондинка быстро подошла к столу Анны. Оставила без внимания стопки книг и бумаг, повернулась к стене и отодвинула в сторону тяжелый гобелен. Под ним скрывался черный стальной сейф.

Зацепив край гобелена за стенной крюк, женщина опустилась на колени и принялась изучать цифровой замок, ручку и дверцу.

Увидев, что незнакомка поглощена осмотром сейфа, Лиза перевела дух. Пусть грабительница совершит то дело, ради которого явилась, и уйдет. Если она убила охранников, можно этим воспользоваться. Только бы добраться до телефона... Вторжение женщины-призрака, возможно, принесет пользу.

Лиза вздрогнула: с полки над ее головой свалилась большая книга и с громким стуком упала прямо на решетчатый пол балкона.

Женщина в белом прыгнула в центр комнаты. В ее руке, словно из воздуха, появился пистолет.

Призрак целился в Лизу.

9 часов 18 минут
Бюрен, Германия

Грей рывком открыл дверь машины и почти нырнул в кабину, как вдруг услышал крик. К автомобилю, укрывшись под зонтом, спешил Райан Хиршфельд. Грянул гром, и дождь с новой силой хлынул с неба.

— Скорей в машину,— велел Грей Монку и Фионе, а сам обернулся к Райану.

Молодой человек поднял зонт повыше, чтобы укрыть от дождя обоих.

— Вы хотите поехать в замок, в Вевельсбург? — спросил он.

— Да, а в чем дело?

— Подбросите меня?

— Не думаю...

— Вы расспрашивали про моего прадедушку Гуго,— перебил Райан.— Я вам кое-что расскажу, а вы довезете меня до замка.

Грей колебался. Неужели юноша подслушал разговор с Иоганном? Да и что может знать Райан, о чем не известно его отцу? Однако парень смотрел на Грея с такой прямотой во взгляде, что Пирс сдался и открыл перед ним заднюю дверцу.

— Danke.

Райан сложил зонт и уселся рядом с Фионой.

Через минуту они покинули поместье.

— А кто за лавкой присмотрит? — спросил Монк, повернувшись к Райану.

— Алисия подежурит вместо меня,— объяснил парень.— Все равно из-за грозы все сидят у камина.

Грей рассматривал юношу в зеркале заднего вида. Райан заметно нервничал.

— Так о чем вы хотели нам рассказать? — напомнил ему Грей.

Райан встретил в зеркале взгляд Грея, проглотил слюну и кивнул.

— Отец думает, что я ничего не знаю о прадедушке Гуго. Считает, что прошлое лучше похоронить. Однако об этом прошлом все сплетничают, да и про тетку Толу тоже.

Грей понял. Семейные тайны рано или поздно всплывают на поверхность, как бы их ни прятали на самом дне. По глазам парня было видно, что ему не давало покоя любопытство. Он хотел знать все о своих предках.

— Вы тоже занимаетесь изучением прошлого? — уточнил Грей.

Райан кивнул.

— Уже три года. Следы ведут в то время, когда снесли Берлинскую стену и распался Советский Союз.

— Не понимаю.

— Помните, Россия рассекретила свои документы?

— Предположим, помню, дальше что?

— Так вот, когда реконструировали Вевельсбург...

— Секундочку! — встряла Фиона.

Она скрестила руки на груди, возмущенная вторжением чужака. Грей поймал косые оценивающие взгляды, которые девушка бросала на Райана, и подумал: «Интересно, бумажник еще у него?»

— Этот отвратительный замок восстанавливали? — спросила Фиона.

Райан кивнул, и в эту минуту на гребне холма появились очертания Вевельсбурга. Грей свернул на Бургштрассе, ведущую к замку.

— В конце войны Гиммлер его взорвал, уцелела только Северная башня. Потом замок был восстановлен. Одну его часть занимает музей, в другой сейчас находится молодежная гостиница. Отец до сих пор не может успокоиться.

Грей понимал, в чем причина.

— В тысяча девятьсот семьдесят девятом году строительство закончили,— продолжал Райан.— Все директоры музея засыпали правительства бывших союзников письмами с просьбой вернуть документы и реликвии, связанные с замком.

— И в Россию писали? — спросил Монк.

— Естественно. Когда рассекретили многие документы, тогдашний директор музея послал в Россию работников архива. Через три года они вернулись с огромным количеством рассекреченных документов, которые касались русской кампании в наших краях. Архивариусы составили длинный перечень имен, чтобы продолжить поиски в русских архивах. В том списке был и мой предок Гуго Хиршфельд.

— Почему он попал в список?

— Он принимал активное участие в деятельности общества Туле в Вевельсбурге, имел известность в узких кругах как

знаток рунических надписей, даже переписывался с Карлом Вилигутом, личным астрологом Гиммлера.

Грей вспомнил трезубый символ в Библии.

— Архивные работники привезли несколько ящиков материалов, касающихся лично моего прадеда. Отцу об этом сообщили, но он ни под каким видом не соглашался участвовать в их исследовании.

— А вы поинтересовались, что было в документах? — уточнил Монк.

— Мне хотелось понять, почему...— ответил Райан.— Узнать, что произошло...

Он покачал головой.

У прошлого крепкая хватка, из его лап непросто вырваться.

— Что вам удалось выяснить?

— Не так много. В одном из ящиков были материалы исследований нацистской лаборатории, где работал мой предок. Он дослужился до чина руководителя проекта.— В голосе Райана звучало презрение.— Тему исследований, наверное, так и не рассекретили. Большая часть бумаг оказалась личной перепиской с друзьями и членами семьи.

— Вы прочли все документы?

Райан кивнул.

— Достаточно, чтобы понять, почему из-за некоторых экспериментов моего прадеда начали мучить угрызения совести. Однако сбежать он не мог.

— Его заставили остаться? — предположила Фиона.

Райан с жалким видом покачал головой и тяжело вздохнул.

— Мне кажется, дело в самом проекте... Он не мог его бросить. Такое впечатление, что проект притягивал его и вызывал отвращение одновременно.

Грею показалось, что сам Райан испытывает те же чувства к прошлому своего предка.

Монк наклонил голову вбок и громко хрустнул шейными позвонками.

— И как, по-вашему, это связано с дарвиновской Библией? — спросил он.

— Я нашел записку, адресованную тетке Толе,— ответил Райан.— В ней говорилось о ящике с книгами, которые прадед отправил в поместье. Я не забыл о записке, потому что в ней были довольно странные слова.

— Какие?

— Письмо находится в музее. Вам, наверное, захочется получить его копию.

— А вы не помните, о чем была записка?

Райан нахмурился, припоминая:

— Всего пара строк: «Дорогая Тола, совершенство можно отыскать, оно скрыто в моих книгах. Истина слишком прекрасна, чтобы позволить ей умереть, и слишком ужасна, чтобы предоставить ей свободу».

В автомобиле наступила тишина.

— Через два месяца он умер.

Грей обдумывал услышанные слова. «Скрыто в моих книгах». Перед самой смертью Гуго отправил домой пять книг. Для чего? Хотел сохранить важную тайну? Сберечь то, что было «слишком прекрасно, чтобы позволить умереть, и слишком ужасно, чтобы предоставить свободу»?

Пристально глядя на Райана в зеркало заднего вида, Грей спросил:

— Вы кому-нибудь рассказывали о своей находке?

— Никому, кроме одного пожилого джентльмена, который приезжал в этом году с племянником и племянницей, чтобы поговорить с отцом о книгах. Они уже бывали здесь, искали что-то в архиве, в бумагах прадеда. Думаю, они прочитали ту записку и пришли, чтобы выяснить подробности у моего отца.

— Те двое... племянник и племянница... Как они выглядели?

— Белые волосы, высокие, спортивные. Хорошей породы, как говаривал дедушка.

Грей и Монк переглянулись.

Фиона нервно откашлялась и спросила, указав на свою руку:

— А не было у них татуировки, вот здесь?

Райан медленно кивнул.

— По-моему, была. Отец отослал меня из комнаты. Как сегодня, при разговоре с вами. Есть вещи, о которых не говорят при детях,— криво улыбнулся юноша.— Вы знаете этих людей?

— Конкурирующая фирма,— ответил Грей.— Такие же коллекционеры, как мы.

Судя по настороженному выражению лица Райана, он не поверил Грею, однако больше ничего выяснять не стал.

Грей все думал про руну, нарисованную на задней обложке Библии. Интересно, есть ли в других четырех книгах подобные тайные символы? Связаны ли знаки с секретными нацистскими исследованиями Гуго? Не в них ли кроется тайна? Вряд ли беловолосые убийцы покажутся здесь и начнут рыться в бумагах. Если только они не ищут какие-нибудь сверхважные сведения. Чего хотят эти люди?

Монк все посматривал назад. Потом сел прямо и чуть слышно спросил:

— Ты знаешь, что за нами хвост?

Грей молча кивнул.

Позади них, совсем недалеко, холмистую местность преодолевал автомобиль. Тот самый, который они видели недавно в поместье: жемчужно-белый «мерседес». Возможно, это всего лишь собратья-туристы, решившие посетить с экскурсией замок Вевельсбург?

— Исаак, стоит ли подъезжать так близко?

— Они нас уже засекли, Ишке.— Он кивком указал на БМВ, что катил впереди.— Заметила, как аккуратно стали поворачивать?

— Ты специально не даешь им расслабиться?

Исаак повернулся к сестре.

— Когда дичь нервничает, охота доставляет больше удовольствия.

— Думаю, Ганс с тобой не согласился бы,— промолвила девушка.

Исаак погладил пальцем руку Ишке, чтобы показать, что разделяет грусть сестры и просит прощения.

— Другой дороги здесь нет, только та, по которой мы едем. В замке все подготовлено. Остается только загнать их в ловушку. Если они то и дело оглядываются на нас через плечо, значит, мало обращают внимания на то, что творится прямо под носом.

Ишке одобрительно кивнула.

— Самое время закончить дело и возвратиться домой,— добавил он.

— Домой,— эхом повторила она и вздохнула.

— Миссия подходит к концу. Надо постоянно помнить о цели, Ишке. Смерть Ганса не была напрасной, пролитая им кровь возвестила о начале новой эры в обновленном мире.

— Так говорит отец.

— И ты знаешь, что это правда.

Он снова склонил к ней голову. Ее губы изогнулись в усталой улыбке.

— Осторожнее, Ишке. Кровь...

Сестра посмотрела на длинное стальное лезвие кинжала, которое рассеянно протирала белой замшей. Алая капля чуть было не упала с порезанного пальца на ее колено, обтянутое белоснежной тканью брюк. Осталось совсем немного.

— Спасибо, Исаак.

13 часов 22 минуты
Гималаи

Лиза неотрывно смотрела на пистолет.

— Wer ist dort? Zeigen Sie sich!* — крикнула беловолосая женщина.

Лиза не знала немецкого, но сразу поняла приказ и медленно встала, подняв руки.

— Я не говорю по-немецки,— произнесла она, глядя вниз.

Женщина окинула ее пристальным взглядом; Лизе показалось, что все тело просветили рентгеновским лучом.

---

* Кто там? Выходи! *(нем.)*

— Ты одна из американцев,— на безупречном английском сказала женщина.— Спускайся. Медленно.

Пистолет в ее руке не дрожал.

За решеткой балкона спрятаться было невозможно, поэтому Лиза подчинилась. Она ступила на лестницу-стремянку, повернувшись спиной к женщине. Ее плечи сковало напряжением: каждую секунду девушка ожидала выстрела. Однако она благополучно спустилась на первый этаж кабинета и обернулась, не опуская рук.

Женщина-призрак шагнула вперед, и Лиза невольно отступила. Незнакомка не стреляет только потому, что не хочет поднимать шум. Сумела же она с помощью своего меча беззвучно расправиться со стражей!

Незнакомка по-прежнему не выпускала из второй руки окровавленную катану.

Наверное, на балконе Лиза была бы в большей безопасности, хотя и вынудила бы женщину палить в нее наугад. На звук выстрела могли сбежаться люди. Лиза поступила глупо, спустившись к убийце. Однако страх — плохой советчик. Трудно отказать человеку, который целится тебе в лицо.

— Ксерум-525,— отрывисто произнесла женщина.— Где он? В сейфе?

Лиза на мгновение задумалась: солгать или сказать правду? Выбор был невелик.

— Его забрала Анна,— ответила Лиза и неопределенно махнула рукой в сторону двери.

— Куда?

Лиза вспомнила урок, который преподал ей Пейнтер, едва они попали в лапы к немцам: нужно стать полезной своим врагам.

— Я не настолько хорошо знаю замок, чтобы точно описать место. Могу вас туда проводить.— Ее голос дрогнул. Увереннее! — Я отведу вас туда, если вы поможете мне выбраться из замка.

«Враг моего врага — мой друг».

Поверит ли ей женщина-призрак? Блондинка поражала своей исключительной красотой: точеная фигура, безупреч-

ная кожа, пухлые губы... От нее веяло неземным, сверхъестественным совершенством.

Вот только льдисто-голубые глаза смотрели безжалостно.

Страх сковал Лизу, лишив способности рассуждать.

— Веди,— произнесла женщина и сунула пистолет в кобуру, по-прежнему сжимая в руке катану.

Лиза предпочла бы, чтобы в нее целились из пистолета. Как-то привычнее...

Меч указал на дверь.

Лиза прошла через кабинет к двери. Может, позже удастся улучить момент, когда незнакомка отвлечется или замешкается, и сбежать.

Дуновение воздуха, небольшая вспышка огня в камине — единственное, что предупредило Лизу об опасности. Девушка обернулась. Женщина не отставала ни на шаг, со сверхъестественным проворством следуя за ней на близком расстоянии. Их взгляды встретились. В то же мгновение Лиза поняла, что женщина ей не поверила.

Это была ловушка. Способ застать Лизу врасплох.

Ошибка, которая станет последней в ее жизни.

Мир пошатнулся. Лизу ослепил блеск японского меча, нацеленного ей в сердце.

9 часов 18 минут
Вевельсбург, Германия

БМВ въехал на автостоянку и остановился рядом с немецким туристическим автобусом, спрятавшись за его огромным синим кузовом.

— Сидите в машине,— велел Грей спутникам и добавил: — Это относится и к вам, юная леди.

Фиона возмущено фыркнула.

— Монк, садись за руль и не заглушай двигатель.

— Понял.

Райан испуганно выпучил глаза:

— Was ist los?

— Пока все в порядке, но на всякий случай сиди тихо,— ответил Монк.

Грей открыл дверь, и волна дождя влажно шлепнула его по лицу с таким звуком, словно бок соседнего автобуса пробил выстрел. Рокотал гром.

— Райан, можно я возьму ваш зонт?

Юноша любезно согласился.

Грей раскрыл зонт и подбежал к задней дверце автобуса. Укрывшись от дождя, он остался на посту, надеясь сойти за одного из людей, обслуживающих туристов, а сам наблюдал за дорогой.

Мглистую завесу дождя пробили горящие фары «мерседеса», одолевающего последний подъем.

Белый автомобиль миновал автостоянку, не снижая скорости; точки красных габаритных фонарей растворились в пелене дождя. «Мерседес» направлялся к маленькой деревушке Вевельсбург, прилепившейся сбоку к махине замка.

Грей подождал минут пять, обошел автобус и помахал рукой Монку, дав знать, что все в порядке. Тот заглушил двигатель. Убедившись, что «мерседес» не возвращается, Грей снова махнул спутникам, чтобы те выходили из машины.

— Паранойя? — направляясь к арке, спросила Фиона.

— Какая уж тут паранойя, если за нами следят? — отозвался Монк и повернулся к Грею.— Они действительно на нас охотятся?

Грей не верил в совпадения. И все-таки он не мог бросить задание только потому, что заметил слежку.

— Не отпускай от себя Фиону и Райана. Поговорим с директором, получим копию письма Гуго к дочери и уберемся отсюда ко всем чертям.

Монк оглядел махину замка и осадную башню. Дождь хлестал серые камни и лился из позеленевших водостоков. Лишь несколько окон на нижних этажах были освещены, остальная часть замка погрузилась во тьму.

— Предупреждаю заранее: если увижу хоть одну черную летучую мышь,— пробормотал Монк,— я сразу смываюсь.

13 часов 31 минута
Гималаи

Лиза наблюдала за тем, как меч, словно в замедленной съемке, летит к ее груди. Всего два испуганных удара сердца — и катана коснулась тела девушки. Вот так Лизе суждено умереть.

Внезапно тишину взорвал звон стекла, а потом, будто издалека, щелкнул выстрел. Из горла женщины-призрака плеснул фонтан крови, голова резко откинулась назад.

Однако даже сама смерть не остановила движение руки прирожденной убийцы.

Меч вошел в грудь Лизы, рассек кожу и уперся в грудную кость. Ослабевшие пальцы убийцы разжались, и она выпустила рукоять катаны.

Произведение искусства из японской стали совершило в воздухе пируэт и упало на пол, не причинив большого вреда. Следом с глухим стуком упало тело убийцы.

Снова раздался звон стекла. Откуда-то издалека донеслись слова:

— Лиза, что с тобой?

Она перевела взгляд на окно библиотеки. Замерзшее, занесенное снегом стекло треснуло и посыпалось на пол под ударами приклада винтовки. В отверстии, обрамленном острыми осколками, возникло лицо Пейнтера.

У него за спиной бушевала снежная буря. С неба спускалось что-то огромное — вертолет. С его днища свисали канаты и спасательные ремни.

Задрожав, Лиза упала на колени.

— Мы сейчас придем,— пообещал Пейнтер.

Через пять минут Пейнтер стоял над трупом женщины-призрака. Вот и второй злоумышленник. Анна, опустившись на колено, осматривала мертвую блондинку. У камина в кресле сидела Лиза. Сняв свитер, девушка распахнула блузку и обнажила кровавую рану на груди. С помощью Гюнтера она смыла кровь и заклеила пластырем отсеченный лоскут кожи

длиной около дюйма. Лизе повезло: проволочка бюстгальтера, не позволив стальному лезвию глубоко проникнуть, спасла ей жизнь.

— Ни документов, ни бумаг,— мрачно сообщила, обернувшись к ним, Анна.— Саботажник нужен был нам живым.

— Я целился в плечо,— попытался оправдаться Пейнтер.

Когда он спускался по веревке с вертолета, голова сильно закружилась. Другого пути не было: времени едва хватило, чтобы долететь от противоположного склона горы до библиотеки. Вовремя добраться по коридорам замка они не успели бы, даже если бы бежали со всех ног. Вся надежда была на вертолет. Он взлетел над отрогом горы и спустил Пейнтера на землю.

Анна стреляла плохо, Гюнтер управлял вертолетом, так что миссия по спасению Лизы досталась Пейнтеру.

И он, не обращая внимания на головокружение и на то, что в глазах двоилось, приник к окну. Требовалось действовать как можно быстрее: женщина в белом бросилась на Лизу, вытянув вперед руку с мечом.

Пейнтер не мог не выстрелить.

Несмотря на то что смерть женщины-призрака лишила их возможности узнать, кто стоит за организацией саботажа, Пейнтер ни о чем не жалел. Сердце до сих пор не могло успокоиться, но теперь по другой причине.

Он вдруг запоздало испугался того, что мог попасть в Лизу. Возможно, очень скоро он станет не помощником, а обузой.

«Не заламывай руки, засучи рукава».

— Нашли особые приметы? — спросил Пейнтер.

— Только одну.— Анна повернула руку мертвой женщины тыльной стороной вверх.— Узнаете?

На безупречно белой коже темнела татуировка в форме четырех переплетенных петель.

— Похоже на кельтское изображение, но что оно означает, я не знаю.

— Я тоже.

Анна уронила руку трупа.

Пейнтер заметил еще кое-что и, опустившись на колени, снова повернул еще теплую руку. Недоставало розоватого ногтя на мизинце; лунка напоминала шрам.

Анна потерла ногтевую лунку убитой.

— Сухая...

Она нахмурила брови, встретившись взглядом с Пейнтером.

— Это означает именно то, о чем я подумал?

— Чтобы с уверенностью ответить на ваш вопрос, я должна изучить сетчатку глаза.

Пейнтеру не нужны были другие доказательства. Он видел, как быстро и сверхъестественно плавно двигалась по комнате женщина-призрак.

— Она — одна из Sonnekönige.

Лиза и Гюнтер подошли ближе.

— Она не из наших,— возразила Анна.— Слишком молода, слишком совершенна. Те, кто ее создал, использовали последние открытия, которые мы оттачивали на протяжении десятилетий.

— Мог ли кто-нибудь создать это существо за вашей спиной?

Анна решительно покачала головой.

— Для активации Колокола нужно огромное количество энергии. Мы не могли не заметить таких работ.

— Напрашивается только один вывод.

— Ее создали где-то в другом месте...— Анна поднялась на ноги.— Значит, существует второй Колокол.

— И кто-то решил прикрыть ваши исследования,— пробормотал Пейнтер, глядя на ноготь и татуировку убитой.

В комнате повисло напряженное молчание.

Внезапно Пейнтер уловил еле слышный писк. В ту же секунду до него дошло, что он слышал звук уже несколько раз, но не придал ему значения.

Он приподнял рукав белой куртки.

На запястье убитой красовался цифровой хронометр на толстом кожаном ремешке шириной в два дюйма. Пейнтер всмот-

релся в красный циферблат: стрелка бегала по кругу, отмечая секунды. Ниже горели цифры:

01.32.

Секунды убывали с каждым движением стрелки.

Оставалось чуть больше минуты.

Пейнтер снял часы с трупа и осмотрел внутреннюю поверхность ремешка. На нем оказались два серебряных контакта: датчик, отслеживающий удары сердца. А где-то внутри часов находился микропередатчик.

— Что вы делаете? — встревожилась Анна.

— Вы обыскали труп, взрывчатки на нем нет?

— Нет,— ответила Анна.— А в чем дело?

Пейнтер резко выпрямился и торопливо заговорил:

— На ней специальный датчик. Как только сердце перестает биться, передатчик посылает сигнал.— Он посмотрел на диковинные часы убийцы.— Это всего лишь таймер.

Он протянул их спутникам.

01.05.

— Клаус и эта женщина имели полный доступ к вашему оборудованию, и никто не знает, как давно. Времени было достаточно для того, чтобы подложить мину.— Пейнтер поднял часы.— По-моему, лучше нам убраться подальше, пока стрелка не достигла нуля.

Секундная стрелка совершила еще один круг, и прозвенел тоненький звонок,— осталось меньше минуты.

00.59.

— Уходим, быстро!

10

ЧЕРНЫЙ КАМЕЛОТ

9 часов 32 минуты
Вевельсбург, Германия

— Сначала части СС создавались в качестве персональной охраны Гитлера,— по-французски вещал экскурсовод, ведя группу промокших туристов по центральному залу музея Вевельсбурга.— Термин «СС» происходит от немецкого слова Schutzstaffel, которое означает «отряд охраны». Позднее СС превратился в Черный орден Гиммлера.

Грей отошел в сторону, пропуская стайку туристов. Дожидаясь директора музея, он прослушал целую лекцию. Оказывается, Гиммлер получил замок в аренду всего за одну рейхсмарку, а затем потратил четверть миллиарда, чтобы превратить его в свой личный Камелот. Деньги, в сущности, не слишком большие по сравнению с ценой пролитой здесь крови.

Об истинном назначении нацистской цитадели красноречиво напоминала полосатая тюремная униформа заключенного из концентрационного лагеря Нидерхаген, помещенная в застекленной витрине.

За стенами замка гремела гроза, старые окна дребезжали. Группа туристов удалялась, и разговоры случайных посетителей, искавших в замке спасения от непогоды, заглушили голос экскурсовода.

Пока Райан разыскивал директора, Монк присматривал за Фионой. Сейчас он наклонился над витриной с серебряным

кольцом с изображением черепа. Такими своеобразными украшениями награждали офицеров СС. Кроме черепа и скрещенных костей кольцо покрывали изображения рун. От этого мрачного произведения искусства веяло чем-то недобрым.

В небольшом зале находились и другие экспонаты: уменьшенные макеты зданий, старые фотографии, атрибуты эсэсовцев, даже некогда принадлежавший Гиммлеру необычный маленький чайник с изображением рунического символа на боку.

— А вот и директор! — Монк шагнул навстречу коренастому господину, вышедшему из служебной двери в сопровождении Райана.

Директору музея, седому мужчине в потертом костюме, было около шестидесяти лет. Приблизившись к нежданным посетителям, он снял очки и протянул Грею руку.

— Доктор Дитер Ульмстром,— представился он.— Директор Исторического музея Падерборна. Willkommen*.

Тревожно бегающий взгляд директора абсолютно не вязался с его широкой приветственной улыбкой. Дитер Ульмстром снова заговорил с показной учтивостью:

— Юный Райан объяснил мне, что вы приехали, чтобы выяснить значение рун, найденных в старинной книге. Очень интересно.

И опять лицо директора выразило скорее тревогу, чем интерес.

— Мы не отнимем у вас много времени,— успокоил его Грей.— Не поможете ли вы определить значение некоторых рун?

— Разумеется. Если директор Вевельсбурга в чем-то разбирается, так это в рунах.

Грей жестом подозвал Фиону, державшую в руках Библию, раскрыл книгу и протянул ее директору. Сжав губы, доктор Ульмстром водрузил на нос очки и склонился над руной, нацарапанной Гуго Хиршфельдом чернилами.

---

* Добро пожаловать *(нем.)*.

— Вы позволите осмотреть всю книгу?

После мгновенного колебания Грей согласился.

Директор пролистал страницы, задержав взгляд на нескольких знаках, похожих на отпечатки куриных лап.

— В Библии... Как странно.

— Символ на задней обложке,— настойчиво напомнил Грей.

— О, конечно. Это руна Mensch.

— Mensch с немецкого переводится как «человек»,— вспомнил Грей.

— Совершенно верно. Обратите внимание, она действительно напоминает обезглавленную фигуру человека.— Директор вернулся к началу книги.— Прадед Райана, похоже, был крайне привязан к символам, которые ассоциируются с Отцом всего сущего, главным божеством язычников.

— Что вы имеете в виду?

Ульмстром указал на один из значков.

— Вот руна «к»; на англосаксонском, или древнеанглийском, языке она называется «сен». Раннее изображение человека. Видите? Просто две поднятые руки. Весьма грубое подобие. А на другой странице есть зеркальное изображение этой руны.

Он перелистал страницы и показал на другой знак.

— Эти два символа изображают две стороны одной медали: инь и ян, мужчину и женщину, свет и тьму.

Слова директора напомнили Грею уроки буддийского монаха Анг Гелу, который учил, что все сущее пронизано дуализмом, имеет двойственную природу. В сердце кольнуло от недоброго предчувствия. От Пейнтера Кроу по-прежнему не было вестей.

Монк слегка изменил направление беседы:

— А как эти руны связаны с тем парнем, главным языческим божеством?

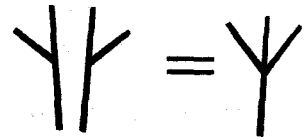
— Все три руны связаны символически: большая руна «человек» часто обозначает древнескандинавского бога Тора, а также высшее состояние совершенства, которого мы все стремимся достигнуть.

В голове у Грея сложился ответ:

— А две более ранние руны, к-руны, являются половинками, образующими руну «человек».

— Каким образом? — спросил Монк.

— Вот так.— Фиона пальцем начертила на пыльной поверхности витрины знаки.— Складываешь две руны вместе и получаешь руну «человек». Как в головоломке.



— Очень хорошо,— похвалил девушку директор и указал на две первые руны.— Они обозначают двойственную природу человека, а объединившись, образуют знак Отца всего сущего — главное божество, совершенное существо.— Ульмстром вернул Библию Грею и покачал головой.— Как видно, руны всецело завладели умом прадеда Райана.

Грей все смотрел на символ, изображенный на задней обложке Библии.

— Скажи, Райан, Гуго ведь был биологом?

Райана все услышанное повергло в замешательство.

— Да, точно так же, как тетка Тола.

Грей кивнул. Нацистов всегда интересовали мифы о сверхчеловеке, главном божестве, от которого предположительно брала начало арийская раса. Может быть, с помощью этих странных изображений Гуго пытался убедить нацистов в своей приверженности их догмам? Нет, подобная версия Грея не устраивала. Он помнил рассказ Райана о записках прадеда, о постепенно нараставшем разочаровании ученого, загадочном письме к дочери, в котором Гуго намекал на тайну, ту самую, что «слишком прекрасна, чтобы позволить ей умереть, и слишком ужасна, чтобы предоставить ей свободу».

Внутренний голос твердил Грею, что все в этой истории взаимосвязано: и руны, и главное божество, и секретные исследования. Похоже, прадед Райана зашифровал в книгах что-то настолько важное, что ради этой информации в наши дни убивали ни в чем не повинных людей.

— Руна «человек» также представляла особый интерес для нацистов. Они нередко называли ее Lebenrune,— продолжил Ульмстром.

— Руна жизни? — заинтересовался Грей.

— Да, ее часто использовали для обозначения программы «Lebensborn».

— Это еще что за штука? — спросил Монк.

— Нацистская программа создания специальных ферм для массового производства светловолосых голубоглазых детей,— пояснил Грей.

Директор кивком подтвердил его правоту.

— Точно так же, как двойственная к-руна, руна жизни имела зеркальное изображение.— *Он знаком попросил перелистать Библию.*— Перевернутая руна жизни получала противоположное значение и становилась Totenrune.

Монк вопросительно взглянул на Грея, и тот перевел:

— Руна смерти.

13 часов 31 минута
Гималаи

Смерть неумолимо вела обратный отсчет.

0.55.

Пейнтер держал в руке таймер мертвой женщины-призрака.

— У нас нет времени, чтобы покинуть зону взрыва.

— Что же делать? — спросила Анна.

— Вертолет.

Пейнтер указал на окно. Вертолет, в котором они прилетели, еще стоял рядом с замком. Даже двигатель наверняка не успел остыть.

— А как же другие?

Анна кинулась к телефону, чтобы поднять тревогу.

— Keine Zeit*,— рявкнул Гюнтер, остановив сестру.

Он сорвал с плеча русскую штурмовую винтовку, выдернул из подсумка гранату и зарядил ею подствольный гранатомет.

— Hier! Schnell!**

Гюнтер громадными прыжками приблизился к массивному письменному столу Анны и указал винтовкой на зарешеченное окно.

Пейнтер схватил Лизу за руку и бросился вперед, за ними Анна. Гюнтер подождал, пока все спрячутся за стол, и выстрелил. Из подствольника вырвался поток раскаленного газа. Все пригнулись.

Гюнтер схватил сестру за талию и прикрыл своим телом. Оглушительно разорвалась граната. Пейнтеру показалось, что у него лопаются барабанные перепонки. Лиза прикрыла уши ладонями. Взрывной волной стол подкинуло почти на фут. Осколки стекла и камня забарабанили по столешнице. Пыль и удушливый дым наполнили помещение.

Без лишних слов Гюнтер рывком поднял Анну на ноги. В стене библиотеки зияла сквозная брешь. Растрепанные, обуглившиеся книги, упавшие с полок, вынесло через пробоину наружу.

Вертолет стоял футах в сорока от замка, на уступе, нависающем над пропастью. Протиснувшись сквозь брешь, они побежали к летательному аппарату.

---

* Нет времени *(нем.)*.

** Сюда! Быстро! *(нем.)*

Пейнтер так и сжимал в руке таймер, но не смотрел на него, пока не добежал до вертолета. Гюнтер успел первым и распахнул заднюю дверцу. Пейнтер втолкнул Анну и Лизу в кабину и нырнул следом.

Гюнтер уже сидел в кресле пилота, пристегнув ремень безопасности. Пейнтер посмотрел на таймер, как будто спасение зависело только от этого маленького датчика.

Боль, колоколом звеневшая в голове, мешала видеть: в глазах двоилось. Он с трудом разобрал цифры:

00.09.

Времени почти не осталось.

Гюнтер запустил двигатель, и лопасти начали вращаться. Медленно, слишком медленно! Пейнтер выглянул в окно. Вертолет стоял на крутом склоне горы, где вчерашний буран намел снежный сугроб. Ветер гнал по небу рваные облака, а ущелья и расщелины гор тонули в ледяном тумане. Гюнтер выругался сквозь зубы. Стальная птица отказывалась подниматься в небо.

00.03.

Нет, оторваться от земли не удастся.

Пейнтер сжал ладонь Лизы. Мир вдруг словно кто-то приподнял могучей рукой, а потом бросил вниз. У людей перехватило дыхание. Они ждали, что вот-вот взлетят на воздух вместе с взорванной горой. Однако ничего не происходило.

Внезапно вертолет накренился. Лопасти безуспешно взбивали разреженный воздух. Пласт наносного снега и льда, на котором стоял вертолет, соскользнул с горы, словно горная вершина стряхнула его с плеч. Металлическая скорлупка с людьми падала вниз. Вверх же вихрем взметнулся снег.

И снова земля содрогнулась от взрыва.

Вертолет дернулся. Гюнтер, тяжело дыша, сражался с управлением. Рев снежной бури заглушал даже шум работающих винтов.

Лиза прижалась к Пейнтеру. Костяшки ее пальцев побелели, так сильно она сжимала его ладонь. Анна сидела очень прямо, уставившись в одну точку.

Вертолет бросало то вперед, то назад. Со всех сторон угрожали опасные заснеженные скалы. Никто не издал ни звука, только вверху бешено рычали и гремели винты.

И вдруг вертолет взлетел. Гюнтер зарычал от радости и начал поднимать машину.

На их глазах со склона горы сошла последняя снежная лавина.

Теперь вертолет поднялся достаточно высоко, и стал виден разрушенный замок. Из окон валил дым. Входные двери сорвало с петель и унесло взрывной волной. За боковым склоном горы, с бывшей вертолетной площадки, вверх, к самому небу, поднимался густой столб черного дыма.

Анна поникла в кресле.

— Там почти сто пятьдесят мужчин и женщин...

— Может быть, некоторым удалось спастись,— прошептала в ответ Лиза, оцепенело глядя на картину катастрофы.

Однако сколько они ни вглядывались, так и не заметили никакого движения. Лишь дым, один дым...

Внезапно из всех окон замка вырвалась ослепительно белая вспышка, подобная невиданной молнии. На полнеба разлилось зарево ярко-желтого рассвета. Апокалиптический ужас картины усиливало полное безмолвие. Яркий свет на время лишил людей зрения.

Пейнтер чувствовал, что вертолет резко пошел вверх, повинуясь командам Гюнтера. И только тут их настиг звук подземного взрыва: адский рокот, многократно превосходящий шум несущейся горной лавины.

Вертолет так сильно трясся в воздухе, словно угодил в шейкер.

Медленно возвращалось зрение. Пейнтер прилип к стеклу, пристально глядя вниз.

— Боже мой,— только и смог произнести он в благоговейном ужасе.

Бóльшую часть пространства покрывала густая каменная пыль, но даже она не смогла скрыть размер катастрофы. Половина горы словно провалилась внутрь самой себя.

Массивный кряж, нависавший над Гранитшлоссом, исчез. Замок и большая часть горы просто перестали существовать.

— Unmöglich*,— пробормотала Анна, застыв от ужаса.

— Что такое?

— *Аннигиляция такой силы возможна только при взрыве* ЭНТ-бомбы.

Ее глаза потускнели, как у мертвой.

Пейнтер ждал, когда Анна объяснит свои непонятные слова. Судорожно переведя дух, она заговорила:

— ЭНТ — энергия нулевой точки. Формулы Эйнштейна помогли создать первую атомную бомбу, которая использовала энергию нескольких атомов урана. Это ничто по сравнению с потенциальной энергией, открытой Планком. Его квантовые бомбы взорвутся с силой всей энергии, зародившейся в момент Большого взрыва.

В кабине царила мертвая тишина. Анна покачала головой.

— Эксперименты с горючим для Колокола, ксерумом-525, доказали возможность использования энергии нулевой точки в качестве разрушительного оружия. Однако мы никогда не ставили перед собой цель создания такой бомбы.

— Это сделали другие,— заметил Пейнтер, вспомнив женщину-призрака.

Анна резко обернулась к Пейнтеру. На ее искаженном от страха лице сменяли друг друга выражения ужаса и жестокости.

— Мы должны их остановить!

— Кого останавливать? Кто эти люди?

— Думаю, мы скоро узнаем.

Лиза указала рукой вправо, на склон соседней горы.

Из-за зубчатого гребня появились три вертолета. Они развернулись и ринулись к одинокому «А-стар», где находились беглецы. Пейнтер достаточно хорошо разбирался в воздушных маневрах, чтобы разгадать намерения преследователей.

Будут атаковать.

---

* Невозможно *(нем.)*.

9 часов 32 минуты
Вевельсбург, Германия

— Прошу вас пройти сюда, к Северной башне,— пригласил доктор Ульмстром.

Директор музея вывел Грея, Монка и Фиону из главного холла. Райан ушел вместе с молодой женщиной в твидовом костюме, музейным архивариусом, снимать копии с письма Гуго Хиршфельда и других документов, связанных с исследованиями прадеда.

Грей чувствовал, что ответ близок. Поэтому он согласился совершить в сопровождении директора экскурсию по замку Гиммлера. Ему казалось, что для разгадки исследований Гуго Хиршфельда необходима вся имеющаяся информация. А кто расскажет об интересующих фактах лучше, чем сам директор музея?

— Чтобы понять нацистов,— вещал Ульмстром, возглавлявший маленькую группу,— нужно перестать воспринимать их как политическое движение. Они называли себя Национал-социалистической германской рабочей партией, но на самом деле создали новый культ.

— Культ? — переспросил Грей.

— Да, присутствуют все атрибуты культа. Судите сами: духовный лидер, чьи слова не подвергались сомнению; его апостолы в одеждах, украшенных оккультными символами; ритуалы, совершаемые в глубокой тайне; клятвы, скрепленные кровью. И самое главное — могучий тотем, предмет обожествления: сломанный крест, иначе говоря, свастика. Символ, призванный вытеснить распятие и звезду Давида.

— Прямо Харе Кришна на стероидах,— хмыкнул Монк.

— Не смейтесь. Нацисты знали толк в пропаганде и понимали, что идеи гораздо могущественнее пушек и ракет. Гитлеровцы сумели промыть мозги всей нации и полностью ее подчинили.

Коридор озаряли вспышки молний. Лампы под потолком мигнули и погасли. Экскурсанты нерешительно остановились посреди коридора.

— Хоть бы одна летучая мышь пискнула,— свистящим шепотом произнес Монк.— Пусть даже самая маленькая...

Лампы ярко вспыхнули, потом загорелись спокойным светом, и новоявленные туристы пошли дальше. Короткий коридор заканчивался зарешеченной стеклянной дверью, за которой находилось просторное помещение.

— Это Obergruppenführersaal, внутреннее святилище замка.— Директор достал тяжелую связку ключей и отпер дверной замок.— Обычным посетителям вход сюда воспрещен, но вам, я думаю, здесь понравится.

Он отворил дверь, пропуская гостей вперед. Войдя, они увидели, что нескончаемые потоки дождя струятся по стеклам многочисленных окон круглого зала.

— Гиммлер построил это помещение по образцу зала в Камелоте, замке короля Артура. Раньше здесь даже стоял огромный дубовый круглый стол, за которым собирались двенадцать главных офицеров Черного ордена для совещаний и тайных ритуалов.

— Что еще за Черный орден? — спросил Монк.

— Таково второе название организации СС. Говоря точнее, Schwarze Auftrag, или Черным орденом, Гиммлер называл секретную группу, связанную с оккультным обществом Туле.

Грей насторожился: снова тайное общество Туле. Гиммлер был его членом, как и прадед Райана. Каким образом тайная группа приближенных рейхсфюрера, веровавших в то, что некогда миром правила раса господ, связана с Библией?

Директор продолжал рассказ:

— Гиммлер считал комнату и башню духовным и географическим центром нового арийского мира.

— Почему именно это место? — спросил Грей.

Ульмстром пожал плечами и вышел на середину комнаты.

— В нашем регионе тевтонские рыцари противостояли когортам римлян. Здесь произошла решающая битва, ставшая поворотной для германской истории.

Грей уже слышал об этом от отца Райана.

— Причин тому могло быть несколько. Наша земля вообще богата легендами. Недалеко отсюда находится доисторический памятник, похожий на мегалиты Стоунхенджа, он называется Экстернштейне. Некоторые считают, что под ним скрыты корни древнескандинавского Мирового дерева, Игдрасиля. Да, учтите, еще здесь были ведьмы.

— Их убивали,— напомнил Грей.

— По мнению Гиммлера, женщин казнили за то, что они были язычницами и отправляли обряды и ритуалы. Таким образом, пролитая кровь лишь придала святости нашим землям.

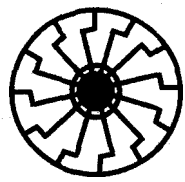
— Точно так же говорят агенты по продаже недвижимости,— вставил Монк.— Главное — расположение, расположение и еще раз расположение!

Ульмстром нахмурился.

— В чем бы ни крылась причина, конечная цель Вевельсбурга находится здесь.

Он указал на пол.

Изображение, выложенное темно-зелеными плитками по белым, напоминало солнце, испускающее двенадцать молний.



— Schwarze Sonne, Черное солнце.— Ульмстром обошел вокруг изображения.— Этот символ тоже связан с многочисленными мифами, однако для нацистов он был олицетворением земли, откуда произошло верховное божество, Отец всего сущего. У страны этой много названий: Туле, Гиперборея, Агхарта. У нацистов сей символ означает солнце, под которым возродится арийская раса.

— И вернется в лоно Отца всего сущего,— добавил Грей, вспомнив руну «человек».

— В этом состояла главная цель нацистов или, по крайней мере, Гиммлера и его Черного ордена: вернуть германскому народу утерянный статус богоподобных существ.

Грей начинал понимать, в каких исследованиях мог участвовать биолог Хиршфельд. Вероятно, он работал над бесчеловечным проектом «Lebensborn» — евгенической программой нацистов. Однако почему из-за изуверской нацистской программы до сих пор убивают людей? И какое гениальное открытие Гуго хотел сохранить в тайне, зашифровав разгадку в старинных фамильных книгах?

Грей вновь вспомнил слова из предсмертного письма биолога, который намекал дочери, что владеет тайной, которая слишком прекрасна, чтобы позволить ей умереть, и слишком ужасна, чтобы предоставить ей свободу. Что именно открыл Гуго Хиршфельд, но предпочел хранить в секрете от своих нацистских начальников?

Мощный разряд молнии озарил помещение круглого зала. Ярко сверкнул символ Черного солнца. Когда раскат грома пронесся над замком, свет электрических лампочек заметно потускнел. Жуткое место!

Словно подтверждая мысли Грея, молния ударила снова, и свет погас совсем. Наступила полная, непроглядная тьма. За окнами маячили неясные огни, в отдалении слышались голоса.

Совсем рядом раздался громкий лязг. Все обернулись.

С грохотом захлопнулась входная дверь. Грей схватился рукой за кобуру под свитером.

— Не волнуйтесь, просто сработала система безопасности,— успокоил их директор.— Аварийные генераторы...

Лампочки мигнули и загорелись снова. Ульмстром удовлетворенно кивнул.

— Ну, вот и все, извините. Прошу сюда.

Он вывел экскурсантов через запасный выход и направился к боковой лестнице: видимо, экскурсия еще не закончилась.

— Думаю, следующая комната вызовет у вас особенный интерес. Там вы найдете изображение руны «человек», точно такое же, как в вашей Библии.

Сзади послышались быстрые шаги. Грей обнаружил, что до сих пор держит руку на кобуре пистолета. К счастью, в оружии не было нужды: их догонял Райан, сжимавший в руке

конверт из плотной бумаги. Слегка запыхавшийся, заметно напуганный отключением электричества юноша присоединился к группе.

— Все бумаги у меня, в том числе письмо к Толе,— откашлявшись, сообщил Райан.

Монк забрал у него конверт.

— Пора уносить отсюда ноги.

Возможно, он прав. Грей с сомнением посмотрел на доктора Ульмстрома, который стоял у начала лестницы, ведущей вниз.

— Если вы торопитесь...

Директор шагнул к Грею.

— Нет-нет. Так что вы говорили о руне «человек»?

Глупо было уйти, не осмотрев замок до конца.

Ульмстром указал рукой на лестницу.

— Внизу находится единственное помещение замка, где изображены руны «человек». Разумеется, они имеют смысл только в связи...

— Когда они имеют смысл?

Ульмстром со вздохом посмотрел на часы.

— Пойдемте. Надо спешить.

Директор начал спускаться по лестнице.

Грей поманил за собой Фиону и Райана. Проходя мимо Монка, он поймал тревожный взгляд напарника.

— Невеселое местечко. Поскорей бы отсюда смыться.

Грей понимал желание Монка покинуть Вевельсбург. Он и сам чувствовал себя здесь неуютно. Сначала ложная тревога с белым «мерседесом», потом внезапное отключение освещения... Правда, ничего плохого до сих пор не случилось. Грей не хотел упускать возможность узнать как можно больше о рунах и их связи с историей замка.

Остальные уже спустились, долетел голос Ульмстрома:

— Помещение находится прямо под ритуальным залом...

Пока директор отпирал зарешеченную витражную дверь, Грей догнал группу, пропустил друзей вперед и вошел следом.

Они снова очутились в круглой комнате, на этот раз лишенной окон, тускло освещенной немногочисленными настен-

ными канделябрами. Двенадцать гранитных колонн, располагавшихся кругом, поддерживали купол потолка, в центре которого находилось изображение свастики.

— Это замковый склеп,— объявил Ульмстром.— Обратите внимание на колодец посередине комнаты. Здесь происходили церемонии сожжения гербов павших офицеров СС.

Грей сразу заметил каменное углубление в полу прямо под изображением свастики на потолке.

— Если вы встанете у колодца и посмотрите на стены, то увидите изображенные на них руны «человек».

Грей последовал его совету. На каменных стенах, обозначая стороны света, были вырезаны руны. Теперь Грей понял значение слов директора: «Разумеется, они имеют смысл только в связи...» Все руны «человек» были изображены вверх ногами.

Руны смерти.

Раздался громкий лязг, похожий на тот, что они слышали минуту назад. Однако на этот раз свет не погас. Грей резко обернулся, мгновенно осознав, что допустил ошибку: любопытство пересилило осторожность. Он и не заметил, что доктор Ульмстром ни на шаг не отошел от двери.

Теперь директор стоял снаружи, бряцая ключом в замочной скважине.

Он захлопнул пуленепробиваемую дверь и крикнул:

— Теперь вы поймете истинное значение рун смерти!

Последовал громкий хлопок, и все лампы погасли. Лишенный окон склеп погрузился в полную темноту. Ошеломленные пленники услышали новый звук: сильное шипение. Однако змей в склепе быть не могло.

Грей почувствовал по рту неприятный привкус.

Газ.

13 часов 38 минут
Гималаи

Три боевых вертолета перестроились, чтобы начать атаку.

Отстегнув ремни, Пейнтер пересел в кресло второго пилота и следил за приближением противника в бинокль. Он узнал

вертолеты: «тигры», оснащенные ракетами класса «воздух-воздух».

— На вашем вертолете есть вооружение? — спросил Пейнтер у Гюнтера.

— Nein,— покачал головой гигант.

Гюнтер возился с рулем высоты, пытаясь уйти от врага. На полной мощности гигант бросил машину вперед. Они не могли противостоять вооруженному противнику, зато легкий «А-стар» быстрее и маневреннее «тигров». Довольно слабое преимущество...

Пейнтер подробно изучил карты местности и сразу понял, в каком направлении летит Гюнтер: до китайской границы оставалось не более тридцати миль. Одно плохо: если их не уничтожат атакующие «тигры», то уж точно собьют китайцы за несанкционированное вторжение в свое воздушное пространство. Из-за напряженных отношений между правительством Непала и маоистскими мятежниками граница тщательно охранялась. Беглецы в полном смысле слова оказались между двух огней.

Анна обернулась назад и крикнула:

— В нас стреляют!

Едва смолк ее крик, мимо борта с ревом пронеслось нечто похожее на сгусток огня и дыма. Пролетев в считанных ярдах от вертолета, вражеская ракета угодила в заснеженный гребень горы и с яркой вспышкой взорвалась. В воздух полетела каменная крошка: огромный кусок скалы обломился и рухнул вниз, словно край ледника.

Гюнтер ловко маневрировал, укрываясь от града мелких осколков. Он направил вертолет вниз между двумя скалистыми отрогами, уйдя на время из-под прямого обстрела.

— Может, лучше сесть? — предположила Анна.— Попробуем скрыться на земле.

Гюнтер отрицательно помотал головой и ответил, перекрикивая шум мотора:

— Я знаю «тигры», у них есть инфракрасный тепловизор. Следы нас выдадут, и тогда от пулеметов и ракет не уйти.

— Как же быть?

Пейнтера накрыла очередная серия болевых спазмов. Перед глазами мелькали белые вспышки. Поле зрения сильно сузилось.

Подавшись вперед, Лиза с заднего сиденья следила за стрелкой компаса.

— Эверест! — крикнула она.

— Что?

— Летим прямо к Эвересту! Приземлимся на его склоне и смешаемся с толпой альпинистов.

Пейнтеру понравился ее план — спрятаться под самым носом у преследователей.

— Из-за снежной бури восхождения отложили,— громко продолжала девушка.— Когда я покидала лагерь, в нем находились сотни две людей, в том числе несколько непальских солдат. А после того как сгорел монастырь, военных, наверное, стало еще больше.

Она обернулась к Анне. Как странно: Лиза и Пейнтер боролись за жизнь плечом к плечу с теми, кто уничтожил монастырь. Однако теперь бывшим противникам угрожал общий опасный враг. Да, монастырь уничтожила Анна. И тем не менее, раз уж судьба свела их четверых вместе, нужно бороться сообща.

Пейнтер понимал, что история еще не закончена. Замышляется нечто чудовищное. В голове эхом прозвучали слова Анны: «Мы должны их остановить».

— В базовом лагере много спутниковых телефонов, оттуда даже ведут телепередачи. Они не посмеют напасть,— закончила свою мысль Лиза.

— Да, хотелось бы так думать,— отозвался Пейнтер.— Однако если они не отступятся, мы подвергнем опасности невинных людей.

Лиза откинулась назад, обдумывая его слова. Пейнтер знал, что в базовом лагере остался ее брат. Взгляды Лизы и Пейнтера встретились.

— События приняли слишком серьезный оборот, придется рискнуть.— Она приняла то же решение, что и Пейнтер секунду назад.— Нужно срочно сообщить о случившемся!

Анна указала на отвесную скалу прямо по курсу.

— Если мы перелетим через склон Эвереста, то попадем прямо в лагерь.

— Значит, летим в базовый лагерь? — подвел итог Пейнтер.

Беглецы согласились с идеей Лизы. А вот преследователи оказались против.

Вражеский вертолет с ревом поднялся над грядой скал. Его полозья пронеслись над самыми лопастями «А-стар». Преследователи, похоже, сами растерялись, неожиданно наткнувшись на беглецов. Озадаченный пилот «тигра» начал разворачивать вертолет.

Пейнтер надеялся, что два остальных улетели достаточно далеко, разыскивая пропавшую цель, но для беглецов и единственный «тигр» представлял опасность.

Безоружный «А-стар» метнулся в широкое ущелье — огромную чашу, полную снега и льда. Скрыться некуда. Пилот «тигра» ринулся в погоню.

Гюнтер повысил обороты лопастей, пытаясь уйти от преследования. От тяжелого «тигра» можно удрать, но от его ракет — нет.

И тут «тигр» открыл огонь. Дула орудий плевались огнем, взрывы вспарывали снежный покров.

— Не пытайся уходить! — крикнул Пейнтер, тыча оттопыренным большим пальцем вверх.— Набирай высоту!

Гюнтер повернулся, сурово нахмурившись.

— Он тяжелее нас,— пояснил Пейнтер, отчаянно жестикулируя.— Мы можем подняться на большую высоту, а ему туда хода нет.

Гюнтер кивнул и повел вертолет вертикально вверх. Машина рванула в небеса, словно скоростной лифт.

Внезапное изменение курса беглецов застигло пилота «тигра» врасплох. Помешкав с минуту, он начал подниматься следом за ними.

Пейнтер посмотрел на альтиметр. Мировой рекорд высоты полета поставил облегченный «А-стар», совершив посадку

на вершине Эвереста. Им нет нужды забираться так высоко: вооруженный «тигр» начал отставать, стоило только преодолеть отметку в двадцать две тысячи футов. «Тигр» тщетно молотил лопастями разреженный воздух и кренился, не в силах занять удобное положение для прицельной стрельбы.

Легкий вертолет беглецов продолжал подниматься на безопасную высоту. И все же нельзя оставаться там навечно. А внизу, словно голодная акула, кружил враг; два других «тигра» летели в их сторону, подобно своре гончих, окружающих раненую жертву.

Пейнтер повернулся к Лизе и Анне.

— Смотрите каждая в свой иллюминатор. Как только «тигр» окажется прямо под нами, подайте мне знак.

Женщины в ответ молча кивнули.

Пейнтер потянулся к рычагу.

— Прямо под нами! — крикнула Лиза.

— Вот он! — в ту же секунду откликнулась Анна.

Пейнтер схватился за рычаг управления лебедкой, закрепленной под днищем вертолета. Совсем недавно он застрелил женщину-призрака, при помощи этой лебедки спустившись на специальных ремнях. Сейчас Пейнтер сжимал рычаг экстренного отделения приспособления. Кроу до конца отжал рычаг и услышал хлопок: агрегат отсоединился от днища.

Переворачиваясь в воздухе, лебедка падала, разбросав спутанные петли канатов. Потом она достигла вражеского вертолета и шлепнулась на лопасти винта. Результат превзошел все ожидания. Лопасти разлетелись в разные стороны. Сам вертолет закрутился, как веретено. Его резко бросило в сторону, и машина рухнула вниз.

Пейнтер указал рукой на цель, спрятанную в саване облаков,— белую вершину Эвереста. Предстояло долететь до базового лагеря, расположенного на нижних склонах. А небеса вновь грозили беглецам опасностью. Два вражеских вертолета, словно злые шершни, преследовали легкий «А-стар».

К сожалению, лебедок у Пейнтера больше не было.

Лиза молча следила за тем, как неуклонно приближаются «тигры», превращаясь из маленьких насекомых в коршунов. Теперь все решала только скорость. Креня машину то вправо, то влево, Гюнтер выводил ее из зоны разреженного воздуха. Он держал курс на пространство между Эверестом и дочерним пиком — Лхоцзе. Массивный хребет, знаменитая южная седловина, соединяла Лхоцзе с Эверестом. Нужно было перелететь через нее так, чтобы гора скрыла беглецов от преследователей. По другую сторону, у основания седловины, находился базовый лагерь альпинистов.

Лиза вспомнила брата, его наивную улыбку, вихор на затылке, который он то и дело безуспешно пытался пригладить... О чем они думали, притащив за собой в базовый лагерь безжалостных убийц?

Впрочем, надо довериться опыту Пейнтера. Он не стал бы рисковать чужими жизнями без крайней необходимости.

Прямо по курсу постепенно вырастала южная седловина. Вертолет нырнул к просвету, и перед беглецами возник новый мир. Все пространство вдоль правого борта заслонила махина Эвереста, украшенная плюмажем из снежного вихря; Лхоцзе, четвертый по высоте пик мира, неприступной стеной вырос слева.

Гюнтер заложил крутой вираж. Лиза вцепилась в ремни безопасности, чувствуя, что еще минута, и она выпадет через лобовое стекло.

Рев мотора заглушил пронзительный свист.

— Ракета! — громко крикнула Анна.

Гюнтер рванул рычаг на себя, вертолет задрал нос и метнулся вправо. Ракета пронеслась под самыми полозьями и врезалась в гору. Вверх высоко взвилось пламя. Гюнтер резко послал машину вниз и в сторону.

Прижавшись щекой к стеклу иллюминатора, Лиза смотрела назад. Два вертолета стремительно приближались. Потом снежная стена отрезала жертв от преследователей.

— Мы за перевалом! — крикнул Пейнтер.— Держитесь крепче!

Вертолет помчался вдоль головокружительно высокого склона южной седловины. Под ним стремительно пролетали снега и льды. Впереди, прямо по курсу, появилось темное пятно: базовый лагерь.

Вертолет ринулся к нему так стремительно, словно хотел стереть с лица земли палаточный городок.

Лагерь быстро приближался. Уже стали видны трепещущие на ветру молитвенные флаги и отдельно стоящие палатки.

— Приготовьтесь к жесткой посадке! — крикнул Пейнтер.

Гюнтер и не думал снижать скорость.

Лиза шевелила губами, сама не понимая, что шепчет: молитву или буддийскую мантру:

— О боже... О боже... О боже...

В последнюю секунду Гюнтер потянул штурвал на себя, борясь с мощным вихрем. Вертолет продолжал падать, его моторы визжали от перегрузки. Весь мир летел кувырком. Лиза изо всех сил вцепилась в подлокотники, чтобы не выпасть из кресла.

Внезапно полозья вертолета ударились о землю, и только ремни безопасности удержали Лизу в кресле.

— Выходите! — крикнул Пейнтер.

Люки распахнулись, и беглецы вылезли наружу.

Пейнтер оказался рядом с Лизой и крепко сжал ее ладонь. Следом шли Анна и Гюнтер. Навстречу им спешила целая толпа. Из-за края гребня горы столбом валил дым — след ракетной атаки. Должно быть, все население лагеря высыпало из палаток, заслышав стрельбу.

Люди кричали на разных языках. Лиза, наполовину оглохшая от рева мотора, ничего не понимала. Внезапно донесся родной голос:

— Лиза!

Она обернулась и увидела знакомую фигуру в черных брюках и серой терморубашке. Брат спешил к ней, расталкивая толпу локтями.

— Джош!

Пейнтер выпустил ее руку, и Лиза очутилась в крепких объятиях брата. От него слегка попахивало яками — лучший запах на свете!..

Два боевых вертолета появились из-за гребня горы и зависли в воздухе, словно смертоносные хищники.

Улетайте, мысленно приказывала им Лиза, скорее улетайте прочь.

— Кто это? — раздался голос рядом.

Лизе даже не нужно было оборачиваться, чтобы узнать Бостона Боба — ошибку своего недавнего прошлого. Его акцент и ноющую интонацию ни с чем не спутаешь.

Джош, видимо, почувствовал тревогу, завладевшую сестрой при появлении вертолетов, и тихо спросил:

— Что с тобой?

Она в ответ лишь покачала головой, не сводя глаз с неба: всю свою волю Лиза сосредоточила на мысленном приказе врагам убраться. Разумеется, ее усилия оказались напрасными.

Вертолеты полетели вдоль склона к лагерю. Вспышки огня озарили их носовые части. Склон расчертили параллельные линии фонтанчиков из снега и льда.

— Нет!..— простонала Лиза.

Бостон Боб с громким визгом отпрянул назад.

— Что, черт возьми, вы наделали?

Затаившая дыхание толпа внезапно взорвалась криками, люди бросились врассыпную.

— Радио! — закричал Пейнтер, обращаясь к Джошу.— Где здесь радио?

Джош молча застыл, глядя в небо. Лиза ткнула его в бок.

— Нужно срочно найти радиопередатчик.

Она догадалась, что хочет сделать Пейнтер. Мир должен узнать о том, что произошло в Гималаях.

Джош откашлялся и взял себя в руки.

— Вон там, после нападения маоистских бандитов на монастырь, установили систему экстренной связи.

Он поспешил к просторной красной палатке.

Лиза заметила, что от них не отстает Бостон Боб. Возможно, причиной тому была внушительная винтовка Гюнтера.

Немец зарядил подствольный гранатомет очередной гранатой — готовился держать оборону, пока они не доберутся до радиопередатчика.

Не успев добежать до красной палатки, Пейнтер скомандовал:

— Ложись!

И упал, увлекая за собой Лизу. Остальные последовали его примеру. Правда, Джошу пришлось сбить с ног Бостона Боба.

Новый незнакомый звук отразился эхом от горных склонов.

— Что?..— начала было Лиза.

— Подожди,— ответил Пейнтер, озадаченно нахмурив брови.

И тут из-за отрога горы Лхоцзе вынырнули два военных реактивных самолета. Из-под крыльев истребителей вырывалось пламя.

Ракетный залп.

Однако целью атаки был не лагерь. Истребители выпустили ракеты, с воем промчались над лагерем и так же стремительно исчезли за горными вершинами.

А оба военных вертолета, успевшие преодолеть три четверти расстояния до лагеря, внезапно взорвались, пораженные самонаводящимися ракетами. Пылающие останки машин посыпались вниз. К небу поднялись языки пламени.

Пейнтер встал и подал руку Лизе. Следом за ними поднялись и остальные.

Возмущенный Бостон Боб шагнул к Лизе.

— Что, черт возьми, вы нам устроили?

Лиза молча отвернулась, в который раз недоумевая, как ее угораздило переспать с этим типом.

— Не смей поворачиваться ко мне спиной, сучка!

Лиза сжала кулачки, чтобы хорошенько врезать Бостону Бобу, но в этом не было необходимости. Пейнтер ее опередил. Его кулак припечатал физиономию Бостона Боба. Лиза не раз слышала выражение «вырубить», но только сейчас поняла, что это означает на самом деле. Бостон Боб рухнул как под-

кошенный. Его нос был сломан. Пейнтер, морщась, потряс рукой.

Джош ахнул и рассмеялся.

— Парень, я об этом уже целую неделю мечтаю!

Из красной палатки связи вышел светловолосый мужчина в форме армии США. Он не спускал глаз с Пейнтера.

— Директор Кроу?

Акцент выдал в мужчине уроженца штата Джорджия.

Мужчина подошел ближе и подал Пейнтеру руку. Тот ответил на рукопожатие, морщась от боли в ободранных костяшках пальцев.

— Логан Грегори шлет вам большой привет, сэр.

Военный кивнул на догорающие обломки вертолетов.

— Лучше поздно, чем никогда,— ответил Пейнтер.

— Он на связи, хочет поговорить с вами.

Пейнтер шагал к красной палатке за майором авиации Бруксом. Лиза, Анна и Гюнтер хотели последовать за ними, но майор жестом остановил их.

— Подождите, я скоро вернусь,— успокоил Пейнтер товарищей.

Нагнув голову, он вошел в палатку, заставленную оборудованием. Офицер освободил место у станции спутниковой связи, и Пейнтер взял в руки трубку телефона.

— Логан?

— Директор Кроу? — Голос был слышен так отчетливо, словно Логан находился в соседней палатке.— Рад, что у вас все в порядке.

— Думаю, этим я обязан вам.

— Мы получили ваш сигнал бедствия.

Пейнтер удовлетворенно кивнул: значит, сигнал SOS с его самодельного устройства достиг цели. Повезло как никогда. Короткого сообщения хватило, чтобы засечь место его отправления.

— Пришлось попотеть, чтобы отследить сигнал и получить согласие непальских военных на вмешательство,— объяснил Логан.— Однако нам удалось подобраться достаточно близко.

Логан следил за событиями через спутник, возможно, с того самого момента, когда они ускользнули из замка. Впрочем, подробности подождут. Есть более важные и срочные задачи.

— Логан, прежде чем дать полный отчет, я прошу вас начать поиск. Сейчас я пошлю по факсу изображение татуировки.— Пейнтер жестами изобразил майору Бруксу, чтобы тот подал ему бумагу и ручку, и быстро нарисовал символ, который обнаружил на руке женщины-призрака.— Выясните, не связан ли знак с террористической организацией, наркомафией... да хоть с бойскаутской дружиной!

— Начну немедленно.

Нацарапав на бумаге рисунок татуировки с четырехлепестковым клевером, Пейнтер передал листок связисту, и тот немедленно отправил изображение по факсу.

Пейнтер кратко изложил события последних дней. Он был благодарен Логану за то, что тот не задавал слишком много вопросов.

— Факс получили? — поинтересовался Пейнтер спустя несколько минут.

— Держу в руках.

— Отлично. Учтите, это очень важно.

В ответ последовало продолжительное молчание. Пейнтер решил, что связь прервалась, как вдруг Логан смущенно произнес:

— Сэр...

— В чем дело?

— Символ мне знаком. Восемь часов назад его прислал нам Грейсон Пирс.

— Что?!

Логан рассказал о событиях в Копенгагене.

Адреналин постепенно сходил на нет, в голове снова застучало. Борясь с недомоганием, Пейнтер пытался сложить части головоломки в единую картину. За Греем тоже охотились рыцари Короля-солнца, но рожденные под Колоколом в другой стране. Что они делали в Европе? Почему для них так важна стопка старых книг? Грей уже в Германии, продолжает расследование, ищет новые важные сведения...

Пейнтер прикрыл глаза, однако голова заболела только сильнее. События в Европе подтвердили его опасения: кто-то затевает опасное предприятие мирового масштаба. Ситуация развивается слишком быстро и чревата тяжелыми последствиями.

Что же готовят неизвестные враги?

Начать поиски можно и с одного-единственного ключевого символа.

— Символ имеет большое значение, мы должны выяснить, кому он принадлежит.

— Возможно, у меня есть ответ,— прозвучал четкий голос Логана.

— Как? Уже?

— В моем распоряжении было восемь часов, сэр.

Ну конечно, правильно. Пейнтер покачал головой, глядя на ручку, которую сжимал в пальцах, и вдруг заметил кое-что необычное. Ноготь на безымянном пальце исчез. Наверное, он содрал его, когда ударил придурка-альпиниста. Крови не было, осталась только бледная сухая лунка, холодная и лишенная чувствительности.

Пейнтер понял, что это значит. Время истекает.

Логан начал докладывать о том, что сумел выяснить, но Пейнтер перебил его:

— Вы передали мою информацию Грею?

— Пока нет, сэр. В настоящий момент с ним нет связи.

Пейнтер нахмурился, сразу позабыв о собственном здоровье.

— Наладьте связь срочно,— приказал он.— Любой ценой. Грей не подозревает, какие силы ополчились против него.

9 часов 50 минут
Вевельсбург, Германия

Монк щелкнул фонариком, и склеп осветил тонкий луч света.

Грей тоже достал из рюкзака фонарь, включил и направил вверх. Вдоль края купола по потолку шел ряд крохотных вен-

тиляционных отверстий, из которых мутноватыми струйками сочился зеленоватый газ.

Многочисленные отверстия располагались так высоко, что заткнуть их не было никакой возможности.

Фиона придвинулась к Грею. По другую сторону колодца, обхватив себя руками, стоял Райан; судя по выражению его глаз, он не мог поверить в реальность происходящего.

Внимание Грея привлекло едва заметное движение: Монк вытащил из кобуры «глок» и прицелился в стеклянную дверь.

— Нет! — крикнул Грей.

Слишком поздно. Монк успел нажать на спусковой крючок. Вслед за громким выстрелом раздался звонкий звук: пуля отлетела от стекла, рикошетом задела одно из стальных вентиляционных отверстий и, выбив из него искру, упала на пол. К счастью, газ оказался негорючим, иначе искра погубила бы их всех.

До Монка с опозданием дошло.

— Пуленепробиваемое,— кисло пробормотал он.

— Пришлось принять меры безопасности,— сказал директор музея, все еще стоявший за дверью.— Слишком много неонацистов пытались проникнуть в склеп.

— Подонок,— процедил Монк.

Газ, который был заметно тяжелее воздуха, постепенно добирался до нижней части комнаты. Несмотря на сладковато-затхлый запах, он оставлял на языке кислый привкус. Значит, не быстродействующий цианид — у того запах горького миндаля.

— Держите головы выше,— велел Грей.— Встаньте в центре комнаты, дальше от вентиляционных отверстий.

Пленники сгрудились вокруг ритуального колодца. Фиона нашла ладонь Грея и крепко вцепилась в нее. Потом протянула вторую руку.

— Я стащила у него бумажник, может, пригодится?

Монк посмотрел на ее трофей:

— Молоток! Лучше бы ты ключи стащила.

— Мой отец знает, что мы находимся здесь! — крикнул Райан по-немецки.— Он позвонит в полицию!

Грей отдал парню должное: Райан изо всех сил старался помочь.

Послышался глухой голос. Лицо появившегося за дверью незнакомца скрывало зеркальное стекло.

— Боюсь, твой отец больше никогда и никому не позвонит.

Голос не выражал угрозы, всего лишь констатировал факт.

Райан пошатнулся, словно его ударили, бросил быстрый взгляд на Грея, потом снова на дверь. Пирс узнал голос, Фиона тоже. Ее пальцы сжались: говорил покупатель с аукциона, блондин с загадочной татуировкой на руке.

— Вам никто не поможет. Отсюда нет выхода.

Туман начал застилать глаза, тело будто теряло вес. Грей потряс головой, пытаясь стряхнуть дурман. Убийца прав, отсюда нет выхода, но это не значит, что нужно сдаваться.

Знание — сила.

Грей повернулся к Монку.

— Достань из рюкзака зажигалку.

Монк послушался, а Грей тем временем вытащил из мешка записную книжку и швырнул ее в колодец.

— Монк, кинь туда же копии бумаг, которые принес Райан. Фиона, дай, пожалуйста, Библию.

Напарник и девушка сделали все, как он просил.

— Поджигай,— велел Грей.

Монк щелкнул зажигалкой, зажег одну из ксерокопий Райана и швырнул ее в колодец. Через пару секунд в колодце занялось пламя, быстро поглощавшее бумагу. Дым слегка развеял ядовитый газ. За дверью невнятно переговаривались приглушенными голосами.

Грей поднял вверх семейную реликвию Дарвинов.

— Только мы знаем тайну, скрытую в этой Библии! — выкрикнул он.

Беловолосый убийца, по-прежнему неузнаваемый из-за стекла, ответил с легким изумлением в голосе:

— Доктор Ульмстром показал нам все, что нужно,— руну «человек». Библия больше не представляет для нас ценности.

— Вот как? — Грей поднес Библию к огню.— Мы открыли Ульмстрому только то, что Гуго Хиршфельд написал на

задней стороне обложки книги, но не показали, что есть на передней!

После мгновенной тишины голоса взволнованно забормотали. Донесся и женский голос,— похоже, беловолосая сестра-близнец тоже находилась за стеклом. Явственно прозвучало «нет!» Ульмстрома: директор защищался от обвинений.

Фиона обмякла. Монк подхватил девушку, удерживая ее голову выше прибывающего ядовитого газа. Однако Монк и сам нетвердо стоял на ногах. Грей не мог больше ждать.

Чтобы произвести гарантированный эффект на противников, он погасил карманный фонарик и... бросил Библию в костер. Грей всегда считал себя католиком, поэтому невольно ощутил внутренний трепет, совершив столь святотатственный поступок. Старые страницы мгновенно занялись, пламя полыхнуло и взвилось вверх.

Грей набрал в грудь воздуха и постарался придать голосу как можно больше убедительности, чтобы враги поверили его словам:

— Если мы погибнем, с нами умрет и тайна Библии Дарвина!

Он ждал, молясь в душе, чтобы обман сработал. Прошла одна секунда, вторая... Уровень газа повышался, с каждой секундой дышать становилось все труднее. Внезапно рухнул Райан — словно марионетка, у которой перерезали веревочки. Монк хотел поднять его, но упал на одно колено, не справившись с тяжестью тела Фионы. Подняться он уже не смог. Фонарик выпал из его ослабевших пальцев и покатился по полу.

Грей не отрывал взгляда от темной двери. Остались ли там люди? Поверили ли они его словам?..

Перед глазами все померкло, и он провалился во тьму.

17 часов 30 минут
Заповедник Хлухлуве-Умфолози

За тысячи миль от Грея инспектор заповедника пришел в себя.

Сознание возвращалось в сумятице боли и мельтешащих цветовых пятен. Что-то трепещущее, словно крылья птицы, коснулось лица, и он разлепил веки. В ушах звучало пение.

— Очнулся,— произнес кто-то по-зулусски.

— Кхамиси...— позвал женский голос.

Понадобилось время, чтобы догадаться, что это его кличут по имени, которое поначалу показалось незнакомым. Потом Кхамиси услышал стон и с удивлением понял, что стонет он сам.

— Помогите ему сесть,— проговорила женщина, тоже по-зулусски, но со знакомым британским акцентом.

Кхамиси почувствовал, как его бессильное тело приподняли и усадили, оперев на подушки.

Зрение постепенно возвращалось. Хижина, сложенная из темных глиняных кирпичей, тонула в полумраке, и только из окон и сквозь занавеску на входе пробивались лучи света, которые больно резали глаза. Потолок украшали разноцветные высушенные тыквы, кожаные плетеные веревки и ожерелья из птичьих перьев. Воздух в хижине был пропитан необычными ароматами. Под нос Кхамиси сунули какой-то пузырек, запахло аммиаком, и инспектор замотал головой.

Потом он увидел, что к правой руке тянется трубка капельницы с желтоватой жидкостью. С одной стороны его поддерживал за плечо голый по пояс шаман в короне из птичьих перьев; это он пел заклинания и овевал лицо Кхамиси высушенным крылом грифа, чтобы отогнать духов смерти. С другой стороны стояла доктор Пола Кейн. Кхамиси почувствовал, что, кроме влажной от пота, прилипшей к телу простыни, на нем нет никакой одежды.

— Где я... что?..

— Воды,— велела Пола.

Сгорбленный старик-зулус немедленно подал ей помятую фляжку.

— Можете держать сами? — спросила Пола.

Кхамиси кивнул, чувствуя, как силы медленно возвращаются. Он взял фляжку и сделал небольшой глоток тепловатой воды, освежившей его неповоротливый распухший язык. А заодно и память.

Сердце забилось сильнее. Он поднял руку, соединенную с капельницей, потрогал забинтованную шею и вдруг вспом-

нил все: дротик с двойной иглой, черную мамбу, инсценированное нападение змеи.

— Что случилось?

Старик начал говорить, и Кхамиси узнал в нем человека, который пять месяцев назад рассказывал, что видел в заповеднике укуфу. Тогда старику никто не поверил.

— Я слышал, что случилось с мисус доктор.— Он с сочувствием и грустью взглянул на Полу.— Слышал, как ты рассказывал, что видел там. Люди болтали. Пришел в твой дом, чтобы поговорить. Тебя дома нет. Я ждал. Пришли другие люди, я спрятался. Они разрубили змею, мамбу. Плохое колдовство. Я прятался, не выходил.

Кхамиси закрыл глаза, вспоминая, как пришел домой и в него выстрелили отравленным дротиком. Тот, кто на него напал, не знал, что в доме прячется старый зулус.

— Я пошел, позвал людей,— продолжал старик.— Мы унесли тебя тайком.

Рассказ закончила Пола Кейн:

— Мы перенесли вас сюда. Яд едва не убил вас, но медицина — и современная, и древняя — спасла вам жизнь.

Кхамиси перевел взгляд с капельницы на шамана.

— Спасибо.

— Хватит ли вам сил, чтобы идти? — спросила Пола.— Яд поражает кровеносную систему, поэтому необходимо двигаться.

С помощью шамана Кхамиси встал, стыдливо придерживая на бедрах мокрую простыню. Сделав несколько шагов, он весь покрылся потом, зато почувствовал, что мало-помалу начал обретать силу.

Занавеску, закрывавшую дверь, отодвинули, и в хижину ворвался яркий свет.

Уже далеко за полдень... Прикрыв глаза рукой, Кхамиси шагнул за порог.

Инспектор узнал маленькую зулусскую деревеньку на самом краю заповедника Хлухлуве-Умфолози, недалеко от того места, где совсем недавно он и миссис Фэрфилд обнаружили мертвую самку носорога. Кхамиси посмотрел на Полу Кейн.

Усталая, с изможденным лицом, она стояла на пороге, скрестив руки на груди.

— Это сделал главный инспектор,— сообщил Кхамиси, ни на секунду не сомневаясь в своей правоте.— Он хотел заставить меня молчать.

— О том, как погибла Марсия, и о том, что вы видели?

Кхамиси кивнул.

— А что вы видели?

Ее прервал громкий шум — низко пролетел вертолет. От поднятого лопастями ветра зашумели деревья и захлопали занавески на входах в хижины, словно хотели прогнать незваного гостя.

Кхамиси внимательно смотрел ему вслед. Вертолет явно не предназначался для развлекательных туристических вылазок. Доктор Пола Кейн, провожая взглядом летательный аппарат, поднесла к глазам мощный бинокль.

Вертолет пролетел еще немного и опустился. Кхамиси шагнул вперед, чтобы лучше видеть. Пола передала ему бинокль.

— Сегодня весь день летают туда и обратно.

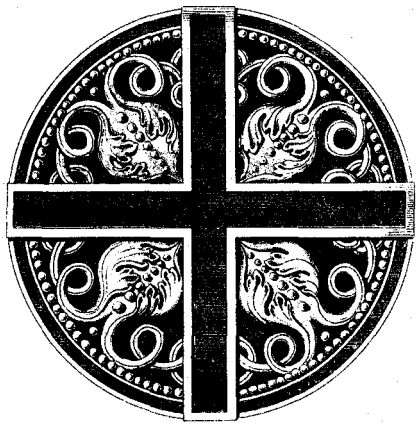
Кхамиси поднес бинокль к глазам. Мощный вертолет приземлился за высокой черной оградой, которая отмечала границу частного поместья Вааленбергов.

— У них там случилось что-то серьезное,— предположила Пола.

Тонкие волоски на затылке Кхамиси встали дыбом.

Он подрегулировал резкость. На закрытых воротах главного входа, которыми пользовались очень редко, красовался старинный фамильный герб — корона и крест Вааленбергов.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ



11

ДЕМОН ИЗ МАШИНЫ

12 часов 33 минуты
В небе над Индийским океаном

— Капитан Брайент и я приложим все силы для расследования дела Вааленбергов здесь, в Вашингтоне,— пообещал Логан Грегори.

Пейнтер воспользовался телефоном-наушником, чтобы освободить руки: он пересматривал гору документов, которые Логан выслал ему по факсу в их опорный пункт в Катманду. В материалах содержались необходимые сведения о Вааленбергах: история старинного клана, финансовые отчеты, международные связи, даже сплетни и досужие домыслы.

Поверх кипы бумаг лежала зернистая фотография: мужчина и женщина выходят из лимузина. Грейсон Пирс снял их из своего двухместного номера в копенгагенском отеле перед самым началом аукциона. Подробное исследование цифрового снимка подтвердило предположение Логана: татуировка связана с кланом Вааленбергов. Юноша и девушка, Исаак и Ишке Вааленберги — близнецы, молодые наследники состояния, размер которого соперничает с валовым национальным доходом большинства государств мира.

Однако еще важнее, что по неестественной бледности лица и белым волосам Пейнтер узнал в юной паре рыцарей Короля-солнца, таких же как Гюнтер и женщина-призрак в гималайском замке.

Пейнтер заглянул в переднюю часть отсека военного самолета.

Гюнтер разметался во сне, его длинные ноги свисали с края софы. Рядом, сидя на стуле, Анна трудилась над кипой материалов. Немцев охраняли майор Брукс и два вооруженных бойца спецназа. Сбежав из замка в Гималаях, Пейнтер, Анна и Гюнтер поменялись ролями: теперь бывший заключенный взял в плен брата и сестру. Тем не менее в отношениях между беглецами ничего не изменилось. Анна нуждалась в связях Пейнтера, а Пейнтер — в знаниях о Колоколе. Как сказала недавно Анна: «Когда все закончится, тогда и уладим дела с законом и степенью вины».

Логан прервал раздумья Пейнтера:

— Утром нам с Кэт назначена встреча в посольстве ЮАР. Посмотрим, удастся ли пролить свет на таинственную семейку затворников.

Затворники — это еще мягко сказано. Вааленбергов с полным правом можно было бы назвать кланом Кеннеди Южной Африки: богатые и безжалостные, они владели территорией размером с американский штат Род-Айленд. Семья, словно гигантский спрут, протянула щупальца во все части страны. Однако представители семейки Вааленбергов крайне редко отлучались из родового имения.

Пейнтер взял в руки фотографию.

Семейство рыцарей Короля-солнца.

Время, отведенное на поиски, стремительно истекало. Оставалось единственное место, где мог оказаться второй Колокол,— владения Вааленбергов.

— В аэропорту Йоханнесбурга вас встретит британский оперативник. Люди из управления МИ-пять многие годы наблюдали за Вааленбергами, отслеживали подозрительные трансакции, но так и не пробили невидимую стену секретности, окружающую семейку.

Ничего удивительного, подумал Пейнтер, если учесть, что Вааленберги владеют едва ли не всей страной.

— Британцы окажут вам поддержку,— закончил Логан.— Через три часа после того, как вы приземлитесь, я, возможно, получу дополнительную информацию.

— Очень хорошо.— Пейнтер смотрел на снимок.— А как там Грей и Монк?

— Как сквозь землю провалились. Нашли только их автомобиль, припаркованный в аэропорту Франкфурта.

Интересный поворот событий. Да, Франкфурт действительно крупнейший узел пересечения авиационных маршрутов, но в распоряжении Грея находился правительственный самолет, скорость которого выше, чем у коммерческого лайнера.

— И что, от них вообще нет известий?

— Так точно, сэр. Мы прослушиваем все каналы.

Потирая виски, боль в которых не одолел даже кодеин, Пейнтер сосредоточился на мерном жужжании двигателей самолета, стремительно преодолевающего милю за милей в темных небесах. Что с Греем? Возможных вариантов немного: агент лег на дно, взят в плен или убит. Где же он на самом деле?

— Обыщите все, что можно.

— Мы этим занимаемся. Надеюсь, ко времени вашего приземления в Йоханнесбурге у меня появятся новости.

— Вы когда-нибудь спите, Логан?

— Тут на углу кофейня «Старбакс», сэр. Вернее, они на каждом углу,— насмешливо ответил усталый голос.— А вы-то как, сэр?

Пейнтер хорошо выспался, пока в Катманду проводили необходимую подготовку к операции, а в Непале тушили пожар — и в буквальном смысле, и в дипломатическом.

— Держусь, Логан. Поводов для волнений нет.

Пейнтер отключил телефон и рассеянно потер бледную ногтевую лунку на безымянном пальце. Сегодня зудели уже все ногти на руках и на ногах. Логан уговаривал босса вернуться в Вашингтон, пройти обследование в военном госпитале, но Пейнтер заверил его, что еще не достиг переломной стадии заболевания. Поражение на квантовом уровне. Ни один из из-

вестных методов лечения не поможет. Чтобы замедлить развитие квантовой болезни, им нужен второй действующий Колокол. Если верить Анне, дозированное воздействие радиации Колокола в контролируемых условиях способно подарить им не дни, а годы жизни.

А может, и полное исцеление, с надеждой заключила Анна.

Однако сначала нужно найти второй Колокол и узнать о нем как можно больше.

Пейнтер вздрогнул, услышав знакомый голос:

— Мне кажется, нам нужно поговорить с Анной.

Лиза словно читала его мысли.

Пейнтер думал, что Лиза спит в задней части отсека. Девушка приняла душ, надела брюки цвета хаки и кремовую блузку и теперь приблизилась, изучая его бесстрастным взглядом врача.

— Выглядите ужасно...

— Вы очень любезны.

Пейнтер встал.

Самолет накренился, в глазах потемнело. Лиза схватила Пейнтера за локоть. Мир снова стал светлым. Ах да, самолет не виноват, просто голова кружится все чаще.

— Обещайте мне, что перед приземлением еще поспите,— настойчиво потребовала Лиза.

— Если будет время...Уффф!

Лиза сжала его руку, словно клещами.

— Ладно, обещаю,— сдался Пейнтер.

Железная хватка ослабла. Лиза кивнула на Анну: та перебирала кипу документов о грузах, отправленных в имение Вааленбергов. Немка настойчиво искала улики, доказывающие, что клан располагал всеми необходимыми средствами для работы с действующим Колоколом.

— Я хочу узнать больше о том, как функционирует Колокол,— пояснила Лиза.— Понять фундаментальные теоретические основы его воздействия на живой организм. Если болезнь вызывает повреждения на квантовом уровне, нужно знать, как и отчего. Анна с Гюнтером — единственные выжив-

шие обитатели Гранитшлосса. Хотя вряд ли Гюнтера посвящали в теоретические тонкости действия Колокола.

Пейнтер кивнул.

— Гюнтер скорее сторожевой пес, чем ученый.

В подтверждение его слов с кушетки донесся могучий храп гиганта.

— Все знания о Колоколе хранит одна лишь Анна. Если ее разум начнет сдавать...

«Можно потерять все»,— последние слова Лиза не стала договаривать.

— Необходимо подстраховаться и получить важную информацию, прежде чем станет поздно.

Лиза и Пейнтер встретились взглядами. Она не скрывала мыслей, они легко читались на ее лице. Он помнил, как девушка поднималась на борт самолета в Катманду. Измотанная, на грани нервного срыва, она не сомневалась в том, как должна поступить.

Ее волновали не память и разум Анны.

Опасность грозила Пейнтеру.

Лиза прошла с ним весь путь с самого начала. Одна она понимала, что происходит, и следила за процессом как врач. И только ей не грозило неизбежное слабоумие. В замке женщины подолгу разговаривали наедине. К тому же Лиза изучила научные записи Анны. Кто знает, какой незначительный на первый взгляд факт определит, что ожидает больных: исцеление или мучительная смерть?

Лиза убрала руку с локтя Пейнтера, вложила пальцы в его ладонь и, тихонько пожав, кивнула в сторону Анны.

— Пойдем, поболтаем с ней.

— Для того чтобы разобраться, как работает Колокол,— начала Анна,— нужно понять квантовую теорию.

Лиза внимательно смотрела на немку. Зрачки сужены от слишком большой дозы кодеина, пальцы дрожат. Анна крепко, как за спасительный якорь, держалась за очки для чтения.

Друзья по несчастью сидели в задней части самолета: Гюнтер по-прежнему спал в носовом отсеке.

— Боюсь, у нас маловато времени, чтобы сделать из Лизы доктора наук,— напомнил Пейнтер.

— Natürlich. Важно понять всего три принципа.— Анна на секунду оставила в покое очки и назидательно воздела палец.— Первое: если материю расщепить на субатомном уровне, до корпускул — электронов, протонов и нейтронов, то действие классических законов Вселенной претерпит изменения. Макс Планк открыл, что электроны, протоны и нейтроны могут вести себя и как частица, и как волна. На первый взгляд, положение абсурдное и противоречивое. Частицы имеют определенные орбиты вращения, а волны — более рассеянные, лишенные каких-либо точных координат.

— Они действительно ведут себя и как частицы, и как волны? — спросила Лиза.

— Потенциально они способны быть либо частицей, либо волной,— поправила Анна.— Это приводит нас к следующему пункту — принципу неопределенности Гейзенберга.

Лиза читала о нем в лаборатории Анны.

— Гейзенберг утверждает, что ничто не является постоянным, если подвергается наблюдению,— припоминала она.— Только как это связано с электронами, протонами и нейтронами?

— Лучшей иллюстрацией принципа Гейзенберга является кошка Шрёдингера,— объявила Анна.— Поместите кошку в закрытый ящик с устройством, которое может в любой момент отравить животное. Кошка либо жива, либо мертва. Все подчинено случайности. В этой ситуации Гейзенберг говорит нам, что при закрытом ящике кошка потенциально и жива, и мертва. Только открыв ящик, можно с точностью узнать о состоянии зверька — он либо жив, либо мертв.

— Похоже на философскую задачку,— заметила Лиза.

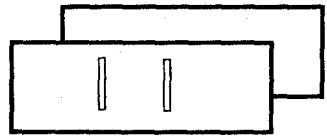
— Возможно, в том случае, если говорить о кошке. Однако на субатомном уровне постулат доказан.

— Доказан? Каким образом?

До сего момента Пейнтер позволял Лизе направлять беседу. Девушка догадалась, что он отлично владеет теорией, но хочет, чтобы и она получила необходимые сведения.

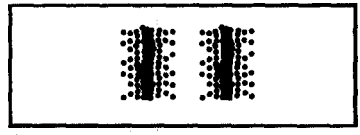
— Простейшим способом двойных смотровых щелей,— объяснила Анна.— И тут мы приходим к третьему пункту.

Она взяла два листка бумаги, проделала в одном из них две прорези и положила поверх другого.



— То, что я собираюсь вам рассказать, может показаться странным и противоречащим здравому смыслу... Предположим, этот лист бумаги — бетонная стена, а прорези — два окна. Если вы возьмете ружье и станете стрелять по обоим окнам, то на задней стене получите определенную картину распределения пуль, вот такую.

Анна взяла второй листок и изобразила на нем рисунок из точек.

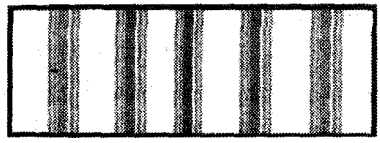


— Назовем ее картиной дифракции А. Так пули, или корпускулы, проникают через прорези.

— Допустим,— кивнула Лиза.

— Далее. Вместо пуль возьмем большой прожектор и направим его на стену так, чтобы свет проникал через прорези. Поскольку свет распространяется как волна, мы получим на второй стене иную картину.

Она начертила новую картинку.



— Такая картина получается оттого, что, проходя через правое и левое окна, световые волны интерферируют, накладываясь друг на друга. Назовем это изображение интерференционной картиной Б, вызванной световыми волнами.

— Понятно.

На самом деле Лиза даже не догадывалась, к чему клонит Анна.

— А теперь,— сказала Анна, подняв две картинки,— возьмем электронную пушку и выстрелим единым потоком электронов по двойным прорезям. Какую картину мы получим?

— Поскольку вы стреляете электронами как пулями, мне кажется, что получится картина дифракции А,— сказала Лиза, ткнув в первый листок.

— А на самом деле в лабораторных условиях мы получаем вторую — интерференционную картину Б.

Лиза призадумалась.

— Значит, электронами можно стрелять из пушки не как пулями, а как светом прожектора, который распространяется в виде волн и образует картину Б?

— Верно.

— Значит, электроны двигаются как волны.

— Да. Но только если никто не является свидетелем прохождения электронов через прорези.

— Не понимаю.

— В другом эксперименте ученые поместили в одну из прорезей маленький датчик. Он издавал писк, когда улавливал прохождение электрона через прорезь. Какую картину получили с применением этого устройства?

— Картина не изменилась.

— Для обычного мира ваши слова были бы верны. Однако в мире субатомном все иначе. Как только устройство было включено, возникла дифракционная картина А.

— То есть простой факт измерения изменил картину происходящего?

— В точности так, как предрекал Гейзенберг. Результат может показаться невероятным, и тем не менее. Проверено

бесчисленное количество раз. Электрон существует одновременно как частица и как волна до тех пор, пока что-либо не измеряет его. Сам факт измерения электрона заставляет его переходить из одной ипостаси в другую.

Лиза тщетно пыталась представить себе мир элементарных частиц, где все существует в постоянном корпускулярно-волновом состоянии.

— Если элементарные частицы образуют атомы,— сказала она,— а атомы образуют привычный нам мир, который мы познаем... Где же тогда грань между призрачным миром квантовой механики и нашим, вещественным миром?

— Повторяю: единственный способ повлиять на потенциал — измерить его. Измерительным инструментом может служить элементарная частица, столкнувшаяся с другой частицей, например фотон света. Окружающая среда постоянно и непрерывно измеряет субатомный мир, изменяя его потенциал. В качестве примера посмотрите на свои руки. На квантовом уровне элементарные частицы образуют атомы, существующие по квантовым законам, однако в мире миллиардов атомов они образуют ваши ногти. Атомы сталкиваются, взаимодействуют, то есть измеряют друг друга, направляя потенциал к фиксированной реальности.

— Ну, допустим...

Наверное, Анна уловила пессимизм в голосе Лизы.

— Знаю, все это звучит весьма странно, но я всего лишь поверхностно коснулась причудливого мира квантовой теории. Я оставила в стороне такие концепции, как квантовая нелокальность и множественность вселенных.

Пейнтер кивнул.

— И без того картина довольно непривычная.

— Все, что вам нужно понять, содержится в трех положениях.— *Анна начала загибать пальцы.* — Элементарные частицы существуют в состоянии квантового потенциала. Для того чтобы изменить потенциал, необходим инструмент измерения. Такие измерения постоянно осуществляет окружающая среда, формирующая видимую реальность.

Лиза подняла руку, как ученица.

— А как все это связано с Колоколом? В библиотеке вы упомянули квантовую эволюцию.

— Совершенно верно,— кивнула Анна.— Что такое ДНК? Не что иное, как белковая машина, производящая все основные строительные кирпичики клеток белковых тел.

— А если говорить простым языком?

— Скажем еще проще: не является ли ДНК генетическим кодом, заключенным в химические связи? И что разрывает эти связи, включая и выключая гены?

Лиза вспомнила основы химии.

— Движение электронов и протонов.

— А каким законам подчиняются эти элементарные частицы — классической физики или квантовой?

— Квантовой.

— А если протон может находиться в двух местах — в положении А или Б, включая или выключая ген, то в каком месте его можно обнаружить?

Лиза зажмурилась.

— Если он обладает потенциалом находиться в обоих местах, значит, он и находится в обоих местах. И ген может быть одновременно и включенным и выключенным. Пока его ничто не измерит.

— А что его измеряет?

— Окружающая среда.

— А что является окружающей средой для гена?

Лиза широко раскрыла глаза.

— Сама молекула ДНК.

Анна с улыбкой кивнула.

— На фундаментальном уровне живые клетки сами по себе действуют как квантовые устройства измерения. Постоянное измерение на клеточном уровне и есть истинный двигатель эволюции. Оно объясняет, почему мутации не носят случайного характера и почему скорость эволюционного процесса больше, чем если бы она определялась случайным характером мутаций.

— Подождите,— перебила ее Лиза.— Повторите еще раз с начала.

— Вот вам пример. Помните бактерии, которые не могли усваивать лактозу? Они голодали, не имея других источников пищи, кроме лактозы, и мутировали с невообразимой скоростью. В результате бактерии выработали фермент, способный эту лактозу расщеплять. Вопреки всем случайностям.— Анна вопросительно изогнула бровь.— Вы можете объяснить этот факт теперь, применив три квантовых принципа? Особенно если я подскажу вам, что для благоприятной мутации требуется всего лишь перемещение единственного протона из одного положения в другое.

Лиза отважилась на объяснение:

— Если протон может находиться в обоих местоположениях, то квантовая теория говорит о том, что он там и находится. Значит, ген одновременно мутировал и не мутировал, сохраняя потенциал и того и другого состояния.

— Продолжайте,— кивнула Анна.

— Тогда клетка, действуя как квантовый измерительный инструмент, заставит ДНК занять определенное положение, то есть мутировать или не мутировать. А поскольку клетка живет и подвергается влиянию окружающей среды, она вопреки случайности склоняет чашу весов к полезной мутации.

— Сейчас этот процесс ученые называют адаптивной мутацией. Окружающая среда влияет на ДНК, и происходит мутация, направленная на пользу клетке. Процессом движут механизмы квантового мира.

Лиза начинала понимать, к чему приведет такой подход. В их беседах в замке Анна уже упоминала о понятии «разумное творение». Она даже ответила на вопрос, кто стоит за творящим разумом, коротким словом: «Мы».

Теперь Лиза поняла: эволюцию направляют наши собственные клетки. Они отвечают на воздействие окружающей среды и изменяют потенциал ДНК, заставляя его наиболее успешно приспосабливаться к среде. А затем дарвиновский естественный отбор своим вмешательством закрепляет полезные модификации.

— Еще важнее то,— в охрипшем голосе Анны звучала усталость,— что квантовые механизмы объясняют, как зародилась первая искра жизни. Помните, мы говорили о возможности образования реплицирующего белка в первобытном бульоне? В квантовом мире случайность выведена за пределы уравнения. Первый способный к репликации белок образовался потому, что он был островком порядка среди хаоса. Его способность к измерению и изменению квантового потенциала вытеснила случайность простого сталкивания атомов в первичном бульоне. Жизнь зародилась потому, что она стала лучшим квантовым измерительным инструментом.

— И Бог тут ни при чем? — повторила Лиза вопрос, который уже задавала ей совсем недавно.

Анна приложила дрожащие пальцы ко лбу. Веки ее подергивались, она страдальчески смотрела в иллюминатор. Голос звучал слабо, еле слышно:

— Я этого не говорила... Вы смотрите на картину не под тем углом.

Лиза промолчала. Она понимала, что Анна слишком измотана, чтобы продолжать объяснения; им всем не мешало бы выспаться. Однако один вопрос нельзя было оставить без ответа.

— А что же Колокол? Как он действует?

Анна опустила руку и посмотрела сначала на Пейнтера, потом на Лизу.

— Колокол — это абсолютный квантовый инструмент.

Затаив дыхание, Лиза вдумывалась в ее слова.

Кроме усталости в глазах Анны засветилось выражение, не поддающееся словесному описанию. В нем смешались гордость и поклонение, и вместе с тем — беспредельный страх.

— Поле Колокола, если удается его получить, обладает способностью совершенствовать не только молекулу ДНК, но даже самое человечество.

— А что же случилось с нами — с вами и со мной? — спросил Пейнтер, которого не тронул пыл Анны.— Разве можно считать наше состояние усовершенствованием?

Огонь в глазах Анны погас, сменившись усталостью и обреченностью.

— Колокол обладает не только способностью совершенствовать; под действием квантовых волн происходит и обратный процесс.

— Обратный процесс?

Анна отвела взгляд в сторону.

— Заболевание, поразившее наши клетки, не простое повреждение. Его причина — деволюция, то есть вырождение, вернее, регресс.

Пейнтер молча взирал на Анну.

Ее голос упал до шепота:

— Наши тела возвращаются к состоянию первобытного бульона, из которого некогда вышло все живое.

5 часов 5 минут
Южная Африка

Его разбудили крики обезьян.

«Откуда здесь обезьяны?»

Неожиданное открытие потрясло Грея и вырвало из полубеспамятства. Совершенно проснувшись, он резко сел на кровати. Он был жив и находился в камере.

Грей вспомнил Вевельсбургский музей, поток газа и свой обман.

«Я сжег Библию Дарвина, солгав, что в ней заключена тайна, о которой известно только моим товарищам. Я жив, значит, обман удался. Где же остальные: Монк, Фиона и Райан?»

Грей окинул взглядом тесную камеру: койка, туалет, душевой стояк. Дверь из досок толщиной в дюйм вела в коридор, освещенный потолочными флуоресцентными светильниками. Кто-то раздел пленника донага, но на стуле, привинченном к полу у изножья кровати, лежала стопка одежды.

Грей отбросил одеяло и встал. Комната покачнулась, однако после нескольких глубоких вдохов координация восстановилась. Было тяжело дышать и немного поташнивало — последствия отравления.

Болело бедро. Грей нащупал гематому величиной с кулак, потом обнаружил несколько засохших следов от уколов, а в сгибе левого локтя — пластырь. След от капельницы? Похоже, кто-то лечил его, спасал жизнь.

Где-то далеко звучали резкие крики и вой. Похоже на диких обезьян. Однако звук не такой, какой бывает в зоопарке. Больше похоже на звуки пробуждающегося девственного леса...

Стоп! Какой еще лес? Грей вдохнул полной грудью: воздух сухой, теплый, напоенный ароматами.

«Я что, оказался в Африке?»

Долго ли он лежал без сознания? Часы с запястья не сняли, можно узнать время. Только вот какой сейчас день?.. Судя по ощущениям, прошло не более суток. Длина отросшей на щеках щетины подтвердила оценку.

Грей шагнул вперед и протянул руку к стопке одежды.

Его движение привлекло чье-то внимание.

Прямо через коридор к двери камеры шагнул Монк. Увидев напарника, живого и невредимого, Грей облегченно вздохнул.

— Слава богу...

— Как дела?

— Слабость. И голова немного кружится.

Монк успел облачиться в такой же белый тренировочный костюм, что лежал на стуле. Грей быстро оделся.

Монк поднял левую руку, продемонстрировав культю с титановыми контактами, обычно соединявшими ее с протезом.

— Сволочи забрали мою чертову руку.

Однако утраченный протез волновал Грея куда меньше, чем другой вопрос.

— А где Фиона и Райан?

— Понятия не имею. Наверное, здесь, в такой же клетке.

Или их убили, добавил про себя Грей.

— Что теперь делать, босс? — спросил Монк.

— Выбирать не приходится. Подождем, когда тюремщики сделают первый шаг. Им нужна информация, которой мы владеем. Может быть, мы выторгуем себе жизнь.

Монк кивнул. Он знал, что в замке Грей блефовал, и, кажется, враги клюнули на обман. Наверное, за ними и сейчас наблюдают.

Словно подтверждая его догадку, в конце коридора стукнула дверь. Послышались шаги.

К напарникам подошла группа охранников в черно-зеленом камуфляже, возглавляемая высоким белокурым мужчиной, тем самым пресловутым покупателем с аукциона. Молодой человек выглядел, по обыкновению, щегольски: черные брюки из твида, отутюженная льняная сорочка, светлые кожаные мокасины и белый кашемировый пиджак. Хоть сейчас на вечеринку.

Охранники топали следом за ним, потом разделились на две группы и встали по обе стороны коридора. Грею и Монку пластиковыми ремнями связали за спиной руки и вывели в коридор.

Светловолосый молодой человек не спускал с Грея голубых глаз.

— *Доброе утро,* — немного театрально произнес он, как будто знал, что за ним наблюдают через камеры слежения. — Мой дед просит вас об аудиенции.

Несмотря на внешнюю учтивость, каждое слово сочилось яростью. В Копенгагене ему помешали совершить убийство, и теперь он дожидался удобного момента, чтобы исправить ситуацию. Интересно, что послужило причиной гнева блондина? Смерть брата — или тот факт, что Грей обвел его вокруг пальца в Вевельсбурге? Так или иначе, за внешностью и манерами денди скрывались злость и ярость.

— Прошу сюда, — пригласил он и прошел вперед.

Грей и Монк босиком шлепали следом. По пути Грей с надеждой заглядывал в камеры по обеим сторонам коридора, но никаких следов присутствия Фионы и Райана не заметил. Живы ли его юные товарищи?

Коридор закончился тремя ступеньками у массивной стальной двери. Незапертый вход охраняли вооруженные люди.

Из стерильной тюрьмы Грей шагнул в зеленый сумрак мира чудес. Высоко вверху деревья, увитые колючими лианами

и цветущими орхидеями, сплетали свои кроны. Густая листва скрывала небеса. И все же Грей догадался, что сейчас раннее утро, солнце еще даже не взошло. Кованые фонари в викторианском стиле были расставлены на дорожках, что вели в глубь девственных джунглей. Свистали и чирикали птицы, жужжали насекомые. Дикая обезьянка возвестила о появлении людей звонким стаккато. С дерева вспорхнула испуганная птица с радужным оперением и пропала в ветвях.

— Африка,— пробормотал Монк.— Возможно, экваториальная. Наверняка южнее Сахары.

Грей согласился с напарником и решил, что наступает утро следующего дня. Восемнадцать, а то и двадцать часов потеряны безвозвратно. За это время их могли увезти в любой уголок Африки.

Куда же они попали?

Охранники шли по гравиевой дорожке. В подлеске, всего в нескольких ярдах от процессии, слышалась тяжелая мерная поступь неизвестного крупного зверя, однако вблизи рассмотреть его не удалось. Если они предпримут попытку к бегству, спрятаться в густом лесу будет легко.

Сбежать пленники не успели. Через каких-нибудь пятьдесят ярдов дорожка закончилась, а затем отступили и джунгли.

Лес сменился аккуратно подстриженным и освещенным лампами зеленым парком с фонтанами и журчащими ручьями. Бурлили водопады, длиннорогая антилопа при появлении людей подняла точеную головку, замерла на мгновение, через миг взвилась и пропала в густом лесу.

Чистое небо над головой мерцало многочисленными звездами, но на востоке бледное розовое сияние уже возвещало о том, что наступает утро.

Внимание Грея приковало к себе новое зрелище.

Впереди, в окружении садов, возвышалось шестиэтажное здание из камня. Оно напомнило Грею «Аванее-лодж» в Йосемите*, но здешний дворец поражал поистине вагнерианскими

* Один из наиболее заметных курортных отелей Северной Америки в Калифорнии, национальном парке Йосемите.

масштабами. Этакий Версаль посреди девственного леса. Дворец гордо вознес свои башенки и шпили, он развесил балконы и раскинул балюстрады на территории не меньше десяти акров. Слева выступала застекленная пристройка оранжереи, залитая изнутри ярким светом, из-за чего строение блистало в предрассветном сумраке, словно восходящее светило.

Роскошь парка и замка поражала воображение.

По каменной дорожке, что разделяла сад надвое, они подошли к замку. По одному из каменных мостов бесшумно скользила двухметровая змея. Грей не мог определить ее вид, пока та не приподняла голову, расправив капюшон.

Королевская кобра.

Змея оставалась на мосту до тех пор, пока светловолосый мужчина не выломал в подлеске длинную ветку и не отбросил кобру прочь, словно нашкодившего котенка. Кобра зашипела, обнажив клыки, но сочла за лучшее убраться с дороги и соскользнула в темную воду.

Целые и невредимые, путники проследовали дальше. Чем ближе процессия подходила к зданию, тем выше задирал голову Грей.

Он заметил еще одну особенность сооружения. От верхних этажей в разные стороны расходились дорожки, которые терялись в кронах высоких деревьев. Висячие мосты пронизывали дикий лес, позволяя гостям гулять по самым верхним ярусам джунглей. Воздушные дорожки освещали созвездия мерцающих ламп. Не замедляя шагов, Грей повернулся кругом: светильники были повсюду.

— Посмотри вверх,— пробормотал Монк, мотнув головой влево.

По висячему мостику среди полога леса медленно прохаживался охранник с винтовкой на плече. Грей взглянул на Монка: где один охранник, там и другие. В густой листве могла спрятаться целая армия. Надежда на побег постепенно угасала.

Наконец они достигли ступенек широкого крыльца из полированного зебрового дерева. Здесь их поджидала женщина,

сестра-близнец сопровождающего блондина, столь же безупречно одетая. Молодой человек подошел к ней и расцеловал в обе щеки, потом заговорил по-голландски. Не слишком хорошо владея языком, Грей все же уловил смысл разговора.

— Остальных подготовила, Ишке?

— Ждем только приказа дедушки.— Она кивнула головой на освещенные стекла оранжереи в дальнем конце крытой галереи.— Тогда и начнем охоту.

Смысла их слов Грей не разгадал.

С тяжким вздохом беловолосый мужчина повернулся к пленникам, заправил за ухо выбившийся локон и отрывисто произнес:

— Мой дед примет вас в оранжерее. Говорите с ним уважительно и культурно; я лично прослежу за тем, чтобы вы заплатили страданием за каждое неучтивое слово.

— Исаак,— окликнула его женщина.

— Да, Ишке?

Она снова заговорила по-голландски:

— Привести их прямо сейчас?

В ответ брат кивнул и, также на голландском, отдал распоряжение.

Грей понял значение последних слов, и его ноги приросли к земле. Он оглянулся через плечо, чтобы посмотреть еще раз на женщину, но та ушла в дом.

Исаак велел привести юношу и девушку.

Это, конечно, Райан и Фиона.

Значит, они живы. Это немного успокаивало, но от последних слов Исаака мурашки побежали по коже:

— Сначала пустите им кровь.

5 часов 18 минут
В небе над Африкой

Пейнтер неутомимо работал, не выпуская ручку из пальцев. Тишину самолета нарушал лишь ритмичный храп Гюнтера. Гигант, похоже, совершенно не придавал значения тому факту, что летит туда, где им грозит опасность, а может быть, и неминуемая гибель. Правда, над Гюнтером не висел

дамоклов меч неумолимо истекающего времени, как над Пейнтером и Анной. Несмотря на то что все трое двигались к одинаковому концу — деволюции, Анна с Пейнтером стояли первыми в скорбном списке тех, кому вскоре суждено умереть.

Не в силах уснуть, Пейнтер использовал свободное время для изучения клана Вааленбергов. Врага нужно знать в лицо.

Вааленберги прибыли в Африку из Алжира в тысяча шестьсот семнадцатом году. Они гордились тем, что ведут свой род от прославленных пиратов, промышлявших у североафриканского побережья. Первый Вааленберг служил квартирмейстером у знаменитого пирата Слеймана Реис Де Веенбоера, верховодившего целым флотом голландских каперов и галер у водных границ Алжира.

Разбогатевшие на работорговле Вааленберги постепенно продвигались на юг и наконец осели в крупной голландской колонии на мысе Доброй Надежды. Однако пиратскую деятельность не закончили, просто сменили море на сушу. Вааленберги прочно держали за горло голландское население. Поэтому, когда на землях эмигрантов нашли залежи золота, Вааленберги разбогатели больше всех. К тому же запасы драгоценного металла оказались немалыми. Витватерстранд-Риф, невысокий хребет близ Йоханнесбурга, давал до сорока процентов от мировой добычи золота. Уступая славе знаменитых владельцев алмазных копей Де Бирсов, золотые прииски Вааленбергов все же считались одним из наиболее надежных источников дохода.

Благодаря сказочному богатству семья создала династию, пережившую Первую и Вторую бурские войны, а также все последующие политические заварушки, которые привели к образованию сегодняшней Южно-Африканской Республики. Сейчас Вааленберги — одно из богатейших семейств планеты. Правда, за последние десятилетия их жизнь стала еще более засекреченной, чем раньше, в особенности под управлением ныне живущего патриарха сэра Балдрика.

Вокруг загадочного семейства, укрывшегося от общественного внимания, роились всевозможные зловещие слухи о звер-

ствах, извращениях, наркомании, кровосмешении. Однако Вааленберги продолжали богатеть, захватывали новые позиции на алмазном и нефтяном рынках, в нефтехимической и фармацевтической промышленности и стали крупной транснациональной корпорацией.

Неужели за трагическими и пугающими событиями в Гранитшлоссе действительно стоял могущественный южноафриканский клан?

Вааленберги располагали всеми необходимыми для этого возможностями. Да и татуировка, обнаруженная Пейнтером на руке женщины-призрака, определенно напоминала крест с герба Вааленбергов. А тут еще близнецы Исаак и Ишке. Что привело их в Европу?

Слишком много вопросов требовали немедленного ответа.

Пейнтер перевернул очередную страницу и ткнул ручкой в герб Вааленбергов.

Что-то связанное с символом вертелось у него в голове...

Вместе с историей рода Вааленбергов Логан прислал информацию об их гербе. Солярные, то есть связанные с солнцем, символы часто изображались на кельтских щитах. Один из них и получил название «узел щита».

Рука Пейнтера замерла над бумагами.

Узел щита.

Пейнтер вновь услышал слова умирающего Клауса, его проклятие, наложенное на Анну и Гюнтера: «Вы все умрете, как только затянется узел!»

Тогда Пейнтер решил, будто Клаус предрекает, что смерть принесет петля клятвы, которая связывала обитателей Гранитшлосса. А если он говорил о символе «узел щита»?

Когда узел затянется...

Пейнтер перевернул листок и принялся рисовать, задумчиво поглядывая на узел Вааленбергов. Он попробовал на бумаге «затянуть» узел плотнее, как если бы у него под рукой были шнурки на ботинках.

— Что ты делаешь?

Возле Пейнтера возникла Лиза.

От неожиданности его рука дрогнула, и ручка черкнула по бумаге, почти порвав листок.

— Боже всемогущий! Женщина, не подбирайся ко мне так беззвучно!

Зевнув, Лиза присела на подлокотник кресла и похлопала Пейнтера по плечу.

— Какой ты нервный! — Девушка наклонилась вперед, не убирая руку с плеча.— Что рисуешь?

Пейнтер неожиданно остро осознал близость ее правой груди к его щеке. Он нервно откашлялся и начал пояснять:

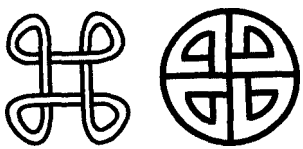
— Благодаря символу мы опознали убийцу. Один мой оперативник видел такой же рисунок у пары Sonnenkönige в Европе, у внуков-близнецов сэра Балдрика Вааленберга. Это может оказаться важной уликой, которую мы упустили.

— Или старый негодник просто любит клеймить свое потомство, словно его дети и внуки — крупный рогатый скот, который сам Балдрик и выводит.

Пейнтер кивнул.

— Есть еще кое-что. Помнишь, Клаус сказал про узел, который затянется? Похоже на загадку.

Пейнтер закончил набросок и положил рядом с оригиналом.



Сравнив изображения, Пейнтер внезапно осознал их скрытый смысл. Дыхание перехватило.

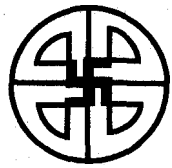
— Что там?

Лиза наклонилась еще ниже. Пейнтер указал ручкой на второй рисунок:

— Неудивительно, что Клаус переметнулся на их сторону. Может, из-за этого и Вааленберги стали такими скрытными в последние годы.

— Не понимаю.

— Мы имеем дело не с новым врагом, а с тем же самым.
Пейнтер обвел центр символа, выявив скрытое значение.



— Свастика! — ахнула Лиза.
Пейнтер перевел взгляд на спящего гиганта и вздохнул:
— И здесь нацисты.

6 часов 4 минуты
Южная Африка

Оранжерея, как видно, была такой же старой, как и дом. Ее стекла сверкали под жаркими лучами африканского солнца, словно плавились от тепла, а черные металлические рамы напомнили паучью сеть. Снаружи, из сумрака джунглей, ничего рассмотреть не удалось, потому что изнутри запотевшие окна покрывали капельки конденсата.

Грея поразила высокая влажность воздуха: наверное, не меньше ста процентов. Тонкий хлопковый костюм прилип к телу.

Такие условия в оранжерее поддерживали отнюдь не для комфорта людей — помещение заполняли тысячи зеленых растений. Они взбирались изумрудными плетями на верхние ярусы, свисали вниз из корзин, подвешенных к потолку с помощью черных цепей. Густой воздух пропитали ароматы сотен цветов. Посередине, в маленьком фонтане, среди бамбука и декоративных камней тихонько журчала вода.

«Симпатичный сад, но зачем нужна теплица, если ты и так уже живешь в Африке?» — подумал Грей.

В тот же миг он узнал ответ.

На втором ярусе стоял седовласый джентльмен с маленькими ножницами в одной руке и пинцетом в другой. С видом опытного хирурга он склонился над деревцем бонсай и ловко

отсек у миниатюрной цветущей сливы крошечную веточку, после чего с довольной улыбкой выпрямился.

Стволик скрюченного деревца, очень древнего на вид, крепко стягивала медная проволока. Множество цветков покрывали его крону.

— Этой сливе двести двадцать два года,— с сильным акцентом произнес старик, любуясь работой.— Когда в тысяча девятьсот сорок первом году мне преподнес ее император Хирохито, она уже была старушкой.

Поверх темно-синего костюма с красным галстуком на нем был надет белый передник. Старик протянул руку беловолосому молодому человеку:

— Исаак, иди сюда.

Тот немедленно помог ему спуститься со второго яруса, за что удостоился ласкового похлопывания по плечу. Старик снял передник, взял черную трость и тяжело оперся об нее. Грею бросился в глаза выпуклый герб, венчающий верхушку серебряного набалдашника: филигранная буква W, завершенная уже знакомым клеверным листком, таким же, как на татуировках Ишке и Исаака.

— Я сэр Балдрик Вааленберг,— спокойно произнес старик, изучая Грея и Монка.— Прошу проследовать за мной в салон, нам нужно о многом поговорить.

Постукивая тростью, он направился к задней стене оранжереи.

Старику было, наверное, под девяносто; впрочем, если не считать трости, он обнаруживал не слишком много признаков старческого бессилия. Модно подстриженные, густые седые волосы, расчесанные на прямой пробор, почти доходили ему до плеч. С шеи свисали очки на серебряной цепочке, одно из стекол которых заменяло приспособление, напоминавшее лупу ювелира.

Шагая по выложенному плиткой полу, Грей заметил, что растения в оранжерее распределены в особом, строгом порядке: бонсай, папоротники и наконец орхидеи.

Патриарх заметил интерес Пирса.

— Последние шестьдесят лет я занимаюсь селекцией орхидей рода Фаленопсис.

Старик остановился у растения с высоким стеблем, увенчанным темными, как ночь, пурпурными цветками оттенка свежего кровоподтека.

— Мило,— сказал Монк, не скрывая сарказма.

Исаак кинул быстрый взгляд в его сторону, однако, по всей видимости, решил не тратить свои силы на этого невежу.

— И все-таки черная орхидея не дается мне в руки. Она поистине священный Грааль для селекционеров. При изучении цветка под микроскопом обнаруживается непременный пурпурный оттенок.

Он рассеянно поигрывал очками. Через минуту, словно опомнившись, старик снова продолжил путь.

Теперь Грею стала понятна разница между оранжереей и джунглями за окном. Природа здесь не радовалась жизни, ею управляла твердая рука. Выросшие под куполом оранжереи живые растения обрезали, искривляли и скрещивали между собой, ограничивая их рост медной проволокой. Даже процесс опыления осуществлялся властной рукой хозяина.

Пройдя по оранжерее, они вышли через дверь со стеклянным витражом и попали в маленький салон с удобной мебелью из ротанга и красного дерева. В дальнем конце комнаты большая дверь вела во внутренние помещения дворца.

Балдрик Вааленберг устроился в кресле-качалке.

Исаак подошел к столу со стоящим на нем компьютером «хьюлетт-паккард» и жидкокристаллическим монитором. Рядом стояла школьная доска.

Мелом на ней была начерчена последовательность символов. Руны, последняя из которых — руна «человек» из дарвиновской Библии.

Грей запомнил надпись. Пять символов, пять книг. Вот и собрали все секретные руны Гуго Хиршфельда. Но что они

означают? Какая тайна «слишком прекрасна, чтобы позволить ей умереть, и слишком ужасна, чтобы предоставить ей свободу»?

Старик сложил руки на коленях и кивнул Исааку.

Тот нажал на клавишу, и на мониторе появилось четкое изображение. В джунглях, высоко над землей, висела клетка, разделенная на две половины. В каждой из них съежилась маленькая фигурка.

Грей безотчетно шагнул вперед, но охранник остановил его дулом винтовки. Одна из фигурок на экране посмотрела вверх, и прожектор ярко осветил лицо. Это была Фиона. А в другой половине клетки сидел Райан.

Левая рука у Фионы была забинтована и подвязана полосой ткани, оторванной от края блузки. Повязка потемнела от крови. Райан баюкал свою правую руку. «Сначала пусти им кровь...» Черная ярость закипела в груди Грея, сердце застучало сильнее.

— Вот теперь мы потолкуем,— заговорил старик со слащавой улыбкой.— Как джентльмены.

Грей повернулся к патриарху, продолжая одним глазом следить за экраном. Не слишком ли круто для джентльмена?

— Что вы хотите знать?

— Что еще вы нашли на страницах Библии?

— И тогда вы их освободите?

— И руку мою отдайте! — со злостью добавил Монк.

Балдрик кивнул Исааку, тот махнул одному из охранников и отдал отрывистый приказ по-голландски. Солдат повернулся на каблуках и, пройдя через двойную дверь, скрылся в доме.

— В излишней жестокости нет нужды. Даю вам слово, что в обмен на ваше сотрудничество со всеми вами будут обходиться достойно.

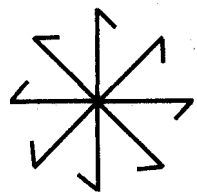
Грей не видел причин что-то скрывать, тем более что, кроме лжи, у него ничего не было. Он повернулся, демонстрируя запястья, стянутые пластиковыми ремнями.

— Придется показать вам, что я там нашел. Описать на словах не смогу. Это еще один символ, такой как остальные.

Старик снова кивнул, и через секунду Грея развязали. Он потер затекшие запястья и подошел к школьной доске. Несколько охранников целились в него в упор.

Требовалось нарисовать что-то такое, что вызвало бы доверие старика, но «рунные» познания Грея оставляли желать лучшего. Ему припомнился керамический заварной чайник Гиммлера в музее Вевельсбурга, украшенный руническим изображением. Возможно, оно сыграет роль той палки, которую вставляют в колеса, чтобы застопорить работу. Нужно помешать Вааленбергам раскрыть загадку Гуго Хиршфельда.

Грей взял кусочек мела и нарисовал на доске символ с чайника Гиммлера.



Балдрик подался вперед, вглядываясь в рисунок прищуренными глазами.

— Солнечное колесо! Любопытно...

Грей стоял у доски с мелом в руке — ни дать ни взять ученик, ожидающий оценки учителя за решение задачки по математике.

— И это все, что вы обнаружили в Библии Дарвина?

Краем глаза Грей заметил, что на губах Исаака промелькнула легкая ухмылка. Что-то не так. Балдрик молча ждал ответа.

— Сначала отпустите их,— потребовал Грей, кивнув на монитор.

Старик, не мигая, смотрел на Грея, в его глазах светилась жестокость. Он откровенно наслаждался устроенным представлением.

Внезапно Балдрик сбросил маску притворного добродушия, повернулся к внуку и кивнул.

— Кого первого? — уточник Исаак.

Грей напрягся: видимо, и впрямь дело плохо.

Балдрик ответил, неотрывно глядя на Грея, чтобы сполна насладиться зрелищем:

— Пожалуй, мальчика. Оставим девочку на сладкое.

Исаак нажал кнопку на клавиатуре.

Грей взглянул на экран и увидел, что дно клетки под Райаном провалилось. С беззвучным криком юноша упал в высокую траву, быстро поднялся, испуганно озираясь. Он явно чувствовал себя в опасности. Свежая кровь могла привлечь какого-нибудь голодного хищника.

Грей вспомнил, как Ишке сказала: «Мы ждем только приказа дедушки. Тогда и начнем охоту».

На кого они собираются охотиться?

Балдрик изобразил рукой, что поворачивает регулятор громкости. Исаак в ответ тронул кнопку, и из колонок раздались крики и вопли.

— Беги, Райан! Лезь на дерево! — громко кричала Фиона.

Юноша немного повертелся на месте, прихрамывая, побежал и исчез с экрана. Послышался смех невидимых охранников, потешавшихся над Райаном.

И тут из динамиков послышался дикий звериный вой, от которого у Грея волосы встали дыбом.

Балдрик сделал знак, и звук выключили.

— Мы здесь не только орхидеи выводим, коммандер Пирс.

Балдрик отбросил всякую учтивость.

— Вы дали слово,— напомнил Грей.

— Я сдержу его только в ответ на вашу помощь.— Балдрик легко поднялся с кресла и презрительно махнул рукой в сторону школьной доски.— Вы что, считаете нас дураками? Мы с самого начала знали, что в дарвиновской Библии больше ничего стоящего нет. Просто устроили вам проверку. Сюда вас привезли по другой причине. Нужно получить ответы на кое-какие вопросы.

Грея осенило:

— Значит, газ...

— Газ не смертелен, он только обездвиживает. И все же ваш маленький трюк нас позабавил, и это вам зачтется. А теперь пора за дело.

Балдрик приблизился к висящему на стене экрану.

— Вы опекаете эту крошку, не так ли? Девчонка — настоящая фурия. Хорошо же, я покажу вам, что ждет ее в лесу.

Кивок, нажатие кнопки, и на боковом окне монитора возникло новое изображение. У Грея от ужаса глаза вылезли из орбит.

Балдрик заговорил:

— Мы хотели бы узнать больше о ваших соучастниках. На сей раз с шутками покончено. Или вас еще тянет поиграть?

Грей не мог оторвать полного ужаса взгляда от монитора:

— О ком вы хотите узнать?

Балдрик приблизился к Грею.

— О вашем боссе Пейнтере Кроу.

12

УКУФА

6 часов 19 минут
Ричардс-Бей, Южная Африка

Поднимаясь на крыльцо местного отделения «Бритиш Телеком», Лиза заметила, как дрожат ноги у Пейнтера. Они пришли сюда, чтобы встретиться с британским агентом, который работал над подготовкой штурма поместья Вааленбергов. Фирма находилась в Ричардс-Бее, крупном порту на побережье Южной Африки. До поместья отсюда — час езды на автомобиле.

Пейнтер оперся на поручень, оставив на нем влажный отпечаток ладони. Лиза подхватила товарища под локоть и помогла одолеть последнюю ступеньку.

— Я сам! — раздраженно бросил он.

Она не обиделась, понимая, что причина не в международных неприятностях, а в том, что его мучает боль. Пейнтер глотал кодеин, как драже «M&M».

Лиза ожидала, что он наберется сил на борту самолета, но полдня, проведенные в полете, только усилили слабость и приблизили деволюцию, выражаясь словами Анны.

Гюнтер с сестрой остались под охраной в аэропорту. Хотя, наверное, в охране не было нужды: последний час перелета Анна провела в туалете, ее рвало. Уходя, Лиза увидела, что Гюнтер укладывает сестру на диван и кладет ей на лоб влаж-

ную салфетку. Один глаз Анны налился кровью, второй потемнел, словно подбитый. Лиза дала ей лекарство, чтобы унять тошноту, и сделала инъекцию морфина.

Анне и Пейнтеру, по подсчетам Лизы, оставались в лучшем случае сутки до момента, когда болезнь зайдет слишком далеко и не оставит надежд на исцеление.

Майор Брукс, единственный сопровождающий, отворил перед ними дверь. Он с неусыпной бдительностью осматривал улицу, но прохожих в столь ранний час почти не было.

Стараясь скрыть хромоту, Пейнтер неуклюже прошел в здание. Лиза вошла следом.

Они миновали приемную — обширное помещение, поделенное на комнатки и кабинеты, и оказались в пустой переговорной.

Стеклянная стена выходила на лагуну Ричардс-Бей. На севере располагался промышленный порт с подъемными кранами и контейнеровозами, на юге — разделенная волноломом часть лагуны, которую превратили в охранную зону и заповедник, обиталище крокодилов, акул, гиппопотамов, пеликанов, бакланов и непременных фламинго.

Восходящее солнце превратило морские воды в огненное зеркало.

Посетителей встретили радушно и гостеприимно: подали чай с булочками. Пейнтер сразу сел в кресло, рядом устроилась Лиза. Майор Брукс остался подле двери.

На молчаливый вопрос во взгляде девушки Пейнтер ответил:

— Я чувствую себя хорошо.

— Это не так,— ласково возразила она.

В ответ Пейнтер улыбнулся, его глаза заблестели. Вопреки заметной внешней слабости, ум его все еще был острым. Лиза заметила, что речь Пейнтера стала невнятной, однако списала это на действие лекарств.

Девушка сжала под столом его ладонь. Пейнтер ответил ей ласковым пожатием.

Она не хотела его потерять. Нахлынувшее вдруг чувство, удивив Лизу своей глубиной и силой, переполнило ее душу.

Она почти не знает Пейнтера, но очень хочет узнать его ближе. Какую еду он любит больше всего? Над чем хохочет до упаду? Как танцует? Что шепчет, прощаясь на ночь?

Неужели все усилия бесполезны?

В эту секунду дверь снова открылась — прибыл британский агент.

Лиза была поражена: ей-то представлялся блондинистый Джемс Бонд, шпион в костюме от Армани. Вместо него вошла женщина средних лет; ее лицо покрывала красноватая пыль, только вокруг глаз остались чистые круги — там, где кожу защищали очки. Это придавало незнакомке испуганный вид, несмотря на устало поникшие плечи и печальный взгляд.

— Я доктор Пола Кейн.— Женщина кивнула майору Бруксу и подошла ближе.— У нас очень мало времени.

Пейнтер стоял над столом, заваленным спутниковыми фотографиями.

— Давно ли сделали снимки? — уточнил он.

— Вчера вечером, когда стемнело,— ответила Пола Кейн.

Женщина уже рассказала о своей работе в здешних местах. Получив ученую степень по биологии, она была зачислена в британскую разведку и направлена в Южно-Африканскую Республику. Вместе с напарницей они осуществили серию научных проектов, одновременно ведя секретный мониторинг поместья Вааленбергов. Партнеры шпионили за семейством без малого десять лет, пока два дня назад не разыгралась трагедия. Напарница погибла при загадочных обстоятельствах, официальная версия — нападение льва.

Пола Кейн не верила объяснению властей.

— После полуночи мы провели инфракрасную съемку,— продолжила она.— Однако были помехи, и снимок не получился.

Пейнтер изучал планировку огромного поместья, раскинувшегося на сотню тысяч акров. Посреди джунглей четко угадывалась небольшая посадочная полоса. Лесистый ландшафт, широкое пространство саванны и густые джунгли то

тут, то там усеяли постройки. В самом центре густых зарослей леса стоял замок из камня и дерева — главная резиденция Вааленбергов.

— Нельзя ли раздобыть лучшее изображение прилежащей к дому территории?

Пола Кейн отрицательно покачала головой.

— Здешние джунгли — остаток древних лесов. Таких в Южной Африке совсем немного. Вааленберги выбрали место для поместья не только из-за уединенности, но и для того, чтобы захватить в собственность обширный девственный лес. Его основа — деревья до сорока метров в высоту, а по биоразнообразию он превосходит все дождевые леса и джунгли Конго.

— И служит отличным укрытием,— добавил Пейнтер.

— О том, что происходит под пологом леса, известно одним Вааленбергам. Зато мы знаем, что главное здание — лишь вершина айсберга. Под поместьем построен огромный подземный комплекс.

— Насколько он глубок? — спросил Пейнтер у Лизы.

Если Вааленберги проводят эксперименты с Колоколом, они прячут его под землей.

— Точно пока не знаем, но не забывайте, что Вааленберги сделали состояние на добыче золота.

— В районе Витватерстанд-риф.

Пола бросила острый взгляд на Пейнтера.

— Правильно. Я вижу, вы хорошо справились с домашним заданием.— Она взглянула на фотографии.— Опыт в строительстве шахт Вааленберги успешно применили при сооружении подземного комплекса под поместьем. Помощь им оказывал специалист по горному делу Бертран Кульбер; к сожалению, он умер вскоре после окончания работ.

— Позволю себе предположить, что его смерть произошла при странных обстоятельствах.

— Да, беднягу затоптал дикий буйвол. Его гибель была не первой и не последней среди тех, которые связывали с Вааленбергами.— В глазах женщины мелькнула боль, вызван-

ная, очевидно, воспоминаниями о напарнице.— Среди местных ходит много слухов о пропавших людях.

— И все же расследования никогда не проводились?

— Вы должны понимать, как опасна обстановка в Южной Африке. Режимы могут меняться, однако золото будет править здесь вечно. Вааленберги — неприкасаемые. Золото защищает их лучше любой крепости и даже собственной армии.

— А что же здесь делаете вы? — спросил Пейнтер.— В чем заключаются интересы МИ-пять?

— Нас интересует прошлое. Британская разведка занимается Вааленбергами со времен окончания Второй мировой войны.

Пейнтер устало опустился на стул и потер глаз, который отказывался нормально видеть. Чувствуя, что Лиза тревожно наблюдает за ним, Кроу сосредоточил внимание на Поле. Он пока не рассказал о нацистском символе, скрытом в гербе Вааленбергов, но, возможно, МИ-5 все уже известно.

— Вааленберги осуществляли финансовую поддержку нацистского Общества по делам родового наследия и образования. Вы слышали об этой группе?

Пейнтер покачал головой, что вызвало новый спазм. Мигрень охватила и шею, стреляя болью вдоль позвоночника.

— Общество по делам наследия представляло собой исследовательскую группу под личным руководством Генриха Гиммлера. Оно организовало проекты по поиску арийской расы. Кроме того, на нем лежит ответственность за самые зверские и гнусные жестокости в концентрационных лагерях и других секретных объектах. В основном в общество входили безумные ученые с оружием.

Пейнтер удержался от гримасы. Сейчас причина его недовольства была скорее психологической, чем физической. Он услышал описание частей «Сигма», изложенное простыми словами: «ученые с оружием». Возможно, враги, с которыми он столкнулся,— нацистская версия «Сигмы»?

Лиза вернула беседу в нужное русло:

— В чем заключались исследования Вааленбергов в этой области?

— В точности нам пока неизвестно. Во время войны в Южную Африку попали многие люди, сочувствовавшие нацистам. Нынешний глава клана, сэр Балдрик Вааленберг, также проявлял интерес к евгенике и принимал участие в научных конференциях, проходивших в Германии и Австрии, а потом стал настоящим затворником, прихватив с собой все семейство.

— Зализывал раны? — предположил Пейнтер.

— Вряд ли. После войны силы союзников прочесывали провинциальную Германию в поисках секретных нацистских технологий.— Пола пожала плечами.— В том числе и наши собственные британские войска.

Пейнтер кивнул. Он уже слышал об этом мародерстве от Анны.

— Однако нацисты сумели скрыть значительную часть своих технологий. Они расстреливали ученых, взрывали заводы и лаборатории. Наши войска прибыли в Баварию на один из таких объектов, но опоздали на несколько минут. Во рву мы обнаружили еще живого ученого, раненного в голову. Перед смертью он успел прояснить некоторые детали того, чем занимался. Речь шла о поиске нового источника энергии, открытого в ходе экспериментов на квантовом уровне. Ученые добились значительных успехов и получили горючее экстраординарной силы.

Пейнтер и Лиза переглянулись, вспомнив рассказы Анны об энергии нулевой точки.

— Их открытие было похоронено в лабиринтах нацистских секретных лабораторий. Нам почти ничего не удалось выяснить, если не считать названия вещества и того места, где теряются его следы.

— Во владениях Вааленбергов, верно? — предположила Лиза.

Пола кивнула.

— А название вещества? — спросил Пейнтер.— Ксерум-525?

Пола бросила на Кроу удивленный взгляд и нахмурилась.

— Откуда вы знаете?

— Это же источник горючего для Колокола,— удивленно пробормотала Лиза.

У Пейнтера больше не осталось сомнений. Пришло время объясниться с доктором Полой Кейн.

— Вам необходимо встретиться с одним человеком.

Анна была поражена не меньше Пейнтера.

— Значит, секрет получения ксерума-525 не утерян? Потрясающе!

Они сгрудились плотной группкой в ангаре аэропорта Ричардс-Бей и ждали, пока пару пыльных грузовиков набьют оружием и снаряжением.

Лиза проверяла содержимое медицинской сумки, прислушиваясь к дискуссии между Пейнтером, Анной и Полой. Гюнтер, озабоченно нахмурив брови, смотрел на сестру. Анна выглядела лучше после лекарств, которые дала ей Лиза, но надолго ли хватит их действия?

— В то время, когда Колокол вместе с вашим дедом эвакуировали на север,— объяснял Анне Пейнтер,— документы о тайне ксерума-525 должны были отправить на юг, чтобы разделить две части эксперимента. Видимо, до Вааленберга дошли сведения о том, что Колокол не погиб. Поддерживая Общество родового наследия финансами, Балдрик Вааленберг, скорее всего, узнал о Гранитшлоссе.

Пола согласилась.

— Общество оказывало поддержку экспедициям Гиммлера в Гималаи.

— Поэтому Балдрику без труда удалось внедрить своих шпионов в Гранитшлосс.

Лицо Анны побледнело, но на сей раз не от физической боли.

— Подлый старик использовал нас все эти годы!

Пейнтер кивнул. По пути в ангар он уже объяснил суть произошедшего Лизе и Поле. Балдрик Вааленберг ловко управлял ситуацией, издалека дергая за нити: предоставил ученым Гранитшлосса, специалистам по Колоколу, продолжать исследования, а сам тем временем присваивал ценную информацию.

— Позднее Балдрик построил свой собственный Колокол,— продолжил Пейнтер.— Втайне он проводил эксперименты по производству Sonnenkönige, совершенствовал их, используя последние достижения ваших ученых. Превосходная схема. Не имея источника ксерума-525, ученые Гранитшлосса невольно оказались во власти Балдрика Вааленберга. В любой момент он мог выбить из-под их ног опору.

— Что и сделал,— вырвалось у Анны.

— Но зачем, если его тайное руководство приносило плоды? — спросила Пола.

Пейнтер пожал плечами.

— Группа Анны все дальше отходила от нацистского идеала и от приверженности мифу о превосходстве арийской расы.

Анна прижала ладонь ко лбу, не желая верить в коварный замысел Вааленберга.

— Ученые роптали, предлагали присоединиться к мировому научному сообществу, разделить с ним наши достижения...

— То, что готовят нам Вааленберги, будет пострашнее, чем заговор, в одночасье превративший Гранитшлосс в воспоминание.

— Думаю, вы правы,— вставила Пола.— В последние четыре месяца мы заметили в поместье кипучую активность.

— Должно быть, они совершили научный прорыв,— с тревогой предположила Анна.

Наконец и Гюнтер заговорил, низким, рокочущим голосом:

— Genug!* У мерзавца есть ксерум и есть Колокол. Мы найдем их и используем так, как нужно нам! — Он указал рукой на сестру.— Довольно болтать!

Лиза согласилась с гигантом:

— Нужно добраться до Колокола.

И как можно скорее, добавила она про себя.

— Для штурма поместья понадобится целая армия.— Пейнтер обратился к Поле: — Можно ли рассчитывать на помощь от правительства Южной Африки?

Та в ответ покачала головой.

---

* Довольно! *(нем.)*

— Никаких шансов. Вааленберги позолотили слишком много рук. В замок придется проникнуть тайно.

— От спутниковых фотографий толку немного,— посетовал Пейнтер.

— Значит, применим примитивные технологии.— С этими словами Пола повела спутников к ожидавшим их грузовикам.— Мой человек уже ждет нас на месте.

6 часов 28 минут

Кхамиси распластался по земле. Солнце взошло, но его первые лучи почти не достигали тенистого подлеска. Кхамиси надел камуфляжную униформу, закинул за спину большую двустволку, а в руке сжимал короткое зулусское копье — ассегай.

Недалеко от инспектора лежали два разведчика-зулуса: Тау — внук старика, который спас Кхамиси, и лучший друг паренька — Нджонго. Ребята тоже взяли огнестрельное оружие, а также копья разной длины. Одежду они выбрали более традиционную — из шкур, головные повязки — из меха выдры, а тела размалевали красками.

Всю ночь троица составляла карты леса и выбирала проходы к поместью, незаметные с высоких наблюдательных постов. Разведчики пробирались через густой подлесок звериными тропами, следуя за стайками легких антилоп импал. В нескольких местах Кхамиси приготовил сюрпризы для недругов: замаскированные под лианы веревочные ловушки.

Разведчики закончили работу и отступили к ручью, что журчал в лесу.

И вдруг прозвучал леденящий душу крик, который закончился пронзительным воем.

Кхамиси застыл: этот крик он помнил слишком хорошо.

Укуфа.

Пола Кейн, конечно, права. Она утверждала, что кровожадные твари появляются из владений Вааленберга. Вот только случайно ли они сбежали, или их выпустили специально, чтобы натравить на Марсию и Кхамиси?.. Значит, звери вновь вышли на охоту.

Какую дичь они выслеживают сейчас?

Вой раздался слева.

Звери охотились не на разведчиков. Кхамиси и его товарищи были слишком опытными охотниками, а потому не могли выдать своего присутствия так скоро. Что-то другое разожгло кровожадность монстров и властно манило к себе.

Вдруг донесся мужской голос: кто-то по-немецки звал на помощь.

Услышав крик укуфы, Кхамиси задрожал всем телом. Его охватил животный страх. Он мечтал только об одном: убежать как можно дальше.

Тау по-зулусски уговаривал его срочно возвращаться.

И все-таки Кхамиси откликнулся на зов о помощи. Он потерял Марсию, угодившую в лапы чудовищ, и на всю жизнь запомнил, как сидел по шею в воде, ожидая рассвета. Кхамиси не мог не прийти на помощь.

Перебравшись ближе к Тау, инспектор передал ему выверенные карты:

— Возвращайтесь в лагерь и отдайте это доктору Кейн.

— Кхамиси, брат, пойдем вместе.

Глаза Тау расширились от ужаса. Его дед, наверное, рассказывал ему про укуфу. Сегодня миф обрел плоть. Оказавшись лицом к лицу со страшной реальностью, Тау не желал больше оставаться в лесу. Кхамиси не имел права упрекать друга: слишком уж хорошо он помнил собственные чувства. Ведь инспектор и сам бежал, оставив Марсию погибать.

— Уходите.

Кхамиси кивнул в сторону ограды. Карты нужно доставить во что бы то ни стало.

Тау и Нджонго секунду колебались, затем, припадая к земле, бесшумно исчезли в зарослях.

Джунгли наполнила мертвая тишина, тяжелая и плотная, как сам лес. Кхамиси пополз в ту сторону, откуда слышал крики человека и зверя.

Прошла еще одна томительная минута, и вновь прозвучал звериный вой, завершившийся отрывистым тявканьем,

похожим на зловещий хохот. Кхамиси замер, узнав голос смерти.

Внимание инспектора неожиданно привлекло негромкое всхлипывание: совсем рядом кто-то плакал. Дулом двустволки Кхамиси раздвинул листву и увидел маленькую прогалину. Прореха в лиственном пологе пропускала тусклые рассветные лучи солнца, отчего окружающие джунгли стали еще темнее и зловещей.

На прогалине кто-то был. Юноша, почти мальчик, тянулся к нижним ветвям, чтобы влезть на дерево. Получалось плохо, потому что правая рука его не слушалась. Даже на расстоянии Кхамиси видел, что рукав рубашки парнишки потемнел от крови.

Внезапно юноша рухнул на колени и обхватил ствол дерева, пытаясь за ним спрятаться: на поляне появился тот, кого он панически боялся.

Чудовище было огромным, крупнее матерого льва и, несмотря на диковинные размеры, двигалось почти бесшумно. Косматая шерсть — белая, как у альбиноса, глаза светились красным огнем. От высоких широких плеч вниз круто шла задняя часть тела. Мускулистая шея поддерживала крупную голову, которую венчали два широких воронкообразных уха, напоминавших уши нетопыря.

Привлеченный запахом крови зверь обнюхивал воздух, подняв морду. Пасть приоткрылась, обнажив ряды острых зубов.

Зверь завыл, а потом снова захохотал. Волосы у Кхамиси встали дыбом.

Чудовище приближалось.

Кхамиси понимал, кто перед ним.

Укуфа. Смерть.

И Кхамиси знал истинное имя чудовища.

6 часов 30 минут

— Этот биологический вид по-латыни называется Crocuta crocuta.

Балдрик Вааленберг подошел к жидкокристаллическому монитору. Он заметил, что внимание Грея поглощено не толь-

ко изображением зверя на большом экране, но и маленькой картинкой с Фионой.

Грей оцепенело смотрел на крупное, с медведя, чудовище, которое рычало в объектив камеры, широко раскрыв пасть, обнажив белые десны и желтоватые клыки. Весило оно никак не менее трехсот фунтов. Тварь стерегла полуразложившиеся останки туши антилопы.

— Говоря попросту — пятнистая гиена,— продолжил старик.— Второй по величине хищник Африки. Способен в одиночку завалить самца антилопы гну.

Грей нахмурился: тварь на экране в три-четыре раза превосходила по весу своих собратьев. Да и мех слишком светлый. Гигант-альбинос, чудовище-мутант.

— Что вы с ней сделали? — спросил Грей, не скрывая отвращения.

В надежде выиграть время он хотел заставить старика говорить.

— Мы сделали это создание лучше, сильнее.— Старик посмотрел на внука, бесстрастно следившего за экраном.— Не так ли, Исаак?

— Да, дедушка.

— На древних наскальных рисунках, найденных в пещерах Европы, изображен предок современной гиены — гигантская гиена. Мы нашли способ вернуть зверю его доисторический облик.— Старик говорил с той же академической бесстрастностью, с какой рассказывал о селекции черных орхидей.— Даже повысили интеллект, введя стволовые клетки человека в кору головного мозга зверя. Результаты превзошли все ожидания.

Грей читал о подобных опытах, проводимых с мышами. В Стэндфордском университете ученые вывели мышей, чей мозг на один процент состоял из человеческих клеток. До чего еще додумались в здешних лабораториях?

Балдрик шагнул к доске с пятью руническими символами и постучал по ней тростью.

— Целая серия суперкомпьютеров «Крэй-ХТ3» работает над кодом Гуго. Разгадка шифра позволит нам проделывать такие же операции с человеком. Мы выведем новую породу людей. Вновь, как в незапамятные времена, в Африке возродится человек, который уничтожит грязные расы и полукровок. Чистота генов возьмет верх. Осталось только дождаться, когда наш осквернённый генетический код будет разгадан.

Грей услышал в его словах отголоски нацистской философии — мифа о сверхчеловеке. Старик явно выжил из ума. Однако его взгляд светился интеллектом, а на экране было пугающее доказательство достигнутых успехов.

Исаак нажал на клавишу, и изображение гиены-альбиноса исчезло. Грея осенила догадка: Исаак, его сестра-близнец, убийца в Копенгагене — все они дети Балдрика. Вааленберг экспериментировал не только с орхидеями и гиенами.

— Довольно, пора поговорить о Пейнтере Кроу,— произнес старик и махнул рукой на экран.— Теперь вы понимаете, что ожидает вашу подружку в клетке, если вы не ответите на наши вопросы. Игры закончились.

Грей не мог допустить, чтобы с Фионой что-то случилось. Пока он бессилен, но нужно выиграть время. Девушка попала в передрягу только из-за его неуклюжего расследования в Копенгагене. К тому же Фиона ему нравилась.

Грей прямо взглянул в глаза Балдрику.

— Что вы хотите?

— В отличие от вас, Пейнтер Кроу оказался более опасным противником, чем мы ожидали. Он ускользнул. Вы поможете нам узнать, где он скрывается.

— Каким образом?

— Вы свяжетесь с «Сигмой». У нас есть чистая, не отслеженная линия. Мы намерены прекратить изоляцию, нарушить молчание и выяснить, что известно «Сигме» о проекте «Черное солнце» и где скрывается Пейнтер Кроу. Однако если я заподозрю, что вы лжете...

Балдрик красноречиво кивнул на монитор.

Теперь Грей все понял. Вааленберги хотели, чтобы он осознал до конца: надежды на спасение нет. Либо он выручает Фиону, либо предает «Сигму».

Размышления Грея прервал охранник, который внес то, о чем просили пленники.

— Моя рука!

Монк рвался из пластиковых пут.

Балдрик дал знак охраннику.

— Отдай протез Исааку.

Исаак спросил по-голландски:

— В лаборатории проверили протез на скрытое оружие?

Охранник кивнул.

— Да, сэр. Все чисто.

Несмотря на четкий ответ, Исаак лично изучил искусственную руку. Чудо электроники было буквально набито наисовременнейшими устройствами, контролирующими движения, и сенсорными датчиками.

Монк, не отрываясь, смотрел на Грея.

Грей заметил, что пальцы Монка закончили выбивать условный код на титановых контактах собственной культи. Пирс немного наклонил голову и шагнул ближе к Монку.

В электронном протезе был скрыт еще один фокус: беспроводная связь.

Монк послал радиосигнал в свой протез.

В ответ на принятый сигнал протез в руках Исаака сжал пальцы в кулак.

Только один, средний палец, остался торчать.

— Так тебя разэтак,— пробормотал Монк.

Грей схватил Монка за локоть и рванул к дверям, ведущим во внутренние помещения дома.

Взрыв получился не самый сильный, чуть мощнее гранаты. В пластиковом рукаве протеза обнаружить взрывчатку было невозможно.

Несмотря на небольшой заряд, взрыв произвел довольно сильное разрушение. До напарников донеслись крики изумления и боли. Грей и Монк проломились через двойные две-

ри, пролетели по коридору и, свернув на первом повороте, скрылись из виду.

Пронзительно завыли тревожные сирены. Нужно было срочно уходить.

Грей увидел широкую лестницу, ведущую наверх, и потащил Монка к ней.

— Куда теперь? — спросил тот.

— Вверх.

Охранники наверняка ждут, что беглецы кинутся к ближайшему окну или двери, но Грей нашел другой выход из дома. Пока их вели в оранжерею, он тщательно запоминал планировку особняка, а сейчас положился на свою способность ориентироваться.

— Теперь сюда.— Они достигли шестого этажа и вышли в коридор. Сирены не умолкали.

— Куда? — снова спросил Монк.

— На верхний уровень.— Грей указал на дверь в конце коридора.— В лес.

Задача оказалась непростой.

Словно кто-то подслушал их план, внутренняя стальная заслонка перед дверью начала медленно опускаться.

— Скорей!

Заслонка двигалась быстро. Вот проход уже перекрыт на три четверти.

Грей рванул, оставив Монка далеко позади, по пути схватил стул и швырнул его перед собой. Стул упал и заскользил по полированному полу. Грей бежал следом. Стальная заслонка уперлась в стул. Заскрипел металл. Над дверью загорелась красная лампочка: механизм заело. Грей не сомневался, что тревожная сигнальная лампочка горит сейчас и где-то в штабе охраны.

Когда он подоспел к двери, ножки деревянного стула громко трещали.

Подбежал запыхавшийся Монк. Его руки были по-прежнему связаны за спиной.

Грей поднырнул под стул и повернул круглую ручку двери, но ничего не произошло.

— Проклятье!

Стул постепенно разваливался. На лестнице послышался топот армейских ботинок; офицеры отрывисто отдавали команды.

В этот миг дверь резко распахнулась, открыв взорам пару ног в камуфляжных военных штанах. Видимо, один из патрульных, дежуривших на навесном переходе, заметил неисправность и решил узнать, в чем дело.

Грей не растерялся и мгновенно нанес удар по голеням охранника.

Тот от неожиданности потерял равновесие, громко стукнулся головой об автоматическую заслонку и рухнул на доски. Тело охранника обмякло.

Монк последовал за Греем, не забыв вышибить стул. Стальная заслонка с лязгом впечаталась в пол.

Грей разоружил охранника, разрезал ножом путы Монка и вручил напарнику полуавтоматический пистолет, забрав себе винтовку.

С оружием в руках друзья поспешили по навесному мосту к джунглям.

— Надо разделиться,— решил Грей.— Это увеличит наши шансы на успех. Ты отыщи телефон, свяжись с Логаном и вызывай помощь.

— А ты куда?

Грей не ответил.

— Грей, ее, наверное, уже убили.

— Не знаю.

Монк угрюмо кивнул — он видел чудовище на мониторе компьютера.

Не говоря ни слова, напарники побежали в разные стороны.

6 часов 34 минуты

Кхамиси бесшумно вскарабкался по стволу дерева на противоположной стороне прогалины и вылез на подвесной мост.

Внизу кружила укуфа, подстерегая добычу, загнанную в ловушку. Когда секунду назад раздался громкий взрыв, уку-

фа испугалась и спрыгнула с дерева. Немного успокоившись, она снова подошла к стволу, насторожив большие уши. Сирены и тревожные сигналы в доме не умолкали.

Кхамиси тоже взволновали шум и суматоха в поместье.

Неужели Тау и Нджонго поймали?

А что, если обнаружили их лагерь у границы владений Ваалленбергов? Свой пункт сбора разведчики замаскировали под привал зулусских охотников, какие часто устраивают кочевые племена. Неужели враги разгадали обман?

Какова бы ни была причина тревоги, шум в доме сделал зверюгу более осторожной. Воспользовавшись ее минутным замешательством, Кхамиси залез на один из навесных мостов, лег на доски и достал винтовку. Волнение обострило все его чувства, но страх куда-то исчез. В конце концов, укуфа вела себя как типичная гиена. Кроме фантастических размеров, в чудовище не было ничего сверхъестественного.

Поняв это, Кхамиси приободрился.

Он быстро подполз по доскам к тому месту, где мост прилегал к дереву, на котором сидел мальчик, и достал моток веревки. Затем, перегнувшись через стальные тросы моста, нашел глазами юношу и резко свистнул. Внимание мальчика было приковано к тому, что происходило внизу. От неожиданного звука он вздрогнул, поднял голову и сразу увидел Кхамиси.

— Я хочу вытащить тебя отсюда,— тихо проговорил инспектор по-английски, надеясь, что юноша его поймет.

Однако кое-кто внизу тоже услышал Кхамиси.

Укуфа, обнажив клыки, красными горящими точками глаз уставилась на мост. Кхамиси буквально почувствовал, как зверь размышляет над тем, что делать дальше.

Не эта ли тварь напала на Марсию?

Кхамиси с большим удовольствием разрядил бы оба ствола в ухмыляющуюся морду, но выстрел из двустволки наверняка привлечет к себе внимание. Поместье и без того гудело, как растревоженное осиное гнездо. Поэтому Кхамиси отложил ружье. Сначала пусть поработают руки.

— Друг! Я сейчас брошу тебе веревку,— обратился он к парню, для верности сопровождая свои слова жестами.— Обвяжи ее вокруг пояса. Я вытащу тебя на мост.

Юноша кивнул. Его лицо опухло от слез, в круглых глазах светился страх.

Свесившись с края моста, Кхамиси размотал моток веревки и бросил ее конец парнишке. Веревка пролетела через листву и зацепилась за ветку над его головой.

— Придется тебе долезть до нее!

Юноша кивнул. Надежда на спасение придала ему сил, движения стали увереннее. Он добрался до верхней ветки и обвязал веревку вокруг пояса. Сразу видно, умеет обращаться со страховочным тросом.

Кхамиси потянул за веревку, перекинув ее через один из стальных столбов, на которые опирался мост.

— Сейчас подниму тебя наверх!

— Скорее! — слишком громко ответил юноша.

Укуфа заметила его движение. Оно привлекло чудовище, как шуршание мыши привлекает кошку. Гиена подошла к дереву и начала взбираться по нему, вонзая в кору когти.

Кхамиси торопливо наматывал веревку с ладони на локоть. Нагнувшись, инспектор увидел, что юноша висит внизу и раскачивается из стороны в сторону, словно маятник.

Укуфа внимательно следила за парнишкой взглядом и все выше поднималась по дереву. Похоже, зверь собирался в прыжке схватить мальчика. Раскачивающаяся жертва казалась гиене лакомой добычей.

Кхамиси все быстрее сматывал веревку, на которой висел мальчик.

— Ты кто? — неожиданно спросил кто-то позади Кхамиси.

Чуть не выпустив от испуга веревку, инспектор обернулся.

На мосту стояла высокая гибкая женщина в черном. Светлые, коротко стриженные волосы, недобрый взгляд настороженных глаз... Наверное, одна из старших детей Вааленберга. В руке женщина сжимала нож.

Юноша закричал. Кхамиси и женщина посмотрели вниз.

Укуфа взобралась на тот сук, где только что сидел мальчик, и приготовилась к прыжку. Женщина за спиной у Кхамиси расхохоталась. Ее смех был похож на хихиканье чудовищной гиены. Доски скрипнули: женщина подошла ближе, держа в руке нож.

Кхамиси и юноша оказались в ловушке.

6 часов 38 минут

Грей достиг развилки, где навесной мост разделялся на три дорожки. Левая вела обратно к дому, средняя проходила над центральным садом, правая шла прямиком в сердце джунглей.

Куда идти?

Пригнувшись, Грей смотрел на мозаику теней, мысленно сравнивая ее с картинкой, которую видел на мониторе в оранжерее. Длина и направление тени были главным ключом в поиске клетки Фионы. Предстояло обыскать довольно большую часть поместья.

Мост задрожал под ногами: охранники разыскивали беглецов. Грей уже столкнулся с двумя поисковыми группами.

Он повесил винтовку на плечо, перекатился к краю моста, забрался под него и, крепко держась за ветку, повис над пропастью, надежно скрытый густой листвой.

Когда охранники прошли мимо, Грей выбрался на мост — и снова почувствовал вибрацию. Опять охранники?

Распластавшись на поверхности моста, он приложил ухо к доскам, чувствуя себя индейцем-следопытом. В вибрации явно присутствовал ритм, словно кто-то дергал гитарную струну. Три быстрых звука, три медленных и снова три быстрых. Последовательность повторялась вновь и вновь.

Азбука Морзе.

SOS.

Кто-то посылал сигнал бедствия.

Грей вернулся на развилку и обследовал несколько тросов. Вибрировал лишь один, тот, что вел направо, в джунгли.

Кто же это?

Идти приходилось по краю моста, стараясь не раскачивать его. Путь еще несколько раз раздваивался, и на каждой развилке Грей находил вибрирующий трос, после чего продолжал путь.

Он был так поглощен поисками, что вздрогнул от неожиданности, когда, поднырнув под зеленую ветку, внезапно уперся взглядом в охранника, стоявшего совсем рядом. Темные волосы, лет двадцати пяти... вылитый Гитлер в молодости! Встревоженный шелестом пальмовых листьев, солдат уже навел оружие и просто не мог промахнуться.

У Грея не было времени, чтобы поднять винтовку. Вместо этого он всей тяжестью тела с разбега ударился в противоположный поручень. Мост закачался.

Охранника подкинуло вверх. В два прыжка преодолев разделявшее их расстояние, Грей ушел от выстрела и бросился на врага, сжимая в руке нож.

Воспользовавшись тем, что солдат потерял равновесие, Грей схватил его сзади за шею и рассек ножом горло. Один поворот лезвия — и из сонной артерии хлынула кровь. Солдат умер почти мгновенно. Грей подхватил обмякшее тело и перебросил его через ограждение. Он не чувствовал жалости: в ушах еще звенел гогот охранников, глядевших на Райана, который попал в лапы чудовища. Сколько людей нашли мученическую смерть в когтях монстра?.. Труп охранника рухнул в густую траву подлеска.

Однако не слышали ли другие солдаты шум падения?

Слева, удивительно близко, какая-то женщина крикнула по-английски, с сильным акцентом:

— Перестань трясти решетку, иначе я сей же час сброшу тебя вниз!

Грей узнал голос Ишке, сестры Исаака.

Еще более знакомый голос в ответ произнес:

— Отвяжись, тощая задница!

Фиона жива.

На миг забыв об опасности, Грей с облегчением вздохнул.

Мост заканчивался тупиком — впереди дороги не было. Зато Грей сразу же узнал поляну посреди леса, ту самую, что он видел на мониторе. С подъемного моста свисала клетка.

Фиона била ногой по прутьям решетки: три быстрых удара, три медленных, три быстрых. На лице девушки застыло выражение упрямства. Грей снова почувствовал под ногами вибрацию, которая передавалась по тросам, удерживавшим клетку.

Девчонка просто умница.

Наверное, она услышала завывания сирены в доме. Возможно, догадалась, что переполох связан с Греем, и решила подать ему сигнал. А может быть, она просто ужасно разозлилась и ритм ударов — всего лишь совпадение.

Грей заметил троих охранников на позициях два, три и девять часов. Ишке, такая эффектная в черно-белом наряде, стояла в отдалении, положив обе руки на поручень, и смотрела на Фиону.

— Получишь пулю в колено и сразу успокоишься,— пригрозила она девушке и положила ладонь на кобуру с пистолетом.

Фиона замерла с поднятой ногой, потом, ворча себе под нос, опустила ее.

Грей понимал, что одна его винтовка против троих охранников, вооруженных до зубов, и Ишке с пистолетом — слабая защита.

Послышался треск динамика.

Ишке поднесла к губам свой радиопередатчик:

— Ja?

Послушав с полминуты невнятный голос, Ишке крикнула охранникам:

— Поступил новый приказ! Мы убьем девчонку прямо сейчас.

18 часов 40 минут

Укуфа, готовая прыгнуть на юношу, испустила несколько воплей. Кхамиси спиной почувствовал приближение женщины, но не бросил веревку.

— Кто вы такой? — спросила женщина, доставая нож.

Кхамиси сделал единственное, что мог совершить в безвыходной ситуации: согнув колени, спрыгнул с моста, крепко

вцепившись в веревку. Канат был переброшен через стальной опорный столб. Падая вниз, инспектор увидел, как мимо промелькнула фигура мальчика, взлетевшего к небу с протяжным возгласом удивления.

Укуфа прыгнула на ускользающую добычу, однако тот вознесся к мосту, о который сильно ударился.

Веревка вырвалась из пальцев Кхамиси, и он упал спиной на траву. Высоко над ним, держась за нижние опоры моста, висел юноша. Сверху на Кхамиси широко открытыми глазами смотрела женщина.

Что-то большое упало на землю в нескольких метрах от него.

Разъяренная укуфа приближалась, громко рыча и роняя с отвратительной морды клочья пены. Кхамиси был безоружен, его винтовка осталась на пешеходном мосту.

Яростно завывая, кровожадная гиена прыгнула вперед, намереваясь разорвать жертве глотку.

Кхамиси опрокинулся на спину, выставив перед собой зулусский ассегай, который болтался у него на поясе. Когда укуфа прыгнула, Кхамиси с силой выбросил копье вверх. Когда-то давно, до отъезда в Австралию, отец научил его пользоваться ассегаем, как учили всех зулусских мальчишек. Повинуясь инстинкту, доставшемуся от предков, Кхамиси глубоко всадил копье под ребра укуфы — настоящей, из плоти и крови, а не мифической.

Укуфа взвыла от боли и пролетела мимо, вырвав ассегай из его рук. Кхамиси откатился в сторону. А гиена тяжело упала в траву, невольно еще глубже вогнав ассегай в свое тело. Огласив окрестности предсмертным воем, она содрогнулась и обмякла.

Чудовище издохло.

Услышав раздавшийся сверху яростный вопль, Кхамиси поднял голову.

Женщина, стоявшая на подвесном мосту, схватила винтовку и прицелилась. Раздался выстрел, у самых пяток разведчика заряд взрыхлил землю. Кхамиси отпрянул назад. Женщина прицелилась снова.

Второй выстрел прозвучал заметно громче.

Кхамиси с удивлением обнаружил, что до сих пор жив.

Он поднял голову и увидел, как тело женщины перевалива-ется через ограждение. На груди блондинки расплывалось ярко-красное пятно.

На мостике стоял мускулистый мужчина с обритой головой и держал пистолет в одной руке. Второй руки у него не было. Мужчина нагнулся, посмотрел вниз и увидел, что юноша так и висит на руках.

— Райан...

— Заберите меня отсюда! — плача от облегчения, взмолился тот.

— Хороший план.— Мужчина посмотрел на Кхамиси.— Замечательный план, если только тот парень внизу знает, где здесь выход. Я заблудился, как последний дурак.

18 часов 44 минуты

В лесу один за другим прогремели два выстрела.

Маленькая стайка зеленых попугайчиков, возмущенно ве-реща, сорвалась с вершины дерева и пролетела над поляной.

Грей пригнулся.

Может быть, Монка обнаружили?

Ишке, видимо, подумала о том же. Она посмотрела в ту сторону, откуда слышалась стрельба. Потом махнула рукой охранникам.

— Проверьте там!

И снова подняла рацию.

Солдаты тяжело затопали по круговой дорожке, направля-ясь к Грею. Застигнутый врасплох, он подкатился к краю, прижав к груди винтовку, и спрыгнул с моста. Вот-вот должен был появиться первый солдат. Как и несколько минут назад, Грей потянулся к тросу, что поддерживал настил, но в спешке промахнулся и успел схватить его только одной рукой. Ремень винтовки сполз с плеча...

Извернувшись, Грей поймал кожаный ремень одним паль-цем и вздохнул с облегчением.

В это время у него над головой протопали охранники, гремя ботинками и раскачивая опору.

От тряски кожаный ремень соскочил с пальца Грея, и винтовка упала в кусты. Вот так сила тяжести лишила его оружия.

Грей ухватился за трос второй рукой. Хорошо еще, что при падении винтовка не выстрелила.

Топот охранников стих вдали. Грей услышал, что Ишке разговаривает по рации.

Что еще случилось?

У Грея был только нож — против винтовки Ишке. Он не мог рассчитывать ни на ее раскаяние, ни на то, что случится чудо и блондинка промахнется.

Единственным преимуществом могла стать внезапность.

Медленно переставляя руки, Грей продвигался вперед. Скоро он достиг круговой дорожки и стал держаться края мостика, чтобы не попасть на глаза женщине. Нужно было передвигаться очень осторожно, чтобы Ишке не поняла, что мост раскачивают не только порывы ветра.

И все же ему не удалось остаться незамеченным.

Фиона, скорчившись, сидела в углу клетки. Девушка поняла слова, сказанные женщиной по-голландски: «Мы убьем девчонку прямо сейчас». Стрельба отвлекла блондинку, но рано или поздно Ишке непременно вспомнит про Фиону.

Со своей наблюдательной точки Фиона заметила в листве Грея, похожего на гориллу в белом трико, перебирающуюся с ветки на ветку. Девушка вздрогнула от неожиданности и чуть было не вскочила на ноги. Тревожные взгляды Фионы и Грея встретились.

Несмотря на свои задиристые речи, девушка смертельно боялась. В клетке она словно стала меньше ростом. Пройдя жестокую школу уличной жизни, Фиона не впала в отчаяние, однако отлично понимала, что ее единственным оружием были строптивость и показная бравада. А силы подходили к концу.

Повернувшись спиной к Ишке, девушка подала знак Грею: указала вниз и слегка покачала головой, предупреждая, что там небезопасно.

Он осмотрел густую траву и кустарник на прогалине. Мешали густые заросли. Грей не заметил ничего опасного и все-таки сразу поверил Фионе. Вниз падать нельзя.

Грей прикинул, далеко ли продвинулся. Сейчас он висел на позиции восемь часов, Ишке стояла на двенадцати. Оставалось проползти еще немного, а руки уже гудели от усталости, пальцы болели. Нужно торопиться. Остановка может стоить ему жизни, а слишком быстрое движение привлечет внимание Ишке.

Фиона, видимо, тоже это поняла и снова принялась лягать ногой решетку, трясти и раскачивать клетку. Этот маневр позволил Грею ускорить движение.

К несчастью, действия Фионы вызвали ярость Ишке. Она опустила рацию и закричала:

— Оставь свои глупые затеи, девчонка!

Фиона методично пинала решетку.

Грей успел добраться до позиции девять часов.

Ишке подошла к поручням на внутренней стороне моста. Ее внимание было поглощено Фионой. Женщина достала из кармана свитера пульт, зубами вытащила антенну и навела на строптивую девчонку.

— Пришла пора тебе познакомиться со Скулд. Мы назвали ее в честь древнескандинавской богини судьбы.

Блондинка нажала кнопку.

Почти под ногами у Грея раздался вой, полный ярости и боли. Из тенистого подлеска на прогалину выскочила еще одна гиена-мутант — триста фунтов мышц и острых зубов. Зверь оскалился, залаял и стал принюхиваться к висящей наверху клетке.

Быстро перебирая руками, Грей двигался вперед. Ишке наслаждалась страхом Фионы и собственной жестокостью.

— В мозг Скулд вживлен чип, стимулирующий ее кровожадность и аппетит.

Женщина еще раз нажала на кнопку. Охваченная неистовой жаждой крови, гиена взвыла и прыгнула к клетке.

Так вот каким образом Вааленберг управлял своими чудовищами: он вживлял им в мозг радиочипы! Еще один пример

бесцеремонного нарушения законов природы ради достижения личных целей.

— Самое время ее покормить,— произнесла Ишке.

Грей почувствовал, что катастрофически опаздывает, и прибавил ходу. Позиция на одиннадцать часов. Совсем близко...

И все-таки недостаточно.

Ишке нажала другую кнопку; звякнула дверца клетки.

Дно под Фионой провалилось, и девушка полетела прямо на скулящее чудовище.

Однако Фиона помнила, что произошло с Райаном, и решила схитрить: она ухватилась за нижние прутья решетки и подтянулась на руках. Скулд высоко подпрыгнула, пытаясь достать до ног девушки. Фиона поджала ноги и быстро полезла наверх.

Гиена с недовольным воем рухнула вниз.

Фиона вскарабкалась по прутьям клетки и повисла на ней, как обезьяна-паук.

Ишке злобно рассмеялась, наслаждаясь разыгравшейся сценой.

— Отлично, девочка! Какая находчивость! Дедушке стоило бы сохранить твои гены... Увы, к сожалению, тебя скормят голодной гиене.

Грей снизу наблюдал, как Ишке вновь подняла пистолет.

— Пора с этим кончать,— по-голландски пробормотала она.

Грей раскачался и, словно гимнаст на трапеции, бросил свое тело вперед и вверх. Его ноги ударили Ишке в живот именно в тот момент, когда она навела на Фиону пистолет.

Раздался выстрел, зазвенело железо: промах.

Ишке упала навзничь, затем молниеносно поднялась на колено; пистолет лежал между ней и Греем.

Они одновременно бросились к оружию.

Ишке, несмотря на неожиданное нападение и удар в живот, двигалась со стремительностью нападающей кобры и первая успела сомкнуть пальцы на рукояти пистолета.

Грей выхватил нож и всадил его в запястье женщины, пригвоздив ее руку. Вскрикнув от неожиданности, Ишке выро-

нила оружие. Грей хотел схватить его, но пистолет отскочил от настила мостика и вылетел за край.

Мгновенной заминки хватило Ишке, чтобы освободить запястье. Она размахнулась и ударила противника по голове другой рукой, потом, изо всех сил, ногой в плечо. Грей упал как подкошенный. Черт, сильная!..

Прежде чем он успел подняться, Ишке прыгнула на него. Нож по-прежнему торчал у нее из запястья. Грей едва успел перехватить ее руку и подтащил к краю настила.

Яростно сцепившись, враги упали с моста. Грей обхватил ногами один из опорных столбов и повис вниз головой. Ишке не удержалась и упала. Задевая по пути ветви деревьев, она рухнула в траву и глухо застонала.

Грей подтянулся и вскарабкался на мост. Он не поверил собственным глазам, когда увидел, что Ишке встала на ноги и выпрямилась.

Пока Грей боролся с Ишке, Фиона залезла на крышу клетки, а потом по тросам поднялась на навесной мост. Сейчас, тряся левой рукой и кривясь от боли, она спешила к Грею. Из раны, которую нанесла ей Ишке, текла кровь.

Грей снова посмотрел вниз. Блондинка неотрывно следила за ним взглядом, полным жгучей ненависти.

Ишке не одна стояла на прогалине. Низко опустив морду к земле, принюхиваясь к окровавленной траве, сзади кралась Скулд.

«Как вовремя!» — подумал Грей.

Однако женщина бесстрашно протянула зверю уцелевшую руку. Огромная гиена припала к земле, подняла морду, с которой стекала слюна, и ласково потерлась носом о протянутую ладонь. Гиена-мутант заскулила и легла на живот. По-прежнему не отводя взгляда от Грея, Ишке неуклюже шагнула вперед.

В нескольких шагах от женщины на самом виду лежал пистолет. Грей вскочил на ноги, схватил Фиону за плечо и рванулся вперед:

— Бежим!

Повторять дважды не пришлось. Страх подгонял Фиону, никогда в жизни она не бегала так быстро.

Беглецы летели по прямому участку моста, увеличивая дистанцию между собой и хромым, но метким стрелком. Добежав до перекрестка, Грей решил, что теперь они в безопасности, и остановил девушку.

Дорожки расходились во все стороны. Куда теперь? Ишке вполне могла поднять тревогу, если только ее рация не сломалась при падении. Однако разумнее предположить, что охрана уже ищет их.

А что Монк? Чем закончилась стрельба, которая отвлекла охрану Ишке? Жив он или схвачен?

Грей решил спрятаться, чтобы сбить со следа преследователей. Вот только где?

Он выбрал дорожку, ведущую к дворцу.

Никому не придет в голову искать беглецов там. К тому же в доме есть телефоны. Если удастся добраться до внешней линии или хотя бы узнать, что творится за стенами проклятого поместья, будет проще понять, как действовать дальше.

Что толку мечтать, ведь дом заперт, как неприступная крепость!

Фиона заметила нерешительность Грея. Она потянула его за рукав и достала из кармана предмет, похожий на две игральные карты, соединенные цепочкой.

То, что походило на карты, оказалось магнитным ключом.

— Стащила его у сучки,— презрительно произнесла Фиона.— Будет знать, как меня резать.

Грею вспомнилось, как Монк упрекнул Фиону, что та не стащила ключ у директора музея, когда они попали в западню в эсэсовском склепе. Кажется, девушка приняла упрек близко к сердцу.

Благодаря маленькой воровке ключи к замку теперь в их руках.

Что дальше?

13

КСЕРУМ-525

10 часов 34 минуты
Заповедник Хлухлуве-Умфолози
Зулуленд, Южная Африка

Скрестив ноги, Пейнтер сидел в хижине из сплетенной травы и пластин аргиллита*, разложив перед собой карты и схемы. Пахло навозом и пылью. Маленький кочевой лагерь, всего в десяти минутах ходьбы от владений Вааленбергов, стал удобным командным пунктом.

Из поместья то и дело взлетали вертолеты и проходили над лагерем на бреющем полете. Пола Кейн все держала под контролем: с воздуха их штаб казался обычным привалом убогих зулусов-кочевников. Никому не приходило в голову, что под крышей ветхой лачуги расположился штаб военных действий.

Люди собрались здесь, чтобы разработать стратегию наступления.

Напротив Пейнтера сидели Анна и Гюнтер, сбоку устроилась Лиза. Со дня прибытия в Африку с ее лица не сходило стоическое выражение, но в глазах читалась тревога. Неусыпный майор Брукс не снимал руки с пистолета.

---

* Плитчатая камнеподобная глинистая порода, не размокает в воде.

Кхамиси, бывший инспектор заповедника, заканчивал доклад. Рядом сидели те, кого никто не ожидал увидеть: Монк Коккалис и Райан.

Кхамиси, к неимоверному удивлению Пейнтера, привел в лагерь Монка вместе с измотанным и перепуганным юношей. Монк уже целый час рассказывал о своих приключениях и отвечал на вопросы коллег.

Анна рассматривала руны, которые только что начертил Монк. Белки ее глаз сильно покраснели. Она протянула к бумагам дрожащую руку.

— Это все руны, найденные в книгах Гуго Хиршфельда?

Монк кивнул.

— Старый хрыч уверен, что они имеют решающее значение для следующих этапов его плана.

Анна перевела взгляд на Пейнтера.

— Доктор Гуго Хиршфельд руководил проектом «Черное солнце» с самого начала. Помните, я говорила: он был уверен, что разрешил загадку Колокола. Это случилось после того, как Гуго втайне провел эксперимент в одиночку — секретный эксперимент, с помощью которого он намеревался получить младенца с безупречно чистой кровью. Ребенка, не подверженного деволюции, рыцаря Короля-солнца без изъянов. Однако метод, который он применил, остался в секрете.

— Вспомните его письмо дочери,— вставил Пейнтер.— Собственное открытие испугало Гуго: «Истина, слишком прекрасная, чтобы позволить ей умереть, и слишком ужасная, чтобы предоставить ей свободу». Поэтому он и зашифровал тайну открытия с помощью рунического кода.

Анна устало вздохнула.

— Балдрик Вааленберг был настолько уверен в том, что разгадает код и сможет присвоить открытие, совершенное другими, что разрушил Гранитшлосс.

— Думаю, дело не только в том, что вы стали ему не нужны,— проговорил Пейнтер.— Скорее, вы были правы, предположив, что ваше растущее стремление выйти из подполья и воссоединиться с мировым научным сообществом представляло для него реальную угрозу. Поэтому, вплотную подойдя

к кульминации работ, к близкому воплощению мечты об арийском господстве, Балдрик не мог больше мириться с вашим существованием.

Анна подвинула к себе бумагу с набросками Монка.

— Если Гуго был прав, расшифровка его кода станет нашим спасением. Мы сможем победить болезнь. Колокол уже обладает способностью замедлять ее развитие; расшифровав головоломку, мы добьемся полного исцеления.

— Чтобы это осуществилось, нужно получить доступ к Колоколу Вааленберга, а потом уже заниматься схемой лечения,— сказала Лиза, возвращая размечтавшуюся Анну к реальности.

— А как быть с Греем и девчонкой? — напомнил Монк.

Пейнтер сжал губы.

— Мы не знаем, где они. Возможно, прячутся. Или схвачены и убиты. В настоящий момент коммандер Пирс может рассчитывать только на собственные силы.

Монк скривился.

— Я проберусь в дом, используя карты Кхамиси.

— Нет. Сейчас нельзя дробить силы.

Пейнтер потер за правым ухом — мозг иглой пронзила боль. Звуки гудели в голове многократным эхом, волной накатывала тошнота.

Монк внимательно посмотрел на него. Пейнтер нахмурился, давая понять, что не нуждается в сочувствии. Однако Монка тревожило не только самочувствие босса. Способен ли Пейнтер принимать верные решения? Каково состояние его рассудка? Неуверенность подчиненного передалась и самому Пейнтеру: правильно ли он все рассчитал?

Словно почувствовав, как тяжело другу, Лиза положила ладонь ему на колено.

— Я в порядке,— пробормотал он, пытаясь убедить в этом скорее себя, чем ее.

Циновка у входа отодвинулась в сторону. В хижину хлынули солнечный свет и поток горячего воздуха. Вошла Пола Кейн в сопровождении старика-зулуса в полном парадном облачении: плюмаже, ожерельях и леопардовой шкуре, расшитой

разноцветным бисером. Бритоголовому мужчине перевалило за шестьдесят, но морщины не тронули его лица, словно высеченного из камня. Он нес деревянный жезл, увенчанный яркими перьями, однако не забыл прихватить и антикварное ружье, имевшее церемониальный вид.

Присмотревшись, Пейнтер узнал старинное гладкоствольное кремневое ружье «Браун Бесс», бывшее в ходу во времена наполеоновских войн.

Пола Кейн представила своего спутника:

— Мози Д'Гана, вождь племени.

— Все готово,— произнес старик на чистом английском.

— Благодарю за оказанную помощь,— ответил Пейнтер.

Мози слегка наклонил голову, принимая благодарность.

— Наши люди не просто поступают к вам на службу. Мы возвращаем долг за Кровавую реку.

Пола Кейн поспешила объяснить:

— Когда англичане прогнали голландских буров из Кейптауна, те отступили в глубь страны, что привело к серьезным трениям между прибывшими иммигрантами и коренными племенами народов банту: коса, пондо, свази и зулу. В тысяча восемьсот тридцать восьмом году у притока реки Буффало были убиты тысячи зулусов. С тех пор реку называют Кровавой. Истребительную операцию возглавил Пит Вааленберг.

Мози торжественно поднял ружье и протянул его Пейнтеру.

— Мы этого не забыли.

Пейнтер не сомневался, что именно это самое кремневое ружье участвовало в далекой бесславной битве. Он принял его в знак того, что скрепляет соглашение.

Мози сел на землю, скрестив ноги, и заявил:

— Нам нужно многое обсудить.

Пола кивнула Кхамиси и отодвинула циновку, закрывавшую вход.

— Кхамиси, грузовик снаряжен. Тау и Нджонго уже ждут,— сказала она и добавила, сверившись с часами: — Пора.

Бывший инспектор по охране дичи поднялся. До наступления ночи каждый должен выполнить свою задачу.

Пейнтер встретился взглядом с Монком и вновь прочел тревогу в его глазах. Подчиненный волновался не за Пейнтера, а за своего напарника Грея. Закат еще только через восемь часов, а до наступления темноты они ничего не могли предпринять.

Грей остался без прикрытия.

12 часов 5 минут

— Пригни голову,— шепнул Грей Фионе.

Они подкрадывались к охраннику, стоявшему в конце коридора. Грей полностью преобразился: камуфляжная форма, высокие ботинки и черная шляпа с низко опущенными на глаза полями. Он позаимствовал одежду у охранника, который лежал без сознания, связанный и с кляпом во рту, в стенном шкафу одной из комнат на верхнем этаже.

Заодно Грей прихватил рацию с подсоединенным к ней микрофоном-наушником. Переговоры по рации велись на голландском языке, что хотя и мешало в деталях понять намерения врагов, все же позволяло быть в курсе событий.

В том же шкафу Фиона отыскала костюм горничной, слегка великоватый и неплохо скрывавший фигуру и возраст. Прислуга в доме по большей части состояла из местных, смуглых людей. Кожа кофейного оттенка пришлась как нельзя кстати,— если не вглядываться, девушку вполне можно было принять за местную. Для большего сходства она семенила мелкими шажками, опустив плечи и наклонив голову.

К счастью, никому и в голову не пришло выяснять их личности.

По радио сообщили, что чужаков видели в джунглях, поэтому в доме несли охрану лишь несколько солдат, остальные обшаривали лес, ближайшие окрестности и границы владений.

Вскоре после того, как беглецы проникли в дом, воспользовавшись магнитными ключами Ишке, Грей проверил не-

сколько телефонных аппаратов. Доступ к внешней связи был закодирован системой безопасности. Любая попытка позвонить выдала бы их с головой.

Как долго надо прятаться? Как узнать, добрался ли Монк до своих? Нужен был новый план действий. Например, раздобыть схему планировки здания, для чего требовалось проникнуть в штаб службы безопасности. Однако все вооружение беглецов состояло из пистолета в кобуре Грея и электрошокера Фионы.

В конце коридора лестницу охранял часовой, держа главный вход под прицелом автоматической винтовки. Грей подошел вплотную к высокому плотному солдату с поросячьими глазками, кивнул и шагнул к ступеням, Фиона семенила следом.

Неожиданно солдат что-то произнес. Грей обернулся и увидел, что охранник, глупо ухмыляясь, ущипнул Фиону за ягодицу, а другой рукой взял за локоть.

Зря он это сделал.

— Отвяжись, придурок! — крикнула Фиона.

Взметнулась юбка, синеватая искра вырвалась из кармана Фионы и ударила солдата в бедро. Охранник с булькающим звуком упал навзничь.

Грей втащил его в боковую комнату, оглушил рукоятью пистолета, заткнул рот кляпом и принялся связывать руки солдата за спиной.

— Зачем ты это сделала? — с укором спросил он.

Фиона шагнула к нему и вместо ответа сильно ущипнула его за зад.

— Эй! — завопил Грей.— Ты чего?

— Что, не понравилось?

Фиона кипела от злости.

Грей покачал головой.

— Учти, всех здешних придурков мне не повязать.

Фиона стояла, скрестив руки на груди. Гнев в ее глазах сменился испугом. Смахнув со лба капли пота, Грей посмотрел на девушку — и не стал ругать за неосмотрительность.

Рация Грея ожила. Он напряженно вслушивался, пытаясь разобрать иностранную речь. Заметила ли охрана потасовку на лестничной площадке? Среди незнакомых слов прозвучало что-то вроде «пленник» и «к главному входу».

Это могло означать только одно.

Грей похолодел.

— Монка поймали...

Фиона с ужасом и жалостью посмотрела на друга.

— Пойдем.

Грей шагнул к двери, забрав у оглушенного охранника электрошокер и винтовку.

На ходу он шепотом посвятил Фиону в свой план. Сбежав по лестнице вниз, к главному входу, они понеслись по полированному полу коридора, застланному плетеными коврами. Стены украшали многочисленные охотничьи трофеи: головы отнесенных к исчезающим видам черных носорогов, львов и антилоп.

В вестибюле Фиона извлекла из-под фартука перьевую метелку для смахивания пыли — часть ее маскировочного костюма — и встала у большой двери. По другую сторону пост занял Грей с винтовкой.

Ждать пришлось недолго.

Много ли охранников будут сопровождать Монка? Хорошо хоть, что он жив.

Звон металла стал громче. Охрана постепенно приближалась к главному входу. Грей показал Фионе два пальца: пленника в белом тренировочном костюме сопровождали двое солдат.

Створки двери распахнулись, и Грей шагнул вперед.

Охранники не обратили внимания на солдата с винтовкой наперевес и вошли следом за связанным пленником.

Атака была мгновенной.

Спустя минуту двое охранников корчились на полу, суча ногами. Грей ударил солдат по голове, возможно, немного сильнее, чем следовало.

Однако на месте пленника оказался вовсе не Монк.

— Кто вы? — спросил Грей, оттащив одного из охранников в соседнюю хозяйственную комнатку.

Седая женщина помогала Фионе связать второго солдата. Пожилая дама оказалась куда сильнее, чем могло показаться вначале. Одна ее рука была забинтована, на левой щеке алели глубокие шрамы со свежими швами.

Она смело встретился взгляд Грея.

— Меня зовут доктор Марсия Фэрфилд.

12 часов 25 минут

По пустынной улице ехал джип.

Главный инспектор по дичи Джеральд Келлог, удерживая руль одной рукой, отер потный лоб; между коленями пристроилась бутылка светлого пива.

Хлопотное выдалось утро! Охранник из поместья Вааленбергов крайне скупо описал ситуацию: произошел побег. Келлог поднял рейнджеров парка и, расставив посты у выходов из заповедника, вручил фотографии, присланные по факсу из поместья. Рейнджерам сказали, что в заповедник проникли вооруженные браконьеры.

Ожидая сообщения о поимке беглецов, Келлог планировал насладиться завтраком. Сегодня вторник, значит, будет жареная куропатка со сладким картофелем. Келлог направил джип прямиком через скотный двор к подъездной дорожке, обсаженной невысокими кустами. Ухоженный сад окружал двухэтажный деревянный особняк в колониальном стиле. Келлог приобрел все это отнюдь не на официальное жалованье. Десять наемных работников поддерживали чистоту и порядок в саду и доме, где Келлог жил один. Жениться главный инспектор не спешил.

Пришлось бы покупать корову, вести хозяйство...

К тому же он предпочитал недозрелые плоды.

Недавно он раздобыл для себя новую девочку из Нигерии: крошку Айну одиннадцати лет, черную, как деготь. Он любил малышек именно с таким цветом кожи — не видны синяки. Хотя в его дела все равно никто не лезет. Личный слуга Мсали

из племени свази управлял челядью с помощью жестких мер и держал подчиненных в постоянном страхе. Все проблемы решались быстро. А Вааленберги только рады были помочь избавиться от нарушителей порядка. Людей сбрасывали с вертолета во владения Вааленбергов, а что с ними случалось потом, Джеральд не спрашивал. Правда, порой до него доходили странные слухи... Келлог поежился, несмотря на полдневную жару. Меньше знаешь, крепче спишь.

Он поставил машину под тенистой акацией и по гравиевой дорожке пошел к входу на кухню. Два садовника мотыжили цветочную клумбу. Когда с ними поравнялся хозяин, они, как положено, опустили глаза.

От запаха жареных кур с чесноком потекли слюнки. Келлог быстро преодолел три ступеньки, ведущие к двери. В животе громко заурчало.

Дверца плиты была открыта, а повар стоял на коленях, засунув голову в топку. Странная сцена...

Келлог нахмурился. Прошло несколько секунд, и он наконец понял, что это не повар.

— Мсали?

Келлог почуял смешанную с запахом чеснока вонь горелой плоти. У слуги что-то торчало из руки. Дротик с перьями — любимое оружие Мсали. Обычно он смазывал его ядом.

Кажется, случилось что-то ужасное...

Келлог попятился к двери.

Два садовника бросили мотыги и навели оружие на огромное брюхо хозяина. Пригородное отребье нередко сбивалось в банды, чтобы грабить фермы и дома, стоящие на отшибе. Похолодев от страха, Келлог поднял руки.

Скрипнула половица.

Из мрака соседней комнаты выросла темная фигура.

Келлог перестал дышать, узнав незваного гостя. В глазах главного инспектора сверкнули ненависть и страх. Это не воры. Все гораздо хуже. Навстречу Келлогу шагнуло привидение.

— Кхамиси...

12 часов 30 минут

— Скажите точно, что с ним случилось?

Монк через плечо указал большим пальцем на хижину, в которую вошел Пейнтер со спутниковым телефоном Полы Кейн, чтобы поговорить с Логаном Грегори.

Монк уединился в тени соседнего домика с доктором медицины Лизой Каммингс, настоящей красоткой, несмотря на замученный вид и покрывавшую ее с ног до головы пыль.

— Клетки его тела теряют присущие им свойства, как бы растворяются. Так говорит Анна Спорренберг, а она много лет изучала разрушающее воздействие радиации Колокола, которая вызывает системное поражение всех органов. Гюнтер, брат Анны, страдает хронической формой этого заболевания, однако скорость распада его организма замедлена из-за интенсивного лечения и врожденного иммунитета. Анна и Пейнтер, получившие сверхмощную дозу радиации в зрелом возрасте, лишены такой защиты.

Зная, что Монк получил медицинское образование, Лиза описала некоторые симптомы квантовой болезни: снижение уровня тромбоцитов в крови, повышенное содержание билирубина, отеки, дряблость мышц в сочетании с их ригидностью в области шеи и плечевого пояса, разрушение костной ткани, увеличение печени, шумы в сердце, обызвествление дистальных отделов конечностей и стекловидного тела глаз.

После ее рассказа Монк задал только один вопрос:

— Сколько они еще протянут?

Лиза вздохнула и посмотрела на хижину, в которой находился Пейнтер.

— Не больше суток. Даже если мы найдем лекарство сегодня, боюсь, болезнь зашла слишком далеко, и ухудшение будет прогрессировать.

— Вы заметили, что он говорит невнятно и путает слова? Это от лекарств или...

Лиза посмотрела на Монка полными печали глазами.

— Не только от лекарств.

Монку стало ясно, что Лиза сейчас впервые призналась в этом самой себе. Надежды на исцеление нет. Монк видел, как

сильно она страдает. Девушка переживала не потому, что она врач, который ничем не может помочь своему пациенту. И не из-за того, что ей жаль друга. Монк понял, что Лиза любит Пейнтера и изо всех сил скрывает свои чувства.

На порог вышел Пейнтер и поманил рукой Монка.

— Кэт на проводе.

Монк вскочил и взглянул на небо, чтобы проверить, не пролетают ли над ними вертолеты.

— Босс, мне кажется, даме нужна компания,— сказал он, прикрыв рукой трубку и кивнув в сторону доктора Каммингс.

Пейнтер удивленно округлил глаза, красные из-за лопнувших сосудов, но пошел к Лизе.

Монк еще раз оглянулся и приложил телефон к уху.

— Привет, детка.

— Не называй меня деткой. Что, черт возьми, ты делаешь в Африке?

Он улыбнулся: выговоры от Кэт освежали не хуже лимонада. Впрочем, ее вопрос скорее риторический. Капитан Брайент наверняка в курсе дела.

— По-моему, ты заверял меня, что будешь кем-то вроде няньки? — продолжала она.

Монк ждал, когда Кэт выговорится.

— Вот погоди, приедешь домой, и я посажу тебя под замок...

Снова последовали пространные излияния Кэт. Наконец Монку удалось вставить слово:

— Я тоже по тебе скучаю.

Угрожающий тон сменился вздохом.

— Я слышала, что Грея пока не нашли.

— С ним все будет в порядке,— поспешил успокоить подругу Монк, в глубине души надеясь, что прав.

— Найди его. Сделай все, что потребуется.

Монку стало легче. Как хорошо, что Кэт все понимает. Она не стала просить любимого об осторожности, потому что слишком хорошо его знала. И все-таки Монк услышал, что Кэт едва сдерживает слезы.

— Я тебя люблю.

— Я тоже люблю тебя,— сказал Монк и добавил, понизив голос: — Люблю вас обоих.

— Возвращайся скорее.

— Попробуй только меня остановить.

Кэт снова вздохнула.

— Меня зовет Логан, нужно идти. На семь утра у нас назначена встреча с послом Южно-Африканской Республики. Постараемся на него нажать.

— Задай ему жару, детка.

— Непременно. Пока, Монк.

— Кэт, я...

Разговор прервался. Проклятье!

Монк опустил телефонную трубку и пристально посмотрел на Лизу и Пейнтера. Парочка о чем-то разговаривала. Бросилось в глаза, что они стоят ближе друг к другу, чем это нужно для обычного разговора. Он покосился на телефон: как хорошо, что Кэт цела и невредима.

12 часов 37 минут

— Меня вели в здешнюю подземную камеру для продолжения допроса,— сообщила доктор Марсия Фэрфилд.— Хозяева чем-то сильно обеспокоены.

Беглецы прятались в комнате у лестничной площадки, на первом этаже. Охранник, покусившийся на Фиону, до сих пор лежал на полу без чувств, из его ноздрей тонкой струйкой сочилась кровь.

Доктор Фэрфилд рассказала, как на нее напали домашние питомцы Вааленбергов. Могучий клан по своим каналам узнал о ее связи с разведкой Великобритании и похитил, инсценировав несчастный случай. Глубокие раны Марсии до сих пор не зажили.

— Я убедила их, что сопровождавший меня инспектор заповедника погиб. Это все, что я могла сделать. Надеюсь, он благополучно добрался до людей.

— Что скрывают Вааленберги? — спросил Грей.— Чем они занимаются?

Женщина покачала головой.

— Какой-то чудовищной версией Манхэттенского проекта. Больше ничего с уверенностью сказать не могу. Однако мне кажется, что все гораздо серьезнее. Возможно, они даже готовят теракт. Я подслушала разговор охранников о каком-то серуме, упоминали «серум номер пятьсот двадцать пять». Говорили и о Вашингтоне, тоже в связи с этим проектом.

Грей нахмурился.

— Вы ничего не слышали о том, когда планируется начать проект?

— Ничего конкретного. Хотя по их смеху я догадалась, что затея скоро осуществится. Очень скоро.

Грей мерил шагами комнату, подперев подбородок кулаком. Что за серум? Биологическое оружие, вирус? Он досадливо покачал головой: не хватало информации.

— Придется проникнуть в подземные лаборатории. Нужно узнать, что там затевается.

— Охранники как раз вели меня в подземную часть дома,— напомнила доктор Фэрфилд.

Грей с полуслова понял ее.

— Да, я сыграю роль охранника. Это будет нашим пропуском в логово.

— Надо торопиться,— добавила Марсия.— Они, наверное, уже гадают, что могло меня задержать.

Грей обернулся к Фионе, готовый к очередному спору. Самый лучший вариант для нее — остаться здесь, в безопасности. Трудновато объяснить присутствие горничной рядом с охранником, конвоирующим пленницу. Такая компания непременно вызовет подозрение.

— Знаю! Горничной здесь не место.— Фиона снова удивляла Грея. Она ткнула носком туфельки лежащего на полу солдата.— Составлю компанию Казанове, пока вы не вернетесь.

Она тщательно старалась скрыть свой страх.

— Мы ненадолго,— пообещал Грей.

— Да, лучше не задерживайтесь.

Грей взял винтовку и указал доктору Фэрфилд на дверь:

— Идем.

По пути никто не встретился, и они быстро дошли до центрального лифта. Для доступа в подземные уровни требовалось активировать магнитный замок, и Грей воспользовался вторым магнитным ключом Ишке. Лампочки, обозначавшие этажи подземных помещений, сменили цвет с красного на зеленый.

— Как вы думаете, на какой уровень надо спускаться?

— Чем больше сокровище, тем глубже его зарывают.

Марсия нажала на самую нижнюю кнопку: семь уровней под землей. Кабина пошла вниз.

Глядя, как лампочки отсчитывает этажи, Грей обдумывал слова Марсии, не дававшие ему покоя.

Какую атаку задумали Вааленберги? И при чем здесь Вашингтон?

6 часов 41 минута
Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Всего две мили отделяли их от улицы, на которой находились здания посольств. Шофер свернул на Массачусетс-авеню. Автомобиль ехал по направлению к посольству Южно-Африканской Республики. На заднем сиденье Кэт с Логаном в сотый раз обговаривали план действий.

Четырехэтажный корпус из известняка с остроконечными фронтонами и мансардными окнами так и сиял в лучах восходящего солнца. Водитель подъехал к тому крылу дома, где жил посол, любезно согласившийся принять их в столь ранний час у себя в кабинете. Дела, связанные с Вааленбергами, лучше решать подальше от любопытных глаз.

Кэт это вполне устраивало: она спрятала в подколенной кобуре пистолет.

Швейцар уже заметил появление гостей и отворил перед ними застекленную входную дверь.

Логан, старший по званию, вошел первым. Кэт отстала на пару шагов, внимательно оглядывая улицу. Зная, какими

огромными деньгами ворочают Вааленберги, она не доверяла никому, в том числе и послу.

За дверью открылась просторная прихожая. Секретарь в строгом служебном костюме темно-синего цвета уже спешил к гостям.

— Господин Хуригэн спустится через минуту. Я провожу вас в кабинет. Не желаете ли чай или кофе?

Логан и Кэт отказались.

Кабинет украшали деревянные панели, из того же материала была изготовлена мебель: столы, столики, книжные шкафы. Уникальное дерево с ароматной древесиной, произрастающее только в Южной Африке, стало настолько редким, что его запретили вывозить.

Логан сел у стола, Кэт осталась стоять.

Ожидание не затянулось — в кабинет вошел высокий худой мужчина с рыжеватыми волосами. На нем был надет темно-синий костюм, но пиджак посол перекинул через руку. Кэт подозревала, что такая неформальность — не более чем уловка, способ казаться доброжелательным и покладистым; с этой же целью прием устроили в личном кабинете. Кэт ни на секунду не поверила разыгранной сцене.

Пока Логан представлялся, Кэт изучала комнату. Имея опыт работы в разведке, она предположила, что разговор будет записан, и осматривала комнату, гадая, где спрятана аппаратура наблюдения.

Наконец посол Хуригэн занял свое место.

— Итак, вы пришли, чтобы узнать о владениях Вааленбергов. По крайней мере, так мне сообщили. Чем могу помочь?

— Нам известно, что его подчиненные замешаны в похищении людей в Германии.

Посол округлил глаза, чтобы показать, как он удивлен.

— Я просто потрясен, потому что не получал подобных сведений ни от властей Германии, ни от Интерпола.

— Наши источники информации надежны,— сказал Логан.— Мы просим помощи ваших «скорпионов» в розыскных действиях.

Кэт смотрела на неискреннее, деланно сочувственное лицо посла. «Скорпионы» — южноафриканский аналог Федерального разведывательного управления — вряд ли пойдут на сотрудничество. Больше всего Логан желал, чтобы подобные им организации не мешались у «Сигмы» под ногами. Они не могут принимать участие в действиях против столь могущественной силы, как клан Вааленбергов, зато способны оказать давление на всех, кто отважился бы помогать «Сигме».

Кэт, по-прежнему стоя, наблюдала за беседой, похожей на медленный ритуальный танец, в котором оба участника пытались взять верх.

— Смею вас уверить, что Вааленберги относятся к международному сообществу и правительственным органам со всем необходимым уважением. Почтенный клан поддерживает многочисленные фонды, межнациональные благотворительные некоммерческие организации. Вот, например, недавно они преподнесли щедрый дар нашим посольствам и представительствам во всех странах: золотые юбилейные колокола. Такой подарок был сделан по случаю столетней годовщины первой золотой монеты, отчеканенной в Южной Африке.

— Это замечательно, однако...

Кэт перебила Логана, в первый раз заговорив с послом:

— Вы сказали, золотой *колокол?*

Хуригэн обернулся к ней.

— Да, личный подарок Балдрика Вааленберга: сотня золотых колоколов, украшенных гербом Южной Африки. Наш колокол установлен в холле четвертого этажа резиденции.

Логан и Кэт переглянулись.

Кэт заговорила вновь:

— Нельзя ли его увидеть?

Неожиданная смена темы беседы обеспокоила посла, но он не сумел придумать достойную причину для отказа. Кэт показалось, что своим согласием Хуригэн намеревался положить конец тихой дипломатической войне, разгоревшейся в его кабинете.

— С удовольствием покажу.— Посол поднялся и посмотрел на часы.— Боюсь, надо поторопиться. У меня запланирован деловой завтрак, на который мне не хотелось бы опоздать.

Кэт поняла, что Хуригэн решил использовать прогулку по посольству в качестве предлога для окончания неприятной беседы. Одновременно посол своей покладистостью рассчитывал показать нежданным посетителям, что искренне готов им помочь.

Логан строго посмотрел на Кэт. Она опустила глаза, в душе надеясь, что не ошиблась в своих предположениях.

Их проводили до лифта и подняли на самый верхний этаж здания. Миновав коридоры, украшенные произведениями искусства и поделками африканских умельцев, гости вошли в просторный холл, больше напоминавший музей, чем жилое помещение. Здесь стояли витрины, длинные столы и массивные шкафы с медными замками и петлями ручной работы. Стеклянная стена выходила на внутренний двор и сад. В углу комнаты висел огромный золотой колокол. Похоже, его установили здесь совсем недавно. Колокол, высотой в метр и диаметром в полметра, был украшен оттиском герба Южной Африки.

Кэт подошла ближе. От верхушки колокола отходил толстый кабель.

Посол заметил ее интерес.

— Колокол автоматически вызванивает часы. Просто чудо инженерной мысли! Если вы заглянете внутрь, то убедитесь, что там находится изумительный механизм, как в самом лучшем «Ролексе».

Кэт повернулась к бледному как мел Логану. Он тоже видел описания и чертежи Колокола, сделанные Анной Спорренберг. Перед ними висела его точная копия, отлитая из золота. Они читали и о разрушительном воздействии квантовой радиации: безумии и неминуемой смерти. Подняв голову, Кэт увидела в окне купол Капитолия.

Теперь до нее дошел ужасный смысл слов, недавно произнесенных послом: «Сотня золотых колоколов, принесенных в дар нашим посольствам в каждой стране».

— Для его наладки и включения требуется специалист,— с ноткой скуки в голосе продолжал посол, старательно направляя беседу к завершению.— Сейчас он подойдет.

Дверь тихонько стукнула, и все обернулись.

— А вот и...— провозгласил Хуригэн, но, увидев в руках вошедшего автомат, осекся.

Волосы убийцы сияли снежной белизной. Даже на расстоянии Кэт рассмотрела на руке, держащей автомат, темную татуировку.

Кэт потянулась к кобуре под коленом.

Не говоря ни слова, убийца открыл огонь, поливая комнату свинцом.

Зазвенело разбитое стекло, от паркета полетели щепки.

Золотой колокол гудел от пуль.

12 часов 44 минуты
Южная Африка

Двери лифта открылись на седьмом подземном уровне. Грей вышел, держа перед собой винтовку, и внимательно осмотрел серый коридор. В отличие от верхних этажей дома, искусно отделанных драгоценными породами дерева, подземный коридор освещался люминесцентными лампами и выглядел убого: блеклый линолеум на полу, серые стены, низкие потолки. Грей посмотрел направо и увидел стальную дверь с электронными замками.

Дверная панель заметно вибрировала, изнутри доносился ритмичный гул. Силовая станция? Должно быть, очень мощная.

Марсия подошла ближе.

— Мы спустились слишком низко. Похоже, здесь только склады и машины.

Грей согласился. Наверное, она права, и все-таки...

— И все-таки возникает вопрос: что здесь хранят?

Надпись на двери была на голландском языке.

— «Эмбриональная лаборатория»,— перевела Марсия.

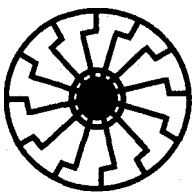
Грей вновь применил магнитный ключ Ишке. На индикаторе зажглась зеленая лампочка. Грей повесил винтовку на плечо, достал пистолет и толкнул дверь.

Потолочный флуоресцентный светильник мигнул, на мгновение погас и снова загорелся.

За дверью оказался коридор. Сразу стало заметно, какой здесь холодный, профильтрованный воздух. С одной стороны шумели компрессоры высоких, до потолка, стальных холодильников. С другой — стояли стальные тележки, сосуды с жидким азотом и большой стол с микроскопом, соединенным проводом со столиком для микрохирургических манипуляций.

Очевидно, здесь была криолаборатория.

На черном фоне экрана компьютера вращался знакомый серебряный символ, тот самый, что Грей видел на полу в замке Вевельсбург.



— Черное солнце,— пробормотал Грей.

Марсия непонимающе уставилась на него.

Грей указал на вращающийся знак.

— Этим символом обозначали Черный орден Гиммлера, группу оккультистов и ученых, членов общества Туле, свято веривших в философию сверхчеловека. Балдрик, наверное, тоже был его членом.

Круг замкнулся: от прадеда Райана они добрались до Вааленберга. Грей кивнул на монитор.

— Загляните в компьютер, посмотрите, что у них там.

Пока Марсия возилась с компьютером, Грей подошел к одному из морозильных шкафов и открыл его. Изнутри дохну-

ло холодом. В морозильном шкафу все выдвижные полки были пронумерованы. Слушая краем уха, как Марсия стучит по клавишам, Грей выдвинул одну из полок. В ней аккуратными рядами стояли многочисленные стеклянные пробирки с желтой жидкостью.

— Это замороженные эмбрионы,— произнесла за его спиной Марсия.

Он задвинул полку и окинул взглядом длинную череду гигантских стальных холодильников. Если Марсия права, здесь хранятся тысячи эмбрионов.

— В компьютере содержится база данных по геномам и генеалогии. Разные виды млекопитающих: люди и животные. Взгляните.

На экране появились странные заметки.

Нуклеотидная последовательность (ДНК)

(Crocuta crocuta)

Вторник 6 ноября 14:56:25 по Гринвичу

Схема V.1.16

Изменение	Нуклеотидный код
Локусы A.0. Трансверсия	
A.0.2. Дипиримидин на дитимидин (c[CT]>TT)	ATGGTTACGCGCTCATG GAATTCTCGCTCATGGA ATTCTCGCTCGTCAACT
Локусы A.3. Улучшение	
A.3.3.4. Динуклеотид (транскрипция)	CTAGAAATTACGCTCTTA CGCTTCTCGCTTCTTAC GCGCCTCA
Локусы B.5.	
B.5.1.3. Местная активация	GTTACGCGCTCGCGCTCA TGGAATTCTCGC TCATG
Локусы B.7	
B.7.5.1. Пентануклеотид (g[TACAGATTC] уменьшен, стабилизирован)	ATGGTTACGCGCTCCGC TGGAATTCTCGCTC ATG GAATTCTCGCTC

— Похоже на описание мутационных изменений на уровне полинуклеотидов,— пробормотала Марсия.

Грей прочитал название сверху:

— Crocuta crocuta — пятнистая гиена. Конечные результаты эксперимента я наблюдал воочию. Балдрик Вааленберг рассказывал, как он усовершенствовал животное, введя в мозг стволовые клетки человека.

— Тогда ясно и название базы данных — «Химера». Этим биологическим термином называют организм, содержащий генетический материал более чем одного вида. У растений такого эффекта добиваются прививками, у животных — введением посторонних клеток в эмбрион.— Марсия продолжала работать с клавиатурой.— Далеко ли зашел Вааленберг?

Грей снова окинул взглядом ряды морозильных шкафов. Интересно, отличаются ли опыты с эмбрионами от манипуляций с орхидеями и миниатюрными деревьями? Еще одна попытка воздействовать на природу, перестроить ее в соответствии с собственными, извращенными понятиями о совершенстве?

— Странно,— хмыкнула Марсия.

Грей обернулся.

— Что-нибудь новое?

— Как я уже говорила, здесь находятся человеческие эмбрионы.— Марсия оглянулась через плечо.— Согласно генеалогическим записям, все эти эмбрионы генетически родственны Вааленбергам.

Ничего удивительного. Грей давно заметил, как похожи друг на друга потомки Балдрика. Патриарх совершенствовал семейную породу на протяжении нескольких поколений.

Однако странность состояла не в этом. Марсия продолжила объяснение:

— Кроме того, записи показывают, что стволовые клетки эмбрионов вводили животным вида crocuta crocuta.

— Гиенам?

Марсия молча кивнула. Чем больше Грей понимал схему опытов, тем страшнее ему становилось.

— Вы хотите сказать, что он вводил чудовищам стволовые клетки собственных детей?

Грей не скрывал, как потрясло его это открытие. Неужели гордыне и зверствам Вааленберга нет предела?

— Но и это еще не все,— добавила Марсия.

Грей почувствовал тошноту, уже догадавшись, что сейчас скажет Марсия.

— Согласно записям, стволовые клетки гиен вводились последующим генерациям человеческих эмбрионов.

— Боже всемогущий...

Грей вспомнил, как Ишке одним движением руки остановила нападавшую гиену. Они действовали не как хозяин и послушная собака, а как одна семья. Балдрик вводил стволовые клетки гиен-мутантов своим детям так же запросто, как скрещивал орхидеи.

— И даже это еще не самое ужасное,— сказала бледная и потрясенная до глубины души Марсия.— Вааленберги были...

Грей прервал ее. С него хватит! Нужно двигаться дальше.

Марсия нерешительно посмотрела на компьютер, но все же кивнула и поднялась. Они покинули чудовищную лабораторию и пошли дальше по коридору. На следующей двери была табличка: «Лаборатория исследования плода». Грей даже не остановился, не испытывая ни малейшего желания увидеть хранящиеся там экспонаты.

— Как им удалось достигнуть столь удивительных результатов? — вслух размышляла Марсия.— Мутации, жизнеспособные химеры... Должно быть, они обладали своими, особыми способами генетических манипуляций.

— Возможно,— пробормотал Грей.— Однако пока они не усовершенствовали их до конца.

Он вспомнил Гуго Хиршфельда и секретный код, зашифрованный им в рунах. Теперь ясно, почему Балдрик стремится овладеть секретом ученого. В коде заключался ключ к совершенству, истине «слишком прекрасной, чтобы позволить ей умереть, и слишком ужасной, чтобы предоставить ей свободу».

Очевидно, судьба чудовищных существ мало заботила Вааленберга; он обращал в монстров собственных родственников. Чего же он хочет добиться, завладев кодом Гуго Хиршфельда? Особенно теперь, когда почувствовал, что «Сигма» дышит ему в затылок? Неудивительно, что Вааленберг так отчаянно стремился узнать все о Пейнтере Кроу.

Они подошли к следующей двери, с табличкой: «Ксерум-525».

— Не «серум»,— произнес Грей.

— «Ксерум»,— прочитала Марсия вслух и непонимающе покачала головой.

Грей снова воспользовался краденым магнитным ключом. Загорелся зеленый огонек, щелкнул замок; лампы мигнули и вспыхнули снова. В воздухе помещения с темными полом и стенами чувствовался легкий запах озона.

— Свинец,— потрогав стену, сообщила Марсия.

Грею новость не понравилась. Все здесь напоминало место для хранения радиоактивных отходов. Далеко в глубь помещения тянулись полки. На них стояли десятигалонные емкости с оттиснутым на них числом 525.

Грей ожидал найти образцы биологического оружия. Но что, если в контейнерах находится радиоактивное вещество? Не потому ли стены помещения покрыты свинцом?

Марсия ничем не выдала своей тревоги.

— Албания,— прочитала она этикетку на контейнере и подошла к следующей полке.— Аргентина.

Далее шли контейнеры с названиями всех стран, в алфавитном порядке. Грей присмотрелся: да здесь, наверное, не меньше сотни контейнеров. Марсия подняла на него глаза, и он понял, о чем она думает. Нет, только не это...

Грей побежал вдоль полок, останавливаясь лишь затем, чтобы прочитать этикетки: «Бельгия», «Греция»...

Наконец он нашел то, что искал: «Соединенные Штаты Америки».

Марсия рассказывала о подслушанных разговорах про возможное нападение на Вашингтон. Судя по надписям на кон-

тейнерах, атака грозила не одному Вашингтону. Однако Балдрик заинтересовался именно Пейнтером и «Сигмой». Видимо, теперь они стали его первой и главной мишенью.

Для этого Вааленберг изменил расписание терактов.

Полка с надписью «Соединенные Штаты Америки» была пуста. Контейнер с ксерумом-525 исчез.

7 часов 45 минут
Госпиталь Джорджтаунского университета
Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Радиодиспетчер вызывал вертолет «скорой помощи», сидя перед экраном компьютера со специальной сенсорно-управляемой программой.

— Ответьте на вызов.

Из вертолета отозвались сквозь треск помех:

— Следую по маршруту. Две минуты как вылетел.

— «Скорая» запрашивает данные.

Все уже слышали о стрельбе в посольстве. Работали службы национальной безопасности, по всему городу гудели звонки и тревожные сигналы. Людей охватило смятение.

— Медперсонал посольства сообщает, что ранены два южноафриканца, в том числе посол. Также пострадали двое американцев.

— Состояние?

— Один погиб, состояние второго критическое.

14

БРОДЯЧИЙ ЗВЕРИНЕЦ

13 часов 55 минут
Южная Африка

Фиона, сжимая в руке электрошокер, припала ухом к двери. Девушку сковал страх: в коридоре звучали приближающиеся голоса. Запасы адреналина, на котором она держалась последние двадцать четыре часа, почти иссякли.

Фиона никак не могла унять дрожь в руках. Связанный охранник, тот самый, что ее ущипнул, неподвижно лежал на полу; когда он начал приходить в себя и замычал, Фионе пришлось снова применить электрошок.

Люди подходили все ближе. Судя по всему, их было двое.

Фиона узнала по голосу Ишке Вааленберг, блондинистую гадину, которая порезала ей руку. Она и ее спутник разговаривали на голландском языке, который Фиона хорошо знала.

— ...Магнитные ключи,— на ходу сердито объясняла Ишке.— Наверное, я их потеряла, когда падала.

— Полно, сестричка, успокойся. Теперь ты дома, в безопасности.

Значит, Ишке разговаривала с братом.

— На всякий случай мы изменим коды замков,— добавил он.

— Американцев и девчонку так и не нашли?

— Все границы поместья взяты под двойное наблюдение. Мы уверены, что чужаки до сих пор на нашей земле, значит, им не спастись. Дедушка приготовил сюрприз.

— Что за сюрприз?

— Помнишь, он взял у них образцы ДНК?

Фиона похолодела от злорадного смеха Ишке.

— Пойдем, нас зовет дедушка.

Брат и сестра прошли мимо.

Голоса постепенно удалялись. Кроме фразы «никто не уйдет из поместья живым», Фиона не разобрала больше ни слова.

Леденящий кровь смех Ишке эхом звенел в ушах девушки. Что бы ни замышляли изверги, они нисколько не сомневались в успехе своего плана. И зачем им образцы ДНК?

Неизвестно, когда вернется Грей, а время неумолимо истекает. Если хочешь избежать опасности, нужно узнать, где она тебя ждет.

Фиона сунула в карман электрошокер и вооружилась метелкой из перьев, потом отодвинула задвижку и открыла дверь. Для сегодняшней охоты понадобятся смекалка и опыт; слава богу, жизнь на улице и того и другого предоставила вдоволь...

Фиона выскользнула из чулана, закрыла дверь и прижалась к ней спиной. Нужно идти вперед. Никогда еще ей не было так одиноко и так страшно. Она чуть было не передумала и даже схватилась за круглую ручку двери. А потом, закрыв глаза, собрала всю свою волю в кулак и помолилась — не Богу, а той, кто учила ее, что мужество бывает разное и иногда приходится жертвовать собой.

— Мутти...— молилась Фиона.

Она очень тосковала по своей приемной матери. Мутти стала жертвой темных тайн прошлого; теперь секреты нынешних дней угрожали Фионе. Чтобы выжить, придется стать такой же храброй и самоотверженной, как Гретта Нил.

Голоса стихли совсем, брат и сестра спустились по лестнице.

Фиона, бочком продвигаясь вдоль стены, отошла от двери, подняв вверх свое оружие — метелку. Перегнувшись через парапет, девушка увидела внизу две белые головы близнецов и услышала:

— Не заставляй дедушку ждать,— предостерег брат.

— Я только на минутку. Хочу взглянуть на Скулд и убедиться, что она в конуре. Малышка так разозлилась, что едва не поранила себя.

— Прямо как ты, сестричка.

Фиона подкралась ближе и увидела, что Исаак коснулся щеки сестры с нежностью, вовсе не похожей на братскую.

Ишке прильнула к нему и через мгновение отпрянула.

— Я скоро приду.

Брат кивнул.

— Я предупрежу дедушку.

Он нажал на кнопку, и дверцы лифта раскрылись.

Ишке пошла по коридору.

Фиона заторопилась за ней, сжимая в кармане электрошокер. Только бы застать гадину одну. Уж она-то сумеет развязать ей язык...

С метелкой в руке девушка быстро сбежала по ступенькам вниз, потом замедлила шаги, копируя походку служанки.

Ишке спешила к центральному холлу, ведущему в глубь дома. Фиона, чуть отстав и мелко семеня, шла следом.

Ишке прошла мимо двоих охранников и свернула в первый коридор налево.

Фиона ссутулилась, слишком широкое платье скрывало ее тонкую фигуру — неприметная горничная, забитое и усталое существо...

Охранники не обратили на нее внимания: мимо только что прошла хозяйка дома, нужно было изобразить бдительность и подобострастие.

Фиона спустилась вниз и увидела, что нижний коридор пуст.

Куда же пропала Ишке?

Девушка испытала облегчение и страх одновременно.

Как поступить? Вернуться в каморку и ждать более удобного случая?

Вспомнился злорадный смех Ишке... Неожиданно справа, из-за двойной декоративной двери из стекла и железа, послышался гневный окрик. Ишке кого-то распекала.

— Мясо должно быть с кровью! Свежее! — орала Ишке.— Смотри, не то я тебя самого к ней засуну!

Последовали невнятные извинения и звук поспешно удаляющихся шагов.

Фиона прижала ухо к двери. И совершила ошибку.

Распахнувшаяся дверь ударила ее в висок. Выскочив из комнаты, разъяренная Ишке налетела на девушку и с проклятием оттолкнула ее локтем. Фиона вспомнила старые привычки, которые позволили ей, бездомной, выжить на улице. Она сжалась в комок, упала на колени и прикрыла голову руками, почти не притворяясь, что напугана.

— Смотри, куда идешь! — рявкнула Ишке.

— Да, госпожа,— заискивающим тоном ответила Фиона, склонившись еще ниже.

— Прочь с дороги!

Рука девушки потянулась к электрошокеру, но момент был упущен: понадобилось время на то, чтобы сунуть в карман предмет, который Фиона только что стащила у Ишке. Как глупо! Сработала давняя привычка беспризорницы, и короткая задержка все испортила,— Ишке выбежала из коридора, хлопнула стальная дверь.

Фиона честила себя на все лады. Как теперь быть? Зачем она покинула убежище? Если она попадется на глаза Ишке еще раз, то вызовет подозрения. Блондинка, конечно, пошла к лифту. Устроить бы ей ловушку, но надо лучше знать дом, чтобы найти обходной путь к главному холлу.

От разочарования и страха к глазам Фионы подступили слезы.

Девушка в отчаянии обвела помещение глазами и только тут поняла, куда попала. Через стеклянный купол потолка ярко светило солнце. Похоже на большой круглый внутренний двор. В самом центре к стеклянной крыше тянулись вершинами гигантские пальмы. Высокую кровлю поддерживали массивные колонны, образуя высокие аркады вокруг всего помещения. От центра, как в соборе, в стороны отходили три высоких придела.

Однако светлый храм возвели не для молитв.

В ноздри ударил резкий запах — мускусный, отдающий склепом. Под высокими сводами дробились эхом дикие крики и завывания.

Любопытство толкало Фиону вперед. Вниз вела лестница из трех ступенек. Людей вокруг не было. Наверное, служитель, которого распекала Ишке, куда-то ушел.

Фиона внимательно осмотрела загадочный зал.

В каждом проеме колоннады стояла большая клетка с застекленной решетчатой дверцей, такой же, как входная. За железными прутьями маячили силуэты крупных животных. Одно из них свернулось клубком, другое беспокойно сновало по клетке, третье присело, глодая крупную кость. Гиены.

Однако здесь обитали не только гиены.

Девушка разглядела и других чудовищ. Посередине одной из клеток угрюмо восседала горилла, в упор глядя на человека до жути разумным взглядом. Голая серая, как у слона, кожа висела на теле складками. Видимо, неизвестная мутация лишила животное шерсти.

По другой клетке беспокойно метался лев. Его неестественно светлый густой мех, местами с проплешинами, покрывали пятна экскрементов и запекшейся крови. Тяжело дыша, обнажая длинные саблевидные клыки, зверь глядел на Фиону налитыми кровью глазами.

Уродливых животных было много: полосатая антилопа с огромными, напоминающими штопор рогами, похожие на скелеты шакалы, альбинос-бородавочник с панцирем броненосца... Жуткая и удручающая картина.

Фиона взглянула на гигантских гиен, и жалость уступила место страху. Девушка не могла оторвать глаз от той, что глодала бедренную кость какого-то крупного зверя, скорее всего, водяного буйвола или антилопы гну. С мосла свисал ошметок мяса с черной шкурой. Фиона невольно подумала, что и она сама могла оказаться жертвой хищника, не подоспей вовремя Грей.

Гиена разгрызла кость с громким звуком, похожим на выстрел.

Девушка вздрогнула и очнулась от наваждения. Довольно ждать. Задумка не удалась. Придется ползти обратно в убежище, поджав хвост.

Фиона взялась за дверную ручку.

Дверь была заперта.

14 часов 30 минут

Грей с бьющимся сердцем смотрел на ряд массивных металлических рычагов. Ему не сразу удалось найти главные рубильники электрощита. Ток шел по гигантским кабелям, рождая в основании шеи физическое ощущение электромагнитного поля.

Слишком много времени ушло впустую.

Обнаружив, что контейнер с ксерумом-525, предназначенный для США, исчез, Грей понял, что промедление сейчас подобно смерти. Некогда вести разведку в подземной части здания; гораздо важнее предупредить Вашингтон.

Марсия вспомнила, что, когда ее забирали из камеры, она видела в помещении охраны коротковолновый передатчик. Женщина предлагала позвонить доктору Поле Кейн, ее партнерше, которая переправит сообщение дальше. Конечно, попытка связаться с кем-нибудь по радио — верное самоубийство, однако другого выхода не оставалось.

Как хорошо, что Фиона сейчас в безопасности.

— Чего вы ждете? — спросила Марсия.

Она перерезала повязку, на которой была подвешена раненая рука, и переоделась в лабораторный халат, висевший в шкафу. В темноте Марсия походила на одного из работников лаборатории.

Они уже нашли пожарный выход наверх. Лестница, видимо, вела в главную часть дома. Чтобы выбраться из подземной части здания и без помех добежать до помещения охраны, нужно вызвать в рядах противника замешательство.

Решение было найдено несколько секунд назад. Грей, прислонившись к одной из дверей, почувствовал вибрацию и гудение силовой станции. Если отключить главный распреде-

лительный щит, посеять хаос и лишить хозяев способности ориентироваться, то шансы захватить радиопередатчик заметно возрастут.

— Готовы? — спросил Грей.

Встретив его взгляд, Марсия зажгла фонарик и ответила:

— Начинайте.

— Вырубаю свет.

Грей повернул первый рубильник.

Потом второй, а за ним третий.

14 часов 35 минут

Фиона с ужасом наблюдала, как гаснут лампы.

Девушка стояла у небольшого фонтана. Всего несколько минут назад она отошла от входной двери и опасливо преодолела половину пути до центра зала. Должен же быть запасной выход, вот она и решила поискать его.

В помещении мгновенно наступила тишина, и Фиона замерла на месте.

Животные как будто прислушивались. Они заметили, что постоянный гул силовых установок прекратился. А может, почуяли свободу?

Сзади скрипнула дверь.

Одна из гиен-мутантов отодвинула носом дверь клетки — отключение электричества обесточило электронные замки. Зверь медленно вышел из клетки и издал утробный вой. С морды хищника капала кровь.

Раздалось отрывистое тявканье, словно гиены обменивались информацией. Еще несколько дверей заскрежетали железными петлями.

Фиона оцепенела. Насос, подававший воду в фонтан, отключился, и журчание струй умолкло, как будто вода испугалась, что привлечет внимание хищников.

Где-то недалеко пронзительно закричал человек.

Наверное, смотритель зверинца, которого отчитала Ишке, подумала Фиона. Видно, его подопечные все-таки получат сегодня мясо с кровью.

Послышались быстрые шаги: кто-то бежал в ее сторону. Потом прозвучал полный боли нечленораздельный вопль, вскоре потонувший в диком вое и рычании.

Фиона в ужасе заткнула уши, чтобы не слышать последнего крика жертвы и урчания хищников, грызущихся из-за добычи.

Ее внимание приковала к себе гиена. Животное с окровавленной мордой приближалось к девушке.

Потом из тени возник второй зверь. Едва различимый — белый на белом. Тот самый, которого спустили на них с Райаном: Скулд, любимица Ишке. Совсем недавно гиену заперли в клетке.

Теперь она вновь обрела свободу.

14 часов 40 минут

— Помогите! Bitte!*

В хижину влетел Гюнтер, за ним едва поспевал майор Брукс.

Лиза отняла стетоскоп от груди Пейнтера: она прослушивала его сердце. За последние полдня едва слышные систолические шумы превратились в отчетливые признаки стеноза клапана аорты. Стенокардия усиливалась, вызывала обмороки. Стоило Пейнтеру немного напрячься, как накатывала дурнота, мутилось сознание. Прежде Лизе не доводилось видеть такого стремительного упадка сердечной деятельности. Она подозревала, что сердечные клапаны покрыты кальцием, обызвествлены. Подобную кальцификацию Лиза обнаружила во всех органах, даже в глазном яблоке.

Пейнтер с гримасой боли оперся на локти.

— Что случилось?

От волнения южный акцент майора Брукса стал еще отчетливее:

— Сэр, у его сестры какой-то припадок.

Лиза схватила медицинскую сумку. Пейнтер хотел встать, но девушка удержала его.

---

* Пожалуйста *(нем.)*.

— Останьтесь здесь,— попросила она.

— Ничего, справлюсь,— раздраженно ответил он.

Времени на споры не было. Лиза отпустила его руку и кинулась к Гюнтеру.

— Идемте.

Брукс замешкался, не зная, что делать: бежать ли ему следом или остаться с Пейнтером, но тот жестом отпустил его и неверными шагами побрел следом.

Лиза побежала к соседней хижине. Дневная жара обжигала, как дыхание раскаленной топки. Неподвижный горячий воздух словно загустел, солнце слепило глаза. К счастью, через минуту Лиза ступила под крышу хижины.

Анна лежала на боку на травяной циновке. Тело ее изогнулось дугой, мышцы свело мучительной судорогой. Венозный катетер уже был подсоединен к руке, чтобы облегчить и ускорить введение лекарств. Пейнтеру тоже заранее ввели катетер.

Лиза опустилась на одно колено, схватила шприц с диазепамом и быстро сделала укол. Через несколько секунд Анна расслабилась и упала на спину.

Вошел Пейнтер, которого поддерживал Монк.

— Как она?

— А вы как думаете? — раздраженно ответила Лиза.

Гюнтер помог сестре сесть. На пепельно-сером лице Анны выступил холодный пот. Через час-другой Пейнтера ожидало то же самое, они получили равную дозу облучения. Пейнтер держался лишь немногим лучше, возможно, благодаря большей массе тела. Жить им оставалось несколько часов.

Лиза с тоской подняла взгляд к солнечному лучу, пробивавшемуся через узкое оконце: как далеко еще до сумерек!

Напряженное молчание нарушил Монк.

— Я говорил с Кхамиси. Он сообщил, что в доме Вааленбергов погасли все до единой лампочки.— Монк неуверенно улыбнулся, хотя и подозревал, что хорошие вести покажутся всем неуместными.— Наверняка работа Грея.

Пейнтер нахмурился — в последнее время гримаса озабоченности не сходила с его лица.

— Мне бы вашу уверенность...

— Сэр, по-моему, нужно рассмотреть возможность изменения плана действий.— Монк потер рукой бритую макушку.— Кхамиси говорит...

— Это не входит в обязанности Кхамиси.

Пейнтер закашлялся.

Монк заметил тревожный взгляд Лизы. Двадцать минут назад им удалось побеседовать без свидетелей. Для того Монк и звонил Кхамиси: внести в план действий некоторые срочные изменения.

Монк кивнул Лизе, та достала из кармана второй шприц и шагнула к Пейнтеру.

— Позвольте промыть ваш катетер. Смотрите, в нем кровь.

Пейнтер протянул дрожащую руку.

Лиза схватила его запястье и ввела лекарство. Монк шагнул к Пейнтеру и, когда у того подкосились ноги, подхватил директора под мышки.

— Что...

Пейнтер уронил голову.

Монк бережно поддерживал босса:

— Для вашей же пользы, сэр...

Пейнтер хмуро смотрел на Лизу. Его рука приподнялась — то ли для того, чтобы ударить девушку, то ли затем, чтобы выразить, как он потрясен предательством. Пейнтер и сам толком не знал. Успокоительное отключило его сознание.

Майор Брукс смотрел на происходящее, разинув рот.

— Что, никогда раньше бунта не видели? — пожал плечами Монк.

Брукс опомнился.

— Я только хотел напомнить, сэр... времени у нас мало.

Монк кивнул.

— Кхамиси уже летит сюда, расчетное время прибытия — три минуты. Мы передадим наши обязанности ему и доктору Кейн.

Лиза обратилась к Гюнтеру:

— Вы сможете нести сестру?

Он молча взял Анну на руки.

— Что вы задумали? — еле слышно спросила та.

— Незачем ждать наступления ночи,— пояснила Лиза.— Мы собираемся совершить вылазку и найти Колокол.

— Как?

— Не забивайте мыслями вашу хорошенькую головку,— ответил Монк и поволок Пейнтера к выходу. Ему помогал майор Брукс.— Мы все устроим.

— Почему именно сейчас?

Монк и Лиза снова обменялись взглядами: «Ночью будет поздно».

14 часов 41 минута

Первым по лестнице поднимался Грей, сжимая в руке пистолет. Марсия молча шла следом, стараясь двигаться бесшумно и прикрывая рукой фонарь. Света хватало ровно настолько, чтобы видеть, куда ступаешь.

Несмотря на то что благодаря украденной форме Грей ничем не отличался от солдата, сопровождавшего работника лаборатории, он хотел избежать случайных встреч.

Прошли шестой уровень, такой же темный, как тот, что остался внизу. Свернув за угол, увидели впереди слабый свет.

Грей знаком дал понять Марсии, что нужно остановиться.

Свет горел ровно, не мигая. Возможно, работала система аварийного освещения.

— Стойте здесь,— прошептал он.

Марсия кивнула.

На лестничную площадку сквозь приоткрытую дверь падал свет. Этажом выше все тонуло в темноте. Почему же здесь есть электричество? Наверное, на этом уровне автономное электроснабжение.

В коридоре эхом раздавались знакомые голоса Исаака и Балдрика.

Вааленберги стояли в глубине комнаты. Грей оглянулся и, увидев внизу Марсию, поманил ее к себе.

Исаак и Балдрик, по всей видимости, не подозревали об отключении электричества.

— Колокол убьет их всех,— произнес Балдрик.

Грей замер: может, старик имел в виду Вашингтон? Если так, то в чем состоит план старшего Вааленберга? Нужно выяснить его намерения.

Грей показал Марсии два поднятых пальца: две минуты. Если он не вернется, ей предстоит действовать самостоятельно.

Он еще раз поднял два пальца.

Грей проскользнул в приоткрытую дверь, опасаясь скрипа петель. Впереди был небольшой коридор, который заканчивался двойными стальными дверьми прямо напротив лифта.

Одна из створок была открыта.

Стоя на коленях, Грей прижался к стене и заглянул внутрь. Он увидел огромнейшее помещение с невысоким потолком, сердце лаборатории. Вдоль одной из стен в ряд стояли компьютеры, на мониторах без остановки мельтешили цифры. Похоже, у электронной аппаратуры был собственный источник энергии.

Люди, находившиеся в комнате, с головой ушли в работу и не заметили, что в доме отключили электричество. Однако служба безопасности могла оповестить их об этом в любую минуту.

Дед и внук уставились в плоский монитор на стене, на котором мелькали изображения рун. Тех самых, из книг Гуго Хиршфельда.

— Код не поддается расшифровке,— констатировал Исаак.— Разумно ли запускать глобальную программу Колокола, ведь мы так и не разгадали головоломку?

— Разгадаем! — Балдрик стукнул кулаком по столу.— Это только вопрос времени. Мы и без того достаточно приблизились к совершенству. Посмотри на себя или Ишке. Вы будете жить долго — пятьдесят лет! И разрушение не коснется вас прежде, чем наступит последнее десятилетие вашей жизни. Пришло время двигаться дальше.

Судя по всему, слова деда не убедили Исаака.

Балдрик выпрямился и указал на потолок.

— Посмотри, к чему приводят проволо́чки. Наша попытка отвлечь внимание международной общественности от Гималаев потерпела фиаско.

— Мы недооценили Анну Спорренберг.

— А также «Сигму»,— добавил Балдрик.— Но это неважно. Мировое сообщество уже дышит нам в затылок. К счастью, золото обеспечило некоторую защиту. Настала пора решительных действий. Когда начнется всемирный хаос, у нас будет предостаточно времени, чтобы разгадать код. Мы овладеем секретом совершенства!

— И тогда в Африке возродится новый мир,— машинально продолжил Исаак, словно повторял заученные с детства, а может быть, заложенные в генетический код слова.

— Обновленный, свободный от порчи,— добавил Балдрик, заканчивая молитву.

Однако в его словах не слышалось истинного чувства, как будто он упомянул всего лишь еще об одном научном эксперименте.

Балдрик выпрямился, опираясь на трость. Грей заметил, что сейчас, когда не было посторонних, старик выглядел намного старше. Похоже, Вааленберг настаивал на быстром развитии событий не потому, что назрела такая необходимость; старик просто чувствовал приближение смерти. Возможно, патриарх желал увидеть итог своей работы, пока еще был жив?

Исаак перешел к другому компьютеру.

— На пульте горят зеленые лампочки. Колокол готов к активации. Мы можем очистить поместье — избавиться от сбежавших пленников.

Грей замер. Что еще затеял полоумный ученый?

Балдрик повернулся спиной к монитору, на котором еще мелькали изображения рун.

— Приготовиться к активации.

Грей проскользнул в комнату.

В центре помещения стоял странный предмет, сделанный из необычной на вид металлокерамики. Объект высотой с человека имел форму перевернутого колокола.

Зашумели и запыхтели моторы, с потолка начал опускаться стальной рукав, окруженный механизмами. Он скользнул в Колокол. В то же самое время открылась задвижка стоящей рядом желтой емкости, и в недра Колокола потекла струя лиловатой жидкости с металлическим блеском.

Что это: смазка, горючее?

Грей недоумевал до тех пор, пока не увидел на боку емкости цифры 525. Так вот он какой, таинственный ксерум!

— Поднять защитный кожух! — приказал Балдрик, ткнув тростью в пол.

Старику приходилось перекрикивать лязганье механизмов.

Пол в помещении был выложен серой плиткой. Свободным от нее оставалось только пространство, окруженное бордюром толщиной в фут,— там и стоял Колокол. Все поверхности покрывал свинец.

Грей догадался, что кольцеобразный участок пола может подниматься и входить в аналогичный участок потолка, образуя цилиндр, внутри которого оказывался Колокол.

— Что там не так? — крикнул Балдрик, повернувшись к Исааку.

Исаак дергал переключатель вверх-вниз.

— Защитный механизм обесточен!

Грей машинально посмотрел себе под ноги. Наверное, генераторы находятся на нижнем уровне, где он отключил электричество.

В комнате громко, заглушая шум моторов, зазвонил телефон. Служба безопасности догадалась наконец, где находятся хозяева дома.

Медлить нельзя. Грей встал, и в тот же миг в воздухе просвистела стальная труба, ударила его по руке и вышибла пистолет.

На Грея набросилась Ишке. Он заметил, что двери темного лифта за ее спиной открыты. Очевидно, во время отключения электричества женщина была в лифте, но сумела выбраться. За шумом моторов Колокола Грей не слышал, как она открывала двери.

Ишке вновь занесла трубу над головой. Не отрывая от блондинки взгляда, Грей отступал в зал с Колоколом, изо всех сил стараясь не смотреть на пожарную лестницу и молясь о том, чтобы Марсия была сейчас на пути к коротковолновому радиопередатчику. Ишке, в перепачканном костюме и с измазанным лицом, медленно приближалась.

Раздался голос Балдрика:

— Что такое? Ишке поймала мышонка, который перегрыз провода?

Безоружный и беспомощный Грей стоял в окружении врагов.

— Генераторы приведены в действие,— со скучающим лицом объявил Исаак, нисколько не удивившись вторжению чужака.

Под ногами возникло гудение. Защитный кожух выдвинулся из пола и начал подниматься верх.

— А теперь истребим остальных крыс,— провозгласил Балдрик.

14 часов 45 минут

В воздух смерчем взвились песок и пыль. Монк пытался перекричать шум вертолетных винтов:

— Вы управитесь с этой птицей?

Гюнтер кивнул и молча взялся за штурвал.

Монк хлопнул гиганта по плечу. Придется довериться нацисту. Из-за отсутствия протеза сам Монк не мог управлять вертолетом; впрочем, гигант совершенно надежен, пока речь идет о спасении его сестры.

Анна с Лизой устроились на заднем сиденье. Между ними, бессильно свесив голову, обмяк Пейнтер. В полубреду он порой что-то бормотал, предупреждал об опасности песчаной бури. Видимо, его тревожили воспоминания.

Низко пригнувшись, чтобы не попасть под лопасти, Монк обежал вертолет. В стороне стояли Кхамиси и зулусский вождь Мози Д'Гана. Мужчины пожали друг другу руки.

Мози сменил церемониальный наряд на униформу цвета хаки, фуражку и автоматическую винтовку. На черной пор-

тупее висел пистолет. Не отверг зулус и наследие предков — за спиной торчал короткий ассегай.

— Принимайте командование,— официальным тоном обратился Мози к Кхамиси при появлении Монка.

— Это для меня большая честь, сэр.

Мози кивнул и выпустил руку Кхамиси.

— Я слышал о вас много хорошего, Жирный.

Подошедший Монк удивился: кто здесь жирный?

Во взгляде Кхамиси смешались стыд и гордость. Бывший инспектор кивнул и отступил назад. Мози забрался в вертолет: он пожелал присоединиться к авангарду, а Монк, слишком многим обязанный вождю, не смог отказать. Кхамиси и Пола Кейн остались руководить наземной операцией.

Воины все прибывали — одни пришли пешком, другие прискакали верхом, третьи приехали на ржавых мотоциклах и побитых грузовиках. Мози бросил клич и, как его древний предшественник Шака Зулу, собрал целую армию. Здесь были и мужчины и женщины в традиционных одеждах из шкур животных, в поношенной военной форме, в джинсах. Люди шли и шли.

Им предстояло разбить армию Вааленберга, по возможности сохранив само поместье. Одолеют ли зулусы вооруженного противника? Не повторится ли вновь история сражения у Кровавой реки?

Существовал только один способ проверить.

Монк втиснулся в тесную кабину вертолета. Мози сел рядом с майором Бруксом, лицом к Анне, Лизе и Пейнтеру. Еще один пассажир, полуголый зулусский воин Тау, буквально сложился вдвое, приставив острие короткого копья к горлу человека, сидящего впереди.

В кресле второго пилота сидел Келлог, связанный по рукам и ногам, с кляпом во рту и синяком под глазом.

Монк хлопнул Гюнтера по плечу и дал знак поднимать машину. Кивнув, гигант потянул на себя штурвал. Моторы взревели, и вертолет взмыл в воздух. Земля резко ушла вниз. Впереди простирались владения Вааленбергов. Было известно,

что противник вооружен ракетами класса «земля—воздух». Гражданский низкоскоростной вертолет для Вааленбергов — легкая добыча.

Что и говорить, хорошего мало.

Монк наклонился вперед.

— Пора заплатить за содержание, инспектор.

Монк зловеще усмехнулся, зная, что его лицо — зрелище не из приятных.

Келлог побелел.

Вполне удовлетворенный произведенным эффектом, Монк поднес микрофон к губам инспектора:

— Соедини нас с охраной.

Кхамиси уже выяснил необходимые коды. Келлогу они стоили подбитого глаза.

— Смотри, ничего не перепутай.

Монк улыбнулся еще раз. Келлог, не отдавая себе отчета, отпрянул назад. «Неужели и вправду я так страшен?» — подумал Монк.

Тау прикоснулся кончиком копья к чувствительному участку на шее Келлога, чтобы главный инспектор до конца осознал: с ним не шутят.

Радиоприемник затрещал, и Келлог передал сообщение:

— Мы поймали сбежавшего Монка Коккалиса. Сейчас везем его к вам, на вертолетную площадку.

— Вас понял. Конец связи,— ответил Келлог.

Гюнтер, прислушивавшийся к ответу охранников, кивнул.

— Все чисто. Снижаюсь.

Он направил вертолет к приближавшемуся поместью. С высоты дом Вааленбергов производил еще более внушительное впечатление.

Анна привалилась к иллюминатору, зажмурив глаза от боли. Пейнтер стонал, повиснув на ремнях безопасности; успокоительное почти не действовало. Лиза прислонила Пейнтера к спинке сиденья, не выпуская руки любимого, и подняла на Монка глаза. В ее взгляде он прочел страх.

Лиза боялась не за себя.

14 часов 56 минут

— Антенна-излучатель поднята? — спросил Балдрик.

Исаак кивнул.

— Готовь Колокол к активации.

Балдрик повернулся к Грею.

— Мы ввели в память Колокола генетические коды ваших спутников. Их он убьет, но другим опасность не грозит. Таково наше решение.

Грей мысленно представил одинокую Фиону, сидящую в запертой комнатке.

— Их незачем убивать,— произнес Грей.— Мой партнер все равно вернется, вы его получите. Не трогайте девушку и юношу.

— Я хорошо запомнил уроки прошлого: свидетелей оставлять нельзя.— Балдрик кивнул Исааку.— Активировать Колокол.

— Постойте! — выкрикнул Грей, шагнув вперед.

Ишке оттолкнула его рукой с пистолетом. Балдрик с досадой оглянулся, и тогда Грей выложил свой последний козырь:

— Я знаю, как раскрыть код Гуго Хиршфельда.

Удивление смягчило жесткие черты Балдрика. Он жестом остановил Исаака.

— В самом деле? Вы способны на то, что не удалось суперкомпьютеру «Крей»? — с сомнением переспросил старик.

Грей знал только одно: необходимо сделать все, чтобы остановить активацию Колокола и спасти друзей. Он указал на монитор, на котором сменялись изображения рун. Компьютер безостановочно перебирал возможные комбинации символов, отыскивая шифр.

— Самим вам не справиться.

— Почему же?

Грей облизнул пересохшие от страха губы. Нужно как можно дольше отвлекать их внимание. Разгадав головоломку, Грей не понял значения разгадки, но чувствовал, что не ошибся. Особенно если принять во внимание еврейское происхождение Гуго Хиршфельда.

Однако можно ли раскрывать врагам секрет ученого?

— Вы взяли из Библии не ту руну. Всего рун шесть, а не пять.

Балдрик недоверчиво вздохнул.

— Наверное, еще что-то вроде солнечного колеса, которое вы нам рисовали?

Он снова повернулся к Исааку.

— Нет! — настойчиво крикнул Грей.— Я объясню.

Оглянувшись, он указал на фломастер, лежавший на компьютерном столе.

— Подайте мне это.

Балдрик с недовольным видом кивнул Исааку.

Тот швырнул фломастер. Грей поймал его на лету, опустился на колени и прямо на сером линолеуме начал рисовать.

— Вот руна из Библии Дарвина.

— Руна «человек»,— подтвердил Балдрик.

Ткнув в нее фломастером, Грей продолжал:

— Она обозначает высшее состояние человека, божественную природу, скрытую во всех нас, нашу совершенную сущность.

— И что же?

— Это и было целью Гуго, тем результатом, которого он добивался. Так?

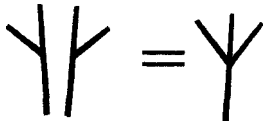
Балдрик медленно наклонил голову.

— Но Гуго не стал бы включать в свой шифр *результат*,— сказал Грей.— Руна «человек» не относится к коду.

Старик понял ход мысли Грея.

— Другие руны из Библии Дарвина...

Грей снова начал рисовать на полу, иллюстрируя мысль.



— Вот эти две руны образуют третью.— Он обвел два символа кружком.— Они обозначают человечество в его основе. Это приведет нас к высшему состоянию. Значит, именно эти две руны нужно ввести в код.

Грей нарисовал начальную комбинацию рун:

— Это неверная последовательность.

Перечеркнув написанное, он изобразил иную комбинацию, разделив последнюю руну.

Балдрик подошел ближе.

— Это и есть правильная последовательность? Та, что должна быть расшифрована?

Грей честно ответил:

— Да.

Балдрик задумчиво кивнул и прищурился.

— Полагаю, вы правы, коммандер Пирс.

Грей поднялся.

— Благодарю,— произнес Балдрик и повернулся к Исааку: — Активируй Колокол. Убей его друзей.

15 часов 7 минут

Винты вертолета остановились, и Лиза помогла Пейнтеру выбраться наружу. С другой стороны подставил свое могучее

плечо зулусский воин Тау. Действие лекарства, которое Лиза ввела Пейнтеру, заканчивалось.

Гюнтер поддерживал Анну. Ее глаза потускнели от очередной дозы морфина. Немка начала кашлять кровью.

Чуть в стороне Монк и Мози Д'Гана стояли над мертвыми телами солдат. Их застали врасплох, когда они ожидали пленника. Несколько выстрелов из пистолетов с глушителями — и площадка захвачена.

Монк поменялся местами с Тау.

— Оставайся здесь. Охраняй машину. Присматривай за арестованным.

Инспектора Келлога вытащили из вертолета и оставили на крыше — руки и ноги связаны, во рту кляп.

Монк махнул майору Бруксу и Мози Д'Гана, чтобы те шли вперед. По пути они изучили план поместья, сделанный Полой Кейн, и выбрали маршрут. Пройти предстояло немало, потому что вертолетная площадка находилась в стороне от дома.

Подняв винтовки, Брукс и Мози направились к проему в крыше. Воины двигались слаженно, как будто всегда работали в паре. Гюнтер тоже держал в руке пистолет, а на плече у него висела короткоствольная штурмовая винтовка. Вооруженный до зубов отряд подошел к двери, ведущей во внутренние помещения.

Брукс пошел первым. Магнитные ключи-карты, конфискованные у убитых охранников, открыли путь вниз. Брукс и Мози скрылись в проходе.

Монк посмотрел на часы: сейчас все решало время.

Снизу послышался короткий свист.

— Спускаемся,— скомандовал Монк.

Короткая лестница вела на шестой этаж. Брукс стоял на площадке. На полу распластался еще один охранник, из перерезанного горла которого, пульсируя, вытекала кровь. Рядом стоял Мози с окровавленным ножом в руке.

Отряд начал спуск по лестнице. Как путники и ожидали, основная часть солдат охраняла границы владения от зулусов, что нежданно-негаданно устроили привал у самого поместья.

Монк снова сверился с часами.

Спустившись на второй этаж, отряд свернул в длинный коридор, украшенный отполированными деревянными панелями. Здесь было прохладно и сумрачно. Лампы в настенных канделябрах мигали, как будто еще не оправились после аварии системы электроснабжения. Хотя, возможно, большую часть энергии забирало какое-то мощное устройство.

Лиза заметила, какой в коридоре тяжелый воздух.

Проход заканчивался тупиком. Брукс скользнул в правое ответвление коридора. Через секунду он выбежал оттуда и прислонился к стене.

— Назад, уходите...

Из-за угла раздался угрожающий низкий рык и пронзительный вой.

— Укуфа!

Мози принялся махать руками, приказывая всем отступить.

— Бегите! — вторил Брукс.— Мы их задержим, а потом догоним вас.

Монк потащил прочь Лизу и Пейнтера.

— Что там? — запыхавшись, спросила Лиза.

— На нас спустили собак,— ответил Монк.

Следом Гюнтер тащил Анну.

Сзади гремели выстрелы. Тявканье и нечеловеческий хохот сменились воем, полным боли и ярости.

Прогремело еще несколько беспорядочных выстрелов.

— Проклятье! — крикнул Брукс.

Лиза оглянулась через плечо и увидела, что майор и Мози отступают по коридору, то и дело стреляя.

— Бегите, бегите,— прокричал Брукс.— Их слишком много!

Из-за угла выскочили три огромных зверя. Хищники неслись, низко опустив морды, роняя слюну, царапая когтями деревянные доски пола. Они ловко уворачивались от смертоносных выстрелов, словно чуяли, куда полетит пуля. Все три гигантские гиены были ранены, однако раны, казалось, не ослабляли их, а, наоборот, подстегивали.

Вовремя обернувшись, Лиза увидела, что еще два хищника выскочили с другой стороны, отрезав путь к отступлению.

Отряд угодил в ловушку.

Лиза оступилась, упала на колени и увлекла за собой Пейнтера. Тот от удара почти пришел в себя.

— Где мы? — невнятно пролепетал он.

Лиза прижала его к полу, над головой грохотали выстрелы.

Сзади раздался пронзительный крик. Огромная гора мускулов вылетела из боковой двери и отбросила майора Брукса к стене. Мози, зычно крича, ринулся к майору, подняв над головой копье.

Лиза обхватила Пейнтера руками.

Звери были повсюду.

Еще один хищник появился из двери слева. Лизе вспомнился сумасшедший буддийский монах, что размахивал острым серпом; его глаза тоже светились в полутьме красными огоньками.

Совсем как у гиены, которая подходила все ближе.

Обнажив клыки, чудовище торжествующе зарычало.

15

РОГА БУЙВОЛА

15 часов 10 минут
Южная Африка

Кхамиси лежал в канаве, прикрытой камуфляжным брезентом.

— Осталось три минуты,— произнесла Пола Кейн.

Они смотрели на черную ограду в бинокли.

Воины-зулусы были расположены вдоль границ парка. Одни открыто передвигались вместе со скотом по старым тропам, другие, постарше, в традиционной одежде, украшенной перьями и бисером, устроили привал. Из ближней деревни доносились громкие песнопения и бой барабанов — изображали свадьбу кочевников.

Повсюду в беспорядке стояли мотоциклы, мопеды, грузовички, где прятались молодые воины, в том числе и женщины. Парочки обнимались, мужчины размахивали резными деревянными чашами и галдели. Группка обнаженных по пояс зулусов в праздничной раскраске затеяла ритуальный танец с дубинками.

Кхамиси подкрутил фокус и направил бинокль на верхушку ограды, защищенную спиралями колючей проволоки. Наверху, в гуще лесного полога, он заметил движение — солдаты Вааленберга на подвесных мостах осматривали территорию за оградой, несли дозор на границе владений.

— Одна минута,— произнесла Пола.

Перед ней на треноге стояла снайперская винтовка. Кхамиси был немало удивлен, узнав, что Пола некогда завоевала золотую медаль на Олимпийских играх.

Операция зулусских воинов получила название «Буффало». Главным силам предстояло нанести удар с фронта, в то время как вторая группа ударит с обоих флангов, отрежет путь к отступлению и возьмет противника в кольцо. Кхамиси внес небольшое изменение в план; ради этого бывший инспектор всю ночь исследовал местность и расставлял сюрпризы.

— Десять секунд,— предупредила его Пола и начала обратный отсчет, приложившись щекой к винтовке.

Кхамиси поднял передатчик, повернул рычажок и положил палец на кнопки.

— Ноль,— закончила отсчет Пола.

Кхамиси нажал на первую кнопку.

За оградой рванули заряды. Над листвой взвились пламя и дым, в воздух выбросило горящие обломки досок и веток. Радужным конфетти шумно поднялись встревоженные птицы.

Кхамиси заложил заряды на главных опорах подвесных мостов. Сейчас мосты рушились, увлекая за собой солдат.

Зулусские воины сбросили накидки, под которыми прятали винтовки, сдернули присыпанный землей брезент и достали боеприпасы. Зарычали моторы — мобильные подразделения людей на мотоциклах и грузовичках начали окружение.

— Пора,— скомандовала Пола.

Кхамиси нажал еще несколько кнопок.

Участок ограждения не меньше мили длиной взлетел на воздух.

Сбросив с себя брезент, Кхамиси поднялся. Сзади с ревом подкатил мотоцикл, выбрасывая из-под колес песок, и Нджонго призывно махнул рукой.

15 часов 13 минут

Наверху прогремел взрыв, лампы в зале Колокола замигали. Все застыли на месте, даже Балдрик и его внук Исаак. Ишке не дрогнула. Она приставила пистолет к груди Грея. Люди невольно подняли к потолку недоумевающие взгляды.

Все, кроме Грея.

Он не отрывал глаз от прибора, регулирующего мощность Колокола. В свинцовом цилиндре постепенно нарастал гул. На мониторе наружная оболочка Колокола начала светиться бледно-голубым сиянием.

Как только стрелка достигнет максимальной отметки, радиация вырвется наружу, накроет территорию в пять квадратных миль и убьет Монка, Фиону и Райана. Один Грей, под защитой свинца, был в безопасности.

— Узнай, что там случилось,— приказал Балдрик, когда взрывы наконец утихли.

Исаак уже схватил трубку красного телефона.

Выстрел пистолета, слишком громкий и резкий на фоне приглушенных взрывов, прозвучал так внезапно, что напугал всех.

На кафельный пол брызнула кровь. Грей резко обернулся.

Пуля угодила в левое плечо Ишке. К несчастью, пистолет остался у нее в правой руке. Ишке направила дуло на стрелка.

Доктору Марсии Фэрфилд из-за ранения пришлось действовать левой рукой, и она промахнулась: Ишке была только ранена.

Сама Ишке не терпела полумер. Даже застигнутая врасплох, она соображала молниеносно. Однако сзади на нее кинулся Грей.

Два пистолета — Марсии и Ишке — выстрелили одновременно.

Обе женщины промахнулись.

Грей обхватил Ишке сзади, но она боролась, как дикая кошка. Ему с трудом удалось схватить ее за запястье руки, сжимавшей пистолет.

Брат поспешил ей на выручку, держа в руке немецкий стальной нож.

Марсия выстрелила снова, однако попасть в Исаака ей помешали сцепившиеся Грей и Ишке.

Пирс резко ударил подбородком по раненому плечу Ишке. Она ахнула и немного ослабила хватку, однако успела вы-

стрелить. Пуля угодила в пол у самых ног Исаака, рикошетом отлетела от серых плит и попала в икру.

Увидев, что брат ранен, Ишке вырвала руку и резко ударила противника локтем в живот. Грей согнулся от боли, дыхание перехватило.

В глазах Исаака была ненависть, в руках блеснул нож.

Грей не стал ждать. Он кинулся вперед и изо всех сил толкнул Ишке. Женщина еще не очень твердо держалась на ногах, и от толчка полетела прямо на брата.

На нож.

Зазубренное острие пронзило грудь Ишке.

С ее губ сорвался вопль изумления и боли. Эхом отозвался крик брата. Пистолет выпал из пальцев Ишке, она вцепилась в Исаака, не веря в случившееся.

Грей ринулся вперед и схватил пистолет прежде, чем тот коснулся пола.

Скользя на спине по гладким плитам, он навел оружие на Исаака.

Блондин мог и должен был уйти из-под удара, но он словно окаменел, сжимая в объятиях сестру.

Грей выстрелил в неподвижную мишень. Пуля угодила Исааку прямо в голову.

Близнецы упали, не разжимая объятий.

Марсия вбежала в комнату, целясь из пистолета в Балдрика. Старик неотрывно смотрел на своих внуков.

Стрелка на приборе достигла красной черты, до разряда оставалось не более двух минут. Грей приставил дуло пистолета к щеке старика.

— Отключите активацию.

Балдрик, не дрогнув, твердо встретил его взгляд.

— Нет.

15 часов 13 минут

Как только затихло эхо взрывов, застывшая картина вновь ожила. Припавшие к полу гиены поднимались на ноги. Они поджимали от страха хвосты, но не покидали коридора. Огромные хищники приходили в себя.

— Не стреляйте! — громко прошептал Монк.— Уходите в ту комнату!

Он махнул рукой на боковую дверь, где можно было спрятаться.

Гюнтер подхватил Анну. Мози Д'Гана отступил от гиены, которую поразил копьем, и помог подняться Бруксу. Из глубокой раны на бедре майора текла кровь.

Не успели они двинуться с места, как вновь раздалось дикое рычание.

— Монк...— прошептал кто-то.

В нескольких шагах от двери Лиза склонилась над недвижным телом Пейнтера. Над ними стояло огромное животное, самое крупное в стае.

Пасть хищника широко раскрылась, с клыков на пол капала кровавая слюна.

Монк понимал, что рискует ранить товарищей, и все-таки решил стрелять, однако не успел. Звонкий голос скомандовал:

— Скулд! Нельзя!

Монк обернулся.

В конце коридора возникла Фиона. Она прошла мимо двух гиен, не обращая на них внимания, а те вдруг замяукали и повалились на бок. В руке девушки сверкнул электрошокер; в другой она держала пульт с антенной и направила антенну на зверя, стерегущего Лизу и Пейнтера.

— Плохая собака! — произнесла Фиона.

Шерсть, стоявшая у гиены дыбом, к изумлению Монка, разгладилась. Зверь перестал рычать и отпрянул, а потом, словно заколдованный, улегся на пол и довольно мяукнул.

Оглянувшись, Монк убедился, что остальных зверей словно тоже зачаровали.

— Вааленберги вживили хищникам чипы,— объяснила Фиона, подняв прибор.— Можно причинить им боль или доставить удовольствие.

Огромная гиена в дверях удовлетворенно замяукала.

Монк озадаченно нахмурился, глядя на передатчик.

— Где ты его раздобыла?

Девушка кинула на Монка быстрый взгляд и поманила отряд за собой.

— Ты его украла! — догадался Монк.

Фиона пожала плечами.

— Давай считать, что игрушка упала в мой карман, когда я столкнулась со своей старой знакомой. Она все равно в нее не играла.

Ишке, догадался Монк.

Он помог Лизе поднять Пейнтера. Гюнтер подхватил Анну. Мози и Брукс держались друг за друга. Штурмовой отряд имел весьма плачевный вид.

Зато теперь у них появилось мощное подкрепление: за отрядом неотступно следовала стая ласковых зачарованных животных. Фиона стала для гиен сказочным Крысоловом.

— Я не могу от них отделаться,— нервно сообщила Фиона.

Присмотревшись, Монк понял, что девушку трясет от страха.

— Как только я отыскала нужную кнопку,— рассказывала она,— звери вылезли из клеток и пошли за мной. Я снова спряталась в комнате, где велел дожидаться Грей. А звери, наверное, остались за дверью. Потом я услышала ваши крики, выстрелы и...

— Хорошо,— перебил Монк.— А что с Греем? Где он?

— Спустился на лифте вниз. Час назад. Я покажу.

Фиона провела отряд вниз по лестнице к главному холлу. Прямо напротив резного входа в дом находились двери лифта.

Майор Брукс, хромая, подошел к электронному замку и достал связку магнитных ключей. Вместо красной лампочки над дверью загорелась зеленая. Заурчал мотор: снизу поднималась кабина лифта.

Тем временем стая гиен спустилась с лестницы и улеглась вокруг Фионы, нежась в колдовских волнах удовольствия.

Люди молча смотрели на хищников.

Неожиданно снаружи донеслись крики и стрельба. Кхамиси вел войну. Много ли времени понадобится ему, чтобы добраться до дома?

Словно читая мысли Монка, тяжелые двойные двери распахнулись. Стрельба, взрывы и крики стали слышнее. В дом хлынули отступавшие солдаты Вааленберга. Среди прочих Монк заметил снежно-белые головы элитных воинов, единокровных потомков Вааленберга, в десять раз превосходивших силой обычных бойцов. Блондины были невозмутимы, словно возвращались с теннисного корта.

В просторном холле противники столкнулись лицом к лицу.

15 часов 15 минут

Грей отступил от Балдрика Вааленберга и приказал Марсии:

— Стерегите его.

А сам, не сводя взгляда со стрелки у красной черты, взялся за рычажок, к которому совсем недавно подходил Исаак. Рычаг контролировал защитный кожух вокруг активированного Колокола.

— Что вы делаете? — с тревогой произнес Балдрик.

Значит, есть нечто, чего старик боится больше пули...

Грей дернул рычажок вниз. Где-то внизу заработали моторы, и кожух начал опускаться. Яркий голубой свет вырвался из-под свинцовой стены.

— Остановитесь! Вы нас погубите!

Грей сурово посмотрел на старика.

— Тогда отключите эту чертову штуку.

Балдрик с тревогой наблюдал за тем, как опускается свинцовая стена.

— Я не могу, идиот! Колокол работает, он должен разрядиться!

Грей пожал плечами.

— Ладно, тогда мы все увидим, как это произойдет.

Кольцо голубого света увеличивалось в размерах.

Балдрик сдался.

— Да, я могу удалить смертельную команду, нейтрализовать ее,— сказал он, крепко выругавшись.— Она не причинит вреда вашим друзьям.

— Действуйте.

Узловатые пальцы Балдрика быстро пробежались по клавишам.

— Поднимите кожух!

— После того, как вы закончите.

Грей заглянул старику через плечо. Он увидел, что на экране появились имена бывших пленников — буквенно-цифровой код и надпись: «Генетические характеристики». Старик четырежды нажал на кнопку «уничтожить» и стер генетические коды.

— Готово! — Балдрик повернулся к Грею.— Закройте защитный кожух!

Грей вернул рычажок в прежнее положение.

Внизу что-то зарокотало, потом раздался треск, пол под ногами дрогнул. Свинцовый кожух замер на полпути.

Над краем свинцовой защиты сияло голубое солнце. В дрожащем мареве было видно, как наружная оболочка Колокола вращается в одну сторону, а внутренняя — в обратную.

— Сделайте что-нибудь! — умолял Балдрик.

— Наверное, гидравлику заело,— пробормотал Грей.

Балдрик медленно отступал назад, его глаза раскрывались все шире.

— Вы нас погубили! Разряд подобной мощности убьет все живое в радиусе пяти миль... Или случится кое-что похуже.

Грей побоялся спросить, что может быть хуже смерти.

15 часов 16 минут

Солдаты Вааленберга в упор целились в маленький отряд. Силы противников были не равны.

Лифт еще не доехал до этажа, и даже если бы это произошло, понадобилось бы слишком много времени, чтобы войти в кабину и закрыть двери.

Перестрелка неизбежна. Если только не...

Монк наклонился к Фионе.

— Как насчет небольшой порции боли?

Он кивнул головой в сторону гиен, расположившихся на лестнице.

Фиона легким незаметным движением нажала на кнопку.

Эффект последовал незамедлительно, как будто кто-то поджег гиенам хвосты. Глотки хищников извергли дикий крик. Одни звери падали с балкона на пол, другие скатывались с лестницы и набрасывались прямо на людей Вааленберга. Когти и зубы впивались во все, что двигалось. Люди кричали и пытались стрелять.

Наконец за спиной у Монка с шипением раздвинулись дверцы лифта.

Монк ввалился в кабину, увлекая за собой Фиону, Лизу и Пейнтера.

Солдаты Вааленберга начали беспорядочно палить в них, но мешали гиены. Мози и Брукс отстреливались, отступая к лифту.

Как быть потом? Солдаты наверняка бросятся за ними в погоню.

Монк, не глядя, нажимал на кнопки лифта. Еще будет время подумать.

Однако один человек из маленького отряда уже принял решение. Гюнтер передал Анну на руки Монку.

— Я их задержу.

Анна потянулась к брату, но двери лифта уже закрывались. Гюнтер легонько оттолкнул руку сестры и шагнул в холл. Воин двинулся к нападавшим, держа в одной руке пистолет, в другой — винтовку. Он кинул последний взгляд на Анну, а потом посмотрел Монку в глаза. Тот прочел во взгляде гиганта молчаливый наказ: «Береги Анну».

Двери лифта сомкнулись.

15 часов 16 минут

Низко пригнувшись, Кхамиси гнал мотоцикл через джунгли; сзади сидела Пола Кейн с винтовкой на плече. Зулусский воин и британский агент. Странная дружба, если учесть, что самая кровавая часть истории страны — англо-бурские войны девятнадцатого столетия.

Но теперь все это в прошлом, теперь они — одна дружная команда.

— Налево! — крикнула Пола.

Кхамиси вывернул руль, женщина прицелилась и выстрелила. Один из охранников Вааленберга с криком упал в кусты.

В джунглях со всех сторон гремели стрельба и взрывы.

Вааленберги потерпели полное поражение.

Внезапно мотоцикл вылетел из джунглей в ухоженный сад, резко затормозил и юзом въехал под ветви плакучей ивы.

Огромный дом заслонил полнеба.

Кхамиси схватил бинокль, осмотрел крышу дворца и увидел посадочную площадку, где несколько минут назад приземлился вертолет заповедника. Внимание бывшего инспектора привлекло движение. Подкрутив фокус бинокля, он узнал знакомую фигуру Тау. Зулусский воин стоял на краю крыши и наблюдал за развернувшейся внизу битвой.

Неожиданно в поле зрения Кхамиси появился другой человек. Инспектор Джеральд Келлог подбирался к Тау сзади, занеся над головой железную трубу.

— Не двигайтесь,— произнесла Пола Кейн.

Она положила ствол винтовки Кхамиси на плечо, целясь в оптический прицел. И спустила курок.

Раздался выстрел, у Кхамиси зазвенело в ушах.

Голова инспектора Келлога откинулась назад. Тау, не подозревавший, что ему только что спасли жизнь, от испуга чуть не свалился с крыши.

Кхамиси видел, как затрясло Тау, когда тот осознал, что его жизнь висела на волоске.

Как там остальные?

15 часов 17 минут

— Вы нас погубили! — вновь и вновь твердил Балдрик.

Грей и не думал сдаваться.

— А возможно ли отсрочить разряд Колокола? Нужно время, чтобы спуститься и исправить защитный кожух.

Взгляд старика приковала к себе застывшая капсула Колокола в короне из голубого сияния. Лицо Балдрика превратилось в маску ужаса.

— Пожалуй, хотя...

— Что?

— Кто-то должен войти внутрь.

Он указал дрожащей тростью на защитный кожух и покачал головой, отказываясь от самоубийственного поступка.

Дверь комнаты резко распахнулась.

— Войду я,— раздался голос.

Грей и Марсия резко обернулись, подняв пистолеты.

Первым шел Монк, поддерживая темноволосую женщину, ту самую, что произнесла поразившие всех слова. Их сопровождали двое незнакомцев: пожилой чернокожий мужчина, хромая, опирался на гладко выбритого юношу в полевой униформе. Следом шли Фиона и высокая, спортивного вида блондинка, которая выглядела так, будто только что пробежала марафонскую дистанцию. Они с двух сторон вели пожилого мужчину, едва стоявшего на ногах; кажется, он передвигался только потому, что его тащили вперед. Как только женщины остановились, он повис у них на руках, но приподнял голову, глядя на Грея знакомыми голубыми глазами.

— Пирс...

— Директор Кроу?!

Пораженный, Грей бросился к Пейнтеру.

— Не время! — Темноволосая женщина, которую поддерживал Монк, выглядела немногим лучше, чем Пейнтер. Женщина разглядывала Колокол, как старого знакомого.— Мне понадобится помощь, чтобы попасть внутрь камеры. А он пойдет со мной.

Она указала дрожащей рукой на Балдрика Вааленберга.

— Нет! — простонал старик.

Женщина обожгла его презрительным взглядом.

— Нам понадобятся две пары рук, чтобы управиться с проводами. К тому же вы знаете машину.

Монк обратился к чернокожему мужчине:

— Мози, помогите Анне. Нужна приставная лестница.

Затем он обернулся к Грею, дружески пожал ему руку, и они привычным жестом толкнули друг друга плечами.

— У нас мало времени,— шепнул Грей Монку, удивляясь, как сильно рад появлению друга.

В его сердце зародилась надежда.

— Это ты мне говоришь? — хмыкнул Монк и передал Грею рацию.— Включай.

Грей схватил рацию и прыгнул к выходу. Тысячи вопросов вертелись на языке, но они могли подождать. Грей включил рацию, услышал голоса, шум, перебранку и выстрелы. Сзади послышались поспешные шаги: его догоняла Фиона.

— Я с тобой!

Грей начал спускаться по пожарной лестнице. Фиона показала передатчик с выдвинутой антенной.

— На случай, если напоремся на зверушек.

— Не отставай,— велел Грей.

— Отстань, сама знаю,— огрызнулась Фиона.

Они дошли до комнаты с силовыми установками.

По рации заговорил Монк:

— Анна и старый хрыч уже внутри камеры. Он, конечно, этому не шибко рад. А мы-то с ним чуть не подружились, стыд какой.

— Монк! — одернул Грей друга.

— Сейчас передам рацию Анне, чтобы она связалась с тобой. Ой, извини, у тебя меньше минуты. Чао!

Покачав головой, Грей дернул за ручку двери. Заперто.

Глядя, как он трясет ручку, Фиона вздохнула.

— Ключи забыл?

Грей выхватил из поясной кобуры пистолет и выстрелил в замок. На месте замка возникло дымящееся отверстие. Грей распахнул дверь.

— Смотри-ка, так тоже можно.

Фиона вошла следом.

Грей увидел моторы и приспособление для поднятия защитного кожуха Колокола.

Из рации долетал непонятный ритмичный гул, похожий на шум прибоя,— очевидно, помехи от радиации Колокола. Видимо, Монк уже передал рацию Анне.

В подтверждение своей догадки он услышал голос женщины, которая на смеси немецкого и голландского языков спорила о чем-то с Балдриком. Грей пропустил большую часть спора, занятый осмотром установки. Наконец Анна заговорила по-английски:

— Коммандер Пирс?

Тот откашлялся и ответил:

— Говорите.

Хриплым от усталости голосом она произнесла:

— Мы хотели устранить помеху вручную, но ничего не получается.

Грей увидел причину поломки. В одном из поршней дымился плавкий предохранитель. Грей взял его, обернув пальцы краем рубашки, выдернул и показал Фионе.

— Нужен новый. Наверняка где-то поблизости есть запасной.

— Скорее, коммандер.

Треск помех усилился, но не заглушил настойчивого шепота Балдрика:

— Анна, присоединяйтесь к нам. Вы будете новым экспертом по Колоколу.

Даже парализованный страхом смерти, Балдрик жаждал победы, пусть и ценой обмана.

Грей гадал: предаст их Анна или нет? Он приказал Фионе:

— Брось мне свой передатчик.

Поймав приборчик, он отломил антенну: нет времени искать запасной предохранитель, обойдемся без него. Грей вставил антенну между контактами и кинулся к контрольному пульту с большим ручным рубильником.

На пульте было по-голландски написано «вверх» и «вниз». Подумаешь, бином Ньютона.

Он сказал в рацию:

— Анна, выходите из камеры.

— Мы не можем, коммандер. Один из нас должен заткнуть пробоину в дамбе пальцем. Если мы оба выйдем, Колокол сразу даст разряд.

Грей закрыл глаза. На помощь Балдрика рассчитывать бессмысленно.

Статические разряды превратились в глухой гул.

— Вы знаете, что делать, коммандер.

Грей знал. Он повернул рубильник.

До Грея долетели прощальные слова Анны:

— Передайте брату... *я люблю его.*

Прежде чем она опустила рацию, прозвучали ее последние слова — то ли ответ на предложение Балдрика, то ли обращение к миру, то ли попытка утешить себя:

— Я не нацистка.

15 часов 19 минут

Лиза стояла на коленях, обнимая Пейнтера, и вдруг почувствовала под ногами рокот мощных машин: гигантский свинцовый щит поднялся к потолку и скрыл корону голубого сияния.

Лиза испуганно вздрогнула, вспомнив, что Анна осталась в Колоколе. Даже Монк безотчетно шагнул к свинцовому кожуху.

Из Колокола долетел истошный вопль: кричал старик. Лиза видела, как его узловатые пальцы неистово пытаются ухватить край кожуха. Слишком поздно. Кожух плавно вошел в потолочное кольцевое углубление.

Приглушенные безумные крики не смолкали.

Лиза всем телом ощутила глухой удар. Потом наступила тишина. Полное безмолвие, словно весь мир затаил дыхание.

Пейнтер застонал.

Его голова покоилась на коленях у Лизы, глаза закатились, он с трудом дышал. Девушка легонько встряхнула его, но Пейнтер даже не пошевелился.

Он впал в кому! Он умирает!

Лиза закричала:

— Монк!!!

15 часов 22 минуты

— Скорее, Грей! — орал Монк в рацию.

Грей пулей мчался вверх по лестнице, за ним едва поспевала Фиона. Он задержался внизу ровно на секунду, чтобы заменить сгоревший предохранитель. Грей понял не все из того, что успел рассказать ему Монк, но точно знал, что Пейнтер получил дозу смертельной радиации, и единственное спасение для него — Колокол.

На площадке пятого уровня Грей услышал гремящие наверху тяжелые шаги и достал пистолет. Что еще случилось?

Бледный громила с выпуклыми надбровными дугами почти упал на него со ступенек лестницы. Рубашка промокла от крови, глубокая кривая царапина протянулась от виска до горла, к животу гигант прижимал сломанную в запястье руку.

Грей поднял оружие. Сзади в него врезалась Фиона с криком:

— Не стреляй, он наш... Это брат Анны.

Гигант тоже узнал Фиону и, шатаясь, подошел к ней. Он посмотрел на Грея, подозрительно прищурившись, потом, махнув на дверь винтовкой, проворчал:

— Blockiert*.

Гигант перекрыл путь врагам, а значит, еще есть время для действий.

Все трое побежали к залу с Колоколом. Грей понимал, что должен подготовить Гюнтера. Гигант заслужил это, ведь его сестра принесла себя в жертву. Он тронул воина за локоть.

— Хочу сказать про Анну...

Словно распрямившаяся пружина, Гюнтер резко обернулся, впившись в Грея взглядом, полным боли, как будто знал, что услышит самое худшее.

Глядя на оцепеневшего гиганта, Грей кратко рассказал о случившемся.

— Ее подвиг спас жизнь всем людям,— закончил он.

---

* Заблокировано *(нем.)*.

Гюнтер замедлил шаг. Его не остановили кровавые раны, но скорбь сломила гиганта в одночасье. Гюнтер медленно опустился на колени.

— В последние минуты Анна думала о вас. Она просила передать, что любит вас,— немного помолчав, проговорил Грей.

Гигант скорчился на полу, закрыв лицо руками.

— Мне очень жаль.

В дверях появился Монк.

— Грей, что ты, черт возьми...

Он увидел раздавленного болью Гюнтера, и голос его прервался.

Грей поспешил к Монку.

Они живы. И им предстоит еще многое сделать.

15 часов 23 минуты

— Опускайте щит!

Лиза увидела, как в зал, разговаривая на ходу, вошли командер Пирс и Монк. Последние несколько минут она пыталась разобраться в управлении Колоколом. По пути в замок Анна в деталях объяснила ей принцип его работы. Женщина понимала, что слишком слаба, чтобы контролировать устройство, и эта задача легла на плечи Лизы.

— Щит! — снова крикнул Грей.

Лиза кивнула и повернула рычажок.

Внизу заурчали моторы, защитный кожух стал опускаться. Колокол был неподвижен, голубое сияние погасло. На полу, на куске брезента, лежал Пейнтер. За директором Кроу присматривала доктор Фэрфилд. Другим полотнищем брезента Мози и Брукс накрывали мертвые тела близнецов.

Свинцовый щит продолжал опускаться. В центре находился Колокол, готовый к новой активации. Лиза вспомнила, что Анна, испытывавшая перед Колоколом священный ужас, называла его абсолютным квантовым инструментом.

Слева Монк, перекрывая шум моторов, выкрикивал последние новости, которые Кхамиси сообщал по радио: зулусские войска окружили поместье, солдаты Вааленберга отступили

в дом, где битва продолжилась. Сюда, вниз, долетали только ее отголоски.

— Гюнтер перекрыл пожарную лестницу,— сообщил Грей.— Двери лифта заблокированы, а значит, у нас есть немного времени.— Он махнул рукой Бруксу и Мози: — Охраняйте главный холл!

Те схватили винтовки и бросились исполнять приказ.

В зал вошел Гюнтер. По выражению его лица Лиза поняла, что он уже знает о печальной участи сестры. Гигант бросил оружие на пол и медленно, словно ноги отказывались ему повиноваться, пошел к свинцовому щиту. Он хотел сам увидеть свершившееся возмездие за всю ту кровь, что обагряла его руки.

Свинцовый щит замер. Моторы умолкли.

Лиза ужасно боялась увидеть картину смерти, но чувство долга взяло верх.

Анна лежала на боку, подтянув колени к подбородку, в позе эмбриона. Ее бледная кожа приобрела пепельный оттенок, темные волосы побелели как снег. Вся она напоминала мраморное изваяние. Гюнтер перешагнул через край кожуха, встал на колени перед сестрой и молча, без единого звука, ее обнял. Безжизненное тело повисло у него на руках, голова приникла к плечу брата.

Гюнтер встал, повернулся спиной к Колоколу и пошел прочь.

Никто не решился его остановить.

Взгляд Лизы вернулся ко второму телу, лежащему на свинцовом полу,— Балдрику Вааленбергу. Как и у Анны, его кожа была неестественно белой, почти прозрачной. Радиация лишила его всех волос, даже бровей и ресниц. Плоть словно присохла к костям, Балдрик стал похож на мумифицированный труп.

Что-то в его позе показалось Лизе противоестественным. Она двинулась вперед, но резко остановилась, от страха и омерзения не в силах сделать ни шага.

После того как волосы выпали, а плоть усохла, оголенный череп Вааленберга выглядел бесформенным, словно кости сна-

чала расплавились, а потом вновь затвердели. «Вот она, деволюция»,— подумала Лиза.

— Уберите его отсюда,— брезгливо приказал Грей.— Я помогу занести Пейнтера.

Лиза отступила, медленно качая головой.

— Так нельзя...

Девушка не могла оторвать взгляда от того, что было некогда патриархом рода Вааленбергов. Она не допустит, чтобы с Пейнтером случилось то же самое.

Грей подошел ближе.

— О чем вы?

Лиза проглотила слюну, глядя остановившимися глазами, как Монк тянет чудовищные останки за рукав, брезгуя прикоснуться к мертвой плоти.

— Все зашло слишком далеко. Мы надеемся, что Колокол может предотвратить или замедлить разрушение, но он не способен повернуть его вспять. Вы готовы продлить жизнь своего директора? Даже если он останется полным инвалидом?

— Пока он жив, всегда есть надежда,— осторожно произнес Грей.

Эти слова заставили ее забыть о Монке, который пытался перевалить уродливое тело через свинцовый бортик.

Внезапно глаза Балдрика Вааленберга широко раскрылись, белесые и слепые, больше похожие на камешки. Из растянувшихся губ вырвался беззвучный крик: связки распались, язык рассыпался. Не осталось ничего, кроме ужаса и боли.

Лиза вскрикнула и отпрянула назад, наткнувшись на стол. Монк тоже в ужасе отступил, уронив Балдрика на пол.

Тело мутанта замерло, лишенные мышц конечности не шевелились. Только рот раскрывался и закрывался, как у рыбы, вытащенной из воды, да незрячие глаза таращились в пространство.

Грей заслонил собой кошмарное зрелище и взял Лизу за плечи.

— Доктор Каммингс! — Ее глаза, полные страха, встретились с его уверенным взглядом.— Директору Кроу нужна ваша помощь.

— Я... я бессильна.

— Нет. Мы можем применить Колокол.

— Я не сделаю этого с Пейнтером.— Она перешла на крик: — Только не это!

— *Этого* с Пейнтером не случится. Монк мне рассказал, что Анна научила вас, как установить Колокол на лечебный режим радиации. Балдрик находился в Колоколе при максимальной мощности, предназначенной для уничтожения. И в конце концов получил то, чего заслуживал.

Лиза уткнулась лицом в ладони, стараясь ни о чем не думать.

— Чего мы добиваемся? — простонала она.— Пейнтер на грани смерти. Зачем доставлять ему лишние страдания?

Грей опустил ее руки, ловя страдающий взгляд.

— Я знаю директора Кроу. Думаю, что вы тоже. Он всегда боролся до конца.

Она уже слышала этот аргумент. Прежде Лиза считала, что в безнадежных случаях единственное, что может сделать медик,— обеспечить пациенту покой.

— Если есть хоть один шанс на излечение,— голос Лизы окреп,— даже самый маленький, я сделаю все. Если бы мы знали, что именно Гуго Хиршфельд хотел передать своей дочери, если бы разгадали код совершенства!..

Грей взял Лизу пальцами за подбородок. Она хотела высвободиться, но он держал ее крепко.

— Я знаю, что Гуго скрыл в своих книгах,— объявил Грей.

Она прочла в его взгляде твердую уверенность.

— Я нашел ответ,— повторил он.

16

ЗАГАДКА РУН

15 часов 25 минут
Южная Африка

— Это не шифр,— провозгласил Грей.— Никакого шифра не было и в помине.

Он опустился на колени с фломастером в руке и обвел кружком цепочку рун, которую недавно начертал для Балдрика Вааленберга.

Все столпились вокруг, но Грей говорил словно для одной Лизы Каммингс. Ответ, который он отыскал, не содержал сакрального смысла, однако в нем таился замóк тайны, а женщина, знавшая больше всех о Колоколе, держала в руках ключ. Им предстояло работать вместе.

— Опять эти руны,— недовольно проговорила Лиза.

Грей вопросительно нахмурился, ожидая дальнейшего объяснения.

Лиза кивнула на символы.

— Я видела другую последовательность рун. Рисунок, написанный кровью. Руны означали слова «Schwarze Sonne».

— «Черное солнце»,— перевел Грей.

— Так назывался непальский проект Анны.

Грей задумался: он помнил символ Черного солнца, который видел на экране компьютера. Тайный секретный проект Гиммлера после войны распался: группа Анны Спорренберг ушла на север, Вааленберг — на юг. Изолированные научные группы все больше расходились в своих исследованиях и взглядах, пока наконец союзники не стали врагами.

Лиза постучала по рисунку на полу, привлекая внимание Грея.

— Письмена, которые я расшифровала, были простой заменой букв на рунические символы. Эта надпись такая же?

Грей отрицательно покачал головой.

— Балдрик сделал то же предположение, что и вы. Вот почему он потратил так много сил и времени на расшифровку. А Гуго спрятал свой секрет на поверхности.

— Если это не шифр,— спросил Монк,— то что же?

— Паззл,— огорошил его Грей.

— Что?

— Вспомните наш разговор с отцом Райана.

Монк кивнул: он тоже помнил встречу с инвалидом, фамильное поместье, навсегда накрытое зловещей тенью Вевельсбурга, и маленькую грязную тайну семейства Хиршфельдов.

— Его прадед Гуго был чрезвычайно любознательным. Любил сидеть над головоломными задачками, вечно копался в исторических загадках...

— Они и привели его к нацистам,— добавила Фиона.

— А в свободное время постоянно оттачивал остроту ума.

Грей мысленно услышал слова Иоганна Хиршфельда: «Мнемонические опыты, головоломки вроде составных картинок-загадок, поиск смысла среди хаоса».

Грей ткнул в одну из рун.

— Это всего лишь очередная головоломка. Не шифр, а паззл. Руны служили фрагментами, которые нужно собрать так, чтобы из хаоса возник порядок.

Весь предыдущий день Грей мысленно складывал фрагменты, пока не получил целостный символ. Он знал точно, что на-

шел ответ. Нужно было просто вспомнить о той тревоге, в которой Хиршфельд прожил последние дни жизни, и растущем чувстве вины за сотрудничество с нацистами.

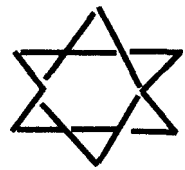
Грей начертил шесть символов вновь, один за другим, располагая в правильном порядке. Нарисовав на полу последний, он закончил рисунок-головоломку.

Порядок из хаоса.

Абсолют из компромисса.

Святое из нечестивого.

Языческими рунами Гуго изобразил свое истинное происхождение.



— Звезда,— протянул Монк.

— Не просто звезда,— возразила Лиза.— Звезда Давида.

Грей кивнул.

Фиона скептически смотрела на рисунок.

— И что она означает?

Грей вздохнул.

— Не представляю, как она связана с Колоколом, как доводит его до совершенства. Возможно, это всего лишь заключительное слово о том, кто Гуго есть на самом деле, его тайное послание семье.

Грей вспомнил предсмертные слова Анны: «Я не нацистка».

Может быть, рунический шифр Гуго — не более чем несколько иной способ сказать то же самое?

— Нет,— резко возразила Лиза.— Если мы хотим раскрыть смысл символа, нужно действовать так, словно он и есть ответ.

Грей увидел, что к Лизе вернулось то, чего не было всего минуту назад: надежда.

— По словам Анны,— продолжила она,— Гуго вошел в камеру Колокола с одним младенцем, без каких-то особенных инструментов. Только он и маленький мальчик. А когда эксперимент закончился, тесты показали, что Гуго достиг успеха, создав первого истинного и чистокровного рыцаря Короля-солнца.

— А что он там делал? — уточнила Фиона.

Лиза указала на звезду Давида.

— Что-то, связанное с этим знаком. Значения символа я не знаю.

Зато знал Грей. В юности он изучал историю и смысл множества религиозных и духовных воззрений, а отточил свои знания во время подготовки в «Сигме».

— Значений у звезды немало. Она является символом молитвы и веры. А может быть, чего-то большего. Смотрите, шестилучевая звезда состоит из двух наложенных друг на друга треугольников: один вверх вершиной, второй — вниз. В иудейской каббале два треугольника являются эквивалентами парных символов инь и ян, света и тьмы, души и тела. Один треугольник обозначает вещество и тело, второй — нашу духовную сущность и мыслящий разум.

— А составленные воедино, они означают и то и другое,— добавила Лиза.— Не частицу или волну, а их единство.

Грей почувствовал, что стоит на пороге разгадки.

— Что вы сказали?

Лиза пристально смотрела на свинцовый щит.

— Анна говорила, что Колокол — универсальный квантовый измеритель, управляющий эволюцией. *Квантовой* эволюцией. Здесь все связано с квантовой механикой, в ней и должен таиться ключ к разгадке.

Грей нахмурил брови.

— Что вы имеете в виду?

Лиза рассказала, чему обучила ее Анна. Грею, отлично знавшему биологию и физику, не пришлось объяснять дважды.

Прикрыв глаза, он расслабился, пытаясь отыскать связь между звездой Давида и квантовой механикой. Где спрятана разгадка?

— Вы говорите, Гуго вошел в Колокол один?

— Да,— тихо ответила Лиза, чувствуя, что ходу его мысли мешать нельзя.

Грей напряг мозг. Гуго дал ему замок, Лиза — ключ. Теперь дело за ним. Забыв о стремительно убывающем времени, он позволил разуму свободно манипулировать фактами и фрагментами сведений. Грей одну за другой проверял и отбрасывал версии.

Точно так же, как было со звездой Давида, верная комбинация разрозненных частей мало-помалу оформилась у него в голове. Такая чистая и совершенная. Прежде он о ней не думал. Мог бы и раньше догадаться.

Грей открыл глаза.

Наверное, Лиза прочитала что-то в его взгляде.

— Ну?

Грей поднялся.

— Включайте Колокол.— Он подошел к пульту управления.— Скорее!

Лиза запустила процесс активации.

— Для выхода на лечебный режим понадобится четыре минуты.— Она посмотрела на Грея.— Что мы делаем?

Грей повернулся к Колоколу.

— Гуго вошел в Колокол вовсе не без инструментов.

— Но Анна говорила...

— Нет,— оборвал Лизу Грей.— Он вошел туда со звездой Давида. Он вошел с молитвой и верой, а главное — со своим собственным квантовым компьютером.

— Каким?

Грей говорил быстро, не сомневаясь в правоте.

— Многие столетия ученым не давала покоя загадка человеческого мышления. Дарвин тоже ею занимался. Что такое наше сознание, мыслящий разум? Только ли наш мозг? Просто электрические импульсы в нервах? Где находится грань между мозгом и разумом? Между веществом и духом? Между телом и душой?

Он указал рукой на символ.

— Современные исследования говорят, что мы — и то и другое. Мы одновременно и частица, и волна. И тело, и душа. Жизнь сама по себе есть квантовый феномен.

— Ну вот, парень уже заговаривается...

Монк подошел вместе с Фионой ближе.

Взволнованный Грей глубоко вздохнул.

— Современные ученые зачастую отвергают духовность человека, рассматривая мозг только как сложный компьютер. Мысль считается побочным продуктом возбуждения сложной сети нейронов — нейрокомпьютера, работающего на квантовом уровне.

— Да, вы уже говорили про квантовый компьютер, но что это такое, черт возьми? — спросила Лиза.

— Вы видели компьютерный код, череду нулей и единиц? Так думает современный компьютер. Включено — выключено, нуль — единица. Теоретически квантовый компьютер, если он будет создан, даст возможность третьего выбора. Останутся старые позиции — нуль и единица, однако возникнет и третий элемент — и нуль, и единица одновременно.

Лиза нахмурилась.

— Как электроны в квантовом мире? Они могут быть частицей или волной — или и частицей, и волной одновременно.

— Это и есть третий выбор,— подтвердил Грей.— Звучит не слишком эффектно, но стоит ввести эту возможность в арсенал компьютера, и он сможет работать над множеством алгоритмов одновременно, синхронно.

— Ходить и жевать жвачку,— пробубнил Монк.

— Задачи, для решения которых современному компьютеру требуются годы, можно будет решить за доли секунды.

— Как делает человеческий мозг? — уточнила Лиза.— Он работает, как квантовый компьютер.

— Такова самая современная концепция. Наш мозг создает электромагнитное поле, генерированное сложной сетью взаимосвязанных нейронов. Некоторые ученые предполагают, что именно в этом поле и рождается мышление — мостик, соединяющий вещество мозга и мир квантов.

— А Колокол суперчувствителен к квантовому процессу,— добавила Лиза.— Гуго, войдя в камеру вместе с ребенком, повлиял на конечный результат эксперимента.

— То, что наблюдают, изменяется вследствие самого акта наблюдения. Однако я думаю, что здесь кроется гораздо более сложный смысл.— Грей взглянул на звезду Давида.— Почему именно она, символ молитвы?

Лиза непонимающе покачала головой.

— Молитва — это сконцентрированная мысль, сфокусированное мышление. А если сознание — квантовый феномен, то и молитва тоже является квантовым феноменом.

Лиза поняла.

— И, как всякий квантовый феномен, она будет и должна измерять. То есть влиять на результат.

— Другими словами...

Грей ждал.

Лиза выпрямилась.

— Молитва действует.

— Вот что открыл Гуго, и вот что он спрятал в своих книгах. Нечто слишком ужасное, чтобы предоставить свободу, и слишком прекрасное, чтобы позволить умереть.

Монк оперся о стол.

— Выходит, он просто пожелал, чтобы ребенок стал совершенным?

Грей кивнул.

— Когда Гуго вошел в камеру вместе с ребенком, он молился о совершенстве: сосредоточил и сфокусировал все чистые и самоотверженные помыслы. Человеческое сознание в форме молитвы действует как идеальный квантовый измерительный инструмент. Под Колоколом чистый квантовый потенциал мальчика был измерен, подвергнут влиянию сфокусированной мысли и воли Гуго, и в результате все возможные варианты генов расположились в наилучшем, совершенном порядке.

Лиза широко раскрыла глаза.

— Возможно, нам удастся сделать то же самое, чтобы повернуть вспять квантовые повреждения Пейнтера и спасти его.

Ее перебила Марсия:

— Тогда вам лучше поторопиться. Пока не поздно.

15 часов 32 минуты

Монк и Грей поспешно тащили лежащего на брезенте Пейнтера к защитному кожуху.

— Положите его ближе к Колоколу,— приказала Лиза.

Когда все было готово, она отдала последние распоряжения помощникам. Оболочки Колокола уже вращались в противоположных направлениях. Лиза вспомнила, что Гюнтер метко назвал Колокол миксером. Над внешней керамической оболочкой возникло неяркое сияние.

Лиза опустилась на колени рядом с Пейнтером, пытаясь отыскать на его лице хоть какие-нибудь признаки жизни.

— Я могу остаться с вами,— предложил Грей.

— Нет. Полагаю, что если квантовых компьютеров будет больше одного, волны начнут интерферировать и погубят результат.

— Два медведя в одной берлоге,— согласился Монк.

— Тогда останусь я один,— предложил Грей.

Лиза покачала головой.

— Второй попытки у нас не будет. Если сфокусировать мысли и волю не удастся, лучше, если с ним рядом окажется медик.

Грей вздохнул, понимая, что причина не в этом.

— Вы сделали свое дело, Грей, дали нам разгадку, подарили надежду.— Она взглянула прямо в его глаза.— Позвольте и мне сделать свою часть работы.

Грей покорно отступил.

Монк наклонился к Лизе.

— Будьте осторожны, загадывая желание,— предостерег он многозначительно, ласково ущипнул ее за щеку и удалился вслед за Греем.

Марсия, сидевшая за компьютером, предупредила:

— Частота пульса — один удар в минуту.

В ответ Лиза скомандовала:

— Поднимайте защитный кожух.

Когда внизу загудели моторы, Лиза склонилась над Пейнтером. Его кожа приобрела голубоватый оттенок, а может быть, на нее лег отсвет сияния Колокола. Так или иначе, жить ему оставалось считанные секунды. Губы потрескались, дыхание стало еле уловимым, сердце не стучало, а издавало чуть слышный шум. Даже волосы изменились — корни приобрели снежно-белый цвет. Состояние Пейнтера стремительно ухудшалось.

Свинцовый щит поднимался выше, отделяя Лизу непроницаемой стеной от друзей, от всего мира. Голоса звучали все тише, пока не угасли совсем, когда щит сомкнулся с потолочным кольцом.

Теперь, когда Лиза осталась одна и ее никто не видел, она наклонилась к Пейнтеру и прижалась лбом к его груди. Ей не было нужды фокусировать волю и мысли в каком-то медитативном усилии. Правду говорят, что перед лицом смерти все становятся верующими, вот и с Лизой случилось то же самое. И тем не менее о какой помощи просить Бога в столь решающий момент, она не знала.

Лиза вспомнила дискуссию с Анной об эволюции и разумном творении. Женщина настаивала на том, что возможность в реальность обращают квантовые измерения. Аминокислоты образовали первый белок, способный к репликации, потому что жизнь — самый лучший квантовый инструмент. Если это положение экстраполировать, то сознание или мышление человека — куда более мощный квантовый инструмент, чем сама жизнь. Вот и найдено еще одно звено в эволюционной цепочке. Лиза мысленно представила себе, как это можно записать:

Аминокислоты>>>первый протеин>>>
>>>первая жизнь>>>сознание

А что там, за сознанием? Если будущее продиктовано прошлым, что́ сформирует сознание? Какой еще более совершенный квантовый инструмент возникнет в будущем? Насколько далеко протянулась цепочка? И что там, в ее конце?

Аминокислоты>>>первый протеин>>>
>>>первая жизнь>>>сознание>>>???

Вспомнилось еще одно загадочное утверждение Анны. Лиза возразила ей по поводу роли Бога в эволюции, поскольку квантовая эволюция, согласно ее же утверждению, исключила божественную десницу из процесса полезных мутаций. Анна тогда сказала: «Вы смотрите не в ту сторону, в неверном направлении». Лиза решила, что женщина просто устала. Однако не отвечала ли Анна на тот же вопрос, который сейчас мучил Лизу: что там, в конце эволюции? Действительно ли впереди нас ждет некий совершенный квантовый инструмент?

А если так, то Бог ли это?

Склоняясь над Пейнтером, Лиза искала ответ и не находила его. Твердо она знала только одно: Пейнтер должен жить. Ей пришлось скрывать от окружающих, а может быть, и от самой себя, как глубоко ее чувство к нему. Больше она не в силах прятать любовь.

Лиза распахнула свое беззащитное сердце.

Возможно, именно этого всегда ей недоставало, и потому мужчины не задерживались на ее пути. Она скрывала свою беззащитность под плотной броней профессионализма и поверхностного флирта. Прятала от всех свое сердце.

Лиза нежно поцеловала любимого в губы, выразив простым поцелуем все, что так долго скрывала.

Она закрыла глаза, физически чувствуя, как истекают последние секунды, и всем сердцем пожелала своему любимому мужчине — жить. Лиза желала ему здоровья, силы и крепости. А больше всего молилась о том, чтобы быть рядом с ним как можно дольше.

Не в этом ли состоит основная функция Колокола: открывать прямой канал к тому великому квантовому инструмен-

ту, что лежит в конце эволюции, к личной связи с главным Создателем?

Лиза поняла, что должна сделать. Она отрешилась от мира, отринула собственное «я». Ее цель лежала за пределами сознания и была превыше молитв.

Цель ее — чистая вера.

В момент наступившего прозрения Колокол взорвался слепящим светом и соединил мужчину и женщину в единое целое, обращая реальность в потенциал.

15 часов 36 минут

Грей повернул рычажок, и кожух начал опускаться. Все затаили дыхание. Что найдут они внутри Колокола? Моторы натужно гудели. Люди собрались вокруг свинцовой стены.

Монк обменялся с Греем тревожными взглядами.

В тишине негромко прозвенел короткий звонок.

Стал виден Колокол, темный и неподвижный. Их глазам предстала Лиза, склонившаяся над Пейнтером.

Никто не проронил ни слова.

Лиза медленно обернулась, из глаз девушки хлынули долго сдерживаемые слезы. Она выпрямилась, держа Пейнтера за руку. Выглядел он по-прежнему плохо: бледный, слабый, недвижный. И вдруг директор поднял голову и устремил на Грея пристальный взгляд.

В глазах Пейнтера светилась мысль.

Грей испытал огромное облегчение.

Короткий звонок прозвенел еще раз.

Пейнтер посмотрел в ту сторону, откуда доносился звон, и беззвучно шевельнул губами. Грей подошел ближе, чтобы слышать.

Пейнтер прикрыл глаза и еще раз попробовал заговорить. В его словах не было никакого смысла, и Грей снова испугался, что директор потерял способность мыслить.

— Бомба...— несколько раз с усилием повторил Пейнтер.

Лиза посмотрела в ту же сторону, что и Пейнтер: на тело Балдрика Вааленберга. Потом подтащила Пейнтера к Монку.

— Держите его.

Сама Лиза кинулась к уродливому телу. Балдрик наконец умер.

Грей последовал за Лизой.

Она опустилась на колени и подняла рукав на руке трупа. Покойный носил большие часы. Лиза перевернула их: секундная стрелка бежала по цифровому циферблату.

— Мы с таким уже сталкивались,— вспомнила она.— Датчик реагирует на остановку сердца и начинает обратный отсчет.

Лиза повернула руку мертвеца так, чтобы Грею стали лучше видны цифры.

02.01.

Секундная стрелка дрогнула, прозвучал знакомый негромкий сигнал, и цифры изменились: 02.00.

— У нас меньше двух минут на то, чтобы уйти отсюда как можно скорее,— пояснила Лиза.

Грей сразу поверил ей и выпрямился.

— Всем уходить! Монк, свяжись с Кхамиси! Прикажи людям покинуть поместье, убраться отсюда немедленно.

Напарник послушно выполнил приказ.

— На крыше ждет вертолет,— напомнила Лиза.

Через секунду все обратились в бегство. Грей подхватил Пейнтера, Мози помогал Бруксу. За ними бежали Фиона, Лиза и Марсия.

— А Гюнтер где? — вспомнила Фиона.

— Он ушел со своей сестрой,— ответил Брукс.— И не захотел, чтобы кто-нибудь его видел.

Времени на поиски Гюнтера не оставалось. Грей указал на лифт. Группа Монка заблокировала открытые двери с помощью стула, чтобы враги не смогли проникнуть на этаж. Мози одним движением сшиб препятствие и отшвырнул его в сторону.

Все набились в кабину.

Лиза нажала верхнюю кнопку: шестой этаж.

Лифт медленно пошел вверх.

— Я по рации велел нашему человеку запустить вертолет,— сказал Монк.— Парень уже прогревает моторы.

— Что это за бомба? — обратился Грей к Лизе.— Чего нам ждать?

— Если такая же, как в Гималаях, то будет сильнейший взрыв. Они создали квантовую бомбу на основе ксерума-525.

Грей вспомнил об огромном количестве контейнеров на складе нижнего уровня.

Черт...

Лифт миновал главный уровень, объятый мертвой тишиной, и пошел дальше вверх.

Пейнтер шевельнулся, по-прежнему неспособный стоять на ногах.

— В следующий раз,— пробормотал он,— в Непал поедете сами.

Грей улыбнулся: прежний Пейнтер вернулся!

Лифт достиг шестого этажа, и двери открылись.

— Осталась одна минута,— сообщила Марсия, у которой хватало присутствия духа следить за стремительно истекавшим временем.

Они взбежали по ступенькам и нашли готовый к старту вертолет. Поддерживая друг друга, люди залезли в кабину. Грей передал Пейнтера Монку.

— Все на борт.

Грей обежал вертолет и забрался в кресло пилота.

— Пятнадцать секунд! — выкрикнула Марсия.

Грей прибавил оборотов. Лопасти заскрипели. Он дернул штурвал, и вертолет оторвал полозья от крыши. Никогда еще Грей не взлетал с таким чувством радости. Сколько еще времени у них осталось?

Набирая высоту, Грей немного наклонил вертолет, осматривая пространство вокруг дома Вааленбергов. Многочисленные джипы и мотоциклы мчались во все стороны, удирая из поместья.

Марсия начала обратный отсчет:

— Пять, четыре...

Она ошиблась всего на пару секунд.

Внизу вспыхнул ослепительный свет, как будто вертолет взлетел с поверхности солнца. Наступила абсолютная тиши-

на. Ослепнув от яркого света, Грей пытался удержать машину. Ему показалось, что мир вдруг исчез.

И тогда облако ослепительного света вокруг них с громким хлопком разлетелось, словно его смыло потоком воды.

После невыносимо томительной минуты беспомощной болтанки лопасти неожиданно вновь обрели воздушную опору.

Потрясенный до глубины души Грей выровнял вертолет и направил его прочь от места катастрофы. Оглянувшись назад, туда, где только что стояло помпезное строение, он увидел огромный кратер с гладкими стенками. Как будто могучий великан сковырнул дом огромной ложкой для мороженого, вместе с большей частью окружавшего особняк сада.

Ничего не осталось: ни развалин, ни обломков. Одна лишь бездна.

Из рассеченных русел ручьев вода каскадами стекала в кратер.

Грей увидел людей. Они останавливались, смотрели назад, даже ехали к месту взрыва, чтобы рассмотреть последствия катастрофы. Армия Кхамиси уцелела. Зулусы собирались у границ бывших владений Вааленбергов. Они хотели вернуть себе давно утраченную землю.

Грей вспомнил об исчезнувшем из тайного хранилища контейнере с ксерумом-525, предназначенном для Соединенных Штатов. Схватив радиотелефон, он начал набирать длинную цепочку цифр, чтобы соединиться со штабом «Сигмы».

К его удивлению, на звонок ответил не Логан, а Шон Макнайт, прежний директор «Сигмы». Грей похолодел, почуяв недоброе. Макнайт немногословно объяснил, что произошло в Вашингтоне.

Оцепеневший и притихший, Грей наконец выключил телефон.

Заметив, что друг изменился в лице, Монк подался вперед.

— Что случилось?

Грей обернулся и заставил себя посмотреть в глаза напарнику.

— Знаешь, Монк... с Кэт беда.

17 часов 47 минут
Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Прошло три дня. Три длинных дня они улаживали непростые дела в Южной Африке.

Их самолет, следовавший прямым рейсом из Йоханнесбурга, приземлился в Международном аэропорту Даллеса. Монк бросил Грея и других товарищей у терминала, а сам поймал такси и рванул в город. У парка такси попало в пробку. Монку стоило невероятных усилий не выпрыгнуть из машины, чтобы проделать немалый остаток пути на своих двоих. К счастью, «бутылочное горлышко» вскоре освободилось и такси поехало дальше.

Монк подался всем телом вперед и приказал водителю:

— Получите пятьдесят баксов, если довезете меня за пять минут.

Монка отбросило на спинку сиденья. Так-то лучше.

Через две минуты перед такси выросли дома из красного кирпича. Машина пронеслась мимо надписи «Госпиталь Джорджтаунского университета». Почти не тормозя, шофер свернул на гостевую стоянку, едва не врезавшись в бок машине «скорой помощи».

Монк швырнул водителю деньги и выскочил из такси.

Не дожидаясь, пока автоматические входные двери откроются до конца, он протиснулся в щель боком и помчался по коридору, задевая нерасторопных пациентов и сотрудников госпиталя. Он знал, где находится реанимационное отделение.

Монк пулей пролетел мимо медицинского поста, не обращая внимания на крики сестер.

У койки Кэт он упал на колени и проехался на них по полу, с разгону крепко приложившись лбом к металлическому ограждению.

Кэт изумленно уставилась на него, не донеся до рта ложку с зеленым желе из лайма.

— Монк?

— Я приехал, как только смог,— запыхавшись, произнес он.

— Но я говорила с тобой по спутниковому телефону всего девяносто минут назад.

— Подумаешь, разговоры!

Он наклонился и поцеловал ее в губы. Голубой больничный халат не мог скрыть бинтов, которыми были обвязаны левое плечо и верхняя часть груди. Три пулевых ранения, сильная кровопотеря, наполовину спавшееся легкое, разрыв селезенки и раздробленная кость.

Кэт оказалась чертовски везучей.

Через два дня состоятся похороны Логана Грегори.

Застрелив убийцу, посланного Вааленбергом, Логан и Кэт спасли Вашингтон от атаки террористов и не дали осуществиться смертельному плану. Золотой колокол, подаренный посольству одержимым старцем, теперь покоится в недрах лабораторий «Сигмы». Контейнер с ксерумом-525 был благополучно обнаружен на складе в Нью-Джерси. К тому времени, как разведке США удалось отыскать горючее для Колокола, последний образец ксерума оказался безнадежно испорченным. Пробыв слишком долго на солнце, секретное горючее разложилось и без необходимого охлаждения превратилось в инертное вещество. Без ксерума колокола, осевшие в различных посольствах и консульствах, больше никогда не зазвонят.

Все хорошо, что хорошо кончается.

Старомодная схема эволюции Монка вполне устраивала.

Робко прикасаясь к телу любимой, он не решался задать главный вопрос. Кэт избавила его от мучительных раздумий. Накрыв пальцы Монка ладонью, она произнесла:

— Ребенок цел и невредим. Врачи говорят, что все будет хорошо.

Монк снова опустился на колени, с облегчением положив голову на ее живот. Закрыв глаза, он осторожно, стараясь не задеть ран, обнял Кэт и притянул ее к себе.

— Слава богу.

Кэт коснулась его щеки. Все еще стоя на коленях, не открывая глаз, Монк достал из кармана черную бархатную коробочку и протянул ее любимой.

— Выходи за меня замуж.

— О'кей.

Монк изумленно вытаращил глаза.

— Что ты сказала?

— Я сказала, выйду.

Монк все еще не верил.

— Ты серьезно?

— А ты что, хочешь меня отговорить?

— Ну, тебя все-таки напичкали лекарствами. Может, потом, на свежую голову...

— Просто дай мне кольцо.— Кэт взяла коробочку, открыла ее и несколько секунд безмолвно смотрела на подарок.— Его здесь нет.

Монк схватил коробочку и заглянул внутрь. Кольцо исчезло. Монк потряс головой.

— Что произошло? — спросила Кэт.

— Фиона! — прорычал в ответ Монк.

10 часов 32 минуты

Пейнтер находился в другом крыле госпиталя Джорджтаунского университета. Он лежал на платформе, которая медленно выезжала из кольцевидной части компьютерного томографа. Сканирование заняло целый час, и Пейнтер чуть не уснул, измученный событиями последних дней. Когда он нормально спал в последний раз? По ночам ему не давала сомкнуть глаз тревога.

Вошла медсестра, а за ней следом Лиза.

Пейнтер сел, торопливо одернув коротенький больничный халат.

Лиза присела рядом и кивнула головой на окно соседней палаты. Там собрался целый консилиум: группа ученых из Центра Джона Хопкинса и сотрудники «Сигмы» обсуждали состояние здоровья Пейнтера.

— Улучшение налицо,— сообщила Лиза.— Признаки кальцификации уменьшились. Ты почти в норме. Возможно, останутся незначительные рубцы на аортальном клапане, хотя, полагаю, и они пройдут. Скорость восстановления удивительная, я бы сказала, чудесная.

— Может быть, и так,— согласился Пейнтер.— А с этим что?

Он пальцами поднял седую прядь над ухом.

Лиза тоже провела рукой по его седым волосам.

— Мне даже нравится. Ты обязательно поправишься.

Он ей поверил. Впервые Пейнтер верил, что все будет хорошо. С его губ слетел прерывистый вздох: он уцелел, впереди долгая жизнь!

Пейнтер поймал руку Лизы, поцеловал ладонь и осторожно опустил.

Девушка вспыхнула, оглянулась на окно соседней комнаты, но руки не отняла и заговорила с медсестрой о каких-то мелочах.

Пейнтер внимательно рассматривал Лизу. Он приехал в Непал, чтобы изучить загадочную болезнь, о которой сообщал Анг Гелу, и поразмыслить о жизни. Он ждал дыма курильниц, медитаций, молитвенных песнопений, а обстоятельства ввергли его в пучину адских переживаний. И в результате Пейнтер получил то, чего так хотел.

Пейнтер сжал руку Лизы: он нашел ее.

Хотя за последние дни они вместе прошли через столько испытаний, Лиза и Пейнтер мало знали друг о друге. Какая она на самом деле? Какая у нее любимая еда, над чем она смеется до упаду, как танцует, что шепчет, прощаясь на ночь?

Сидя рядом с Лизой, в коротком халатике, почти голый, Пейнтер думал только об одном: он хочет знать о ней все.

14 часов 22 минуты

Спустя два дня безоблачное голубое небо над зелеными полями Арлингтонского Национального кладбища раскололи искры военного салюта.

Грей стоял в стороне, пока похороны не закончились. В отдалении, над группой людей в темных костюмах, высился мемориал Неизвестного солдата — восемьдесят тонн мрамора из штата Колорадо. Монумент олицетворял безымянных погибших, принесенных в жертву ради служения Родине.

Теперь и Логан Грегори стал одним из героев. Еще один неизвестный солдат. Мало кто узнает о его героическом подвиге, о крови, пролитой во имя нашей жизни.

Однако его товарищи не забудут о Логане Грегори.

Грей смотрел, как вице-президент вручает свернутый государственный флаг закутанной в черное матери Логана, которую поддерживал под руку отец погибшего. Ни жены, ни детей у Логана не было. Вся его жизнь принадлежала «Сигме»... как и его смерть.

После соболезнований и прощаний церемония закончилась. *Цепочки людей потянулись к черным лимузинам.*

Грей кивнул Пейнтеру. Директор ходил, прихрамывая, только с помощью палки, однако с каждым днем набирался сил. Доктор Лиза Каммингс держала его под руку — просто чтобы быть рядом. Они пошли к стоянке, Монк плелся сзади.

Кэт пока оставалась в госпитале. Прошло совсем немного времени с того дня, когда она сама чуть не погибла.

Грей подошел к Пейнтеру: нужно было кое-что уладить.

Лиза поцеловала директора в щеку.

— Увидимся позже.

Она поехала с Монком в дом Логана на скромные поминки.

Грей удивился, узнав, что отец и мать Логана живут всего в нескольких кварталах от дома его родителей в Такома-парке. Это лишний раз показало, как мало он знал о товарище.

Пейнтер подошел к «линкольну» и открыл дверцу. Мужчины сели на заднее сиденье. Съехав с обочины и вырулив на *дорогу, водитель поднял звуконепроницаемый экран.*

— Я прочитал ваш рапорт,— произнес Пейнтер.— Все это очень интересно. Продолжайте и доведите начатое до конца. Потребуется еще одна поездка в Европу.

— Мне как раз нужно уладить там личные дела. Я, собственно, и собирался попросить несколько свободных дней.

Пейнтер скептически изогнул бровь.

— Не знаю, сможет ли мир пережить еще один ваш отпуск...

Грей с напускным раскаянием опустил голову.

Пейнтер поерзал, явно испытывая неловкость.

— А как быть с рапортом доктора Марсии Фэрфилд? Не думаете ли вы, что потомство Вааленберга...

Грей тоже читал донесение. Он помнил, как вместе с Марсией осматривал эмбриологическую лабораторию в недрах подземной части дома Вааленбергов. Доктор Фэрфилд тогда сказала, что чем больше сокровище, тем глубже оно зарыто. Ее слова в полной мере относились и к тайнам Вааленберга, экспериментам над организмами-химерами, в мозг которым вводили стволовые клетки человека.

И это еще не самое ужасное.

— Мы проверили медицинские записи начала тысяча девятьсот пятидесятых годов,— сказал Грей.— Данные подтвердились. Балдрик Вааленберг был стерилен, неспособен к деторождению.

Пейнтер покачал головой.

— Неудивительно, что старик помешался на генетике и постоянно изменял организмы вопреки их природе, ради собственных целей. Он был последним в роду Вааленбергов. А что его новые детища, те, которых он получал в экспериментах? Это правда?

Грей поежился.

— Балдрик был тесно связан с секретной программой нацистов в области евгеники. Они хотели вывести арийскую расу, а также учились сохранять яйцеклетки и сперму. Очевидно, к концу Второй мировой войны ксерум-525 был не единственной секретной программой. Образцы биологических тканей, замороженные в стеклянных пробирках, он использовал для оплодотворения своей молодой жены.

— Вы уверены?

Грей кивнул. Тогда в подземной лаборатории доктор Фэрфилд нашла истинное, полное фамильное древо обновленного клана Вааленберга. Она прочитала имя, написанное рядом с именем жены Балдрика: Генрих Гиммлер, глава Черного ордена. В конце войны нацистский преступник покончил с собой, однако он намеревался продлить себе жизнь, родив нового арийского сверхчеловека, новый род королей Германии из собственного порочного семени.

— Теперь, когда клан Вааленбергов истреблен, чудовище Гиммлер уйдет в небытие.

— По крайней мере, будем надеяться.

Грей кивнул.

— Нас информируют о зачистке поместья. Схватили почти всех охранников. К сожалению, некоторым животным из зверинца удалось сбежать и укрыться в джунглях. Правда, большую часть уничтожил взрыв. Кхамиси продолжает поиски.

Кхамиси временно назначили главным инспектором по дичи в заповеднике Хлухлуве-Умфолози. Кроме того, к нему откомандировали представителя правительства Южной Африки, который вместе с вождем Мози Д'Гана помогал наладить отношения с местным племенем. Доктор Пола Кейн и ее подруга доктор Марсия Фэрфилд оказывали техническую помощь, столь необходимую после разрушительного взрыва.

Обе женщины были живы и здоровы. Они счастливо вернулись в свой дом в заповеднике, а заодно приютили и Фиону. Шпионки со стажем помогают девчушке готовиться к экзаменам в Оксфорд.

Грей задумался, вспоминая недавние события.

Надо надеяться, что в Оксфорде все надежно приколочено и заперто, подумал он. Иначе уровень преступности в округе может резко подскочить.

Размышляя о Фионе, Грей вспомнил, что должен связаться с Райаном. После убийства отца молодой человек выставил на аукцион фамильный дом, твердо решив избавиться наконец от гнетущей тени Вевельсбурга.

Пейнтер вывел Грея из состояния задумчивости, спросив, как дела у Монка и Кэт.

— Я слышал, они вчера поженились?

— Верно.

— Бог в помощь.

И вновь Грей согласился. Они все разделяли радость, переполнявшую новобрачных. Жизнь продолжается.

Грей и Пейнтер успели обсудить и другие служебные дела, пока водитель не миновал обсаженные деревьями улочки

Такома-парка. Машина подкатила к стоянке перед небольшим домом под зеленой черепичной кровлей.

Пейнтер выбрался из автомобиля. Лиза ждала любимого у крыльца.

— Сообщите мне обо всем, что узнаете в Европе, Пирс. Даю вам несколько свободных дней.

— Благодарю вас, сэр.

Пейнтер согнул руку, Лиза взяла его под локоть, и пара проследовала к дому.

Как только Грей вылез из машины, к нему подскочил Монк и кивнул в сторону директора, идущего рядом с Лизой.

— Заключим пари?

Грей смотрел вслед парочке. Покинув поместье Вааленбергов, Пейнтер и Лиза почти не разлучались. Теперь, после того как Анна героически погибла, а Гюнтер пропал без вести, Лиза осталась единственным источником информации о действии Колокола. Она долгие часы проводила в «Сигме», где ее допрашивали. И все же Грей подозревал, что совместная работа над отчетом экспедиции служила Пейнтеру и Лизе лишь поводом, чтобы постоянно быть вместе.

Очевидно, Колокол совершил нечто большее, чем простое исцеление плоти.

Пристально глядя, как парочка рука об руку поднимается по лестнице, Грей вспомнил вопрос Монка: «Заключим пари?»

Не рановато? Если жизнь и человеческое сознание — квантовый феномен, то не относится ли это и к любви?

Любовь или нелюбовь. Волна или частица.

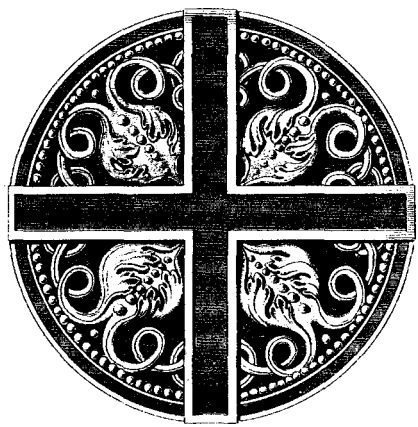
Возможно, для Пейнтера и Лизы эти две противоположности пока одно целое, потенциал, который только время превратит в единственную реальность?

— Не знаю,— пробормотал Грей, отвечая на вопрос Монка.

И побрел к дому, уйдя в размышления о собственной жизни.

Как и все люди, он должен сам направить будущее в нужное русло.

ЭПИЛОГ



18 часов 45 минут
Вроцлав, Польша

Грей быстро шагал по баро́чному кованому мосту. Он опаздывал. Внизу в лучах предзакатного солнца блестело широкое зеленоватое зеркало Одры.

Как раз в эту минуту в аэропорту приземлился самолет Рейчел. Они условились о встрече в кофейне напротив отеля, в историческом центре старого города. Однако сначала нужно довести дело до конца, взять последнее интервью.

Грей поглядывал на чаек, парящих в небе и отражавшихся в речной глади, по которой медленно плыла пара черных лебедей. В воздухе пахло морем, на берегах буйно цвела сирень. Грей начал свое путешествие на мостике в Копенгагене, а закончит здесь, на другом мосту.

Взгляд его блуждал по черным шпилям старинного города, медным остроконечным кровлям, часовым башням времен Возрождения. Вроцлав некогда назывался крепостью Бреслау и служил важным оборонительным сооружением на границе между Германией и Польшей. Крупные районы Вроцлава были стерты с лица земли во время Второй мировой, когда части германского вермахта оборонялись от наступавшей Красной армии.

Впереди возвышался Соборный остров; две башни кафедрального собора Иоанна Крестителя, давшего название острову, ярко сияли в лучах заката. Однако не сюда держал путь Грей. Вокруг главного храма теснились многочисленные ко-

стелы поменьше, и Пирсу нужен был тот, что стоял в нескольких шагах от моста.

Он шагнул на мощенную булыжником улицу.

Костел Святых Петра и Павла скромно стоял слева, почти сливаясь с кирпичной стеной. Грей заметил маленькую угольную дверь дома священника, что выходила прямо на каменистый берег.

Неужели здесь некогда играл в камешки совершенный ребенок?

Из архивов русских, до сего дня так и не рассекреченных, Грею стало известно, что в сиротском приюте при костеле Святых Петра и Павла рос мальчик-сирота. После войны таких обездоленных детей было много; поиск удалось сузить благодаря данным о возрасте ребенка, его поле и белоснежном цвете волос.

Грей также изучил материалы Красной армии об обследовании города и горного района, поисках подземных лабораторий нацистов, о том, что обнаружили в Венцеласском руднике. Досадное стечение обстоятельств помешало русским захватить отряд обергруппенфюрера Якоба Спорренберга, деда Анны и Гюнтера, эвакуировавший Колокол. Лиза выведала у Анны, что именно в этом городе и в этой реке дочь Гуго Хиршфельда утопила ребенка.

А если мальчик не погиб?

Грею с группой специалистов «Сигмы» посчастливилось работать со старыми записями, где они обнаружили давно утерянный след и сложили из обрывков фактов цельную картину. Затем им в руки попал дневник священника, того самого, что ведал приютом. Он писал, что подобрал замерзающего младенца мужского пола у мертвого тела матери. Женщину похоронили на ближайшем кладбище в безымянной могиле.

Найденыш вырос в приюте и, благодаря опеке и участию того самого священника, который его спас, поступил в семинарию и принял имя Петр.

Грей подошел к дому шестидесятилетнего пастыря. Он заранее позвонил ему по телефону и, назвавшись журналистом, который разыскивает сирот Второй мировой войны, чтобы на-

писать о них книгу, попросил разрешения задать несколько вопросов.

Грей поднялся на крыльцо и постучал в дверь специальным железным молоточком.

Из костела долетало молитвенное пение — шла месса.

Очень скоро дверь отворилась.

Грей сразу узнал старое, хотя и без морщин лицо, виденное им на фотографиях. Пушистые седые волосы священника расчесаны на пробор, глаза лучатся добротой. Отец Петр был одет в джинсы, черную рубашку с круглым воротником и светлый свитер на пуговицах.

Священник заговорил по-английски с сильным польским акцентом:

— Вы Натан Сойер?

Грей кивнул, внезапно почувствовав стыд за то, что лжет священнику. Однако уловка была необходима. Для безопасности старика.

— Благодарю вас за согласие дать интервью.

— Прошу, будьте как дома.

Отец Петр провел гостя по коридору в маленькую комнату. В камине жарко пылал огонь, кипел чайник. Мирная картина.

Священник указал на стул, и Грей сразу достал записную книжку с заранее подготовленными вопросами.

Петр разлил по чашкам чай и уселся в вытертое кресло-качалку с подушками, давно принявшими форму его тела. На соседнем столике под настольной лампой лежала Библия, рядом несколько потрепанных детективных романов.

— Вы пришли, чтобы поговорить об отце Варике,— с искренней улыбкой начал священник.— Замечательный был человек.

Грей кивнул.

— Еще я хотел бы узнать о жизни в здешнем приюте.

Вопросы были по большей части не самые важные, они лишь помогали заполнить пробелы в истории жизни отца Петра. Дядя Рейчел, глава отдела разведки Ватикана, снабдил

«Сигму» полным и исчерпывающим досье на католического священника, в том числе и медицинской картой Петра.

Святой отец вел при церкви жизнь непримечательную, если не считать самоотверженной и неусыпной деятельности по окормлению стада Христова. Здоровьем тем не менее он отличался отменным, озадачивая едва ли не полным отсутствием болезней. В подростковом возрасте он как-то упал со скалы, но отделался переломом. За этим небольшим исключением, отец Петр был абсолютно здоровым человеком. Он не обладал ни могучим сложением Гюнтера, ни неестественной скоростью реакции потомков Ваалленберга. Просто здоровый мужчина.

Интервью не дало ничего нового.

Грей закрыл блокнот и поблагодарил священника за беседу. При следующем медицинском осмотре у Петра будут взяты анализы крови и образцы ДНК. Хотя Грей и здесь не ожидал никаких открытий.

Совершенный ребенок, созданный Гуго Хиршфельдом, оказался не более чем порядочным и умным человеком с очень крепким здоровьем. Возможно, этого вполне достаточно, чтобы считаться самим совершенством!

Уходя, Грей заметил на угловом столике незаконченную картинку-головоломку и кивнул на нее.

— А вы, значит, любите головоломки?

Губы отца Петра расплылись в обезоруживающей виноватой улыбке.

— Просто хобби. Помогает сохранять остроту ума.

Подобное увлечение было у Гуго Хиршфельда. Может, Колокол передал ребенку некоторые нематериальные качества еврейского ученого?

Покинув церковь и направившись обратно к реке, Грей задумался о связи между отцами и детьми. Интересно, есть ли здесь нечто большее, чем чистая генетика? Что-нибудь на квантовом уровне?

Грей не впервые задавал себе этот вопрос. Его отношения с отцом всегда оставляли желать лучшего. Лишь в послед-

нее время им удалось найти общий язык. Было и другое, что не давало Грею покоя. Что он унаследовал от отца? Грей не мог отрицать, что боится болезни Альцгеймера, передающейся по наследству.

Каким отцом будет сам Грейсон Пирс?

Несмотря на то что он уже заметно опаздывал, Грей резко остановился, внезапно вспомнив слова Монка: «Видел бы ты свое лицо, когда я сказал, что Кэт беременна. Ты перепугался до смерти. А ведь это мой ребенок».

Вот где корни его панического страха: на кого будет похож Грейсон Пирс, став отцом? Не повторит ли он ошибок своего родителя?

Грей получил ответ в самом неожиданном месте. Мимо по мосту быстро прошла девочка в кофте с капюшоном. Сразу вспомнились пальцы Фионы, вцепившиеся в его ладонь. То, как сильно она в нем нуждалась и при этом постоянно противилась его опеке. Нахлынули переживания недавних тревожных дней.

Грей крепко схватился за поручни моста. Как было тогда здорово!.. Ему захотелось вновь испытать это чувство.

Поняв, что ответ найден, Грей рассмеялся. Он вовсе не обречен повторить судьбу отца, хотя потенциальная возможность заложена в генах. Ведь свободная воля и человеческий разум способны направить потенциал в любую из сторон.

Радуясь, что обрел наконец свободу, он шагал по мосту, позволяя этой единственно верной реальности разрушить все остальные потенциальные возможности, которые рассыпались, словно костяшки домино, оставив лишь одну неразрешенную проблему — Рейчел.

Придя к месту назначенного свидания, Грей увидел во внутреннем дворике Рейчел. И замер, потрясенный ее красотой. Всякий раз она поражала его, словно он видел ее впервые. Высокая, длинноногая, с женственными линиями бедер, груди и шеи, с чарующей улыбкой. Глаза цвета карамели светились теплом.

Какой мужчина не пожелал бы провести с ней всю оставшуюся жизнь?

Грей решительно преодолел разделявшее их расстояние и протянул Рейчел руку.

В тот же миг ему вспомнилось предостережение Монка. Кажется, это было так давно! Монк пересчитал по пальцам грядущие испытания чувств: жена, ипотека, дети. Другими словами, реальность.

Отношения между людьми не могут вечно оставаться потенциальными, не могут застыть между любовью и нелюбовью. Эволюция не терпит подобной двойственности и непременно направит их в единственное русло. Именно это происходит сейчас с Греем.

Жена, ипотека, дети.

Грей знал ответ. Он готов ответить на вызов.

Любить или не любить. Волна или частица.

Грей взял в руки ладонь Рейчел и потянул любимую женщину к маленькому столику, заметив на нем тарелку с булочками и две темные кружки с кофе.

Рейчел всегда так предусмотрительна!

Усадив ее, он сел рядом.

Грей пристально смотрел ей в глаза. Ему не удалось скрыть грусть, прозвучавшую в голосе, но он уже принял твердое решение.

— Рейчел, нам нужно поговорить.

И вдруг он прочитал в ее взгляде то же самое — реальность. Две карьеры, два континента, два человека, которые пойдут отныне каждый своим путем.

Она сжала его пальцы:

— Я понимаю.

Отец Петр прислонился к косяку у́гольной двери, что вела в винный погреб отца-настоятеля, и посмотрел вслед журналисту. Дождавшись, когда посетитель скроется, он вздохнул.

Приятный молодой человек, но такой таинственный...

Впереди у бедного юноши немало испытаний.

Такова земная жизнь.

Раздалось мяуканье. Тощая полосатая кошка, задрав хвост, терлась о ноги священника, вопросительно глядя на него снизу вверх. Одна из найденышей отца Варика, а теперь и его подопечная. Отец Петр поставил на камень блюдце с остатками пищи. Бродяжка последний раз потерлась о его ноги и принялась за еду.

Священник, стоя в лучах солнца, любовался рекой. Вдруг он заметил лежащий на земле маленький комочек пестрых перьев — воробья со сломанной шеей. Одно из многочисленных подношений от благодарных четвероногих сирот.

Покачав головой, отец Петр взял в ладони безжизненное тельце, поднес к губам и подул. Перышки взъерошились, задрожали крылышки, и птичка вдруг ожила. Воробей выпорхнул из ладоней священника, стрелой взлетел вверх и заплясал в небе.

Петр проследил за полетом, пытаясь прочитать в воздухе начертанные птичкой невидимые знаки. Потом потер ладони и потянулся.

Жизнь навсегда останется чудесной загадкой.

Даже для него.

Заметки автора

ИСТИНА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

Благодарю читателей за то, что сопровождали меня в этом новом путешествии. Как обычно, я хочу отнять у вас немного времени, чтобы *разобрать* роман, открыть, где заканчивается наука и начинается вымысел.

Начну с менее важного.

УППОНИР действительно разработаны протезы конечностей с использованием революционных технологий (правда, не думаю, чтобы они добавляли взрывчатку в состав своей пластмассы).

В Стэнфордском университете создали линию химерных мышей, чей мозг, подобно укуфе из книги, содержит нервные клетки человека. Сейчас ученые работают над тем, чтобы получить мышей, чей мозг на сто процентов будет состоять из человеческих нейронов.

В 2004 году в Германии родился мальчик с мутацией гена, отвечающего за синтез миостатина, что привело к явлению, названному «двойные мускулы»: большой физической силе и повышенному тонусу мышц. Может быть, это первый рожденный естественным путем рыцарь Короля-солнца?

В 1998 году далеко в Гималаях была открыта мифическая Шангри-Ла, оазис журчащих вод и густых лесов, затерянный среди снежных пиков. Что еще может скрываться среди белоснежных вершин?

Теперь о более сложных идеях.

Как уже говорилось в начале книги, Колокол существует в реальности, подтверждая старую истину: жизнь зачастую превосходит самый дерзкий вымысел. Нацисты создали загадочное устройство, горючим для которого служило неизвестное вещество под названием ксерум-525. О его действии известно только то, что работавшие с ним ученые заболели неизвестной болезнью, поразившей и людей, живших в ближайших деревнях. После окончания войны Колокол исчез, всех ученых уничтожили, и по сей день все, что с ним связано, скрыто завесой тайны. Если вы захотите узнать больше об этом загадочном периоде истории, о послевоенной гонке, затеянной союзниками с целью захвата нацистских технологий, и о достижениях немецких ученых в области квантовых исследований, я рекомендую вам книгу, ставшую моей Библией на время работы над романом: «Охота за точкой "зеро"» Ника Кука.

В своем романе я уделил немало внимания Генриху Гиммлеру и его приверженности оккультизму, его поискам родины арийской расы в Гималаях. Все написанное основано на реальных фактах, и даже Черный Камелот Гиммлера в Вевельсбурге существует и поныне. Для получения дополнительной информации рекомендую вам книги Кристофера Хайла «Крестовый поход Гиммлера» и Питера Левенда «Несвященный союз».

Центральную линию романа помогла построить книга «Квантовая эволюция» Джонджо Макфаддена. В ней вы найдете настоящий научный трактат о квантовой механике и ее возможном влиянии на мутационный процесс и эволюцию. Она также касается эволюции разума — проблемы, которой я лишь вскользь коснулся в своем романе. Для глубокого анализа этих тем я настоятельно рекомендую обзавестись экземпляром этой книги.

Финальные страницы романа затрагивают проблему выбора: что нам ближе — акт разумного творения или процесс

эволюции? Надеюсь, роман дает ответ на все поставленные в нем вопросы. И все же я твердо убежден, что бóльшая часть дискуссий сегодняшнего дня движется в неверном направлении. Вместо того чтобы упорно докапываться до ответа на вопрос, откуда мы взялись, необходимо все внимание обратить на более насущный: куда мы идем?

Нет более захватывающего занятия, чем поиск ответа на него.

БЛАГОДАРНОСТИ

Написание романа — вовсе не сидение один на один с чистым листом бумаги, а длительная совместная работа. На страницах этой книги оставили отпечатки пальцев множество людей.

Во-первых, позвольте выразить особую благодарность Пенни Хилл за продолжительные завтраки, вдумчивые комментарии, а самое главное — за дружбу. То же могу сказать и о Каролин Маккрей. Она и сейчас не дает мне покоя и активно убеждает не останавливаться на достигнутом. Затем имею честь поблагодарить моих друзей, с которыми регулярно встречался в ресторане «Кокос»: Стива и Джуди Прей, Криса Кроу, Ли Гарретта, Майкла Гэллоугласа, Дейва Мюррея, Дениса Грейсона, Дейва Мика, Джейн О'Рива, Дэна Нидлса, Зака Уоткинса и Каролину Уильямс — моих единомышленников и соучастников. Отдельный поклон Джо Конрату за его энергию, поддержку и подробное обсуждение некоторых тем романа и Дэвиду Сильвиану за то, что всюду таскал за собой камеру, даже на самую высокую вершину Сьерры.

Что касается книг, вдохновивших меня на написание «Черного ордена», не могу не упомянуть работ Ника Кука и захватывающего исследования Джонджо Макфаддена. Наконец, выражаю глубокую благодарность людям, помогавшим мне в издании книги: редактору Лайссе Кейш и ее коллеге Мэй Чен, агентам Рассу Гэлену и Дэнни Бэрору. И как всегда, в завершение считаю необходимым заявить, что лично несу ответственность за все возможные ошибки в фактах и деталях событий.

СОДЕРЖАНИЕ

Историческая справка 7
Научная справка 9
Пролог. 1945 13
Часть первая 29
Часть вторая 203
Часть третья 319
Эпилог 465
Заметки автора. ИСТИНА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ? 474
Благодарности 477

Литературно-художественное издание

Джеймс Роллинс

ЧЕРНЫЙ ОРДЕН

Ответственный редактор *Е. Гуляева*
Редактор *Н. Ващенкова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *К. Иванов*
Корректоры *Н. Тюрина, Л. Самойлова*
Иллюстрация на переплете *С. Шикин*

ООО «Издательский дом «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.
Тел./факс: (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 127299, Мәскеу, Клара Цеткин көшесі, 18/5 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru . E-mail: info@eksmo.ru.
Қазақстан Республикасындағы Өкілдігі: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы,
Домбровский көшесі, 3«а», Б литері, 1 кеңсе. Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92,
факс: 8 (727) 251 58 12 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Қазақстан Республикасының аумағында өнімдер бойынша шағымды Қазақстан
Республикасындағы Өкілдігі қабылдайды: «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3«а», Б литері, 1 кеңсе.
Өнімдердің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Подписано в печать 13.03.2013.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 30,0.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 3721.

Отпечатано в филиале "Тульская типография"
ОАО "Издательство "Высшая школа"
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-699-27395-9

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями
обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5.
Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: Филиал ООО «Торговый Дом «Эксмо» в Нижнем Новгороде, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону, пр-т Стачки, 243 «А». Тел. +7 (863) 305-09-12/13/14.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3. Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: **eksmo-nsk@yandex.ru**
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6. Тел./факс: (044) 498-15-70/71.
В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.
В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.
Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru
Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14 . E-mail: **imarket@eksmo-sale.ru**

От скованных льдом вершин Гималаев до узких улиц Копенгагена, от подземных лабораторий минувшего века до великолепных залов Смитсоновского института — повсюду разбросаны подсказки к разгадке великой тайны — тайны происхождения жизни, зашифрованной в древних рунах. А начинается все в затерянном в Тибете буддийском монастыре, где люди начинают гибнуть от непонятной болезни. В монастырь вылетает вертолет с врачами, и одновременно туда движется некий загадочный человек, которому отдан приказ уничтожить всех!

Новый супербестселлер, новые захватывающие приключения от автора «Пирамиды», «Амазонии» и «Песчаного дьявола».

ISBN 978-5-699-27395-9

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

Черный орден